

НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ УЗБЕКИСТАНА
им. МИРЗО УЛУГБЕКА

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ХОНДАМИРМИРЗА ГУЛОМОВ

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ С РОССИЕЙ
В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА**

Ташкент

Издательство «Фан» Академии наук Республики Узбекистан
2005

www.ziyouz.com kutubxonasi

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук, профессор Т.С. Саттаров
доктор исторических наук, профессор Е.А. Давидович

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Р.Г. Мукминова
доктор исторических наук, профессор Н.А. Абдурахимова

В монографии рассматриваются закономерности и направления развития межгосударственных отношений среднеазиатских ханств и России в XVIII — первой половине XIX в. Основное внимание уделяется роли дипломатических миссий Бухары, Хивы, Ташкента и Коканда в этом процессе. Содержание этих вопросов раскрывается на основе цивилизационного подхода.

Книга предназначена для научных работников, дипломатов, преподавателей вузов, аспирантов, студентов и всех, интересующихся проблемами дипломатических отношений Средней Азии и России.

ISBN 5-648-03260-9

© ИЗДАТЕЛЬСТВО “ФАН” АН РУз, 2005 г.

Средняя Азия и Россия: уроки истории

Представленная на суд читателей монография Х.Г. Гуломова, на наш взгляд, посвящена раскрытию одной из самых важных и в высшей степени интересных страниц отечественной дипломатической истории, а именно — проблеме становления и развития межгосударственных взаимоотношений среднеазиатских государств с Российской империей.

Значимость изучения этой проблемы определяется целым рядом соображений принципиального характера. Во-первых, отношения с Российской империей в XVIII-XIX столетиях оказали фундаментальное влияние на исторические судьбы всего центральноазиатского региона как в позитивном, так и в негативном аспектах. Однако для любого непредвзятого наблюдателя неоспоримым является факт глубины и долгосрочности весьма сложных и противоречивых исторических последствий взаимоотношений народов нашего региона с Россией как в политической, экономической, так и в духовно-культурной сферах жизни общества. Во-вторых, современная демократическая Россия относит всестороннее развитие традиционно тесных связей с государствами Центральной Азии в целом и с Узбекистаном в частности, к числу своих жизненно важных интересов, обусловленных целым рядом геополитических, военно-стратегических, экономических, идеологических, дипломатических и, наконец, гуманитарных факторов.

Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов в своих выступлениях и работах неоднократно подчёркивал, что ключевой вопрос во взаимоотношениях Узбекистана со странами СНГ — это развитие и укрепление равноправных отношений с суверенной Россией и опора на её потенциал. Эта важнейшая политическая констатация, безусловно, опира-

ется на реалистическое осознание той огромной роли, которую на протяжении многих столетий играла в прошлом и будет играть в будущем Россия в исторических судьбах центральноазиатского региона в целом и нашего государства в частности.

Для нас очень важно иметь в виду и следующее — главной чертой и особенностью исторического развития Российского государства было то, что с самого начала оно формировалось как государство смешанного этнокультурного и цивилизационного типа — как государство евразийское. В современной России постепенно возрождается к жизни исторический императив: необходимость взаимодействия народов, связанных культурно-историческими, цивилизационными связями. Но взаимодействие — уже на новой политической, экономической и идеологической основе. Поэтому несмотря на возможные конъюнктурные соображения и геополитические зигзаги в среде прозападно настроенной части российской политической элиты, никто никогда не сможет игнорировать того фундаментального по своей значимости факта, что будущее России как великой державы в той же степени связано с Востоком, как и с Западом. Это неизбежно предопределяет постоянный, исторически и геополитически обусловленный интерес России к нашему региону, что создает для независимого Узбекистана уникальную возможность, опираясь на него, строить долгосрочные и взаимовыгодные отношения с Россией на принципиально новой и прочной основе — на базе стратегического партнёрства.

Всё вышесказанное лишний раз подтверждает отнюдь не тривиальную истину о том, что для успешного развития узбекско-российских отношений необходимо иметь их серьёзную научную проработку, важно глубоко и объективно изучать истоки формирования восточной политики России и долгосрочные тенденции межгосударственных отношений узбекских ханств с Российской империей во всей их сложности и противоречивости. Именно поэтому я внимательно ознакомился с весьма интересной монографией Х.Г. Гулова, в значительной степени восполняющей существующий в нашей науке пробел в изучении данной тематики.

Автору удалось собрать и обобщить огромный фактический материал, затрагивающий практически все аспекты истории дипломатических отношений Российской империи с Бухарским эмиратом, Хивинским и Кокандским ханствами, Ташкентским государством за полтора века их развития.

Я полагаю, что особый интерес у читателей данной монографии вызовет тот факт, что в ней обстоятельно исследованы истоки формирования дипломатических отношений среднеазиатских государств и России, дан анализ их дальнейшего развития на протяжении XVIII и первой половины XIX столетия, раскрыты цель, задачи и последствия миссий и экспедиций, направленных из России в узбекские ханства, выявлены основные параметры геополитических интересов России в нашем регионе.

Автор сумел нарисовать достойную внимания, широко аргументированную картину истории дипломатических отношений России и Средней Азии, опираясь на очень богатый документальный материал.

Этот материал представляет значительный интерес не только для учёных, специалистов-международников, но и для практикующих дипломатов. Опыт дипломатической деятельности убедительно свидетельствует о том, что внешняя политика любого государства может быть успешной лишь в том случае, если она опирается на всё богатство исторических традиций в сфере внешнеполитической и дипломатической деятельности, выработанных, предусмотренных и сохраненных предшествующими поколениями. В этом плане мне представляется важным отметить, что Х.Г. Гуломовым проанализированы цели, задачи, состав многих посольств из Средней Азии в Россию и из России в узбекские ханства. Он привёл обширный материал о переговорах по актуальным проблемам для обеих сторон, показал их специфику на протяжении полутора веков обмена посольствами и, что очень важно для нас сегодня, дал характеристику наиболее выдающихся дипломатов среднеазиатских ханств, активно защищавших интересы своих стран.

Фактически в настоящей работе воссоздана важнейшая сторона истории узбекской дипломатии, опыт функциони-

рования которой представляется очень важным для нового поколения дипломатов независимого Узбекистана.

В заключение хотелось бы поздравить автора с тем, что итогом его многолетних исследований стала актуальная, интересная монография, которая, безусловно, найдёт своего благодарного читателя.

*Ректор Университета мировой
экономики и дипломатии С.С. САФАЕВ*

ВВЕДЕНИЕ

Один из результатов коренного обновления социально-экономической и духовной сфер жизни общества — это усилившийся в последние годы интерес к познанию отечественной истории, что обусловлено как стремлением оценить современное состояние нашего общества с помощью поиска глубинных истоков исторических процессов прошлого, так и попытками понять его, исходя из оценок общественных явлений и процессов, свидетелями которых мы являемся. С этой точки зрения особенно поучительны страницы истории, связанные со взаимоотношениями народов Узбекистана, Центральной Азии и в целом Востока с народами России, межгосударственные отношения, занимающие важное место в мировой истории.

После развала Союза Россия внезапно оказалась отделенной от многих стран Европы и Азии, с которыми традиционно имела общие границы, причем отделенной значительными пространственными территориями новых независимых государств — бывших советских республик. С географической точки зрения, это как бы исходные рубежи эпохи Петра I, что ставит перед Россией задачу выбора стратегии и тактики развития внутренней и внешней политики, путей взаимодействия с новыми государствами на ее границах.

Очевидно, что, оставаясь великой мировой державой, Россия, как и другие страны, имеет важные для нее глобальные и региональные геополитические интересы, скажем, в Центральной Азии. Как свидетельствует накопленный в международных отношениях исторический опыт, характер геополитических и военно-стратегических интересов мировых держав оказывается значительно более устойчивым и долговечным, чем идеологическая оболочка, в которую эти интересы могут облекаться. Несмотря на неизбеж-

ные и временные отклонения от прямой линии, обусловленные теми или иными конъюнктурными соображениями, в целом, коренные интересы этих держав придают их внешней политике более или менее преемственный характер.

В связи с этим значительный интерес для понимания природы развития отношений представляют цели внешней политики России по отношению к новым странам центральноазиатского региона, пути и методы их реализации. Очевидно, что в новой исторической обстановке в XXI в. только путь признания принципов демократии в области международных отношений, взаимоуважения и взаимовыгодного сотрудничества может являться перспективным и плодотворным.

В свою очередь перед новыми государствами Средней Азии и Казахстана стоят не менее сложные проблемы самоидентификации в постоянно меняющемся мире, проблемы формирования независимой государственности с самостоятельной внутренней и внешней политикой, исходящей из подлинных национальных интересов и учитывающей необходимость развития взаимовыгодных отношений как с Россией, так и с быстро развивающимися в экономическом плане соседями — Китаем, Индией, с обширным мусульманским миром и т.д.

Формирование новой структуры внешних отношений и потребность преодоления былой изолированности Центральной Азии в целом и Узбекистана, в частности от внешнего мира, ставят на повестку дня задачу концептуального переосмысления теоретических, методологических и практических подходов к исследованию международных отношений. Необходимость глубинного изучения отечественной истории неоднократно отмечалась как в трудах Президента Республики Узбекистан И. А. Каримова, так и в официальных государственных документах республики.

В докладе И. А. Каримова на IX сессии Олий Мажлиса второго созыва особо отмечены достижения Узбекистана во внешней политике: "Без всякого преувеличения можно утверждать, что наша страна приобрела за исторически ко-

роткий срок свое место..., свой самостоятельный голос в мировом сообществе... это не только результат глубоко продуманного и всесторонне взвешенного, твердого и независимого внешнеполитического курса, проводимого нашей страной с первых дней независимости. Это результат не только осуществления известных инициатив нашего государства по стабилизации и укреплению безопасности в регионе, но и признание международным сообществом тех позитивных серьезных изменений, которые имеют место в осуществлении в стране демократических и рыночных реформ" (1).

Очевидно, что взаимоотношения центральноазиатских государств с Россией в ближайшей перспективе будут играть важную, возможно, ключевую роль в решении многих международных проблем. Это обусловлено не только сложившимися тесными экономическими и политическими узами, не только схожестью протекающих сейчас экономических и общественно-политических процессов, но и тем впечатлением, которое наложила на этнопсихологический и культурный облик народов Центральной Азии и России многовековая история их взаимоотношений и взаимовлияния.

Разумеется, правильная оценка этих отношений во всей их полноте и развитии — весьма сложная задача, требующая привлечения как большого объема различных исторических документов, так и понимания сути происходящих исторических процессов и явлений. В настоящей работе мы стремимся решить более скромную и частную задачу.

Прежде всего следует хотя бы в общих чертах рассмотреть основные положения, на которых базировалась так называемая "восточная" политика России, обозначить, в какой мере внутренние процессы в российском обществе так же, как и процессы взаимодействия России с сопредельными странами сказывались на ее формировании и развитии.

В частности, существует вполне определенное мнение специалистов об особом характере внешней политики России в отношении стран Востока, основоположником которой является Петр I. По-видимому, по этой причине в ис-

торической литературе говорится о "восточной политике Петра I", как о комплексе задач и подходов к их решению.

Такая постановка вопроса, естественно, свидетельствует о каких-то существенных изменениях по сравнению с предыдущими этапами развития Российского государства. Даже если согласиться с нею, остается неясным — что же, собственно, изменилось? Очевидно, что политика не возникает мгновенно и на пустом месте. Нас интересуют истоки восточной политики Петра I, соотношение ее различных элементов, ее приоритеты, а также общие направления реализации на деле, в реальных взаимоотношениях России с восточными государствами.

Дело в том, что при всяком сколько-нибудь серьезном рассмотрении взаимоотношений России и среднеазиатских государств в XVIII — первой половине XIX вв. возникает вопрос о роли и месте в этих взаимоотношениях так называемых "экспедиций", посылавшихся в эти государства русским правительством. Хотя они никогда не носили сколько-нибудь регулярного характера и всегда имели более или менее определенные цели, само их появление может рассматриваться как новый "инструмент" в реализации внешнеполитических задач России в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах.

В настоящем исследовании речь пойдет не только об экспедициях А. Бековича-Черкасского, Карла Вердена, Д. Вильстера, походе отряда Д. Гладышева или абсурдном, на первый взгляд, походе казачьего войска Донского на реку Индус, или, наконец, обреченном на провал Хивинском походе В. Перовского в 1839 г. Эти экспедиции рассматривались в исторической литературе и ранее, но не было осуществлено сколько-нибудь комплексного их изучения в контексте взаимоотношений России и государств Средней Азии. Вместе с тем недоказанным является и то, что в этих экспедициях есть определенная общность, позволяющая трактовать их в неразрывной связи.

В данной монографии рассматривается также развитие посольских связей среднеазиатских государств с Россией в XVIII — первой половине XIX в., выявляется их роль в формировании торгово-экономических, политических и культурных отношений между народами России и Средней Азии,

уходящих корнями в глубокую древность. Материалы посольств содержат ценные сведения о характере внешнеполитического курса Бухары, Хивы, Коканда и России на различных этапах их развития, о причинах изменения этого курса в определенные годы, о внутренних и внешних факторах развития посольских связей и их особенностях.

Нельзя сказать, что эта проблема не затрагивалась в имеющейся научной литературе. Различным аспектам истории межгосударственных отношений среднеазиатских ханств и России в рассматриваемое время было посвящено немало работ. Так, участники дипломатических миссий не только оставляли описание своих поездок и протоколы переговоров, которые ныне являются ценными источниками, но и пытались исследовать результаты своих миссий. В частности, Е. Мейендорф (член экспедиции А. Негри в Бухарское ханство, 1820 г.), опубликовал в 1826 г. в Париже книгу "Путешествие из Оренбурга в Бухару" на французском языке (2). Она привлекла внимание широкого круга читателей как свод разнообразных сведений о Средней Азии и ее народах. Кроме личных наблюдений, Е. Мейендорф использовал сведения многих исторических произведений как среднеазиатских, так и европейских авторов, сообщения путешественников, побывавших в Средней Азии, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания о них в книге и разнообразные ссылки.

Наиболее ценной для нас является третья часть книги, в которой содержится материал о дипломатических взаимоотношениях Бухарского ханства с Россией и соседними государствами. Е. Мейендорф высказывает свое суждение о глубокой разнице, существовавшей в положении России по отношению к Западу и Востоку, высоко оценивает значение торговли в укреплении русско-бухарских политических связей.

С точки зрения нашей темы, — истории межгосударственных отношений среднеазиатских ханств и России — существенное значение имеет книга Н. Ханыкова, члена дипломатической миссии К. Бутенева в Бухару в 1842 г. В течение длительного времени работа Н. Ханыкова "Описание Бухарского ханства" (3) рассматривалась как своеобраз-

разная энциклопедия об истории и общественно-политическом устройстве Бухары. Автор дает в ней подробные сведения об административном устройстве ханства, внутренней и внешней торговле, финансах, ремесле и земледелии, делает ряд этнографических зарисовок, приводит сведения об основных городах ханства — Бухаре, Самарканде, Карши. Это был, по существу, первый на русском языке обобщающий труд о наиболее крупном и сильном государстве Средней Азии.

Кроме "Описания Бухарского ханства" Н. Ханыков подготовил несколько статей, базирующихся на его впечатлениях и наблюдениях, связанных с участием в бухарском посольстве. Наиболее крупная из них "О населении Киргизских степей, занимаемых Внутренней и Малой ордами" (4).

Изучение истории российско-хивинских отношений справедливо связывается с именем Г. Данилевского, возглавившего российское посольство в Хиву в 1842 г. Его "Описание Хивинского ханства" освещает топографические и этнографические особенности Хивинского ханства, религиозный состав и занятия населения, состояние сельского хозяйства и промышленного развития ханства, его внутренней и внешней торговли.

Современники Г. Данилевского высоко оценили достоинства его работы, с должным основанием сравнивая ее с "Описанием Бухарского ханства" Н. Ханыкова (5).

Большой фактический материал о Кокандском ханстве содержится в работе В. Наливкина (6), позволяющей понять характер правления кокандских ханов и их политику в отношении России.

Справочной книгой для историков, занимающихся исследованием отношений России со среднеазиатскими ханствами и казахскими жузами, является книга П. Рычкова "История Оренбургская" (7).

Среди исследователей можно назвать еще немало имен, с деятельностью которых было связано изучение среднеазиатских ханств и их внешней политики. Например, большой интерес представляют труды таких авторов, как А. Попов, А. Шепелев, С. Жуковский, Н. Веселовский, П. Небольсин, В. Вельяминов-Зернов и др. (8) В этих работах,

часть которых посвящена отдельным вопросам интересующей нас темы, был введен в научный оборот ранее не анализировавшийся материал о торговых и посольских связях обеих сторон. Хотя многие положения этих работ и исторический материал, на котором они основаны, не потеряли своего значения и в настоящее время, они требуют критического подхода. Многим из них присущ недостаток, который заключается в том, что отдельные стороны сложного исторического процесса субъективно преувеличиваются в ущерб остальным, не всем историческим фактам и явлениям уделяется должное внимание и дается адекватная оценка. Так, в научной литературе досоветского периода культивировалось представление о том, что среднеазиатские ханства в XVII — XVIII вв. интересовали русское государство якобы не сами по себе как крупные торговые центры, а лишь как "средство проникнуть в отдаленную Индию" (9), что во взаимоотношениях России с узбекскими ханствами инициатива исходила не от России, а от азиатских владетелей, что русское правительство играло в развитии экономических связей с ханствами пассивную роль (10). Считалось, что русские цари, отправляя посольства в среднеазиатские ханства, преследовали две основные цели — выкуп русских пленных и выяснение наиболее удобных торговых путей в Индию (11).

Эти ошибочные представления уже оспаривались некоторыми современниками. Так, В. Григорьев отмечал, что главной целью русских посольств было "стремление обеспечить русскому купечеству, забиравшемуся в Среднюю Азию, те же права и удобства, какими пользовались среднеазиатские торговцы в России". Другой целью посольств было "приобретение верных сведений о политическом положении тех стран, куда они отправлялись, так как на достоверность известий об этом предмете, получавшихся через торговцев оттуда, не всегда можно было полагаться" (12).

К недостаткам отдельных работ относится также чрезмерная описательность или отсутствие серьезного и разностороннего анализа фактического материала. Этим страдает, например, работа А. Попова, посвященная отношениям России со среднеазиатскими ханствами в период

правления Петра I (13). В той части, которая посвящена посольству Флорио Беневени, эта работа, хотя и содержит мелкие фактические неточности (например, разногласия с архивными данными в некоторых датах), в целом представляет собой вполне добротное изложение реляций, доносений и дневниковых записей российского посла. При этом важным для целей посольства событиям и обстоятельствам уделяется примерно столько же внимания, сколько второстепенным. Так, автор указывает, что причиной отправки посольства Ф. Беневени послужила экспедиция А. Бековича-Черкасского. При изложении инструкции Петра I посланнику, А. Попов пишет о трех целях посольства — политической, торговой (здесь им выделяется мысль о поиске торговых путей в Индию) и поиске золотых месторождений. Автор не дает серьезного анализа инструкции, не делает выводов о том, чего в конечном счете добилось посольство, в какой мере оно выполнило задачи, поставленные в инструкции, каково историческое значение и место этого посольства в восточной политике России.

Только в результате анализа обширного документального материала в трудах ученых советского периода А. Чулошникова, М. Фехнер, М.Юлдашева, Х. Зияева, Н. Халфина, Н. Байковой (14) и др. было доказано, что отношение к среднеазиатским ханствам со стороны России рассматривалось как вполне самостоятельная задача, что инициатива обмена посольствами исходила от обеих сторон и основной задачей посольств было ведение торговых дел. Так, Н. Байкова отмечала, что "основательное знание среднеазиатских рынков Хивы и Бухары, на которых русские купцы, несомненно, встречались с индийским купечеством, указало русскому правительству более удобный, привычный для индийцев путь через Астрахань, Каспийское море и Иран" (15). Лишь во второй половине XVIII в., по мере проникновения России в Среднюю Азию и после основания Оренбурга, приобретающего все большее значение не только как узел связи со среднеазиатскими ханствами, но и как транзитный пункт русско-индийской торговли по новому направлению (через территорию ханств), традици-

онные южные пути, по которым задолго до этого велась русско-индийская торговля, утратили свое значение.

В работе М. Юлдашева на основе архивных материалов освещаются экономические и политические связи Средней Азии и России в XVI — XVII вв. и делается вывод о том, что они были более постоянными и взаимовыгодными, чем это представляли некоторые авторы досоветского периода. Немаловажную роль играла взаимная заинтересованность в обмене и торговле продукцией земледелия, промышленности и скотоводства.

В трудах Х. Зияева обстоятельно исследована история торговых отношений между Россией и ханствами Средней Азии; выявлены основные исторические этапы экономического сотрудничества и прослежена динамика его развития.

Важные документальные материалы о взаимоотношениях России с узбекскими ханствами были введены в научный оборот и проанализированы Н. Халфиным в работе "Россия и ханства Средней Азии", посвященной политико-дипломатическим проблемам первой половины XIX в. Приведенные автором документы свидетельствуют о том, что экономические связи, их поддержка, расширение, развитие были предметом едва ли не важнейших забот дипломатов и составляли существенную часть политики Петербурга и Средней Азии.

Обширные и обстоятельные документальные материалы по истории становления и развития российско-среднеазиатских дипломатических и торговых отношений содержатся и в трудах Н. Аполловой, М. Рожковой, Г. Михалевой (16) и др.

В последние годы появились новые, значительно дополненные и переработанные издания "Истории Узбекистана", "Истории Казахстана", "Истории Таджикистана", "Истории России", в которых обобщены результаты многих исследований, в том числе и по интересующей нас проблеме. Во всех этих работах содержится немало интересного материала, способствующего правильному освещению избранной нами темы. И хотя в них не ставятся те вопросы, которые мы актуализируем, они, безусловно, послужили опорой для настоящего исследования.

Документальной базой настоящей работы явились нарративные материалы, сочинения мусульманских авторов, документы государственных архивов, а также публикации источников и мемуарная литература.

Следует прежде всего выделить труды мусульманских авторов — "Мукимханская история" Мухаммада Юсуфа Мунши, "Убайдулла-намэ" Мир Мухаммад Амина Бухари, "История Абулфейз-хана" Абдуррахмана Тали (17) и др.

Важные исторические сведения об истории Средней Азии, в частности Бухарского ханства, о политических взаимоотношениях Бухары с Индией, Ираном, Турцией, Кашгаром и другими странами содержит "Тарих-и Мукимхани". Значительный интерес представляет содержащийся в этом источнике материал о хивинско-бухарских отношениях второй половины XVII в., о посольских связях Бухары, о письмах и посланиях балхского хана Абд ал-Мумина к турецкому султану Мураду III, правителя Индии Аурангзеба и турецкого султана Ахмеда II к Субханкули-хану. Эти сведения важны и интересны для изучения внешнеполитического курса этих стран.

Книга "Убайдулла-намэ" представляет собой подробное обозрение политических событий в Бухарском ханстве в правление Убайдуллы-хана (1702 — 1711 гг.). В ней подробно описывается его деятельность, направленная на укрепление Бухарского ханства, пресечение сепаратистских действий узбекских племен и военно-кочевой знати; повествуется о дворцовых интригах и самочинстве фаворитов самого хана, губительно повлиявших впоследствии на экономическую и политическую жизнь ханства. Экономические меры, которые пытался провести в жизнь Убайдулла-хан для укрепления государственной казны, не привели к ожидаемым результатам, сам он стал жертвой заговора эмиров в 1711 г.

"История Абулфейз-хана" является своего рода естественным продолжением "Убайдулла-намэ". Она начинается с описания убийства Убайдуллы-хана, ограбления его дворца и гарема и повествует о политической истории Бухарского ханства в период правления его брата — Абулфейз-хана (1711 — 1747). Абдуррахман Тали дает картину полнейшего развала и запустения ханства, непрекраща-

ющихся междоусобиц и крайнего бесправия обнищавших масс. Работа содержит подробные сведения о политических событиях того времени, дворцовых интригах, группировках узбекской знати, образовании независимого Самаркандского ханства во главе с Раджаб-ханом, просуществовавшего с 1722 по 1731 гг.; о взаимоотношениях Бухары с Хивой, что делает ее ценным историческим источником.

Указанные письменные источники использовались нами при рассмотрении социально-экономического положения среднеазиатских ханств и при анализе деятельности отдельных посольств.

Много интересного о межгосударственных отношениях России и среднеазиатских государств дают богатейшие фонды Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) и Архива внешней политики России (АВПР).

Документы фонда "Сношения России с Бухарой" в ЦГАДА относятся к периоду до преобразования бывшего Посольского Приказа в Коллегию иностранных дел в 1719 г. Здесь хранятся сведения о посольствах Топчи-баши и Флорио Беневени, верительные грамоты послов, описи подарков, указы Петра I и распоряжения канцлера относительно российско-среднеазиатских отношений, инструкции Петра I, адресованные Ф. Беневени.

Значительная часть реляций Ф. Беневени и дневник его пребывания в Хиве приведены в известной работе А. Попова. В связи с ее доступностью, при необходимости, мы давали ссылки на приложения к этой работе.

В фонде "Сношения России с Бухарой" Архива внешней политики России содержится большое количество документов о среднеазиатских посольствах в Россию после двадцатых годов XVIII в.; донесения оренбургского генерал-губернатора о положении в среднеазиатских ханствах, материалы о результатах пребывания российских государственных чиновников, купцов и различных миссий и экспедиций в Средней Азии, проекты коллегии иностранных дел, разработанные в отношении ханств.

В АВПР была рассмотрена также документация Главного архива Министерства иностранных дел, политическо-

го архива, различных посольств и миссий в Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства, материалы "особых совещаний", "всеподданнейшие доклады", журналы Азиатского комитета.

Ценный материал о взаимоотношениях среднеазиатских ханств с Россией содержится в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО). В этом архиве мы изучали дела "Оренбургской губернской канцелярии" и "Оренбургской экспедиции пограничных дел", связанные с теми среднеазиатскими посольствами, путь которых в Россию проходил через Оренбург.

Мы использовали этот богатейший материал для рассмотрения хода и результатов бухарских, хивинских и кокандских посольств в Россию и при анализе межгосударственных отношений в XVIII — первой половине XIX в.

Значительная часть использованных документов впервые вводится в научный оборот.

Кроме того, мы воспользовались сборниками опубликованных документов, вышедшими в свет благодаря видным ученым-историографам — Б. Ахмедову и Б. Лунину (18).

В работе Б. Ахмедова рассматривается более пятидесяти ценных восточных рукописей XVI — начала XIX вв. исторического, мемуарного и биографического содержания, богатых разнообразными сведениями по истории Средней Азии, а также отчеты и путевые записи русских и иностранных послов. Мы старались почерпнуть из источников, приведенных в этой книге, сведения о государственном устройстве среднеазиатских ханств; об их политических и торговых взаимоотношениях с Россией.

Во втором разделе работы Б. Ахмедова приведено несколько очерков — сведений русских и иностранных послов по Средней Азии XVI — первой половины XVIII вв., содержащих уникальный фактический материал о взаимоотношениях Хивы, Бухары и Балха с Россией. Послы, являясь очевидцами многих событий, отстаивали, разумеется, точку зрения того государства, которое они представляли. Тем не менее в них содержится большой материал о той далекой эпохе. Он позволяет полнее реконструировать события прошлого.

Источники, собранные, воспроизведенные и прокомментированные в книге Б. Лунина, имеют большое научно-познавательное значение. Хотя некоторые из сведений и фактов не пропорциональны по отношению один к другому — одни достаточно пространны, другие скупы и отрывочны, порой не лишены неточностей или преувеличений, но в целом они воссоздают историю Средней Азии на протяжении нескольких веков. В центре внимания составителя находились данные, проливающие свет на историю накопления знаний по исторической географии, этнографии и социально-экономическому положению Узбекистана в XVI — первой половине XIX в.

Собственно политическая история среднеазиатских ханств, их внутренние и внешнеполитические события хорошо известны специалистам-историкам и по ранее вышедшим сборникам документов. В качестве примера можно указать на одну из первых такого рода сводных публикаций, и сейчас не потерявшую своего значения. Это изданные под редакцией академика А. Самойловича "Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР" (19). К сожалению, документов, относящихся к исследуемому нами периоду, очень мало. Это посольские письма хивинского посла Достек-Бахадура князю Б. Голицыну с сообщением проекта договорных статей соглашения с Московским государством; челобитные хивинских послов и грамоты Петра I хивинскому хану Шахниязу; ярлык бухарского хана об отправлении в Московское государство купцов для закупки товаров, необходимых хану и его двору и т.д.

Из других сборников документов укажем на "Материалы по истории казахских ханств XV — XVIII вв." (20), "Материалы по истории киргизов и Киргизии" (21), а также на сборник документов "Международные отношения в Центральной Азии в XVII — XVIII вв." (22).

Обращаем внимание читателя на то, что написание имен, титулов и географических названий в основном тексте соответствует принятому сегодня в исторической литературе Узбекистана и может отличаться от такового в цитируемых источниках.

ГЛАВА I

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ И РОССИИ

Предыстория становления восточной политики России

История взаимоотношений между Россией и народами Востока, в частности Центральной Азии, уходит своими корнями в глубокую древность и может быть прослежена документально до IX в. На протяжении всего раннего средневековья эти связи осуществлялись в определенном смысле опосредствованно, т.е. через посредство народов, кочевников и степняков, населявших, по образному выражению Л. Гумилева, "Великую степь" (1). Важно подчеркнуть при этом, что, как показал системный анализ, народы древней Руси и Великой степи находились в определенного рода симбиозе, сыгравшем большую роль в этногенезе великороссов.

Долгое время взаимоотношения Руси с Востоком играли в ее сношениях, да и во всей жизни более важную роль, чем таковые с западными государствами. Интересно, что интенсивность взаимоотношений в разных сферах получила характерное отражение в развитии русской дипломатии. Еще С. Жуковский писал: "Государственными соображениями и продолжительной практикой в посольском обиходе был выработан посольский церемониал, который носил в полном почти объеме азиатский характер" (2). При этом высшие государственные круги "усвоили их так основательно, что считали весь церемониал своим собственным и не отступали от его требований до Петра Великого, изменившего его на европейский манер... Однако, по мнению профессора Н. Веселовского, перемена эта не была столь существенна, чтобы общий характер прежнего посольского устава можно было признать поколебленным" (3).

Хотя между степняками и оседлым населением Руси военные столкновения были не редки, происходил довольно интенсивный процесс внедрения кочевого населения на русские земли и его закрепления здесь. Кроме того, часть знатных представителей половцев (кипчаков) переходила в православие, все чаще связи крепились дипломатическими и династийными браками, что говорит о том, что обе стороны имели стремление к укреплению взаимных уз и к добрососедству. Этот симбиоз, однако, был нарушен в XIII в. в результате завоевания Руси монголами.

Из раздробленной, занятой в значительной степени своими междоусобицами Руси монгольские войска ушли в 1242 г., даже не сделав попытки в ней закрепиться. Однако почти на долгие два века вопросы укрепления взаимоотношений с Золотой Ордой сделались для большинства русских княжеских домов делом первостепенной важности, так как от этого зависело не только их благополучие, но и само существование. Важно вместе с тем отметить, что в вопросах веры монголы были терпимы и не особенно вмешивались во внутренние дела княжеств.

Монгольское завоевание привело к установлению прямых связей по сути между Китаем, Индией и Западом; тем самым была создана альтернатива Великому шелковому пути мусульманского мира. "И члены семейства Поло, отец и дядя Марко, а потом и сам Марко были не единственными, кто достигал далекого Китая или Индии по бесконечным, но на удивление безопасным дорогам.

Нарушение этой связи следует отнести за счет огромного упадка в середине XIV в., ибо пришло в упадок все сразу, как на Западе, так и в монгольском Китае" (4).

Золотоордынский период, безусловно, оставил глубокий след в истории Руси. И дело не только в том, что ее территория рассматривалась как совокупность улусов империи монголов, не только в том, что князья — улусники должны были получать ярлыки на княжение в Золотой Орде, не только в жестком контроле над князьями и княжествами со стороны монгольских резидентов-баскаков, но и в том, что само течение политической и экономической жизни, т.е. и само общество, должно было приспособливаться к

порядкам, устанавливаемым верховным правителем — ордынским государством. Нет сомнений, что многие русские слова и выражения, имеющие тюркскую этимологию, являются артефактом этих времен.

Неудивительно поэтому, что административные порядки, заведенные в Золотой Орде, в определенной степени перенимались и в повседневной постановке управления делами внутри русских княжеств. Так, "княжеская власть в Твери и Москве обретала формы, четко ориентированные на взаимодействие с правительством Джучидов; стимулировалось и использование ордынских принципов организации власти и даже, возможно, подражание им" (5).

Вместе с тем это влияние отнюдь не было односторонним. Русские князья также играли активную роль в политической жизни Золотой Орды. Чем дальше, тем больше ордынское правительство передоверяло контроль над Русью князьям (это было обусловлено внутренней слабостью и нестабильностью в самой Орде), что особенно ярко проявилось во второй половине XIV в., когда великие князья активно начали вмешиваться в политическую борьбу между претендентами на верховную власть в Орде.

После падения Золотой Орды, которому в немалой степени способствовала централизаторская политика Темура и ближайших к нему темуридов, процесс становления и консолидации России, безусловно, ускоряется, хотя, по меньшей мере первоначально, сохранилось подчиненное положение великих князей по отношению к ханам Большой Орды и крымскому хану. С течением времени и усилением власти Московского государства эта подчиненность в основном становилась только номинальной. В. Трепалов отмечает, что с приобретением все большей независимости от Орды в политической практике Московского государства появляется такая принципиальная черта, как "дуализм" — использование одних политических аргументов и идеологических трактовок в отношениях с Западом, с Европой, и совершенно других — в отношениях с Востоком, с татарами.

В глазах русского населения и европейских монархов великий князь старался предстать христианским государем

"третьего Рима", православным наследником погибшей Византии. По отношению же к татарским служилым подданным и к соседним татарским ханам он с конца XV в. был уже не "улусником", а суверенным монархом, что определялось, в частности, терминологией дипломатической переписки: "брат", "великий князь Великого улуса", "Белый царь" (6).

XVI — XVII вв. могут быть охарактеризованы как период определенного рода синтеза национальных и восточных традиций в жизни государства. Исключение из сферы внешней политики татарского фактора отнюдь не привело к игнорированию восточной парадигмы управления. Продолжалось функционирование характерных для татарских ханств общественных структур, восточных государственных институтов, велика была роль татарских родов в формировании российского дворянства и т.д. Разумеется, с течением времени эти заимствования проявлялись лишь в опосредствованном виде, как, например, в случае великого князя — кесаря Ф. Ромодановского в период посольства Петра I, которое вполне лежит в русле заимствованных восточных традиций и сопоставимо с правлением в Москве великого князя всея Руси Симеона Бекбулатовича в период похода Ивана IV против крымского хана Девлет-Гирея.

Именно в этот период, когда вырабатывался своеобразный национальный государственный строй России, формировались государственные и общественные институты, этнопсихологический склад русского народа, сочетавшие в полной мере как европейские, так и восточные элементы. Складывался и фундамент восточной политики России, основные направления которой ярко демонстрирует период правления Петра I. Важно, однако, подчеркнуть, что восточная политика Петра I так же, как и основные направления восточной политики его потомков, основывались на фундаменте, сложившемся задолго до их появления на политической арене. Наряду с традиционными взаимоотношениями и взаимовлияниями с восточными народами, рассмотренными выше, необходимо также принимать во внимание и то новое в историческом процессе, что принесли с собой события XV и XVI вв. Начиная с середины XV в. в

истории человечества наступает особый период — эпоха географических открытий, которые принято называть Великими вследствие их исключительного значения для судеб Европы и всего мира.

Общие причины, побуждавшие европейцев к поиску новых торговых путей, хорошо известны. Они заключались не только в гигантском спросе в Европе на драгоценные металлы, пряности, слоновую кость и т. д., но и в быстром росте товарного производства в самой Европе, стремлении европейских купцов избавиться от обременительных услуг торговых посредников (например, завоевания Турции практически закрыли свободный доступ на Восток через Малую Азию и Сирию для европейцев), установить прямые связи со странами Азии, прежде всего с Индией и Китаем.

Соглашаясь с мнением историка Дж. Нидема, что движущей силой географических открытий являлось давление капиталистических городов Запада, Ф. Бродель отмечает: "Это не значит, что нужно утверждать, что именно деньги, капитал создали океанское мореплавание. Напротив: в то время Китай и мусульманские страны были обществами богатыми, имевшими то, что мы сегодня назвали бы колониями. Рядом с ними Запад был еще пролетариатом. Но важно было напряжение в течении длительной временной протяженности, которое начиная с XIII в. подняло его материальную жизнь и трансформировало всю психологию западного мира. То, что историки называли жадностью золота, или жадностью увидеть мир, или жадностью пряностей, в области техники сопровождалось постоянными поисками новшеств и их утилитарного приложения, т. е. использования на пользу людям ради того, чтобы обеспечить как облегчение их усилий, так и большую их эффективность. Накопление практических открытий, свидетельствовавших о сознательной воле к овладению миром, возросший интерес ко всему, что представляет источник жизни, дали Европе задолго до окончательного успеха ее подлинный облик и предпосылки ее превосходства" (7).

Великие географические открытия привели к изменениям и в экономической, и в социально-политической, и в научно-технической сферах жизни общества того времени.

Они способствовали тому, что торговля приобрела поистине мировой характер, существенно возросло и количество находившихся в обращении товаров, основные торговые пути между Азией и Европой сместились из Средиземноморья в Атлантику, началось падение значения Великого шелкового пути по обширным просторам Азии, существенно усилилась торговая конкуренция не только между отдельными купцами и их компаниями, но и между разными странами. Вопросы доступа и доминирования на торговых путях стали делом государственной важности, непременным условием процветания страны, так как только в этом случае обеспечивался выход к дешевым заморским товарам и сырью, к рынкам сбыта.

Во внешней политике государств вопросы торговых и экономических отношений приобрели первостепенное значение. Борьба за торговлю и торговые пути вылилась в политику безудержной экспансии за счет слабых соседей и партнеров.

В историческом контексте она приобретала характер очень сложных процессов, которые ни в коем случае нельзя трактовать упрощенно. Создавались союзы, диктуемые условиями сложившейся обстановки в международной торговле, союзы, которые иногда были долговременными, но чаще — недолгими. В любом случае была сторона, которая пыталась установить монополию, и сторона, которая против этой монополии боролась. Конечный успех того или иного государства складывался из тысяч "мелочей" и подготавливался десятилетиями и столетиями упорной борьбы, в которой начиная с XVI в. появляется новый фактор — развитие науки и техники. Впервые он проявил себя в эпоху Великих географических открытий, которые и сами по себе стали возможными благодаря новым техническим изобретениям в области судостроения и чем дальше, тем больше определяли ход истории. Справедливо утверждение, что возникновение современной, в широком смысле слова, науки и техники — "первое после осевого времени действительно новое свершение духовного и материального характера" (8).

Первоначально плодами открытия новых земель в наибольшей степени пользовались Испания и Португалия, куда буквально хлынул поток товаров и драгоценных металлов

из-за моря. Однако деньги не задерживались в этих государствах, а перераспределялись по всей Европе, перетекали в центры производства и торговли. Описывая заокеанскую торговлю в это время, Ф. Бродель пишет: "Ожидание европейских изделий, предназначенных для Индии, составляло одну из главных забот севильцев в момент отправки флота... Следовательно, вовсе не она одна (имеется в виду Испания) оживляла крупномасштабное движение через океан: ей помогала Европа, которая потребует своей доли благ по возвращении флота" (9).

Основными производителями промышленных товаров в это время в Европе являлись Нидерланды и Англия. Они не удовлетворялись той ролью, которую играли в международной торговле, и были заинтересованы в прямом выходе на международные торговые пути, что неизбежно вело их к борьбе с "истинными хранителями католической веры". На рубеже XVI и XVII вв. инициатива освоения новых земель постепенно переходит к Нидерландам и Англии.

Пристальное внимание борьбе за торговые пути уделяла Турция. В сочинении об открытии Америки, написанном для султана в 1580 г., отмечалась опасность для исламского мира роста торговых связей, вызванного утверждением европейцев в Америке, Индии и Персидском заливе. В этой связи была предложена идея строительства канала из Средиземного моря к Суэцу, что позволило бы сосредоточить в Суэце большой флот и с его помощью захватить морские порты в Индии, дабы "изгнать неверных и принести драгоценные товары из тех мест в нашу богохранимую столицу" (10).

Московское государство активно вступило в борьбу за доступ к международным и торговым путям в период правления Ивана IV, причем как на западе (за побережье Балтики), так и на Востоке (за Каспий и Закавказье). После первоначальных успехов в Ливонской войне Россия попала в сложное положение в войне с коалицией западных стран, что вынудило ее искать союзников и ввязаться в дипломатические переговоры с рядом государств.

Интересна с этой точки зрения история дипломатических отношений Ивана IV с Елизаветой Английской. Когда

в ходе Ливонской войны выяснилась враждебность Габсбургов (испанского короля и германского императора) к России и к Англии, Иван IV в 1567 г. обратился к Елизавете с предложением заключить русско-английский союз. В 1568 г. для обсуждения этого предложения в Москву был направлен английский посол Т. Рандольф. В инструкции Т. Рандольфа, составленной ближайшим сподвижником королевы лордом Берли — сторонником "осторожной" линии во внешней политике Англии, указывалось, что он должен удовлетворить царя "благопотребными речами" и не давать повода для заключения наступательного или оборонительного союза.

Тем не менее Ивану IV, по-видимому, удалось убедить Т. Рандольфа, который вернулся в Англию вместе с русским посланником Совиным и конкретными предложениями царя, которые для Англии оказались неприемлемыми. Кстати, обращает на себя внимание неуверенность Ивана IV в стабильности своего положения — в условия союза с Елизаветой он предлагал внести взаимную гарантию права убежища, на что Елизавета "односторонне обещала царю прием в Англии, если он будет вынужден покинуть Русь" (11).

Вопрос о союзе с Англией встал перед Иваном IV и в начале 80-х гг. XVI в. на пороге окончания Ливонской войны. Страна находилась в очень сложном положении — поражение в войне с Польшей Стефана Батория и неудачи со Швецией привели к утрате всех русских приобретений на Балтике. После потери Нарвы, когда торговля с Западной Европой опять пошла через Северный Ледовитый океан, датский король Фридрих II практически объявил морскую войну торговым судам России и других стран, плывущим вдоль побережья Норвегии. Проявляли враждебность к России Германия и Испания. Внешнеполитические неудачи дополнялись внутренними проблемами — участились выступления против царя внутри страны, особенно после церковного собора 1580 г., когда было принято решение об ограничении церковного землевладения. Рассматривая военные неудачи как временные, Иван IV готовился к возобновлению войны и активно искал союзников в Европе. Положение Англии в международном плане было сходным во

многих отношениях с положением России, и это давало идеям Ивана IV о союзе с Англией надежду на реализацию.

В 1580 г. Иван IV отправил к Елизавете Д. Горсея с тайными грамотами, содержащими предложения о военном союзе. Д. Горсей являлся торговым агентом Англии в России и пользовался большим доверием царя. В 1582 г., сразу же после подписания Запольского мира с Польшей, в Англию было направлено посольство Федора Писемского. Ознакомление с материалами посольства (12) показывает, что идея союза с Англией приобрела для Ивана IV еще большую привлекательность, чем раньше — Иван IV предлагал скрепить союз династийным браком и сватался к родственнице Елизаветы графине Мэри Гастингс. Предложение царя о военном союзе дополнялось идеями о взаимной помощи людьми, казною и военными припасами, о недопущении какой-либо помощи врагам обоих государей, о создании торговых привилегий и т.д.

Позиция Англии в этом вопросе, как и ранее, была двойственной. С одной стороны, Россия не могла оказать какой-либо действенной помощи Англии в ее борьбе с главным врагом — Испанией. С другой — Англия была заинтересована в торговле с Россией, а английские купцы боролись с купцами Германии, Франции и Дании, стремясь усилить свои позиции в Москве. Поэтому Елизаветой были отвергнуты те предложения Ивана IV, которые были для него наиболее важными, и в свою очередь выдвинуты предложения, которые являлись неприемлемыми для России — например, о предоставлении английским купцам торговой монополии в России.

В 1583 г. в Москву был направлен английский посол Д. Баус, который, кроме передачи Ивану IV ответных предложений Елизаветы, имел миссию посредничать в русско-шведских переговорах. Оговорки и предложения Елизаветы, по сути дела, определяли отказ Англии от военного союза с Россией.

На рубеже XV — XVI вв. на обширных пространствах Евразии вначале медленно, а затем все более заметно изменялось направление движения народов. Кочевые народы, которые на протяжении почти трех веков выплескивались в

Европу, теперь двинулись на восток, привлекаемые внутренней слабостью далекой Китайской империи. Это произошло в начале XV в., когда ногаи переправились через Волгу в восточном направлении. Важнейшими эпизодами этого движения стали вторжение Шейбани-хана в Среднюю Азию и Мовароуннахр (и обусловленное этим вторжением завоевание Северной Индии Бабуром), а также маньчжурское завоевание Китая, в результате которого потомки Нурхаци утвердились на императорском троне в Пекине, положив начало династии Цин.

В связи с этим изменением направления движения народов Ф. Бродель писал: "В итоге Европа на Западе вздохнула с облегчением. Если русские взяли в 1552 и 1556 гг. Казань и Астрахань, то произошло это не только благодаря пороху и пищалям. Наметилось ослабление давления кочевников на юге России и это облегчило продвижение русских в черноземные области Поволжья, Дона и Днестра. При этом древняя Московия теряла часть своих крестьян, которые бежали из-под тяжелой власти господ. А на эти покинутые земли в свою очередь приходили крестьяне из Прибалтики и Польши... В общем, это своего рода эстафета" (13).

Следует отметить, что одной из важнейших причин этого ослабления давления на Русь был ход исторических процессов конца XIV в., главным действующим лицом которых был Амир Темур. Именно его борьба против Тохтамыша привела к падению Золотой Орды, что решающим образом сказалось на последующей судьбе Руси. Говоря об этом, Л. Гумилев отмечал: "Не отвращенная, да и неотвратимая, война, начавшись в 1383 г., тянулась 15 лет. Тохтамыш после поражения пропал без вести... Воины обеих сторон проявили подлинный героизм, превзойдя мужество литовских, польских и немецких рыцарей, с коими столкнулись в 1399 г. А выиграла в этой резне Русь, получившая возможность превратиться в Россию" (14).

В XV в. проявляется внутренняя слабость блестящего государства, созданного талантами и трудами эмира Темура на территории Магатайского улуса. Очень скоро после смерти Темура, последовавшей в 1405 г., на территории Мовароуннахра возник ряд почти независимых владений,

тесно связанных между собой экономическими и этнокультурными связями, постоянно прерывавшимися в результате борьбы за власть. В конце XV в. раздробленностью Средней Азии воспользовался Мухаммад Шейбани-хан, объединивший под своей властью кочевые племена Дашти-и-Кипчака.

Что касается внутренней слабости Минского Китая, проявившейся в XV в., она выразилась и в том, что Китай в середине века резко сократил свои морские экспедиции. Обладая гигантскими джонками с экипажами до тысячи человек и благодаря применению с XI в. компаса, китайские эскадры доминировали не только в Южно-Китайском море, но и совершали экспедиции в Индонезию, Индию, Аравию, достигали побережья Африки. Так, седьмая экспедиция под командованием евнуха Чисен Хэ — мусульманина из Юньани, начавшись в Нанкине в 1431 г., в начале 1433 г. высадила в Ормузе китайского посла, мусульманина, который должен был добраться до Мекки. Китай, казалось бы, лучше других стран был подготовлен к открытию морских путей в Европу, однако перед ним встала более важная в тот момент задача противостояния возродившейся угрозе со стороны кочевников севера и благоприятный шанс был навсегда упущен (15).

Движение кочевых народов на Восток оставляло позади себя целый ряд государственных образований, многие из которых существовали недолго, но двум из этих государств на стыке Европы и Азии — Османской Турции и Московскому государству, суждено было превратиться в мировые державы, взаимоотношения которых наложили отпечаток не только на их собственную историю, но и на историю Центральной Азии. Более того, на длительное время взаимоотношения с Турцией стали одним из стержневых элементов восточной политики России.

Если представить исторические циклы движения кочевой степи в виде приливов и отливов, то уникальность истории русского народа заключалась в том, что фаза отлива для кочевой степи совпадала с эпохой возвышения Москвы, как центра кристаллизации русской национальной государственности; возможно, дернее было бы даже сказать,

что это совпадение фаз явилось одним из существенных оснований, на которых возникла новая Россия.

Впервые истории России и Османского государств пересеклись в конце XIV в. следующим довольно курьезным образом. Претендент на византийский престол Иоанн Кантакузин привлек в качестве союзника Орхан-бей — сына основателя Османского государства. Османские войска сыграли большую роль в воцарении нового василевса, который расплатился с ними средствами, пожертвованными на ремонт храма св. Софии в Константинополе наследником Ивана Калиты, великим князем московским Симеоном Гордым (16).

К началу XVI в. Турция превратилась в главный внешний рынок России (17). Это объяснялось не только гигантской протяженностью Турции, не только тем, что ее территория имела прямые выходы к рынкам Средиземноморья, к Красному и Черному морям. Последнее, практически, являлось внутренним озером империи. Турция имела выходы к рынкам Персии и всего Востока. Вместе с тем существовали и традиционные связи России со старой Византией, с безопасными, налаженными и удобными торговыми маршрутами по долине Дона и по Азовскому морю. Здесь товары перегружались на турецкие корабли, которые одни плавали на Черном море. Наличие значительной торговли вызвало к жизни регулярную службу почтовой и конной связи между Крымом и Москвой, которая нарушалась только в связи с крупными политическими неурядицами между двумя государствами. Торговля эта была очень выгодна для Турции, так как не только позволяла снабжать рядом необходимых товаров, например, быстро растущий Стамбул, но и получать посреднические прибыли турецким и татарским купцам. Она была выгодна и России.

Завоевание Российским государством Казанского и Астраханского ханств, присоединение земель кабардинского народа открыло для России выход к Каспийскому морю и Закавказью, дало возможность для непосредственного общения с ханствами Средней Азии и Ираном. Это позволяло России обойтись без посредников в выгодной восточной торговле, идущей через Астрахань и Закавказье, что приве-

ло к быстрому росту товарооборота с этими регионами. Более того, в будущем это позволяло России самой выступать в качестве посредника торговли этих государств с Европой. В перспективе же она намеревалась контролировать экономические связи европейских государств со странами Каспийского региона, всей Средней Азии, Ирана и той части индийской и китайской торговли, которая шла по древнему шелковому пути. Кроме того, по территории Ирана и Закавказья пролегал путь перевоза в Европу азиатского шелка-сырца, на контроль за которым претендовала Турция.

К этому же времени относится начало переговоров Турции с Францией и Англией, в результате которых эти страны получили у Турции значительные привилегии и льготы в левантской торговле. Вскоре на Ближнем Востоке началась конкуренция между французскими и английскими купцами, перешедшая в открытую борьбу за экономическое и политическое влияние в Османской империи (18).

Понимание принципиальной достижимости установления влияния на Востоке у современников описываемых событий существовало. В середине XVI в. в Москве была создана английская московская торговая компания, которая ставила целью обойти с тыла торговлю пряностями по Индийскому океану, пересекая "русский перешеек" с севера на юг" (19). И действительно уже в 1555 г. англичане добрались до рынков Ирана, сойдя с кораблей в Архангельске. Однако опыт показал, что задача была не легкой в реализации. Но мысль эта будоражила умы в Лондоне и в середине XVIII в.: лелеялась надежда, высадившись во вновь приобретенных Россией балтийских портах, пересечь Россию, достигнуть Индийского океана и составить конкуренцию голландским кораблям. Более того, для реализации этой цели "около 40-х годов XVIII в. им удалось обосноваться на берегах Каспия, но необходимое царское разрешение, данное в 1732 г., было у них отнято в 1746 г.(20). Фактическое вступление России в борьбу за мировые торговые пути, идущие через Каспий, Иран и Закавказье, не могло оставить равнодушной Турцию, которая к этому времени уже приобрела статус мировой державы и приближалась к пику сво-

его могущества. Вплоть до этого момента интересы России и Турции, в общем и целом, не пересекались сколько-нибудь значительным образом, взаимоотношения были вполне дружественными, происходил, хотя и нерегулярный, обмен посольствами, были установлены более или менее постоянные межгосударственные контакты (21).

В 1569 г. Турция совместно с вассальным Крымским ханством предприняла попытку вооруженным путем захватить Астрахань. Подробно поход анализировался в работе Н. Садикова (22), который издал в качестве приложения к своей работе заметки С. Нальцева, бывшего очевидцем похода. Войско численностью в 60 тыс. человек выступило из Крыма в Азов и затем по Дону поднялось до Переволок, где предполагалось прорыть канал между Доном и Волгой, чтобы водным путем добраться до Астрахани. В составе войска было более 5 тыс. янычар и турецкая осадная артиллерия. Командовал походом кафинский паша Касим. Проводниками являлись рязанские казаки Колман и Ширей, которые ранее (в 1568 г.) были посланы из Москвы в Кафу к Касим-паше, чтобы склонить его к дружбе и служению московскому царю за жалование, но не преуспели в этом и были задержаны.

В это время в Крыму находился русский посол Афанасий Нагой, пробывший здесь безвыездно 10 лет. Находясь при дворе хана, Нагой пристально наблюдал за крымской политикой и извещал обо всем происходившем Ивана IV через гонцов. В Москву систематически доставлялись его "отписки" относительно закулисной стороны турецко-крымских и крымско-турецких отношений. А. Нагой весьма добросовестно выполнял строгий наказ царя — сделавшись при дворе хана "своим" человеком, удерживать крымского хана от враждебных по отношению к Москве действий. Несмотря на строгий режим пребывания, установленный для него ханом, ему удалось узнать многое и на многих повлиять, пока в 1573 г. он не был выслан ханом из Крыма (23).

Поход, как известно, окончился неудачей. Причин этому было много, в частности двойственная позиция крымского хана Девлет-Гирея, который, по-видимому, опасался прямого перехода Астрахани под власть султана (24).

Несмотря на неудачу похода, он весьма встревожил Ивана IV. Будучи занят тяжелой войной в Литве и Ливонии, московский царь не имел возможностей ввязываться еще в одну войну на юге. С целью достижения договоренности в Стамбул было направлено в январе 1570 г. посольство Ивана Новосильцева (25).

В своей грамоте султану Иван IV предлагал восстановить прежние дружественные отношения между Турцией и Московским государством.

Необходимо отметить, что Турция была в это время занята решением не менее важных для нее внешнеполитических задач на Западе и в Иране. Именно этим, а также и тем, по-видимому, что Турция считала существование Крымского ханства достаточной гарантией сдерживания Москвы, можно объяснить то, что миссия И. Новосильцева увенчалась успехом.

В ответной грамоте султан Селим II отказывался от претензий на Астрахань, но требовал открыть астраханскую дорогу для мусульман-паломников, направляющихся на хадж в Мекку, отпустить задержанных Иваном IV крымских послов и снести русскую крепость на Тереке.

Кстати, надежды Турции на лояльность к ней Крыма, как показали дальнейшие события, имели веские основания. Уже в 1571 г., сразу по возвращении русского посольства, Девлет-Гирей совершил большой поход на Москву и разграбил ее.

Вопрос же о пропуске мусульманских паломников из Средней Азии в Мекку был предметом неоднократных переговоров между Турцией и Москвой. Поскольку в Бухаре так же, как и в Турции государственной религией являлся суннизм, Стамбул оказывал ей свое покровительство. Ряд документальных данных свидетельствует о попытках совместных действий шейбанида Навруз Ахмад-хана, позже Абдулла-хана и других узбекских ханов с турецкими султанами. Об этом же говорит приезд в Среднюю Азию турецкого адмирала Сейди Али Раиса в середине XVI в. (26).

Что касается политических взаимоотношений Крымского ханства и Московского государства, они оставались в это время весьма напряженными. Девлет-Гирей занимал по

отношению к Ивану IV открыто враждебную позицию — "в 1564 г. он даже выставил требования об уступке ему Казани и Астрахани; Иван ответил, что готов поступиться Астраханью, если хан изменит общую политику по отношению к нему" (27).

Вскоре после описываемых событий Турции удалось достичь, хотя и косвенно, целей по блокированию России. В результате успешной войны с Ираном в 1578 — 1590 гг. она захватила обширные территории на северо-западе и западе Ирана, приобрела Закавказье и Ширван. Войска Турции вышли на побережье Каспия, заняли Баку и Дербент, практически перерезали Волжско-Каспийский торговый путь.

Таким образом, первый опыт вступления России в борьбу за мировые торговые пути оказался для нее неудачным как на Западе, так и на юге и юго-востоке. Причин этому было много — и недостаточная консолидация внутри государства, и создание коалиции противников на Западе, и наличие практически незащищенных рубежей со стороны Крымского ханства, и самое главное — экономическая слабость государства. Было очевидно, что без устранения этих проблем трудно надеяться на достижение сколько-нибудь значимых результатов. Период смуты и становления России Романовых отодвинули задачу борьбы за торговые пути на задний план. Стояла проблема спасения государства, сохранения его независимости и укрепления внутренней стабильности.

Разумеется, все это не означает, что в результате неудач в Ливонской войне или успехов Турции в Закавказье, Россия оказалась отрезанной от европейской или восточной торговли. На всем протяжении позднего средневековья, в частности в описываемое время, торговля России в обоих направлениях в целом неуклонно укреплялась, хотя и с кратковременными спадами.

Так, вступление шведов в Нарву не означало, что они запретили пропуск товаров, ввозимых либо вывозимых русскими купцами. Обмены с Европой продолжались как через Нарву, так и через Ревель и Ригу, так же, как и через Архангельск. Но если в XV в. морские перевозки в Балтике были монополизированы Ганзой, в XVI в. монополия пере-

шла к Голландии. Например, "в 1597 г. почти 2 тыс. голландских кораблей пришли в Балтику, целиком охваченную тогда плотной сетью их обменных операций" (28). Практически все русское зерно и конопля, шедшие через Балтику, покупалось голландцами, привозившими звонкую монету в мешках, содержавших от 400 до 1000 риксдалеров. "Так, в Ригу в 1650 г. доставили 2755 мешков, в 1651 — 2145, в 1652 г. — 2012 мешков. В 1653 г. торговля через Ригу дала положительное сальдо в 823923 риксдалеров в пользу русских" (29).

Как ни велико было значение для России европейской торговли, восточное и южное направления для русской торговли и русской экономики в XVI в. играли значительно большую роль (30). Если в начале века главным внешним рынком для России являлась Турция, то позднее большое значение приобрели направления, связанные с Ираном, Средней Азией, Сибирью, Китаем. Контрольными пунктами восточной торговли становятся Казань, Астрахань, а в Сибири — Тобольск и Тара.

Восточная торговля была прибыльной для России и стимулировала ее экономику. Развитые торговые отношения служили основанием и для укрепления дипломатических связей. Так, только с 1583 г. по 1600 г. Московское государство приняло по меньшей мере 17 посольств, из них только из Центральной Азии — 8 бухарских, 3 хивинских и 2 казахских. Они, как и ранее, прибывали в сопровождении восточных купцов с караванами и привозили с собой ханскую "бологодеть" (31). При этом Запад вывозил из России сырье и ввозил предметы роскоши и чеканенную монету, Восток же покупал у нее готовые изделия, наряду с предметами роскоши ввозил большое количество тканей по низкой цене, шелк и хлопок для народного потребления.

Русская торговля характеризовалась в это время рядом особенностей. Во-первых, как упоминалось ранее, она была более ориентирована на Восток. Обстоятельство это отмечалось многими авторами. Так, Ф. Бродель писал: "Желая того или нет, но Россия выбрала скорее Восток, чем Запад. Следует ли в этом видеть причину отставания ее развития? Или же Россия, отсрочив свое столкновение с европейским ка-

питализмом, убереглась, возможно, от незавидной судьбы соседней Польши, все структуры которой были перестроены европейским спросом, в которой возникли блистательный успех Гданьска и всевластие крупных сеньоров и магнатов, в то время как авторитет государства уменьшился, а развитие городов хирело?" (32).

Во-вторых, Российское государство прямо контролировало важнейшие виды торговли и монополизировало торговлю алкогольными напитками, солью, поташом, пушминой, табаком и т.д. На экспорт целого ряда товаров, например зерна, требовалось разрешение государства. Были организованы так называемые "царевы гости" — 20-30 крупнейших негоциантов, которые практически состояли на службе царя, облеченные большими полномочиями в торговых делах, особенно в торговле на дальние расстояния. Правда, на них возлагалась и серьезная ответственность перед государством.

Наконец, в русской торговле как на западном, так и восточном направлениях доминировали иностранные купцы. В связях с Европой наблюдалось превосходство ганзейских, шведских, голландских и английских негоциантов. В связях с Черным морем и турецкими рынками, включая Балканы, — турецких, греческих и грузинских купцов. Позже к ним присоединяются и французы. В торговле через Астрахань и Сибирь тон задавали бухарцы и т.д. Ф. Бродель отмечает, что "признаком русской слабости было то, что купцы из Индии, из Ирана и с Балкан наводняли — я не нахожу другого слова! — русское пространство. Индусы-купцы находились в Астрахани и Москве, армяне — в Москве и Архангельске. На восточном направлении связи были успешны лишь тогда, когда опирались на местные общины важнейших городов — перевалочных пунктов, начиная с Астрахани, имевшей татарское предместье, армянский квартал, индийскую колонию и так называемый "иноземный" караван-сарай, на своих окраинах русский гигант не утвердился прочно. Его внешние обмены — с Пекином, Стамбулом, Исфаханом, Лейпцигом, Львовом, Любеком, Амстердамом — были объектом нескончаемых манипуляций со стороны других" (33).

Возникает вопрос: где же выигрывал русский купец? Он выигрывал, прежде всего, на пространстве внутренних рынков, на громадных ярмарках, которые покрывали всю обширную территорию Московского государства. Там он в полной мере использовал все преимущества и привлекательные стороны иноземных товаров. Кроме того, очевидно, что в силу отмеченного выше доминирования иностранцев на окраинах, русское купечество имело задачу постепенно оттеснить и заменить иностранцев в качестве главных хозяев и распорядителей в непосредственно русской торговле. Этой задачей было озабочено и само государство.

Экспансия России не была остановлена, но она пошла в другом направлении — в Сибирь и далее на Восток. И здесь Россия к концу XVII в. достигла ощутимых результатов. Необозримые просторы Сибири оказались под ее полным владычеством, хотя говорить о полном освоении Сибири было еще рано — на это потребуются еще как минимум полтора столетия. Подлинное освоение Сибири стало налаживаться только после учреждения в Москве в 1637 г. Сибирского приказа, организации сибирской администрации, вплотную занявшейся проблемами эффективной колонизации новых земель.

Привлекательность Сибири для крестьян заключалась в том, что жизнь здесь была почти свободной. Русское продвижение в Сибирь шло преимущественно по границе лесной и степной зон и осуществлялось казаками, "промышленными людьми" и вообще предприимчивыми людьми. Это оттесняло местные народы — к югу, в степи оттеснялись тюркские и татарские народы, к северу, в леса — якуты, ненцы, тунгусы; одной из причин такого быстрого успеха русского продвижения была слабая заселенность Сибири.

Лишь натолкнувшись на сопротивление китайцев вдоль течения Амура, Россия была вынуждена заключить 7 сентября 1689 г. известный Нерчинский трактат, который фиксировал границу между Китаем и Россией. Интересно, что переговоры с русскими от лица китайского правительства вели иезуитские миссионеры Жербильтон и Перейра, добившиеся серьезных уступок от России (34).

История покорения Сибири сохранила имена Ермака, Б. Брязги, Т. Ясыря, П. Бекетова, В. Пояркова, Е. Хабарова и многих других, которым Россия была обязана этим завоеванием (35). Разумеется, надо помнить, что они не были просто путешественниками — мир пищалей и пушек еще раз столкнулся с миром луков и стрел, и результат этого столкновения, так же как в далеких Америках, был делом предрешенным. Хотя быстрота, с которой было осуществлено покорение Сибири (около 100 тыс. кв. км в год) и сейчас продолжает удивлять историков. Это покорение не было мирным, и требования царскими людьми ясака и выдачи аманатов в большинстве случаев оборачивались кровавыми драмами, в ходе которых гибли многие сотни местных жителей. Характерна в этом смысле карьера бывшего крестьянина из-под Устюга Е. Хабарова, бросившего ради вольной жизни в Сибири семью и прошедшего за неполных четыре года, что называется, огнем и мечом по землям дауров, гоголей пашенных, дючеров и нанайцев.

Таким образом, Россия постепенно накапливала позитивный и негативный опыт освоения гигантских просторов и новых территорий, вырабатывала опыт покорения местного населения и приспособления его к изменившимся обстоятельствам, развивала навыки общения и управления иноземцами, методы их массового порабощения. Говоря современным языком, вырабатывалась стратегия развития России, формировались ее геополитические интересы и текущая политика, крепла за счет освоения новых земель и их необъятных ресурсов экономическая мощь государства.

Средняя Азия с древних времен имела тесные торгово-экономические, политические и культурные связи с Сибирью, осуществлявшиеся по устойчивым торговым путям и имевшие регулярный характер (36). Значение этих связей было велико для обеих сторон, в первую очередь для купечества. Например, когда известный дом купцов и промышленников Строгановых организовывал свои вооруженные отряды для походов на Сибирское ханство, он имел в виду не только добычу пушнины, но и возможности, которые открывались там для торговли со среднеазиатскими купцами. В царской грамоте, выданной Строгановым (1574 г.),

предоставлялось право свободной и беспошлинной торговли с бухарцами (37). О значении, которое для Сибири имела торговля со Средней Азией, говорит и тот факт, что в 1596 г. царю была направлена из Сибири челобитная, в которой содержалась просьба направить послов в Бухару для упорядочения торговли, так как вследствие набегов был нанесен ущерб торговым связям со Средней Азией (38).

В результате среднеазиатским купцам были предоставлены значительные льготы и право беспошлинной торговли во всех сибирских городах. Царское правительство поощряло переселение выходцев из Средней Азии на территорию Западной Сибири и укрепление торгово-экономических связей вновь осваиваемых земель с узбекскими ханствами. Среднеазиатские купцы торговали не только своими товарами, но и товарами из Ирана, Индии и других стран. Все это вело к развитию довольно интенсивных дипломатических отношений между Средней Азией и Россией.

Русское правительство, поощряя восточную торговлю, преследовало и политические цели, а также преследовало и создание укрепленных линий, на которых сосредотачивалась основная масса торговли. Они являлись не только собственно границей, но и центрами общения и влияния на заграничные народы и государства.

Начиная с XVI в. Московское государство развивается как полиэтническая и поликонфессиональная евразийская держава. Этнокультурный облик русского народа складывается на богатом основании, сочетающем в себе как европейские, так и восточные элементы, унаследованные в результате длительного и богатого событиями исторического развития.

В этом историческом наследии были как не всегда болезненные для обеих сторон взаимоотношения с кочевой степью, так притеснения и тяготы периода монгольского завоевания, перенятые восточные традиции и обычаи. Это с одной стороны. С другой — четко осознавалось родство с культурой Киевской Руси, чувство принадлежности к европейской цивилизации, чувство преемников Великой Византии (Москва — третий Рим), и, наконец, исключительно важная роль русского православия в становлении госу-

дарственности. Этот процесс особенно усиливался, когда к России были присоединены обширные территории Нижнего Поволжья, Урала, Западной и Восточной Сибири, в результате чего в состав государства вошли многочисленные тюркские, угро-финские и самодийские народы и народности. Наряду с этим, активизировались многочисленные прямые контакты формирующейся России с такими в культурном отношении довольно развитыми восточными цивилизациями, как Китай, Средняя Азия, Иран, Турция и др.

Именно на этом фоне происходит становление внутренней и внешней политики России, осознание ею своих геополитических интересов и формирование геополитических доминант. Во внутренней политике первоочередной задачей являлось усиление центральной государственной власти, которая была бы в состоянии обеспечить управление и подавить возможные центробежные тенденции. Кстати, именно этим, возможно, объясняется и ярко выраженный этатизм сложившегося государственного устройства России.

Интересно отметить, что в это же время центральная власть прилагает большие усилия по детальному учету и описанию всей обширной территории быстрорастущего государства. Идет работа по накоплению и обобщению картографического и описательного материала как внутри страны, так и по сбору материала о сопредельных территориях и государствах. Эта работа сотен и сотен землемеров и топографов, картографов и путешественников, купцов и различных служилых людей, проведенная на огромной территории восточной Европы, Западной Сибири и современного Казахстана, в начале XVII в. была обобщена созданием так называемого "Большого чертежа" (закончен в 1600 г.) (39). Сохранилась объяснительная записка к нему, составленная в 1627 г. — "Книга, глаголемая Большой чертеж" (40). Составленная для широкого пользования государственными учреждениями и служилыми людьми, она была впервые опубликована в 1773 г. известным русским издателем Н. Новиковым.

Интересно, что "Книга" содержит картографическое изображение, хотя смутное и примитивное, ряда крупных географических объектов современной Средней Азии и Ка-

захстана. Так, в ней дано картографическое изображение Сырдарьи (реки Сыр) на протяжении около 500 км. На карте имеется не только Каспий, Хвалынское море, но и Арал (озеро "Синее"), причем расстояние между ними указано верно, отмечено наличие Приаральских Каракумов и т.д. Можно предположить, что составители "Книги" пользовались данными из расспросов купцов, знакомых с торговыми путями из Сибири и Астрахани в Среднюю Азию.

Как непоколебимый оплот русской государственности, начиная со времени Сергия Радонежского, в России выступало православие. Это проявилось и в сложное время после смуты, в первые десятилетия правления Михаила Романова, когда основным инструментом укрепления новой династии на престоле явилась искусная политика патриарха Филарета.

После падения Византии, когда Москва была провозглашена наследницей Рима, могущество государства было неразрывно связано с мощью православия, которое, в свою очередь, выражалось через посредство державного могущества, что, безусловно, означало вполне определенные геополитические установки. В частности, русское государство, как покровитель православной веры, рано или поздно должно было, в той или иной форме выразить свое покровительство всем православным народам. В сложившейся обстановке это знаменовало, по меньшей мере, конфликт интересов с Турцией, под владычеством которой находились балканские народы.

Однако поскольку "православие было той идеологией, которую должно было нести с собой русское государство, включение в него новых земель означало расширение пределов православного мира и увеличение численности православного народа" (41). До тех пор, пока государство было еще недостаточно сильным политически и экономически, массового насильственного крещения, например, татар и финно-угорских "иноверцев", по-видимому, не было. Это пришло позднее, только с середины XVII в. и начато было "тишайшим" Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном. Недаром в 1661 г. визирь крымского хана писал: "Нынешний же царь ваш вообразил себя умнее прежних царей,

отцов и дедов своих... Если попадет вам в руки пленный, насильно делаете его христианином; через то христиан много больше не будет, а у нас самих христиан под властью много" (42).

Надо отметить, что период правления Алексея Михайловича был, в определенном смысле, переломным в отношении многих вопросов внутренней и внешней политики России. В наиболее просвещенной части русского общества созревало убеждение в необходимости перемен, прежде всего в экономической и военной сферах. Глядя на успехи развивающегося капитализма в западных странах, ключ к подъему экономики и укреплению военного могущества страны эти люди видели в привлечении иностранных специалистов и использовании западных методов хозяйствования и опыта. По этому вопросу существует обширная литература. Упомянем лишь лекции В. Ключевского (43), которые и по сей день не потеряли своего значения. Важно подчеркнуть, что именно в это время в русском обществе произошли изменения, которые не только заложили идейную основу преобразований Петра I, подготовили к ним широкое общественное мнение, но и по сути сделали возможным реализацию петровских реформ.

Что касается соотношения восточных и западных мотивов во внешней политике России, то здесь ключевой фигурой был А. Ордын-Нащокин. Он являлся управителем Посольского приказа и имел громкий титул "царской большой печати и государственных великих посольских дел оберегателя", т. е. был государственным канцлером. Говоря современным языком, А. Ордын-Нащокину были присущи глобальность политического мышления и понимания того, что судьба России как государства на стыке Запада и Востока зависит от развития взаимоотношений как с европейскими, так и с восточными соседями. Причем, хорошо понимая различие в характере задач, стоящих перед страной в отношениях с ними, он подготовил свою программу действий.

В качестве приоритета русской внешней политики А. Ордын-Нащокин рассматривал выход к Балтийскому морю и Риге, пристани которой открывали прямой путь в Западную Европу. Наряду с этим, он осознавал и то громадное

значение, которое имели для России ее взаимоотношения с восточными странами. В. Ключевский пишет: "Его дипломатический взгляд обращался во все стороны, всюду внимательно высматривая или заботливо подготавливая новые прибыли для казны и народа. Он старался устроить торговые сношения с Персией и Средней Азией, с Хивой и Бухарой, снаряжал посольства в Индию, смотрел и на Дальний Восток, на Китай, помышляя об устройстве казацкой колонизации Поамурия. Но в этих поисках на первом плане, разумеется, оставалась в его глазах ближайшая западная сторона, Балтийское море. Петр Великий целиком унаследовал эти помыслы отцова министра" (44).

На формирование геополитических приоритетов России большое влияние, по нашему мнению, оказало и то, что уже на относительно ранних стадиях создания своей государственности она вступила в борьбу за торгово-стратегические пути. В том, что касается Востока, изучались возможности организации через территорию России таких торговых путей, которые бы оказались конкурентоспособными и могли удовлетворять внутренние торговые потребности самой России и способствовать развитию эффективной международной торговли, в которой Россия играла бы значительную посредническую роль. На первую часть вопроса ответ был положительным. Относительно же вопроса об организации международной торговли — ответ на него был априори неизвестен. Причин для этого было много. Это и неразвитость путей сообщения, и незнание географии Средней Азии, равно как и степени сопротивления государств и народов Средней Азии экспансии России. Он зависел также от неконтролируемых в это время русским государством таких обстоятельств, как обстановка в Казахской степи, состояние взаимоотношений узбекских ханств и т.д.

Именно по этим причинам поиск подходов к решению проблем стал играть немаловажную роль в формирующейся восточной политике России.

Следует отметить, что в торговых отношениях со Средней Азией именно в связи с организацией международной торговли возникают индийские мотивы, что, возможно, в определенной степени подогревалось торговым капиталом

дружественной тогда Англии. Эти идеи и мотивы трансформировались разным образом, но важно, что однажды возникнув, они уже не исчезали из поля зрения восточной политики России.

В XVII в. на стадии подъема находился Китай, который под управлением маньчжурской династии Цин проявил себя политически могущественным и склонным к агрессии государством. Кстати, об уровне знания Россией своих восточных соседей в то время говорит тот курьезный факт, что когда в 1670 г. нерчинский воевода направил в Пекин посольство во главе с И. Миловановым, последний имел довольно щекотливое поручение. Он должен был предложить китайскому императору Сюань Е, который вошел в историю под именем Канси (что значит "мирное спокойствие"), "навсегда и неотступно" стать русским данником. Спасло И. Милованова, по-видимому, только то, что китайские чиновники не решились перевести императору дословно содержание русской ноты (45).

Многочисленные столкновения русских отрядов, собиравших в бассейне Амура ясак, устраивавших остроги и приводивших местное население под власть царя, с сильными маньчжурскими силами привели к заключению Нерчинского трактата. Он, по существу, означал блокирование русской экспансии в этом направлении. Позднее русско-китайские отношения стали еще более напряженными, а русских купцов изгнали из Пекина. Отношения были урегулированы подписанием Кяхтинского договора, определившего русско-монгольскую границу и учредившего русско-китайскую ярмарку вблизи границы южнее Иркутска. Эта ярмарка и сосредоточивала в себе основную долю обменов между Китаем и Россией, хотя казенные караваны царя с пушниной в небольшом количестве какое-то время еще пропускались в Пекин.

"Такое развитие отвечало интересам Китая, который таким образом отбросил русских купцов далеко от своей столицы, за пределы Монголии, и который умножил свои требования" (46). Вместе с тем Кяхтинский договор давал России большие преимущества по сравнению с другими европейскими государствами — Россия стала "единствен-

ной державой, имевшей постоянные торговые сношения с Китаем и постоянное представительство в Пекине" (47).

Превратившись в евразийское государство, граничащее с рядом крупных стран, сильно отличающихся друг от друга религиозно-цивилизационным фундаментом, историей, культурой, уровнем развития государственности и экономики, русское правительство пыталось проводить по отношению к ним дифференцированную внешнюю политику путем специфической организации того геополитического пространства, на котором происходило взаимодействие государств. Со стороны России в рассматриваемое время неотъемлемым элементом такой организации на Востоке являлось строительство острогов и крепостей, создание укрепленных линий и переселение на передовые рубежи казачества. Так возникли терские, забайкальские, позднее оренбургские и семиреченские казачества.

Таким образом, к моменту воцарения Петра I Россия имела не только более или менее налаженные торговые, политические и дипломатические отношения с целым рядом восточных стран, но и вполне определившиеся геополитические интересы на Востоке, на формирование которых существенное влияние оказала история взаимоотношений России как с восточными, так и с западными странами. Вплоть до начала XVIII в. по уровню развития Россия значительно отставала от стран Запада, что существенно ограничивало ее возможности в реализации крупномасштабных внешнеполитических целей в западном направлении.

Восточная политика России в первой четверти XVIII в.

При Петре I политика России на востоке стала приобретать более четкие очертания и цельность, с приоритетами, ориентированными на юг и юго-восток. Петр I действовал более целеустремленно и энергично, сумел мобилизовать значительные ресурсы государства на обеспечение геополитических интересов России на Востоке, как они осознавались в то время царским правительством. Он определил

долгосрочные этапы и подходы в реализации внешнеполитических задач.

Недаром соратник Петра I вице-адмирал К. Крюйс говорил, что царь намеревается завоевать Крым, чтобы "сделаться на Черном море таким же могущественным, каким он уже является на Балтийском море. Он постарается заставить турок дать ему свободный проход через Босфор и Дарданелльский пролив, чтобы вести свою торговлю в Средиземном море" (48).

Об этом же свидетельствует весьма показательный разговор Петра I со своим любимцем капитан-лейтенантом Ф. Соймоновым, состоявшийся во время Персидского похода в 1722 г. Петр говорил: "Был ли ты в Астрабатском заливе? Знаешь ли, что от Астрабата до Балха и до Бодокшана и на верблюдах только 12 дней ходу? А там во всей Бухарии середина всех восточных коммерций. И видишь ты горы? Ведь и берег подле оных до самого Астрабата простирается. И тому пути никто помешать не может" (49).

Россия, превратившись при Петре I в державу с самыми крупными в то время сухопутными силами и мощным военно-морским флотом, становилась грозным соперником других держав в борьбе за мировые торговые пути.

Петр I впервые занялся систематизированным и, говоря современным языком, научно обоснованным практическим изучением тех регионов, в которых видел интересы России. Прекрасным примером этого является организованное им изучение акватории Каспийского моря и экспедиции В. Беринга, И. Евреинова, Ф. Лушина и др. Петр I обладал пониманием взаимосвязанности событий на Западе и Востоке и иногда пытался своими внешнеполитическими актами на Западе решать восточные проблемы (пример — неудавшаяся экспедиция адмирала Д. Вильстера).

Важно также иметь в виду, что как в реализации своих экономических реформ, так и внешнеэкономических целей Петр I опирался на поддержку достаточно сильных и влиятельных слоев русского общества — иначе они попросту были бы обречены на провал. Некоторые специалисты, по нашему мнению, склонны несколько преувеличивать

масштабы сопротивления русского общества ходу петровских реформ.

С этой точки зрения представляет интерес мнение Генерального штаба России о значении для нее Средней Азии. Оно было высказано в специальном обзоре, подготовленном в 1871 г.: "Начиная с похода Петра I к берегам Каспийского моря, до настоящего времени, постоянная мечта общественного мнения была — проложение пути в центр Азии и утверждение нашего влияния в Хиве и Бухаре... Задавшись идеей о необходимости торговли с Азией, наше общественное мнение в продолжение столетий ошупывало путь, по которому следует направить эти торговые сношения, затраченные на эти изыскания сотни миллионов, к сожалению, еще не окупились" (50).

Что касается реализации геополитических целей России на Востоке в терминах конкретных внутри- и внешнеполитических актов, она могла принимать и принимала при Петре I и его преемниках различные формы. Правильно говорят, что политика — это искусство возможного. В этом смысле возможность реализации внешнеполитических целей России на Востоке определялась прежде всего тем, в какой мере эти цели являлись реалистическими для существовавших тогда конкретных исторических условий и обстановки как внутри самой России, так и в соседних странах. Не в последнюю очередь это зависело и от умения царского правительства правильно соотносить, выдерживать баланс своих усилий на Востоке и Западе, концентрировать силы на приоритетах и т.д. Если таким образом оценивать результаты реализации Петром I своей восточной политики, то можно констатировать, что его успехи на этом направлении существенно уступали достижениям на Западе. При этом интересно, что наиболее активным на Востоке Петр I был в начале и в конце своего царствования; это понятно, если принять во внимание ход Северной войны. Именно тогда были предприняты основные военные миссии и экспедиции, направленные Петром I на Восток.

Уже в период Керченского похода, осуществленного в 1699 г. Петром I совместно с адмиралом И. Крюсом и капитаном П. Памбургом во главе большой эскадры кораб-

лей, он столкнулся с трудностями, обусловленными отсутствием детального географического описания маршрута плавания. В результате похода по его инициативе были выполнены астрономические и геодезические измерения, замеры глубин фарватеров, детальная инструментальная съемка Дона и побережья Азовского моря. Материалы этого похода позволили составить карты, опубликованные в 1704 г. в Амстердаме (51).

По-видимому, с этого времени Петр I начинает уделять пристальное внимание детальному изучению сопредельных с Россией территорий, среди которых Средней Азии выделялось особое место.

Уже в первые годы пребывания на престоле Петр I был достаточно осведомлен о состоянии взаимоотношений с узбекскими ханствами. Так, еще в 1689 г. в Москву прибыл хивинский посол Ибрахим-Бахадур Аниезов (52). Посол наряду с жалобами на набеги яицких казаков и калмыков Аюки-хана на хивинские земли поднял обсуждавшуюся и ранее проблему строительства на хивинской территории, у "Трухменской пристани" на Каспии, города, чтобы обеспечить безопасность купцов. Вопрос этот был старый, и в отпускной грамоте хивинскому послу было обещано, что "о городовом строении указ их великих государей (т.е. Ивана и Петра) впредь будет" (53). Ясно, что это было отпиской, хотя бы по той простой причине, что в Посольском приказе не имелось сколько-нибудь ясного представления о географии местностей и территорий, о которых шла речь. Об этом свидетельствуют, например, расспросные речи хивинского посла Ибрахима в Посольском приказе "на разговоре" с думным дьяком Е. Украинцевым так же, как и расспросные речи тобольского казака Федора Скибина о путях в Среднюю Азию. Ф. Скибин в 1694 г. был направлен с посольством из Тобольска в Туркестан, где был задержан ханом Тауке и через 15 месяцев бежал. Ф. Скибин пешком через Бухару добрался до Хивы, где тайно прожил 3 месяца, а в конце марта 1696 г. через плато Устюрт добрался до низовьев р. Яик (Урал) и до ~~Уфы~~ Уфы.

Знание географии и общей обстановки в Средней Азии было важно и для установления торговых связей через Сред-

нюю Азию с более отдаленными странами. Так, в это же время в Персию, Среднюю Азию, затем в Кабул и Индию был направлен "купчина гостиной сотни Семен Маленький" (54), о чем извещались царскими грамотами хивинский и балхинский ханы.

Таким образом, отсутствие надежных сведений о регионе, даже о пограничном Каспийском море, являлось серьезным препятствием для реализации каких бы то ни было намерений царского правительства в юго-восточном направлении. Именно поэтому Петром I было направлено несколько так называемых каспийских миссий и экспедиций. Разумеется, в большинстве случаев задачи этих экспедиций выходили за границы чисто географические, а их результаты широко использовались царским правительством во время Персидского похода.

В 1699 г. Петр I направляет на Каспий миссию под руководством капитана Астраханского морского флота Еремея Мейера, основной задачей которого была съемка Каспийского моря и его побережья, ознакомление с береговой линией и составление его общего чертежа. В 1704 г. Е. Мейер представил свою карту Каспийского моря с подробным описанием, за что царь подарил ему свой портрет и выдал денежное вознаграждение. В газете "Ведомости" от 18 марта 1704 г. по этому поводу сообщалось: "И тот капитан того Хвалижского (т.е. Каспийского) моря карту учинил и напечатать велено таких листов многое число" (55). Однако распоряжение это по неизвестным причинам выполнено не было; возможно, связано это было с гибелью Е. Мейера в 1705 г. в Астрахани во время стрелецкого бунта. Судьба карты Е. Мейера неизвестна, однако, по мнению специалистов, она получила отражение в карте Каспийского моря, опубликованной в Амстердаме в 1722 г. (т. н. карта Мейера — Оттеиса).

Надо отметить, что Е. Мейер был не первым и не последним специалистом, кому Петр I поручал составить карту Каспия. Ранее это поручалось служилому датчанину Х. Шельтруну, которому с самого начала его миссии не повезло — он был захвачен во время работы персами и погиб в тюрьме (56).

В 1709 и 1713 гг. для рекогносцировки западного побережья Каспийского моря, поисков наиболее удобных пристаней и бухт был направлен капитан Астраханского морского флота Яган (Жан-Кристоф) Рентель. Хотя Рентель не спускался южнее устьев Куры, основная часть западного берега Каспия была им снята с достаточно высокой для того времени точностью. Результаты съемок и обследования акватории бакинского порта, проведенных Рентелем, были использованы русскими войсками во время второго этапа Персидского похода Петра I в 1723 г., — осады Баку, когда русские корабли пришли на бакинский рейд и осуществили высадку десанта.

Известно, что еще в мае 1700 г. в Москву прибыл посол хивинского хана Шахнияза (1688—1702) Достек-Бахадур (57). В посольском письме хивинского хана на имя Петра I содержалось шесть статей. "Первое прошение то, чтобы хану нашему быть в подданстве у великого государя", а "второе прошение: с другом быть дружен, а с неприятелем бы неприятелем". Остальные прошения касались торговых сношений, причем хан просил царя свободного отпуска из Астрахани в Хиву различного оружия и материалов для оружейного дела, "и железа бы свинцу и винтовальных пищалей" (58).

Очевидно, что просьба Шахнияза принять его со всем подвластным народом в подданство России была вызвана стремлением укрепить его ханскую власть и ослабить вассальную зависимость от Бухары.

Петр I принял хивинского посла и 30 июня того же года выдал отпускную грамоту для хана Шахнияза. В ней говорилось: "Мы великий государь наше царское величество тебя Шанияса хана жалуем милостиво, похваляем и в подданстве у нас великого государя нашего царского величества быть тебе повелели", и далее "и тебе б Шанияс хану по своему обещанию у нас великого государя нашего царского величества будучи в подданстве служить нам великому государю верно, а мы великий государь наше царское величество за тое твою верную службу будем держать тебя в нашей царского величества милости" (59). Вместе с послом хану Шахниязу были направлены богатые дары, сам посол также был вознагражден.

Через три года царь подтвердил факт принятия Хивы в подданство России новому хивинскому хану Араб-Мухаммаду (1702—1714), об этом сообщили "Московские Ведомости" (60). Разумеется, реального осуществления этого подданства в то время не могло произойти. Хотя и номинальное подданство Хивы не мешало продолжению отношений России с Бухарой, от которой, как отмечалось выше, Хива была в зависимости.

В январе 1705 г. в Москву от Убайдуллы-хана прибыл бухарский посол Алимбек с 35 ханскими и 15 посольскими людьми. При посольстве находился купец Миргадаев и с ним 7 человек. Посольство было принято царем 17 февраля. В ответной грамоте царь благодарил Убайдуллу-хана за присланное посольство и сообщал о своем разрешении на торговлю русских купцов в Бухаре и бухарских в России на льготных условиях. Несколько ранее льготы были предоставлены хивинским купцам, ведущим торговлю в Астрахани.

Впоследствии Петр I решил воспользоваться борьбой между ханами и феодальной аристократией в узбекских ханствах, о которой он, несомненно, был осведомлен. Так, имелись планы поместить, с согласия ханов, в Хиве и Бухаре русские военные отряды, которые содержались бы за их счет и помогали бы им против врагов. Такая мера укрепила бы ханскую власть над подданными, но в то же время поставила бы ханов в полную зависимость от царского правительства.

Несмотря на все эти планы, обмены посольствами и торговыми людьми происходили вплоть до 1714 г. Петр I был слишком занят делами на Западе, чтобы уделять большее внимание отношениям с узбекскими ханствами.

В 1714 г. случились события, которые вызвали пристальный интерес Петра I к среднеазиатским делам и послужили причиной хорошо известных каспийских и хивинских экспедиций лейб-гвардии капитан-поручика Александра Бековича-Черкасского и несколько менее известной экспедиции подполковника Ивана Бухгольца.

В 1714 г. в Петербург приехал сибирский губернатор князь М. Гагарин с сообщением Петру I о том, что "в Си-

бири близ калмыцкого города Еркета, в реке Амударье" находят золотой песок, и привез образец такого золота. Следует заметить, что М. Гагарин сообщал неверные данные о расположении "городка Еркета". Город Яркенд, расположенный в долине реки с одноименным названием, никакого отношения ни к Сибири, ни тем более к Амударье не имел. Сведения М. Гагарина были получены от некоего Ф. Трушников, ездившего в Малую Бухарию (Синьцзян) и в Яркенде купившего золотой песок. Вместе со своим донесением Гагарин отправил царю и образцы этого песка. Сообщая далее, что путь от Еркета до Тары занимает два с половиной месяца "нескорою водою", а от Тары до Тобольска пять дней, сибирский губернатор предлагал царю организовать военную экспедицию для овладения этим городом, по пути же к нему построить укрепленные крепости с русскими гарнизонами (61).

Одновременно с приездом Гагарина в Петербург прибыл знатный мангышлакский туркмен Ходжа Нефес. Он также сообщил, что в Амударье находят "песошное золото" и предложил Петру взять в свое владение земли, лежащие на этой реке. Ходжа Нефес рассказал и о том, что в давние времена Амударья впадала в Каспийское море, но местные жители — хивинцы преградили течение ее плотиной. Но если эту плотину разрушить, река вновь потечет к Каспийскому морю.

Полученные сведения очень заинтересовали царя. Происходившая в те годы Северная война требовала огромных затрат, и поскольку Россия тогда не имела крупных золотых приисков, амударьинское золото представляло большой государственный интерес. Петр сам расспросил обо всем Ходжу Нефеса, чьи показания совпадали с донесением сибирского губернатора.

В Петербурге в это же время находился посол хивинского хана Ашур-бек, которого ознакомили со сведениями, полученными от М. Гагарина, и с образцами "песошного золота". Посол подтвердил эти сведения, так же, как и сведения Ходжи Нефеса, указав, что такое золото имеется в Хивинском и Бухарском ханствах и добывается оно на Амударье (62). Он подтвердил и существование плотины на

Амударье. Посол предложил Петру "близ того места, где прежде впадала Амударья в Каспийское море, построить крепость и снабдить ее гарнизоном" (63).

Таким образом, внимание царя было вновь привлечено к Средней Азии, которая всегда вызывала интерес царского правительства и сама по себе, и как территория, через которую можно приобщиться к выгодам прямой индийской торговли.

Было решено послать две экспедиции к "городку Еркету". Одна из них должна была отправиться на поиски этого города через Сибирь — от Тобольска вверх по Иртышу. Возглавил эту экспедицию подполковник И. Бухгольц. В именном указе Петра I предписывалось ехать в Тобольск и, набрав здесь "воинских людей", подняться по Иртышу до Ямышева озера и основать крепость. Перезимовав в этой крепости, Бухгольцу предписывалось "иттить к калмыцкому городку Еркету и оный городок достать (т.е. овладеть) и укрепить, и поведать на Дарье реке, как калмыки промышляют песочное золото" (64).

Из Тобольска экспедиция И. Бухгольца выступила летом 1715 г. В ее составе было около трех тысяч человек. Экспедиция поднялась по Иртышу на больших лодках до Ямышева озера, где заложила крепость, в которой провела зимовку. Неприятности начались весной 1716 г., когда крепость подверглась нападениям местного населения, справедливо почувствовавшего угрозу со стороны экспедиции. Не дождавшись подхода вспомогательного отряда, который, как выяснилось позднее, почти целиком был пленен калмыками, Бухгольц был вынужден эвакуировать крепость после долгого сопротивления и больших потерь. Спустившись вниз по Иртышу до устья Оми, летом 1716 г. И. Бухгольц с разрешения сибирского губернатора М. Гагарина заложил крепость, которая стала впоследствии основой города Омска.

Неудача экспедиции И. Бухгольца показала, что для осуществления похода на Еркет необходимо существенно усилить русское присутствие на Иртыше. Соответствующие поручения были даны нескольким отрядам во главе с офицерами Бухгольцем, Ступиным, Мстигоревым. Так, в 1716 г. И. Бухгольцу было поручено дойти до Зайсан-озера и на

этом озере построить город. В 1718 г. Ступин основал Семи-палатинск. В 1719 г. майору Ивану Лихареву было поручено с отрядом более 400 человек разведать "о пути от Зайсан озера к Еркетию, как далеко и возможно ли дойти; также, нет ли вершин каких рек, которые подались к Зайсану и впадали в Дарью-реку или в Аральское море" (65). Отряд Лихарева прошел и проплыл далеко за озеро Зайсан вдоль Черного Иртыша. На обратном пути И. Лихарев построил Усть-Каменогорск, по существу, завершив создание Иртышской линии укреплений, разграничившую русские владения в Сибири от Средней Азии" (66).

Следует отметить, что в миссию И. Лихарева входил "розыск" о злоупотреблениях сибирского губернатора М. Гагарина. Он должен был "разыскать о подполковнике Бухгольце, каким образом у него Ямышевскую крепость взяли, также и прочих его худых поступках свидетельствовать". Ему, как уже указывалось выше, поручалось собрать как можно больше сведений о "золоте Еркетском, подлинно ли оно есть, и от кого Гагарин узнал, тех людей отыскать, также и других знающих людей, и ехать с ними до тех крепостей, где посажаны наши люди " (67). Однако очередная попытка узнать о песочном золоте с сибирской стороны к успеху не привела. Лихарев не смог разыскать людей, которые первыми сообщили Гагарину о Еркете, не смог он и достичь этого города.

Путь второй экспедиции, возглавляемой А. Бековичем-Черкасским, был намечен через Среднюю Азию, Хивинское и Бухарское ханства. Задачи, которые были поставлены перед второй экспедицией, были значительно шире и сложнее задач экспедиции И. Бухгольца, вследствие чего она была проведена в несколько этапов.

Задачи, поставленные перед экспедицией Бековича-Черкасского, были сформулированы Петром I в двух именных царских указах. В первом, от 29 мая 1714 г., ему предписывалось ехать в Астрахань и, набрав здесь "1500 человек с надлежащими судами, провиантом и прочим", плыть с ними вдоль восточного берега Каспия до хивинских земель, где необходимо было поставить город. Бековичу-Черкасскому предписывалось разузнать о Дарье реке, проехать до пер-

сидской границы и, в случае нахождения реки поставить в ее устье крепость, которую можно было бы удерживать шестью или семью сотнями людей. С этой целью А. Черкасскому были выданы железные пушки и провиант для укрепления крепости. Наконец, ему поручалось составить карту морского пути, т. е. восточного берега Каспия; для этой цели он должен был взять опытных людей Астраханского морского флота. Среди людей, переданных экспедиции Бековича-Черкасского, находился упоминавшийся выше Я. Рентель.

Миссия Бековича-Черкасского началась летом 1714 г. Прибыв в Астрахань, он, наряду с подготовкой морской экспедиции, направил несколько групп разведчиков в Среднюю Азию для сбора разнообразных сведений о местности между Аральским и Каспийским морями, об Амударье, ее притоках, местах добычи золота и т. д. Морская экспедиция вышла в море в ноябре 1714 г. вдоль северного побережья Каспия на Восток, но тяжелые ледовые условия вынудили экспедицию вернуться уже в декабре в Астрахань. К этому времени А. Бекович-Черкасский получил от своих людей сведения о том, что в Средней Азии золото добывается и на суше. Для поиска мест такой добычи он попросил царя выслать отряд в 500 казаков. В результате трудного перехода отряд прибыл в Хиву осенью 1715 г. в тяжелом состоянии и был вынужден сдаться хивинцам (68).

В апреле 1715 г. А. Бекович-Черкасский на 20 бригантинах опять вышел в море. Он проследил и описал весь северный и восточный берега Каспия до Астрабадского залива. Обнаружив залив, позже названный его именем, и описав Кара-Богаз-Гол, он посетил "Красные Воды". Здесь он опрашивал местных туркмен и, неправильно поняв их, сделал вывод, что еще сравнительно недавно Амударья впадала в Каспийское море. Его разведчики во главе с Ходжа Нефесом собрали неверные сведения, что хивинцы якобы запрудили русло, из-за чего Амударья потекла в Аральское море. В конце октября того же года А. Бекович-Черкасский вернулся в Астрахань, не потеряв ни одного человека. Отсюда он сообщил Петру: "Сделана карта оным местам, где мы были", и приложил к письму карту всего Каспийского моря.

Следует отметить, что у Петра I впоследствии зародились сомнения в правильности этой карты, и в 1719 г. для съемки Каспийского моря была направлена новая экспедиция во главе с Карлом Верденом. Помощником Вердена был назначен Федор Соймонов, который командовал морскими экспедициями во время Персидского похода.

Сведения А. Бековича-Черкасского об искусственной плотине, закрывшей сток Амударьи в Каспийское море, чрезвычайно заинтересовали царя, который загорелся идеей повернуть течение Амударьи в старое русло и таким образом установить единый водный путь из Волги через Каспий вверх по течению Амударьи, возможно даже вплоть до Индии. Идея эта тем более увлекла Петра, что к этому времени он уже в общем представлял трудности пересечения сухопутного океана на пути в Индию через Персию.

В свете этих новых замыслов был подготовлен второй именной указ Петра I от 14 февраля 1716 г., где были сформулированы задачи экспедиции капитана от гвардии А. Черкасского, которые заключались в следующем. Черкасскому предписывалось построить две крепости — одну на месте прежнего устья Амударьи на Каспии, а вторую — на Амударье у найденной им плотины. Черкасский должен был приложить все усилия, чтобы направить течение Амударьи по старому руслу. После поворота Амударьи необходимо было подняться вплавь по ее течению покуда это будет возможно и искать водный путь в Индию. В Индию направлялся подчиненный Черкасскому офицер поручик Александр Кошин, для которого были подготовлены специальные инструкции.

Черкасский должен был склонить хивинского, а если возможно, и бухарского хана к верности царю обещанием защиты от подданных путем присылки гвардии, за которую хан должен был платить. Также указывалось на необходимость подняться вверх по Сырдарье до города Еркети для осмотра золотодобычи. Черкасскому поручалось примечать реки и озера, описать водный и сухой путь, особенно в Индию. Для осуществления этих целей в экспедицию направлялось более 6000 человек войска, суда, провиант и т. д., ей были приданы также инженеры и навигаторы. В том

случае, когда целей нельзя будет достичь прямым путем, предписывалось это делать тайным образом. Черкасский был снабжен царскими грамотами на имена хивинского и бухарского ханов и Великого Могола.

Следует сказать, что в марте 1716 г., когда Черкасский находился в Москве, подготавливая вторую морскую экспедицию, к нему возвратился один из его разведчиков Тебей Китаев, побывавший в Хиве, Бухаре, Самарканде и Балхе. Он привез образцы золотого песка и лазурита и важные сведения о золотодобыче вблизи Самарканда, о важнейших торговых путях и характере торговли в Средней Азии и др.

Вторая морская экспедиция Черкасского началась 15 сентября 1716 г. Для ее осуществления пришлось построить специальную флотилию почти в 100 судов, которая 9 октября приплыла к мысу Тюб-Караган, где была заложена крепость, названная крепостью святого Петра. Затем в заливе Александр-бай была заложена вторая крепость, а у "Красных Вод" — третья, на месте которой впоследствии вырос город Красноводск. Отсюда Черкасский направил к хивинскому хану трех человек с сообщением о том, что намеревается идти в Хиву и нуждается в помощи. Однако посланцы его не вернулись. Оставив в каждой из построенных крепостей гарнизон и провиант, Черкасский в феврале 1717 г. возвратился в Астрахань. В его войске к этому времени оставалось около трех тысяч человек.

Таким образом, вторая Каспийская экспедиция была закончена. Основной ее результат — закладка крепостей и главным образом Красноводской, которой, по замыслам Петра I, предназначалось охранять устье возрожденной реки и служить опорой в сношениях России со Средней Азией.

Между тем, А. Бекович-Черкасский получил, наконец, долгожданные известия от своих послов, направленных в Хиву еще из Красноводской крепости. Они сообщали о тревожной обстановке в Хиве и о неверии хивинцев в мирные намерения царской экспедиции. Эти сведения чрезвычайно обеспокоили А. Черкасского, который известил о них Петра I. А. Черкасский наверняка был бы обеспокоен еще больше, знай он о судьбе отряда яицких казаков в 1000 человек, в

1605 г. решивших совершить набег на Хиву. Перейдя через Устюрт, этот отряд благополучно добрался до подступов к Ургенчу, но здесь был поголовно истреблен (69).

В конце марта 1717 г. Черкасский направил сухопутным путем в Гурьев отряд яицких и гребенских казаков, которые должны были здесь дожидаться основных сил экспедиции; остальные во главе с Черкасским перешли в Гурьев морем. Таким образом начался хивинский поход.

Будучи в Гурьеве, Черкасский получил известие о трагической гибели своей жены и двоих детей во время бури на Каспии. Это горе, по свидетельствам очевидцев, на него подействовало очень сильно.

Получив проводников от Аюки-хана, в июне 1717 г. экспедиция направилась в Хиву. Выйдя из Гурьева, отряд двинулся на восток, через 10 дней на плотах переправился через реку Эмба, затем повернул на юго-восток и пересек плато Устюрт в самый разгар лета. На всем протяжении пути экспедиция чрезвычайно страдала из-за нехватки питьевой воды и корма для лошадей и верблюдов, часть которых по этой причине пала. Путь по плато Устюрт занял 7 недель. В середине августа перед экспедицией показались озера, образованные сбросовыми водами оросительных каналов на окраине Хивинского оазиса.

Дальнейшая история экспедиции хорошо известна. В ставках от Хивы Ширгази-хан, возглавивший большой отряд, осадил русский лагерь, но был отбит. Отступив в Хиву, хан вступил в переговоры с А. Бековичем-Черкасским, убедил его в своей неосведомленности о нападениях на русских и пригласил к переговорам, в ходе которых был заключен мир. А. Бекович-Черкасский согласился на предложение хана — впустить отряд по частям в город так, чтобы русские были расквартированы в ханстве в пяти городах небольшими группами. Однако затем по приказу хана русские либо были перебиты, либо взяты в плен и обращены в рабство. Сам А. Бекович-Черкасский был убит.

Сведения о конце экспедиции были сообщены в России несколькими участниками хивинского похода, которым удалось бежать из плена. Петр I узнал о гибели экспедиции и о крушении своих замыслов в отношении Средней

Азии в сентябре 1717 г. Он приказал усилить гарнизоны на Тюб-Карагане и Красных Водах, но привести в исполнение его приказание не пришлось. Коменданты крепостей, видя чрезмерную смертность, тревожимые нападениями туркмен и не получая никаких приказаний из России, решили возвратиться в Астрахань, чтобы спасти остатки своих отрядов. В 1720 г. в Россию прибыло посольство от хивинского хана во главе с послом Аваз-Мухаммадом. Официальная цель посольства заключалась в возобновлении торговых сношений; можно предполагать, что посол должен был как-то выяснить намерения царского правительства в отношении Хивы после уничтожения экспедиции А. Бековича-Черкасского. Посол был по указанию Петра арестован и заключен в крепость, где он и умер в 1721 г. Только один из участников посольства был отпущен в Хиву с грамотой на имя хана. С ним же было направлено письмо канцлера, извещавшее хивинского хана о смерти его посла. Русские пленные, вернувшиеся впоследствии из Хивы в Россию, рассказали, что по получении царской грамоты хивинский хан растоптал ее ногами (70).

Описанию различных аспектов экспедиции А. Бековича-Черкасского посвящена обширная литература, в которой в той или иной мере повторяются тезисы об исключительно миролюбивом характере предприятия и коварстве хивинцев. Недостаток всей этой литературы заключается в том, что, вне зависимости от того, когда она опубликована — в дореволюционное или советское время, она освещает только одну сторону истории. Причем в дореволюционное время специалисты, не обремененные идеологическими установками об изначальном братском миролюбии народов, высказывались более прямо, отстаивая точку зрения России.

Действительно, точка зрения хивинцев на экспедицию А. Бековича-Черкасского и его действия — постройка укрепленных крепостей на хивинских землях, намерения повернуть Амударью в сторону Каспия, разрушить плотины на реке, в результате чего значительная часть орошаемых земель могла остаться без воды, рассылка групп разведчиков под личиной торговых людей по всей Средней Азии,

наконец, приход незваными во главе крупного вооруженного отряда в Хиву — никогда не публиковалась и не обсуждалась. Только В. Бартольд отмечал, что "по мнению хивинского историка, отряд имел целью завоевать Хивинское ханство ради золота, добывавшегося в горах Шейх-Джели" (71). Впрочем, сам Бартольд несколько ранее в той же работе пишет, что "план мирного завоевания Средней Азии был связан с надеждой восстановить водный путь в Индию и приобрести золотые россыпи" (72). Говоря о мирном завоевании, ученый, по-видимому, имел в виду, что Хива не должна была оказывать сопротивления этим планам России.

Очевидно, что даже и в те отдаленные от нас времена такого рода действия не являлись нормой межгосударственных отношений, и со стороны хивинцев могли и должны были вызвать однозначно негативную реакцию, о которой, впрочем, и А. Бекович-Черкасский, и сам Петр I были хорошо осведомлены (73).

Дело было в том, как правильно отмечал С. Жуковский, впрочем, почти дословно повторяя мысль В. Бартольда, что при Петре I русское правительство уже не сносилося с Бухарой и Хивой как равный с равным. Такое изменение отношений России к ханствам объясняется тем, что как в Бухарском ханстве после Абдулазиза, так и в Хивинском после Ануши началось время внутренних смут и частой смены ханов. Эти беспорядки повлекли за собою распадение Бухарского ханства и ослабление Хивинского, чем и решил воспользоваться Петр для действительного подчинения ханств русской власти (74).

Говоря о миролюбивых намерениях экспедиции А. Черкасского, нельзя не согласиться с тем, что она вряд ли имела в виду завоевание ханств — сил для этого было явно не достаточно. Но нельзя забывать и о том, чем оборачивалась европейская торговля для Азии: "Дело начинается там ситцами, а кончается созданием подвластной империи в 150 млн жителей" (75). История показала, что это справедливо не только в отношении Англии.

Наконец, что касается хитрости и коварства хивинцев, необходимо иметь в виду, что слабо вооруженные и не зна-

ющие настоящей воинской дисциплины хивинские войска оказались не в состоянии опрокинуть лагерь под Хивой и только тогда прибегли к другим средствам. В любом случае гибель экспедиции А. Бековича-Черкасского, учиненная хивинцами, на сто лет остановила военную активность России в Средней Азии, вплоть до столь же авантюрного похода генерала В. Перовского. В этом смысле гибель экспедиции являлась не виной, а бедой А. Бековича-Черкасского.

С известной степенью условности можно говорить о том, что это трагическое событие ознаменовало собой завершение определенного этапа во взаимоотношениях России со среднеазиатскими ханствами в XVIII в., когда правительство Петра предприняло первую попытку проникновения на территорию ханств. В последующем во взаимоотношениях со среднеазиатскими ханствами царское правительство использовало дипломатические средства. Наряду с этим необходимость распространения влияния России и стремление к получению большей выгоды от расширения экономических и политических связей со странами Востока привели Петра I и его преемников к идее о строительстве крепостей и укрепленных линий на границах с Казахстаном, т.е. к специфической организации пространства, на которую, по мысли царского правительства, распространялись геополитические интересы России.

В этом смысле представляет интерес хотя бы краткое рассмотрение миссии капитана артиллерии Ивана Унковского в Джунгарское ханство (76). Как и многие другие миссии и экспедиции царского правительства, эта миссия, вышедшая в путь 11 апреля 1722 г. из Тобольска, ставила перед собой дипломатические, разведывательные и, если можно так выразиться, научно-прикладные задачи. В ее состав вошли геодезисты, специалисты горного дела, инженеры. Основными целями миссии были: во-первых, склонить правителя Джунгарского государства — хунтайши Цэван-Рабтана к принятию русского подданства, получить его поддержку в строительстве на территории ханства крепостей с русскими гарнизонами. Во-вторых, найти речные пути из Сибири в Среднюю Азию, в-третьих, искать залежи "песошного" золота (русское правительство все еще надеялось

найти город Еркет) и, наконец, произвести географические и геодезические съемки и составить соответствующие карты. Унковскому предписывалось осматривать те места, "где удобно крепостям быть, а особливо, чтоб в тех местах, где может найдена быть руда и коммуникация с Сибирью, особливо же водяным путем".

Посольство Унковского имело свою предысторию. Как уже отмечалось, Цинский Китай чрезвычайно усилился при императоре Канси и стал угрожать существованию Джунгарского государства. Правитель калмыков решил обратиться к России за военной помощью против китайцев. С этой целью в Россию был направлен посол, который был принят в Петербурге. "Предложения, сделанные послом..., вполне соответствовали планам Петра Великого: калмыки предлагали русским отправить из Семипалатинска войско в 20000 человек и построить крепость" (77) на Верхнем Иртыше. Посольство И. Унковского и было направлено для окончательного решения этих вопросов.

Поднявшись вверх по Иртышу до Семипалатинска, затем направившись к юго-востоку по долине реки Чар и переправившись через несколько горных хребтов, И. Унковский 25 октября 1722 г. прошел через Джунгарские ворота и, преодолев реку Хоргос, 20 ноября достиг резиденции хунтайши в долине реки Или. Здесь миссия перезимовала и затем в течение нескольких месяцев кочевала вплоть до озера Иссык-Куль. На своем пути члены миссии проводили измерения и географические съемки. И. Унковскому не удалось уговорить хунтайши перейти в подданство России, не удалось также получить разрешения на строительство крепостей. Дело в том, что за короткое время политические условия в Джунгарском ханстве изменились. Император Канси умер в 1722 г., и давление Китая на ханство временно ослабло. Теперь уже ханство не нуждалось в помощи России и опасалось появления русских отрядов. Более того, Цэван-Рабтан опять стал поднимать вопрос о правах калмыков на берега Иртыша вплоть до Оми.

Но спокойствие на границе Китая и Джунгарии оказалось только временным, и в 50-х гг. XVIII в. ханство было разгромлено и завоевано Китаем. К этому времени относят-

ся и пограничные споры между Россией и Китаем, которые были разрешены в пользу России только в XIX в.

18 сентября 1723 г. миссия вышла в обратный путь, практически повторив прежний маршрут. Основным результатом миссии И. Унковского явились путевой журнал и карта, которая давала первое достоверное представление о восточном Казахстане (78).

Вместе с тем И. Унковский собрал весьма ценные сведения о судьбе русских, плененных калмыками в ходе экспедиции И. Бухгольца. Они были увезены в Восточный Туркестан и Семиречье.

История с еркетским золотом не была закончена с миссией И. Унковского. В 1732 г. в Джунгарское государство было направлено посольство майора Угримова, которому, наконец, удалось выяснить, что золото добывают в Восточном Туркестане, у Яркенда, который неправильно называли Еркетом (79). После этого царское правительство дальнейших шагов к овладению приисками не предпринимало. Но Угримову удалось освободить из калмыцкого плена и вернуть в Россию практически всех живых к тому времени русских, плененных в период экспедиции И. Бухгольца.

Одна из серьезных причин ослабления в Средней Азии активности России — ее вмешательство в кавказский узел противоречий, что выразилось первоначально в осуществлении Петром I Персидского похода, целью которого, как известно, являлось распространение влияния России в прикаспийских областях и на Кавказе (80) и получение доступа к мировым торговым путям в этом регионе, прежде всего, "к центральным шелковым торгам Ирана и от Пятигорска до Тифлиса — центра Грузии" (81).

Успех этого похода заключался в присоединении значительных прикаспийских территорий, закрепленных за Россией условиями Петербургского договора 1723 г. между Россией и Ираном и созданием казачьих укреплённых линий на Северном Кавказе.

Это военно-политическое достижение России, естественно, вызвало ответную реакцию Турции и недовольство Франции и Англии, которые увидели в действиях России угрозу своим интересам в левантийской торговле. Видимо, именно

в это время начинается русско-английское соперничество на Востоке, достигшее своего апогея в XIX в.

В этот процесс вскоре были вовлечены Крымское ханство, выступившее на стороне Турции и угрожавшее своими набегами на Северный Кавказ, и Иран, усилившийся в результате объединения под властью Надир-шаха. Ситуация на Кавказе осложнялась разнородным этническим составом и религиозными верованиями народов, имевших различную культурную и политическую ориентацию. Однако в сложной военно-политической игре великих держав того времени интересы народов в расчет, разумеется, не принимались.

Как бы то ни было, для реализации своих устремлений на Кавказе России прежде всего было необходимо нейтрализовать влияние Турции и Крыма. Эта проблема превратилась в важнейшую задачу России на Востоке на многие десятилетия, отвлекая ее внимание и военные ресурсы от Средней Азии. Однако даже в это время Россия продолжала строить завоевательные планы в отношении Средней Азии. Эта тенденция усиливается к моменту принятия Младшим казахским жузом русского подданства. Известен, например, проект, разработанный сподвижником Петра I сенатским обер-секретарем И. Кирилловым, назначенным начальником Оренбургской экспедиции (82). В проекте предлагалось воспользоваться слабостью узбекских ханств (Бухарского и Хивинского) и завоевать Среднюю Азию с помощью казахских жузов. Необходимым условием завоевания было склонение всех казахских жузов к русскому подданству. Именно по этой причине И. Кириллов настаивал на принятии всех условий, на которых Абулхайр-хан соглашался принять русское подданство. Кириллов полагал, что иначе "не только новые многие народы, пришедшие в подданство и еще желающие подданства, со многими городами, яко Ташкент и Арал, можем потерять, но и нынешний случай к подборанию рассыпанных бухарских и самаркандских провинций и богатого места Бодокшан упустим". В проекте ставилась задача строительства городов на севере и юге степи, отмечалась необходимость строительства укрепления в низовьях Сырдарьи, чтобы "на Аральском море российский

флаг объявить". Поднимался и вопрос о торговых путях в Индию через среднеазиатские ханства.

Проект был одобрен царским правительством, и Кириллову было поручено в 1734 г. приступить к его практической реализации. Уже в 1735 г. на реке Ори был построен город Оренбург, который дважды переносился, прежде чем прописался на том месте, где он стоит и сейчас. Царское правительство в то время смогло осуществить только небольшую часть проекта — а именно организацию линии укреплений вдоль северо-западной границы "киргиз-кайсацких степей". В. Бартольд отмечал нереалистичность проекта Кириллова: "Видно, что и в Средней Азии, как прежде в Маньчжурии и в Монголии, составлявшиеся в то время проекты присоединяли к России области, которые потом оставались вне пределов Российской империи: "богатое место Бодокшан", т.е. область Бадахшан "входит в настоящее время в состав Афганистана" (83).

Тем не менее завоевание Кавказа Россией в XIX веке обеспечило ее, наряду с Оренбургской укрепленной линией, новым стратегическим плацдармом, с такими опорными пунктами, как Баку, Петровск (Махачкала), Дербент, что облегчало ее проникновение в Среднюю Азию.

Таким образом, восточная политика России в том виде, в каком она проявилась в период царствования Петра I, имела весьма глубокие исторические корни. На ее становление и формирование оказали влияние как многовековой опыт общения русского государства с кочевой степью, с восточными государствами, так и со странами Запада.

Формирование России как полиэтнического поликонфессионального государства, евразийской страны происходило в результате сложных исторических процессов, путем взаимодействия с сильно различающимися странами и народами. В этих условиях большое значение для сохранения государственности приобретало усиление центральной (царской) власти, что, по-видимому, и обусловило выраженный этатизм государственного устройства России. Существенное значение в укреплении государственности России имело православие, что, безусловно, отразилось на формировании геополитических приоритетов страны.

Большое влияние оказало и то, что уже на относительно ранней стадии формирования своей государственности Россия вступила в борьбу за мировые торговые пути, энергично и целеустремленно осваиваемые европейцами. Она стала инициатором создания Северного союза европейских стран, предусматривающего ведение совместной наступательной войны против Швеции, занимавшей к этому времени господствующее положение на Балтике. У каждой из стран — Дании, Польши, Пруссии и других — были свои конкретные задачи в великой Северной войне против Швеции. Петр I стремился получить выход к Балтийскому морю и утвердиться на его берегах. Блестящая победа русских под Полтавой в 1709 г. в корне изменила ход Северной войны и привела к заключению Ништадтского мирного договора со Швецией (1721 г.).

Результаты этой войны внесли важнейшие изменения в соотношение сил в Европе. Швеция навсегда утратила статус великой державы. В то же время сильно возросло международное значение России, которая превратилась в балтийскую морскую державу, получив первоклассные порты на побережье и имея мощный военный флот на Балтийском море.

На Востоке же найти "ключ и врата ко всем азиатским странам", как планировал Петр, ему не удалось. Ни номинальное признание российского подданства отдельными ханами, ни военные экспедиции А. Бековича-Черкасского и И. Бухгольца эту задачу не решили. Спустя столетие после описываемых событий, один из видных представителей российской власти министр иностранных дел К. Нессельроде отмечал, что поворот торговых дорог "из Хивы, Бухары и от окрестностей Инда к Мангышлаку или другому удобнейшему там месту и оттуда в Астрахань морем или сухим путем через Эмбу и Урал" явится "надежнейшим средством" развития торговых связей с Азией. Он подчеркивал особую целесообразность изучения вопроса о древнем русле Амударьи и возможности его восстановления — вопроса, издавна занимавшего русских ученых и "стоившего Петру Великому знатного числа войск" (84).

Таким образом, восточная политика России приобрела довольно четкие очертания и цельность с приоритетами,

ориентированными на юг и юго-восток. В целях реализации этой политики Петр сумел мобилизовать весьма значительные ресурсы государства на обеспечение геополитических интересов на Востоке, как они осознавались в то время царским правительством. В качестве одного из важных инструментов этой политики Петр I широко использовал различные военные миссии и экспедиции. Поскольку в большинстве случаев речь шла о новых территориях и странах, перед этими миссиями и экспедициями ставились задачи детального их географического описания и изучения, составление географических и топографических карт, поиск удобных путей на Восток. Собранные экспедициями материалы содержали бесценные, имеющие порой уникальный характер данные относительно некоторых важнейших элементов традиционных форм материальной культуры и межгосударственных взаимоотношений России и стран Центральной Азии. Но вопросы изучения Востока играли только вторичную роль и имели военно-прикладной характер.

Главным было достижение коренных целей России на Востоке — усиление ее экономической роли и политического влияния. Однако анализ хода петровских экспедиций в Центральную Азию показывает, что зачастую перед ними ставились задачи и цели, которые были недопустимы в свете существовавших тогда конкретных исторических условий как в самой России, так и в сопредельных восточных регионах.

ГЛАВА 2

ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ И СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВАХ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Российское государство

В конце XVII — начале XVIII в. Россия являлась многонациональным государством, занимавшим обширную площадь с населением около 13 млн человек. В это время наблюдается значительный рост производительных сил и укрепление экономики страны, что выразилось в существенном расширении площади пахотных земель, развитии ремесленного производства и возникновении первых крупных мануфактур, число которых составило 20 к началу века. Строились новые города, развивалась внутренняя и внешняя торговля. Продолжалось общественное и территориальное разделение труда. Однако несмотря на достигнутые успехи в экономическом и культурном отношении Россия существенно отставала от передовых стран Западной Европы.

Причин такого отставания было много, но главной была та, что Россия не имела свободных выходов к Балтийскому и Черному морям, что препятствовало полноценному экономическому и культурному общению с другими странами и участию ее в мировой торговле.

Уже в первые годы Северной войны в связи с созданием в России регулярной армии и военно-морского флота стала сказываться отсталость промышленного производства — не хватало железа, меди, отсутствовали в должном количестве сукно, полотно и порох. Русское правительство прилагало большие усилия для сооружения железоделательных, медеплавильных, суконных и полотняных мануфактур, развития промышленного производства. В связи с недостатком государственных средств на льготных условиях привлекались

средства частных лиц — купцов, крупных ремесленников, промышленников и представителей богатой знати.

В результате напряженной работы на Урале, в Олонецкой губернии и в Сибири были созданы передовые для своего времени центры горнодобывающей и металлургической промышленности. На базе казенных заводов развивались частные предприятия; государство помогало заводчикам в строительстве и эксплуатации доменных печей, готовило для них специалистов, приписывало к заводам крепостных крестьян с семьями, покупало конечный продукт на льготных условиях. Особенно интенсивно металлургическая промышленность развивалась на Урале, богатым рудными запасами и лесом. В дополнение к таким старым заводам, как Невьяновский, в 1726 — 1762 гг. на Урале были построены 44 завода черной металлургии и 37 медеплавильных; до конца XVIII в. к ним добавилось еще около 30 металлургических предприятий. В конце 60-х гг. в России действовало около 150 железоделательных и меднолитейных заводов (1).

В итоге бурного развития тяжелой промышленности в России производство чугуна с 1700 г. по 1725 г. возросло более чем в 5 раз, а в 1750 г. его было выплавлено более 2 млн пудов (2). Основная часть производимого металла предназначалась для нужд казны и вывоза за границу. К середине XVIII в. Россия превратилась в крупнейшего поставщика черных металлов в Европу. Вывоз железа непрерывно возрастал в течение всего века, и если в 1760 г. его было вывезено около 800 тыс. пудов, то в 1783 г. — более 3 млн 800 тыс. пудов. Однако из-за большого вывоза крупные металлургические предприятия не могли удовлетворять в полной мере внутреннего спроса, особенно во вновь осваиваемых областях Среднего Поволжья и Сибири. Не хватало таких изделий, как чугунное литье, гвозди, ножницы и т.д. В связи с этим получило развитие мелкое производство на основе кустарной железообрабатывающей промышленности. Вплоть до середины XVIII в. определенное значение для удовлетворения спроса в Сибири имел ввоз металлической посуды и котлов из Бухары и Ташкента (3).

Предприятия легкой промышленности создавались первоначально в столичных городах — Москве и Петербурге,

затем география их размещения существенно расширилась — они появились в Казани, Калуге, Ярославле, на Украине и т.д. В это время в России возникают такие центры мануфактуры, как, например, село Иваново Владимирской губернии (с 1871 г. — город Иваново-Вознесенск), которое к 40-м гг. превратилось в центр обширного текстильного района, насчитывавшего более 50 фабрик.

Основная масса тканей производилась на мануфактурах в центральных областях России. Например, в Москве и Московской губернии в 1767 г. было зарегистрировано 72 текстильных предприятия, стоимость ежегодной продукции которых составляла 901 тыс. рублей (4). Мануфактурное производство шерстяных тканей, в особенности сукна и каразеи, ориентировалось на удовлетворение нужд армии и флота, часть тканей шла на экспорт, так что основные потребности населения удовлетворялись за счет развития мелкого крестьянского производства сермяжных сукон. Шерстяные ткани являлись важной статьей дохода в торговле со странами Востока, с Казахстаном и с окраинами России, куда поступала также и готовая одежда из разных видов сукна.

Развивается в XVIII в. и полотняная промышленность: число мануфактур с 1726 по 1760 г. возросло в три раза, а к концу века в России действовало уже более 300 полотняных фабрик (5). Продукция этих предприятий предназначалась не только для удовлетворения спроса массового потребителя на внутреннем рынке, но и для вывоза на внешние рынки, особенно в западноевропейские страны, где русская парусина, например, пользовалась устойчивым спросом благодаря высокому качеству. Русское полотно занимало видное место в меновой торговле через Оренбург. Дальнейшее развитие полотняной промышленности несколько сдерживалось тем, что, начиная с 30-40-х гг. в России укрепляется и получает широкое развитие производство хлопчатобумажных тканей. Растущие потребности в сырье для этой промышленности удовлетворялись за счет ввоза хлопка из восточных стран, прежде всего, из Средней Азии. Русское правительство предпринимало также попытки культивировать хлопок внутри страны. Так, в донесении сибирского губернатора Чичерина от 1773 г. говорится о тарском бухарце Алиме Шихове, кото-

рый был направлен в Бухару для "вывоза художников, умеющих сеять хлопчатую бумагу" (6).

Наряду с мануфактурами развивалось и ремесленное производство, средоточием которого являлись фактически все крупные города России. Ремесла и крестьянские промыслы находились под сильным влиянием мануфактурного производства и внутреннего спроса на новые изделия и предметы обихода. Так, недостаток на внутреннем рынке шерстяных тканей мануфактурного производства обусловил широкое распространение кустарных промыслов по производству сукна и готовых изделий из него. На развитие ремесел влияли и интересы внешней торговли. Например, ремесленные производства по обработке дерева и производству деревянной посуды, сосредоточенные в центральных районах России, значительную часть своей продукции сбывали на окраинных рынках, в частности в Астрахани и Оренбурге, откуда она распространялась в Среднюю Азию и Казахстан.

Происходит и территориальное разделение ремесленного производства: скорняжные промыслы получают развитие в городах Арзамас, Казань, Кимры; кружевные промыслы — в Вологодской и Московской губерниях и т.д.

В России XVIII в. рост мелких промыслов проявился двояко: во-первых, в переселении мелких промышленников и ремесленников из центральных, давно заселенных и в экономическом отношении наиболее развитых губерний на окраины; во-вторых, в образовании новых мелких промыслов и расширении старых среди местного населения. Так, при освоении Оренбургского края во второй половине XVIII в. русским правительством и местными властями предоставлялись все условия для его заселения купцами и ремесленниками как русскими, так и иноземными. Это было вызвано стремлением правительства наладить местное производство и превратить Оренбург в один из основных центров торговли России со Средней Азией и Казахстаном. Такая же протекционистская политика проводилась в отношении осваиваемых территорий Среднего Поволжья и Сибири.

Рост городов, развитие промышленности и ремесел, обширные территориальные приобретения, в частности пло-

дородных и богатых земель южной части европейской России, создавали необходимые условия для развития сельского хозяйства. Особенностью этого развития во второй половине XVIII в. являлось то, что оно было экстенсивным и приобретало товарный характер. Производительность труда в сельском хозяйстве была довольно низкой. Делались попытки ее увеличения за счет введения новых культур, новых пород скота, совершенствования агротехнических процессов и орудий труда. Однако успехи в этом направлении были незначительны.

В производстве товарного зерна все большую роль стали играть вновь осваиваемые плодородные земли Тобольского земледельческого района, превратившегося в основную житницу Сибири, Оренбургского края, откуда зерно поступало не только на внутренние нужды, но и в большом количестве поставлялось для торговли со среднеазиатскими ханствами и казахской степью.

В северных и центральных губерниях России развивалось льноводство. Важную роль в сельскохозяйственном производстве играло скотоводство — основной поставщик молочной и мясной продукции, шерсти, кожи как для внутреннего потребления, так и на вывоз.

В результате развивающегося общественного и территориального разделения труда наблюдается рост внутренней и внешней торговли, которой вплоть до 60-х гг. XVIII в. заведовала специальная коммерц-коллегия. Много делалось для укрепления купеческого сословия. Еще в начале века городам было предоставлено самоуправление, что предохраняло купечество и ремесленников от произвола воевод. Магистраты городов, избираемые богатыми купцами и ремесленниками, обладали административными и судебными правами над посадским населением. В заметную социальную силу, с интересами которой нельзя было не считаться, постепенно превращалось купечество. Именно из его среды стали выделяться наиболее крупные фабриканты и заводчики.

В целях развития торговли поддерживалось проведение многочисленных местных, губернских и всероссийских ярмарок, появились указания об организации биржи, улуч-

шились пути сообщения и транспортные магистрали, велась большая работа по строительству каналов и т.д.

В конце XVIII — начале XIX в. выросло число торжков и ярмарок, что отражало развитие всероссийского национального рынка. Некоторые ярмарки, например, Макарьевская (Нижегородская), Оренбургская, Ирбитская, превратились в пункты длительной торговли, куда поступало много изделий крупной промышленности.

В результате народное хозяйство России втягивалось в рыночные отношения, развитию которых способствовал Указ 1753 г. об отмене внутренних таможенных пошлин. С повышением роли товарно-денежных отношений создавались условия для установления более тесных экономических связей между различными регионами государства.

В основу экономической политики России вплоть до 80-х гг. XVIII в. был положен меркантилизм, имевший целью накопление средств внутри страны и ограничение оттока денег за границу. Практическая реализация этой политики осуществлялась двумя путями. С одной стороны, правительство стимулировало деловую активность внутри страны — частным предпринимателям, желающим заняться промышленной деятельностью, предоставлялись такие льготы, как беспроцентные ссуды, освобождение от налогов, гарантия сбыта готовой продукции, предоставление монопольного права на внутреннем рынке. С другой стороны, использовалась система протекционистских мер, ограждавших русские товары от иностранной конкуренции за счет использования соответствующих таможенных пошлин и поощрение экспорта за счет создания выгодных условий для торговли русскими товарами за рубежом, как-то: помощь в предоставлении казенных судов, обучении купцов иностранным языкам, решении организационных вопросов и т.д.

После присоединения Прибалтики в результате Северной войны сильно возрос объем внешней торговли с Западной Европой, которая шла теперь, в основном, через Петербург, Ригу и Нарву. Внешнеторговый оборот России непрерывно увеличивался в течение XVIII в. Главным торговым партнером ее была Англия, на долю которой в первой половине XIX в. приходилось 34 % русского экспорта и

импорта, в то время как на долю Германии — 11%, Франции — 10 %, а на долю всех остальных стран — 45 % (7).

Торговля с европейскими странами велась главным образом через Балтийское море. Так, в 1802 г. в порты Балтийского моря прибыло 2786 судов, в порты Черного и Азовского морей — 706, Белого — 236 (8). В вывозе русских товаров в Европу главное место занимало сырье, в основном конопля и лен, в вывозе готовых изделий — железо, медь, продукция полотняной промышленности и корабельная снасть.

Большое место во внешнеполитических отношениях России занимала торговля с узбекскими ханствами Средней Азии, Казахстаном, Ираном, Турцией и другими странами Востока. После установления политического влияния России над казахскими жузами, все большее значение в торговле и сообщениях с Востоком стал приобретать Оренбург, а также города, расположенные по Сибирской и Иртышской укрепленным линиям.

Русское правительство, поощряя торговлю, преследовало политические цели. Так, с 60-х гг. XVIII в. среднеазиатским купцам было предоставлено право вести торговлю главным образом на Иртышской линии и Ирбитской ярмарке. Следует отметить, что все более усиливается прорусская ориентация среднеазиатских купцов, выражавшаяся в добровольном переселении их в Сибирь, а также в формировании торгово-ремесленных кругов, заинтересованных в расширении связей с Россией. Так, Х. Зияев отмечает, что в начале XIX в. в Тобольской губернии проживало 4854 торгующих бухарцев и ташкентцев, в Томской губернии — 118 (9). Довольно значительное поселение среднеазиатских торговцев было сосредоточено в Петропавловске. Важность торговли среднеазиатских купцов в этом регионе для среднеазиатских правительств подтверждает и тот факт, что, например, кокандский хан своим специальным ярлыком от 1821 г. назначил влиятельного купца Кенжата Байджанова, проживавшего в Петропавловске, аксакалом над всеми торговавшими там подданными Коканда. Эти полномочия Байджанова были признаны и губернатором Клинцевичем (10). Многие купцы жили здесь постоянно и ездили по тор-

говым делам в Ташкент, Коканд, Кашгар, Кульджу, Тибет и Индию.

Важную роль в развитии взаимовыгодных торгово-экономических отношений между русским государством и среднеазиатскими ханствами играли посольские связи, довольно интенсивно развивающиеся в XVII — XIX в. Достаточно указать, что на протяжении XVII вв. русские посольства посетили Бухару и Хиву 9 раз, а бухарские и хивинские послы посещали Москву 26 раз (11).

Осуществление посольских связей позволяло получать важные сведения о внутреннем социально-экономическом и политическом положении в среднеазиатских ханствах, состоянии и перспективах торговли, основных направлениях торговых путей, взаимоотношениях с сопредельными странами и т.д. Так, деятельность русских посольств в XVII в. способствовала определенному расширению сведений о среднеазиатских ханствах (12).

Посольства играли большую роль в развитии так называемой царской или ханской торговли, предметами которой были, в основном, товары, составлявшие монополию правительства той или другой страны. Из русских товаров, входивших в оборот царской торговли, следует отметить различные меха, золото, серебро, железо и олово, моржовые клыки, топоры, огнестрельное оружие и некоторые другие товары, вывозившиеся в Среднюю Азию только с разрешения государства.

Потребителями этих ценных товаров были ханы и крупные феодалы, посылавшие со своими купцами русским царям драгоценные камни, шелк, дорогие ткани, аргамаков и экзотических животных. Особенно широким спросом среди среднеазиатской элиты пользовались воинские панцири и ловчие птицы, вывозившиеся из России и считавшиеся большой редкостью в Средней Азии. В свою очередь, чрезвычайно ценным бухарским товаром в России считался ремень, который с 1657 г. сделался исключительно предметом государственной торговли и в значительном количестве реэкспортировался в страны Западной Европы.

В ассортимент ханской или царской торговли могли входить и товары широкого потребления. Эта торговля нередко

принимала характер простого обмена дорогими предметами, как бы в виде роскошных подарков с той или иной стороны, т.е. принимала форму так называемых "любительских поминок" (13). Торговля царскими или ханскими товарами могла вестись на всей территории среднеазиатских ханств или России соответственно и, в отличие от обычной торговли, не облагалась пошлинами. Следует отметить, что в XVIII в. царская торговля почти не практиковалась, тогда как ханская торговля продолжала сохранять довольно заметное место.

Большое значение имело то, что посольства занимались вопросами развития обычной или "вольной" торговли, игравшей большую роль в экономике обеих сторон. Среднеазиатские купцы регулярно бывали и подолгу жили в Астрахани, Казани, Нижнем Новгороде, Москве, Тюмени, Тобольске, Таре. Не менее частыми были поездки русских купцов в Среднюю Азию, которые обычно ездили большими группами в 40 — 50 человек и жили там по 2 — 3 года.

Особое значение торговли России со среднеазиатскими ханствами и вообще с Востоком было обусловлено тем обстоятельством, что товарообмен осуществлялся, в основном, готовыми изделиями, что вело к развитию производительных сил в целом. Общая сумма товарооборота торговли Средней Азии с Россией в XVII в. составляла, по приблизительным данным, около 100 тыс. рублей в год (14). В то же время общий товарооборот торговли России с Западной Европой составлял около 500 тыс. рублей в год (15).

Торгово-экономические связи со среднеазиатскими ханствами имели большое значение в процессе освоения территорий Среднего и Нижнего Поволжья, Оренбургского края и особенно Сибири. Это объясняется тем, что Сибирь ввиду своей удаленности и отсутствия хороших путей сообщения вплоть до конца XVIII в. была экономически плохо связана с Центральной Россией. Россия еще не могла в достаточной мере обеспечивать свои окраины необходимыми товарами (16). Именно поэтому торговля со Средней Азией являлась жизненно необходимой для здешнего населения, что хорошо осознавалось как местными властями, так и центральным правительством России. Администрация Сибири вся-

чески способствовала торговле со Средней Азией, что выразалось в принимаемых мерах по защите караванных путей, предоставлении таможенных и иных льгот, создании условий для постоянного жительства купцов и т.д.

Таким образом, к началу XVIII в. Россия и Средняя Азия имели постоянные и взаимовыгодные экономические и посольские связи, развитие которых имело поступательный характер, что в конечном счете заложило основу всех их последующих взаимоотношений в политической и экономической сферах. Это сближение, первоначально обусловленное только потребностями в торговом обмене и в транзитной торговле европейских стран с Востоком через территорию России, имело исторически закономерный характер и диктовалось целым рядом и чисто политических причин, роль которых усилилась в XVIII в. В интересах укрепления растущего Российского государства царское правительство добивалось обеспечения безопасности своих южных и юго-восточных границ, стремилось укрепить здесь свое политическое влияние и получить доступ к новым источникам сырья и рынкам сбыта. Важнейшими мероприятиями в этом направлении явились установление политического влияния России на Казахскую степь и основание Иртышской и Оренбургской укрепленных линий на юго-восточных рубежах России. При этом "политика России состояла в этот период главным образом в том, чтобы превратить казахские степи в прочный и надежный мост, соединяющий ее со Средней Азией и другими восточными государствами" (17).

Строительство укрепленных линий представляло собой, прежде всего, стратегическое мероприятие по усилению обороноспособности русских границ. Оно происходило в сложной внешнеполитической обстановке. Россия была вынуждена противодействовать попыткам Джунгарии, теснимой Цинской империей, завоевать казахские жузы и подчинить своему влиянию Среднюю Азию. Она была вынуждена противодействовать и Турции, за спиной которой стояла Англия, пытавшаяся усилить свое политическое влияние в населенных мусульманами-суннитами ханствах. Наконец, господство Англии в мировой торговле и ее противодействие

расширению внешнего рынка России также вынуждали ее искать пути к укреплению своих позиций в этом регионе.

Основание Оренбургской и Иртышской линий придало новый импульс дальнейшему развитию связей России со среднеазиатскими ханствами, так как новые города и крепости с момента своего возникновения стали естественными центрами торговли с пограничными и более отдаленными странами Востока. С этого времени Оренбург превращается в средоточие торговых и политических связей России со Средней и Юго-Западной Азией, тогда как Астрахань теряет свое бывшее значение и остается центром взаимоотношений с Турцией, Ираном и Кавказом. Для превращения Оренбурга в важный пункт торговли были построены Гостиный двор для ведения зимней торговли и Меновой двор — для летней. Привлекая в Оренбург купечество, русское правительство стремилось сделать его более состоятельным, чтобы шире использовать его посредничество в торговле русскими промышленными изделиями и закупке нужного сырья у кочевников и восточных купцов. В качестве учреждения, регулирующего ведение торговли, была построена Оренбургская пограничная таможня.

Значительную роль в оживлении русско-среднеазиатской торговли через Оренбург, особенно на первых порах, сыграли торговые капиталы предприимчивых казанских татар, основавших Сеитовскую слободу. Они согласились поселиться в Оренбурге в обмен на обещание правительства освободить их от рекрутской повинности и разрешить строить мечети и свободно исповедовать мусульманскую религию. За это они обязались "вести торговлю немалую суммою и немалое число пожиточных людей к поселению в Оренбурге приохотить" (18). Впоследствии в Сеитовском посаде поселилось значительное число купцов — выходцев из Средней Азии, которые вели обширную торговлю не только в Оренбурге, но и в других городах России.

В скором времени Оренбург превратился в "международную ярмарку Востока", на которой происходило множество сделок купцов из разных стран с русским купечеством. В частности, довольно заметное место занимала здесь и русско-индийская торговля — предмет особой заботы русского

правительства. Впервые получила широкое развитие русско-азиатская караванная торговля, которая являлась "мощным экономическим фактором, и для правителей феодальных владений, взимавших с караванов бесчисленные пошлины и прочие поборы, и для населения, обслуживающего нужды караванов, и даже для кочевых грабительских племен, которые в степях Дешти-Кипчака зачастую за большие деньги брали на себя охранение проходивших караванов. Больше же всего наживались сами торговые компании, владельцы караванов, а также купцы, которые не стали бы подвергать себя всем тяготам, тревожениям и опасностям пути, если это не приносило бы им очень большой прибыли" (19).

Торговля в Оренбурге приносила большие доходы русской казне. Об их величине свидетельствуют данные таможенных сборов, составившие в 1738 г. 547 рублей, в 1749 г. — 44 тыс. рублей, в 1803 г. — 78,4 тыс. рублей (20). Некоторые колебания пошлинных сборов, имевшие место в разные периоды, были связаны, возможно, с тем обстоятельством, что в это время кроме товаров, облагаемых пошлинами, азиатские купцы ввозили в Оренбург большое количество драгоценных камней, золота и серебра в монетах бухарского, иранского и индийского чекана и в слитках, которые пошлинами не облагались (21).

Сходная картина наблюдалась в XVIII — первой половине XIX в. и во многих других окраинных городах и крепостях на юге и юго-востоке России, в которых велась торговля с азиатскими купцами и приграничными кочевыми племенами. Увеличение количества мест, ведение торговли со странами Востока вызывало даже некоторое беспокойство русской администрации, опасавшейся уменьшения поступления таможенных сборов в главных пунктах торговли. Так, оренбургский губернатор И. Рейнсдорф предлагал прекратить торговлю на Иртышской линии в летнее время, чтобы не подрывать торговлю на Троицкой ярмарке (22).

Процесс активного развития торговли России со странами Востока, прежде всего со среднеазиатскими ханствами, характеризовался двумя особенностями. Во-первых, в отличие от торговли с западными странами внешнеторговый баланс в торговле России с ханствами был пассивен и

ввоз преобладал над вывозом на всем протяжении XVIII в. Во-вторых, происходил непрерывный процесс приспособления русского рынка и русской промышленности к спросу потребителей. Так, если на первых порах русский привоз в Оренбург и Троицк характеризовался большим разнообразием тканей, то к концу XVIII в. наблюдается значительное сужение ассортимента торговли наиболее ходовыми товарами, выпуск которых был налажен русской промышленностью. Недостаток хлопчатобумажных тканей "русской работы" в меновой торговле восполнялся за счет значительного поступления среднеазиатских хлопчатобумажных тканей (23). Налицо был и обратный процесс приспособления ввоза среднеазиатских товаров к потребностям русского рынка.

Таким образом, развитие русско-среднеазиатской торговли вело ко взаимному приспособлению экономик, к удовлетворению взаимных потребностей. Торговля постепенно приобретала все большее политическое значение.

Важную роль в этом процессе играла таможенная политика России, которая являлась отражением господствовавших экономических воззрений меркантилизма и была направлена на укрепление позиций нарождавшейся промышленной и торговой буржуазии и укрепление экономики государства. Российское правительство проявляло большую заинтересованность в торговле со среднеазиатскими купцами. Поскольку последние привозили сырье и кустарные изделия, которые не могли составить конкуренцию для отечественной промышленности, они пользовались покровительственными тарифами (24). Так, льготные пошлины, взимавшиеся в Оренбурге с азиатских купцов в размере 3% от продажной цены товара, действовали на протяжении 10 лет, затем в 1752 г. они были заменены так называемым "азиатским тарифом", который вводил 5% пошлину. При этом с некоторых товаров, необходимых русской промышленности, например хлопка, шелка-сырца, хлопчатой бумаги, а также драгоценных камней и металлов, пошлина вообще не взималась. Обложению пошлинами подлежали парча, полотна, занавеси, каракуль, кашмирские шали, персидские ковры и индийская кисея. В Оренбургской, Троицкой, Петропавловской и Семипалатинской таможенных с

некоторых товаров — шелковых, полушелковых и хлопчатобумажных материй, а также с сухофруктов — пошлину брали соответственно качеству по 3% и меньше (25).

Позже азиатским купцам был запрещен выезд во внутренние города России, чтобы оградить от конкуренции, нарождавшуюся промышленность России и "дабы они, узнав на российские товары внутреннюю цену, в продаже оных там другим купцам не могли делать помешательства" (26), так что торговля была сосредоточена на окраинах России и Нижегородской, Ирбитской и Коренной ярмарках. Этот запрет вызвал противодействие среднеазиатского купечества. В частности, этот вопрос неоднократно поднимался в дипломатической переписке среднеазиатских ханств с оренбургскими и омскими властями, а также с правительством России. Он вызвал некоторое распространение тайной торговли среднеазиатских купцов во внутренних городах России через посредство казанских и оренбургских сеитовских татар и выходцев из Средней Азии, принявших русское подданство. Осведомленное об этом русское правительство предпринимало соответствующие меры для предотвращения такой торговли. Так, по указу от 26 февраля 1814 г. на право выезда на указанные выше ярмарки среднеазиатским купцам стали выписывать паспорта, за которые взыскивали плату в сумме 50 рублей в год. Разрешение торговать на трех ярмарках было подтверждено постановлением Азиатского комитета дважды: 28 июля 1825 г. и 28 февраля 1832 г. (27).

Несмотря на существующие ограничения, среднеазиатские купцы под разными предлогами старались выезжать во внутренние города России. Так, под предлогом сбора долгов они подолгу проживали там и скупали с первых рук товары. Кроме того, запрещение среднеазиатским купцам торговать в этих городах было крайне невыгодно для российских мануфактур, которые вынуждены были сбывать свою продукцию через многочисленных посредников.

Широкое развитие взаимовыгодных торгово-экономических отношений между Россией и среднеазиатскими ханствами в XVIII — первой половине XIX в., разумеется, обуславливало необходимость соответствующего развития дипломатических отношений в связи с отсутствием между ними

долгосрочных соглашений, имеющих международно-правовую основу. Со стороны России это было вызвано и тем, что, развивая взаимовыгодную торговлю, русское правительство преследовало и политические цели, стремясь распространить свое влияние на Востоке и укрепить позиции в казахских жузах. Несмотря на повышенный интерес правительства России к делам узбекских ханств, после гибели экспедиции А. Бековича-Черкасского оно обставляло свои отношения с ними с большой осторожностью (28). Это было вызвано как периодом смут в ханствах в XVIII в., так и подозрительностью среднеазиатских ханов, опасавшихся вмешательства России в их внутренние дела. Поэтому русское правительство предпочитало направлять своих чиновников в составе купеческих караванов, либо же дипломатические поручения возлагались на купцов, направлявшихся в ханства. Образование Оренбургской и Сибирской укрепленных линий привело не только к широкому развитию торговых отношений между Россией и ханствами, но и обеспечило правительству России большую маневренность в дипломатической сфере. Дело в том, что оренбургскому и сибирскому губернаторам было разрешено отправлять "охотников" в Хиву и Бухару и "в другие тамошние дальние места с паспортами за рукою и печатью оренбургского губернатора" (29). При этом ханства были извещены, что "во всем, что до взаимной пользы принадлежит", они могут иметь "дружескую пересылку и корреспонденцию с губернатором оренбургским, которому по высочайшему ее императорского величества указу, все пограничные дела и коммерции вверены и поручены, и для чего о чем он к вам будет писать, тому совершенно верить" (30).

Именно по этой причине, хотя оренбургский губернатор широко пользовался предоставленным ему правом и направлял с различными целями посольства в Бухару и Хиву (например, в 1740 г. Р. Гокк был направлен в Хиву и Бухару, где пробыл год, в 1753 г. Я. Гуляев побывал в узбекских ханствах в составе каравана купца Д. Рукавина, в 1771 г. в Бухару был направлен М. Бекчурин и т.д.), формально после посольства Ф. Беневени центральное русское правитель-

ство не направляло в XVIII в. своих официальных послов в среднеазиатские ханства.

Царское правительство в тех случаях, когда по каким-либо причинам не хотело допускать среднеазиатские посольства в столичные города России, предоставляло разобраться с ними оренбургскому губернатору, "используя такой метод в качестве средства политического давления" на ханства (31).

Среднеазиатская политика России в XVIII — первой половине XIX в. характеризовалась различными формами, на которые существенное влияние оказывало состояние отношений с крупными сопредельными странами Востока — Османской Турцией и Ираном, а также положение в казахских жузах. Следует отметить, что с самого начала эта политика характеризовалась также стремлением к развитию взаимовыгодных торговых отношений.

Вместе с тем на внешнюю политику России на Востоке не меньшее влияние оказывало состояние ее отношений с европейскими странами. Несмотря на то, что в России в XVIII в. еще господствовали феодальные отношения, она являлась одной из самых могущественных стран Европы и оказывала большое влияние на решение основных европейских проблем. Так, когда главным событием конца XVIII в. явилась Французская революция, которая оказывала в течение многих лет большое влияние на развитие международных отношений во всем мире, Екатерина II действовала в двух направлениях. Во-первых, ею были открыты границы и оказан радушный прием бежавшим из Франции роялистам; во-вторых, Россия приняла активное участие в поддержке королевской семьи во Франции и создании антифранцузской коалиции европейских стран.

Продолжая политику матери, Павел I не принял требований революционной Франции о том, чтобы Россия отказала сторонникам короля в праве убежища. Более того, он оказывал материальную помощь прибывающим на территорию России французским гражданам. Вместе с тем Павел I принял ряд решительных мер против Англии и Австрии. Он порвал союз с Австрией, после того как англичане заняли Мальту, русский посол покинул английскую столицу. По инициативе Бонапарта начались переговоры между

Францией и Россией, в результате которых Павел приветствовал переворот во Франции и объявление Бонапарта первым консулом. В декабре 1800 г. он пошел на заключение союза с Францией. Все эти действия, как и подготовка русских войск к походу в Индию, обострили и без того сложные отношения с Англией и усилили внутри России недовольство резким изменением внешнеполитического курса.

Это недовольство еще более возросло при Александре I, который в сложный и длительный период наполеоновских войн в Европе подписал 7 мая 1807 г. в Тильзите русско-французский договор о наступательном и оборонительном союзе, согласно которому Россия должна была объявить войну Англии, если последняя откажется от посредничества России и от заключения мира с Францией. В России Тильзитские соглашения вызвали далеко не однозначную реакцию. Особое недовольство вызвал пункт о присоединении к континентальной блокаде. Среди предпринимателей и купечества отказ от ведения торговли с Англией был встречен крайне враждебно. Он наносил ощутимый удар по экономике страны.

Являясь фактически полноправным хозяином Западной Европы, Наполеон стремился к мировому господству. На этом пути стояла Россия, которую он собирался, по его выражению, раздавить. Он рассчитывал экономически ослабить Россию, лишить ее связей с дружественными странами. Именно этим целям служило ее включение в систему континентальной блокады. России пришлось пережить нашествие 500-тысячной армии Наполеона, дать ему достойный отпор, изгнать его из пределов России и показать всей Европе силу России, ее армии под командованием фельдмаршала М. Кутузова и самоотверженность ее народа.

После тяжелых военных потрясений 1813 и 1814 гг. в Европе образовалась новая коалиция, члены которой — Англия, Россия, Австрия и Пруссия — подписали 1 марта 1814 г. в Шомоне договор об оборонительном и наступательном союзе и обязались продолжать войну против Франции до полной победы. Шомонский трактат в течение восьми лет определял основную внешнеполитическую деятельность европейских стран (32).

Участники трактата — Россия, Австрия и Пруссия — выделили для борьбы с Наполеоном 150-тысячные армии. 30 марта 1814 г. войска трех стран, субсидированные английскими банкирами, вступили в Париж. Наполеон отрекся от престола, и в столице Франции вновь появились Бурбоны (33). Так закончился сложный и длительный период наполеоновских войн, вслед за которым последовал не менее сложный период революционных потрясений 30—40-х гг. XIX в. Они начались во Франции, охватили Польшу, Италию, Испанию и надолго приковали к себе внимание всей Европы. Россия приняла активное участие в подавлении революционного движения 1830 — 1848 гг. в европейских странах.

В декабре 1825 г. на русский престол взошел Николай I, который был принципиальным и убежденным антизападником. Движение декабристов он считал следствием проникновения в Россию вредных разрушительных политических идей. При нем Россия впервые сознательно противопоставлялась Европе как государство, чьи порядки совершенно несовместимы с европейскими правовыми, экономическими и социальными нормами. Самодержавие провозглашалось единственно возможной формой российской государственности, и любые проявления инакомыслия сурово пресекались (34). Во внешней политике такая однобокая, бесперспективная, непродуманная политика привела к дипломатическим поражениям, Крымской войне, падению Севастополя и подписанию позорного мира.

В целом международное положение России в конце XVIII — первой половине XIX в. было сложным. На ее южных границах Турция, подстрекаемая Англией и Пруссией, стремилась к захвату ряда земель в районе Дуная, а также на Кавказе. Еще в июле 1787 г. она в ультимативной форме потребовала от России возвращения Крыма и признания Грузии вассальным турецким владением. Подготовив 150-тысячную армию, Турция начала войну против России. Русская армия была лучше вооружена и являлась по тем временам более передовой. Это в конце концов и сказалось на результатах войны. Русские полководцы А. Суворов и П. Румянцев разбили турецкие войска, нанеся им тяжелые поте-

ри. На Черном море ряд блистательных побед одержала эскадра адмирала Ф. Ушакова (35).

29 декабря 1791 г. в Яссах состоялось подписание мирного договора с Турцией. Крым и Кубань были присоединены к России. В 1806 — 1812 гг. Россия вела войну с Турцией и Ираном. На Кавказе борьба развернулась вокруг Грузии. В 1806 г. русским войскам удалось занять Дербент и Баку, а в 1807 г. были отражены атаки турецких войск на Грузию и на Дунайские княжества. Черноморский флот овладел крепостью Анапа. В 1811 г. турецкая армия, окруженная главными силами армии Кутузова, капитулировала. В том же году русская армия заняла Сухуми, вступила в Грузию и овладела крепостью Ахалкалаки. По мирному договору от 16 мая 1812 г., подписанному в Бухаресте, Россия получила право судоходства по всему Дунаю. На Кавказе к ней отошли Абхазия, Мингрелия, Гурия и 200-километровая полоса Черноморского побережья. Этот договор имел большое значение, так как накануне нашего вступления на Россию армии Наполеона он лишил Францию такого союзника, как Турция. Южные границы России оказались на какое-то время в безопасности.

Во второй четверти XIX в. все большее внимание европейских держав и России стали привлекать события на Востоке. Россию беспокоило положение на границе с Ираном, в Турции и Греции. Еще в 1826 — 1828 гг. осложнились отношения с Ираном. Нужно было наладить их, чтобы сохранить спокойствие на Кавказе. Это приобретало особое значение еще и потому, что назревала новая война с Турцией. Стратегические планы России предусматривали освобождение от турецких войск территорий за Дунаем и продвижение на юг.

В Иране усиливалась тенденция к реваншистской войне с Россией с целью вернуть Грузию и Северный Азербайджан. Немаловажную роль в развитии антирусских настроений в Иране сыграла находившаяся там обширная английская колония, где наряду с дипломатическими представителями пребывали военные инструкторы, которые готовили иранские войска и помогали укреплять их крепости.

Летом 1826 г. иранские войска вторглись в пределы России. Когда русское наступление стало активно развиваться, английская дипломатия, изменив свой курс, стала принимать меры к окончанию войны. 10 февраля 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном. К России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства, и граница стала проходить по реке Аракс.

Начавшаяся 7 мая 1828 г. русско-турецкая война вначале развивалась неудачно для русской армии, но летом 1829 г. войска под командованием генерала Дибича, нанеся поражение туркам, заняли Адрианополь и подошли к Константинополю. 14 сентября 1829 г. был подписан Адрианопольский мирный договор, по которому Россия значительно расширила русские территории на Дунае и на Кавказе, освободила Грецию и укрепила свое влияние на юге Европы (36). Таким образом, постоянно занимаясь европейскими делами, Россия не забывала о своих интересах и на Востоке.

Бухарское ханство

К началу XVIII в. юго-восточный сосед России — Бухарское ханство — самое крупное феодальное государство Средней Азии, основную массу населения которого составляли узбеки и таджики, включало в себя обширную территорию Мовароуннахра и Ферганской долины; на юге в него входила Балхская провинция и Чахар-Джуйская область вплоть до Мервского оазиса. Значительную часть этого пространства занимали пустыни, степи и горы. Население было сосредоточено в долинах рек на орошаемых землях. Основным его занятием было сельское хозяйство. Социально-экономической основой ханства было феодальное хозяйство, основные средства производства — земля и вода — находились в руках феодалов. Еще в древности сельское хозяйство Средней Азии "распалось на две специализированные отрасли в виде оседлого земледелия и кочевого скотоводства, территориально обособленных друг от друга" (37).

Поливное земледелие, основанное на использовании примитивных и малопроизводительных орудий труда и раз-

ветвленной ирригационной системы, содержание которой требовало больших затрат ручного труда, было сосредоточено на сравнительно небольшой территории оазисов и речных долин. Наряду с зерновыми, бобовыми и овощными культурами широкое распространение получили технические культуры. Главенствующее положение среди них занимал хлопок, вывозившийся и в другие страны. Широко были развиты садоводство, бахчеводство и шелководство. Продукция этих отраслей шла не только на внутреннее потребление, но и вывозилась на внешние рынки.

Важную роль в экономике ханства играло скотоводство — особенно пастбищное животноводство, которым занимались на обширных территориях степей и предгорий кочевники и полукочевники. Каракулеводство, сосредоточенное в руках знати, также имело товарный характер. Продукция скотоводства сбывалась населению земледельческих оазисов и городским ремесленникам в обмен на необходимые кочевникам промышленные изделия и продукты земледелия. В Средней Азии сложилось и развивалось общественное разделение труда между пастбищным животноводством, городским ремеслом и оседлым земледелием.

Ремесленное производство в Бухарском ханстве было развито повсеместно; "феодальный город был не единственным центром ремесленного производства и экономически был тесно связан с прилегавшими селениями" (38). Развитие разнообразных ремесел в ханстве характеризовалось следующими особенностями. Во-первых, это была узкая специализация профессий в крупных городах. Так, в Бухаре уже в XVI в. существовало, по меньшей мере, 60 видов ремесел (39). Во-вторых, происходило усиление разделения труда в отдельных отраслях, например, в ткачестве. В-третьих, в рассматриваемое время во многих районах ханства ремесло еще не полностью отделилось от земледелия. Ремесленники зачастую в летнее время были заняты земледелием и кормились со своих полей. Однако в целом ремесленное производство в городах ханства имело товарный характер.

Некоторые виды ремесел достигли высокого уровня развития. Это прежде всего ткачество, игравшее ведущую роль

среди других отраслей кустарной промышленности Средней Азии. Наиболее распространенными тканями, отличавшимися большой товарностью, были: бязь — ткань полотняного переплетения, алача, вырабатывавшаяся из высококачественной и ровной пряжи разных расцветок и поэтому известная в России под названием "пестрядь", легкие полупрозрачные ткани фута, различные набивные ткани чит, называемые в России набойками и ситцами, прочная и дорогая ткань катан и т.д. (40). Широкое распространение в Средней Азии получило также производство полушелковых и шелковых тканей, таких как бахмал (бархат), особо ценившийся сорт которого (малинового и красного цветов), вырабатывался ремесленниками Самарканда, камхаб (камка), которая в России являлась одной из самых употребляемых шелковых тканей, различного вида атласы и т.д.

Издавна в Средней Азии "почти каждый город славился выделкой той или иной хлопчатобумажной, шелковой, а иногда и шерстяной ткани" (41). При этом "специализация Самарканда и Бухары на производстве разных сортов тканей и местное своеобразие этих тканей способствовали распространению торговли текстильными изделиями за рамками местных рынков" (42).

Следует отметить, что все эти в целом высококачественные изделия вырабатывались исключительно в кустарных мастерских. Промышленного же производства в Бухарском ханстве, вплоть до конца рассматриваемого нами периода, в основном еще не было.

Высокого уровня достигло в XVIII в. ремесленное производство бумаги. Лучшие сорта ее производились в Самарканде ("самаркандская султанская") и в Бухаре, причем не только для внутреннего рынка, но и для вывоза за пределы Средней Азии.

Развитое ткацкое производство, необходимость окраски писчей бумаги и различных видов кожаных изделий, вызвали развитие красильного дела и внутренней и внешней торговли различными растительными и минеральными красителями. Так, определенное место в вывозе среднеазиатских товаров в Россию занимала марена, использовавшаяся при производстве кумачей (43), и лазоревая краска. В то же

время многие другие краски ввозились в ханство из других стран. Так, со второй половины XVIII в. в результате развития химической промышленности России минеральные краски в Бухару ввозились и через Оренбург.

Важное место в ремесленном производстве занимало изготовление металлических изделий для домашнего обихода, а также холодного оружия и другого военного снаряжения. Дорогое бухарское оружие предназначалось для состоятельных людей и для вывоза за границу. Однако техника обработки металла в этот период не достигала той высоты, на которой стояло в свое время ферганское производство оружия (44). Развивались в Бухарском ханстве и художественные промыслы — ювелирное производство, резьба по камню, дереву и др.

Разработка природных богатств в Бухаре находилась на очень низком уровне. Добывались драгоценные и полудрагоценные камни, в большом количестве вывозившиеся за границу как в необработанном виде, так и в виде ювелирных изделий. Из различных руд выплавлялись железо, свинец и, возможно, олово. Разработка руд велась, однако, примитивно, в малых объемах и хищническими методами (45). Железо выплавлялось технически несовершенно, при этом была неизбежна громадная потеря металла. В небольших количествах выплавлялся и чугун, который использовался для производства посуды.

Ремесла в Бухарском ханстве были издавна связаны с торговлей, и если на местных рынках ремесленник сам продавал свои изделия, то внешнюю торговлю осуществляли только купцы. Развитие ремесел способствовало внутренней и транзитной торговле, о чем свидетельствует строительство караван-сарая и тот факт, что в Бухарском ханстве имелось большое количество базаров, причем в крупных городах они были даже специализированы по промыслам. Оживленная торговля шла между пригородными сельскими районами и городом, между кочевниками, ремесленниками и крестьянами. Однако товарные отношения в ханстве хотя и развивались, но очень медленно; местные рынки еще не вошли в один общенациональный рынок.

Развивалась и внешняя торговля. Великие географические открытия и развитие мировой торговли по морским путям отрицательно сказались на экономическом положении Средней Азии. Тем не менее, расширялась караванная торговля с окружающими ее регионами — с Казахской степью, с Россией, с соседними восточными странами, Индией и Китаем. Это было связано с тем, прежде всего, что внешняя торговля удовлетворяла насущные экономические потребности ханства. Определенную роль играли и политические факторы, и, разумеется, давние исторически сложившиеся традиции.

Экономически Бухара была связана с Казахстаном, где она закупала необходимую ей продукцию скотоводческого хозяйства — мясо, шерсть, кожу и, в свою очередь, сбывала кочевникам разнообразные изделия своего ремесла и земледельческую продукцию. Достаточно отметить, что к концу XVIII в., когда между Казахстаном и Россией значительное развитие получил обмен товарами через Оренбургскую и Сибирскую укрепленные линии, казахи ежегодно пригоняли только в Бухару более 700 тыс. баранов, большое количество лошадей и крупного рогатого скота (46).

Торговые связи с Россией через Сибирь, Астрахань, а позднее через Оренбург, удовлетворяли потребности ханства в разнообразных изделиях, металлах и изделиях из качественного железа, мехах, шерстяных тканях из России и стран Запада, деревянной посуде и т.д. Бухара сбывала здесь в большом количестве среднеазиатские товары, прежде всего текстильные изделия. Торговля способствовала развитию производительных сил ханства, укрепляла его внутреннее хозяйство, приносила большие доходы крупным представителям торгово-ремесленных кругов Бухары. При этом большую выгоду имела и царская власть — пошлины, не в пример покровительственным тарифам России для азиатских товаров, были очень велики, и для немусульманских купцов в отдельные периоды XVIII в. достигали на некоторые товары 20% стоимости ввоза. Этим, а также, разумеется, знанием языка и обычаев, объясняется то, что русские купцы нанимали казанских, астраханских и сеитовских татар, через которых посылали свои товары в Бухару и Хиву.

Большие выгоды приносила Бухарскому ханству и торговля с другими странами Востока: на рынках Бухары пользовались спросом дорогие шелковые ткани индийского, иранского и китайского производства, фарфоровая посуда, украшения и т.д.; торговые связи Индии с Бухарой и Хивой приобрели значительный размах во второй половине XVIII в., когда сложились крайне неблагоприятные условия для торговли индийского купечества с Ираном и их торговые капиталы были переключены на торговлю со Средней Азией (47). Наконец, следует учитывать, что купцы из Бухары издавна играли большую посредническую роль в торговле стран Востока с Россией; поселения бухарских купцов способствовали развитию торговли в Астрахани, Сибири, Оренбурге. Роль Бухары в экономической и политической жизни Средней Азии оценивалась так высоко, что одно время все культурные области Средней и Центральной Азии, даже совершенно не зависимые от Бухары области Восточного Туркестана, объединялись под названием Бухария (48), а о роли самого города Бухары для России говорилось — "Афины Средней Азии" (49).

Однако в первой половине XVIII в. в период правления последних аштарханидов — Убайдуллы (1702—1711) и Абулфейза (1711—1747) Бухарское ханство переживало период глубокого упадка централизованной власти и экономической жизни в ее крупнейших городах. "Сельское хозяйство, ремесла и торговля весьма сильно страдали от внешних вторжений и набегов кочевников, но эти набегι стали возможными вследствие слабости феодально-раздробленных ханств, обессиленных междоусобными войнами между феодалами" (50).

Характерной особенностью этого периода в истории среднеазиатских ханств является то, что наряду с разорением старых городов — традиционных центров ремесленного производства и торговли, "местными беками и хакимами строились новые города, из которых некоторые впоследствии достигли большой величины" (51). Так, именно в XVIII в. в крупные города превратились Наманган и Коканд. Последний впоследствии стал столицей Кокандского ханства и крупным торговым центром. На рынках его к кон-

цу века была сосредоточена торговля Бухары с Ташкентом и Кашгаром (52). В то же время появились новые города — Катта-Курган, Газиабат и др.

Такое, на первый взгляд, противоречивое развитие хозяйственной и политической жизни в регионе было закономерным результатом особенностей внутреннего социально-экономического развития Средней Азии и, в частности, собственности на землю и политической системы управления. Известно, что значительная часть государственных земель еще при Шейбанидах была раздроблена на уделы (юрты), переданные в виде условных земельных пожалований различным кочевым узбекским племенам, тогда еще малознакомым с земледелием. Однако, поскольку процесс расслоения общества и его структурирования происходил довольно быстро и к концу XVIII в. принял массовый характер, представители племенной верхушки — узбекская родовая знать из ханских наместников — становились наследственными удельными феодалами, имеющими населенные и возделанные земли. Для Средней Азии этого периода характерным явлением становится усиление частной собственности на землю за счет государственной (53), что имело серьезные политические и социально-экономические последствия, прежде всего экономическое ослабление центральной, т.е. ханской власти.

Концентрация основных средств производства — земли и воды — в руках узбекской родовой знати, опирающейся на вооруженные формирования своих племен, привела к тому, что она стала играть непомерно большую роль в экономической и политической жизни ханства и могла из своих личных интересов в любой момент выступить против соперничающих феодалов или против экономически ослабленной ханской власти. В результате происходили непрерывные междоусобные столкновения на почве раздела власти и земель. Враждующ друг с другом, феодалы разоряли города и селения своих противников, что приводило к упадку сельского хозяйства, ремесел, торговли, ослабляло существовавшие межрайонные экономические связи в ханстве.

Феодальная раздробленность ханства являлась и "следствием роста производительности труда, главным образом

в сельском хозяйстве, позволявшего феодалам получать большие количества прибавочного продукта, что делало их, особенно в условиях орошаемого земледелия и сосуществования оседлых и кочевых групп населения, почти суверенными сеньорами в их вотчинах и уделах" (54).

Надо также отметить, что крупные феодалы были заинтересованы в усилении своих уделов и всячески поощряли развитие производства и торговли, так как приобретали значительные средства путем эксплуатации крестьянства и ремесленников. С другой стороны, из-за сокращения налоговых поступлений и неблагоприятного состояния государственной казны, ханские власти также стремились развивать торговлю, приносящую значительные доходы. Так, автор письменного источника XVIII в. с сожалением констатирует, что Убайдулла-хан игнорировал предписания шариата и защищал интересы "индийца", т.е. иностранных купцов (55).

Особенно обострилась борьба между феодалами при правлении последних представителей династии Аштарханидов — Убайдуллы и Абулфейз-хана. Убайдулла стремился укрепить центральную власть, но, в конечном счете, довел государство до развала. Все его правление прошло в борьбе с мятежными феодалами. Он предпринял несколько походов: в Хисар, где восстало племя гозов, в Термез, где племя кунграт поднялось против нового наместника — ставленника Убайдуллы, в Шахрисабз и т.д.

Абсолютистские устремления Убайдуллы, его попытка отстранить от власти узбекскую племенную знать и опереться на зависимых от ханской власти лиц незнатного происхождения, наконец, попытка ограничить земельные владения дервишских братств, привели к тому, что он был убит в результате заговора придворных эмиров.

Его малолетний брат Абулфейз, будучи возведенным на престол, в правлении государством практически не участвовал. Он оказался во власти различных группировок феодалов, которые использовали все еще сохранившийся в народе авторитет ханской власти в своих интересах. Начался развал ханства: от Бухары отпали Балх и Бадахшан, отделились ферганские уделы, где к власти пришли вожди племен минг.

Бедственным положением среднеазиатских ханств воспользовался правитель Ирана Надир-шах. В 1740 г. он предпринял поход на Мовароуннахр. Сын ханского аталыка Мухаммада Хаким-бия мангыта — умный и честлюбивый Мухаммад Рахим присоединился к иранскому войску и завоевал доверие Надир-шаха. Абулфейз-хан признал верховное покровительство Надир-шаха; Бухара стала вассальным владением Ирана. Доверенным лицом Надир-шаха при Абулфейзе остался Мухаммад Хаким-бий, а его сын возглавил бухарские войска, присоединившиеся к иранской армии.

Начало мангытской династии в Бухаре положил Мухаммад Рахим, который после смерти Надир-шаха (1747 г.) убил Абулфейз-хана и вступил на престол с титулом эмира. Мухаммад Рахим правил Бухарским ханством самодержавно и в значительной мере укрепил государственную власть. Опираясь на свое войско, организованное по иранскому образцу, он вел успешную войну против своеволия феодалов; некоторых знатных узбеков он казнил, у многих отобрал юрты. По его приказу были разрушены феодальные крепости мианкальских кипчаков, семь воинственных племен Мианкаля (етти-уруг) были переселены ближе к Бухаре, где они могли успешно контролироваться ханской властью. В результате многочисленных походов Бухарскому ханству были возвращены Шахрисабз, Хисар, Туркестан и другие территории.

Централизаторская политика мангытов способствовала общему оживлению хозяйственной жизни, развитию сельского хозяйства и ремесленного производства, внутренней и внешней торговли. Недаром население ханства, особенно горожане и торгово-ремесленные круги, поддерживали борьбу мангытов с феодальными междоусобицами, хотя крупные феодалы оказывали яростное сопротивление этой политике. Следует отметить, что даже в самые трудные дни феодальных раздоров крупные городские торговцы и купцы, накопившие в своих руках немалые торговые капиталы и нередко ссужавшие деньгами ханов и видных феодалов, пытались вмешаться в политическую жизнь страны, уменьшить глубину внутренних конфликтов, наладить хозяйственную жизнь ханства и его торгово-экономические связи (56).

Следующий этап консолидации связан с именем Шах-Мурада, пришедшего к власти в 1785 г. после народного восстания в Бухаре. Для подавления восстания он дал жителям некоторые привилегии в налоговой и других сферах, что впоследствии, разумеется, с лихвой было компенсировано.

Для преодоления продолжавшихся выступлений феодалов, а также чтобы заглушить народное недовольство, Шах-Мурад провел административную, финансовую, военную и судебную реформы. Для укрепления финансовой системы государства взамен порченной монеты, наводнившей страну в период феодальных междоусобиц, была выпущена полноценная серебряная монета, заметно стабилизовавшая денежное обращение в ханстве. Шах-Мурад уделял большое внимание развитию сельскохозяйственного производства: при нем началось восстановление старых ирригационных систем, разрушенных и подорванных в годы феодальной децентрализации; были восстановлены и расширены оросительные каналы долины реки Зеравшан в центральной части страны (57), разрушенные во время нашествия кочевников в 20-е годы; создавались условия для развития сельского хозяйства в восточных районах ханства.

В связи с укреплением центральной власти во второй половине XVIII в., и особенно в его конце, в Бухарском ханстве происходил рост городского населения, возрастал объем ремесленного производства, укреплялись торгово-ремесленные круги, увеличился объем внутренней и внешней торговли. О развитии внешней торговли говорит, например, то обстоятельство, что в Бухаре в 1795 г. имелось "девять двухэтажных караван-сараяв, специально приспособленных для приема приезжающих купцов с их товарами, где плата за хранение товаров взималась соразмерно со временем их пребывания в караван-сараях" (58). Такие же караван-сарай, и в немалом числе, имелись и в других крупных городах ханства.

Значительно увеличился объем торговли с Россией, развитию которой уделялось много внимания, так как торговля укрепляла внутреннее хозяйство ханства, приносила большие доходы, удовлетворяла потребности населения в нуж-

ных товарах. Она играла определенную роль и в снаряжении армии, так как качественные металлы и металлические изделия, конская упряжь, разнообразные кожаные изделия и т.д. использовались и в военном деле, хотя оружие российское правительство запрещало вывозить в среднеазиатские ханства. Установление политического влияния России в трех казахских жузах заметно улучшило условия караванной русско-бухарской торговли через казахские степи. Достаточно сказать, что если в 1758-1760 гг. ежегодный товарооборот Средней Азии с Россией через Оренбург составлял около 0,5 млн рублей, то в 1795 г. он возрос до 3,5 млн рублей (59). При этом как и ранее, бухарские купцы играли определяющую роль в этой торговле; например, в 1794 г. на долю бухарцев приходилось около 60% всего среднеазиатского ввоза в Оренбург (60).

На пути развития экономических связей между Россией и Бухарой в течение XVIII — первой половины XIX в. возникали и немалые трудности, связанные с особенностями политической обстановки в регионе. Кочевые народы региона находились под воздействием среднеазиатских ханств, которое далеко не всегда оказывалось благоприятным. Правители ханств, часто воюя друг с другом, были заинтересованы в использовании военных ресурсов кочевников, привлечении их на свою сторону в борьбе с противником.

Особенно интенсивными были усилия Хивы, правители которой стремились подчинить казахские, туркменские, каракалпакские кочевые племена, чтобы использовать их для борьбы со своим главным соперником — Бухарским ханством.

В начале XIX в. территория Бухарского ханства особенно часто подвергалась набегам со стороны Хивы, находившейся в то время под управлением Эльтузар-хана. Об опустошениях, производившихся хивинскими отрядами, состоявшими в значительной части из подвластных Хиве туркмен, подробно рассказывают как хивинские, так и бухарские историки. В 1804 г. эмир Хайдар, вступивший на бухарский престол после смерти Шах-Мурада, отправил к границам Хивинского ханства 30-тысячный отряд, который нанес

хивинцам решительное поражение. Хивинский хан Эльтузар бежал, но при переправе через реку утонул (61). После его смерти хивинские набеги временно прекратились и возобновились лишь с осени 1821 г.

Мухаммад Якуб по этому поводу отмечает: "Четыреста конных хивинцев направились в Мерв для нападения на мервских туркмен сарыков. Совершив набег, хивинцы прошли на обратном пути мимо бухарской крепости Чарджуй и остановились в местности Чекес. На следующий день они двинулись отсюда дальше. Правитель Чарджуя вышел им навстречу и преградил им путь. Несмотря на уверения хивинцев, что они не имеют против него каких-либо враждебных намерений и что, если бы они думали на него напасть, то сделали бы это вчера, чарджуйский правитель все же вступил с ними в борьбу и потерпел поражение, в результате которого погибло 600 бухарцев, в числе их и сам наместник" (62).

Еще более подробный рассказ об этом событии приводится в сочинении хивинского историка Муниса, целиком возлагающего вину за происшедшее кровопролитие на бухарцев.

После этого события хивинские походы на бухарскую территорию стали совершаться систематически. Ограблению подвергались не только пограничные районы ханства, но и ближайшие окрестности Бухары. Бухарские историки того времени рассказывают, что всюду, где появлялись хивинские войска, они поджигали дома, забирали скот и имущество, а жителей убивали или уводили в плен. Кочевое население окрестностей Бухары "род за родом, племя за племенем" бежало в город Бухару, чтобы укрыться за ее стенами (63).

В такой чрезвычайно тревожной обстановке в ханстве началось мощное народное восстание, известное под названием восстания китай-кипчаков. Китай-кипчаки, не имея достаточного количества пастбищ и не располагая необходимыми землями, занимали среднее положение между кочевниками и оседлыми, ведя полукочевую жизнь. Их хозяйственная необеспеченность усиливалась произволом эмирского аппарата, преследовавшего единственную цель

— выжимание возможно большего количества средств из населения. Жалобы населения на действия сборщиков податей рассматривались как проявление непокорности и только ухудшали общее положение. Одно из наказаний, применявшихся в таких случаях, состояло в том, что на провинившихся налагался особый штраф, так называемый яргу, взыскание которого было равносильно массовому ограблению населения.

Непосредственным поводом к восстанию 1821 г. среди китай-кипчаков послужил один из очередных крупных наборов в войска для отправки в Мерв. Для массы населения это новое требование властей оказалось непосильным. Недовольство масс вылилось в открытое выступление, охватившее весь район между Самаркандом и Катта-Курганом.

Восставшие избивали и изгоняли эмирскую администрацию и захватили укрепленные города Катта-Курган, Чилек, Янги-Курган и др. Только весной 1825 г. военные действия между сторонами были прекращены (64). Однако в 1826 г. заключенное перемирие было нарушено из-за борьбы между сыновьями умершего эмира Хайдара за бухарский престол. Начавшаяся межплеменная борьба и усилившееся влияние бухарской знати, перешедшей вскоре на сторону нового эмира Насруллы (1826-1860), способствовали окончательному подавлению восстания (65).

Восстание 1821 — 1825 гг. ослабило политическую и экономическую мощь Бухарского ханства.

Новый правитель Бухары эмир Насрулла в области внешней политики продолжал традиционную борьбу с соседними государствами, но как и его предшественники, не достиг сколько-нибудь заметных успехов. Вскоре после своего вступления на престол эмир начал войну с Шахрисабзом и продолжал ее в течение всего своего правления. Им было совершено в общей сложности до 15 походов и лишь в год его смерти (1860) бухарским войскам удалось овладеть Шахрисабзом. Но и это завоевание оказалось непрочным.

В такой же мере упорной и продолжительной была борьба Бухары с Кокандом, поводом для которой служили обычные притязания каждой из сторон на приграничные города Джизак, Ходжент и Ура-Тюбе. Бухарские войска неодно-

кратно вторгались на территорию Кокандского ханства. Зимой 1841 — 1842 гг. они овладели столицей ханства — Кокандом. Кокандский хан Мадали был казнен, и во всех важнейших центрах были поставлены лояльные бухарскому эмиру наместники. Но вскоре бухарцы были изгнаны из пределов Кокандского ханства (66).

В начале 40-х гг. возобновляется борьба между Бухарой и Хивой, поводом к которой послужило вмешательство бухарцев в дела Мерва, подпавшего к этому времени под влияние Хивинского ханства. Хивинские войска стали совершать частые набеги на бухарские города и селения, увозя большое количество пленных. В апреле 1843 г. Насрулла во главе многочисленной армии предпринял ответный поход на Хиву. Однако, потерпев поражение под Хазараспом, он вынужден был спастись бегством. В 1846 г. эмир отправил в Хиву посольство с предложением мира, после чего хивинские набеги на Бухару временно прекратились, возобновившись вновь в 50-е гг. XIX в.

Из прочих военных мероприятий эмира Насруллы следует отметить его попытки принять под свое покровительство Ташкент и Туркестан, отделившиеся в 1845 г. от Кокандского ханства. Однако власть эмира и здесь оказалась недолгой.

Развитие капиталистических отношений в Европе и в России и начавшиеся в связи с этим поиски новых источников промышленного сырья и рынков сбыта усилили интерес к Бухарскому ханству со стороны России и Англии. Уже начиная с первых десятилетий XIX в. в Бухару направляется ряд русских и английских миссий, ставящих своей задачей изучение местного рынка и привлечение на свою сторону ханского правительства. Эмиры, заинтересованные в развитии внешней торговли, в которой они лично принимали участие, действуя через подставных лиц, охотно вели переговоры по вопросам торговли, но всегда воздерживались от подписания каких бы то ни было договоров и обязательств. В связи с этим результаты переговоров всех прибывавших в Бухару миссий оставались не фиксированными и целиком зависели в дальнейшем от усмотрения эмира и его приближенных. Эмиры относились с недоверием и опасе-

нием ко всем прибывавшим к ним миссиям и всегда старались их окружить своими доверенными лицами, чтобы иметь конфиденциальную информацию о целях и задачах этих миссий (67).

В конце 30-х гг. XIX в. Англия начала осуществлять тщательно разработанный план утверждения своего влияния в Афганистане и Средней Азии. В разведывательное турне по среднеазиатским ханствам были отправлены капитан Джеймс Эббот, полковник Чарльз Стоддарт, капитаны Артур Конолли и Ричмонд Шекспир. Им поручалось любой ценой добиться того, чтобы английских агентов принимали в качестве посредников в отношениях между ханствами и Россией, что, как считали в Лондоне, давало возможность приобретать политический капитал в глазах этих стран.

Хивинское ханство

Крупным государственным образованием Средней Азии в XVIII — начале XIX вв. являлось Хивинское ханство. Особенность его географического положения — относительная изолированность от соседних государств. Между Хивинским ханством и Бухарой лежали безводные пространства Кызылкумов, прорезанные лишь узкой полосой Амударьи. Общая площадь песчаных пространств составляла почти 80 тыс. кв. верст, из которых 56 тыс. приходилось на Кызылкумы, остальные на Каракумы (68). В этой части ханства проживало немногочисленное кочевое скотоводческое население. Наиболее плодородной, орошаемой и густонаселенной территорией являлась южная часть ханства.

Основную массу населения Хивинского ханства составляли узбеки, расселившиеся во всех удобных для земледелия районах, по верхнему и среднему течению оросительных систем. Общая численность населения ханства составляла немногим более 500 тыс., из них 64,7% узбеки, 26,8% туркмены, 3,8 % каракалпаки, 3,4 % казахи и др. (69).

Более 90 % населения вело оседлый образ жизни. Громадное большинство населения проживало в сельских местностях и занималось земледелием и скотоводством. Горо-

жане, составлявшие примерно 7%, занимались в основном ремеслом и торговлей.

Глава Хивинского ханства — наследный хан управлял государством, опираясь на поддержку многочисленных дворцовых чиновников и высших духовных лиц, которым полностью принадлежала судебная власть в стране. В административно-политическом отношении ханство было разделено на бекства или вилайеты и наибства. Столица находилась в непосредственном ведении самого хана.

Основной отраслью сельского хозяйства было земледелие. Выращивались зерновые — пшеница (яровая и озимая), джугара, рис, маш, просо, ячмень и др.; масличные — кунжут, зягир; технические культуры — хлопок, руян (марена, применявшаяся как краситель), табак; большое место отводилось посевам люцерны, семена которой имели спрос на мировом рынке. Кроме того, было развито огородничество, садоводство и бахчеводство. Здесь издавна применялось чередование сельскохозяйственных культур.

А. Вамбери, путешествуя, заметил, что почвы Хивинского ханства были очень плодородны. "Замечательными были, — пишет он, — хивинские фрукты, особенно яблоки из Хазараспа, груши и гранаты из Хивы, восхитительные дыни, известные даже до отдаленного Пекина, особенно ургенчские дыни, которые очень ценились в России. За воз зимних дынь здесь отдавали целый воз сахара" (70).

Ремесленное производство в Хивинском ханстве специализировалось в основном на выработке дешевых текстильных изделий, преимущественно самых грубых хлопчатобумажных и полушелковых материй. Из хлопковой пряжи хивинцы ткали толстое полотно — бязь, которую иногда окрашивали в синий цвет и шили из нее одежду. Однако качество текстильных изделий, выработанных в кустарных мастерских ханства, как заметил путешественник Д. Рукавин, было "весьма посредственной доброты" (71). По сообщению П. Рычкова, шелка и шелковых изделий в Хиве вырабатывалось больше (72).

В Хиве почти не существовало металлургического производства. Все необходимые изделия из железа, чугуна и меди завозились главным образом из России. В Хиве, как и

в других среднеазиатских ханствах, не имели представления об изготовлении стекла. Порох был очень низкого качества, в незначительных количествах его приготавливали в окрестностях Янги Ургенча (73).

Внутренняя торговля Хивинского ханства была менее значительной, чем в Бухаре и Коканде. В основном она носила меновой характер. Кроме Хивы, крупными торговыми центрами были Янги Ургенч и Кунград. "Складочным" местом для товаров, поступавших из Бухары и России, была Хива. В Янги Ургенче большей частью торговали сырьем; Кунград был торговым центром северной части ханства.

По сообщениям русского геодезиста Муравина, побывавшего в Хивинском ханстве в 1740 — 1741 гг., в Хиву "приезжают российские купцы через Астрахань и Бухарию, также шемахинские товары к ним привозят;... и сами ездят в Бухарию, Персию и Россию". Со строительством Оренбурга русское правительство стало предпринимать все меры для усиления торговли с ханством, надеясь через торговые связи "путь и коммерцию тамошнюю разведать, а также развить торговлю с Бухарой, а ежели возможно будет, хотя бы до Индии". С этой целью оренбургский губернатор И. Неплюев в 1749 г. отправил в Хиву несколько оренбургских и казанских татар с товарами на 3 тыс. рублей. Реализовав часть своих товаров, они приобрели 7 пудов серебра в персидской монете, а остальной товар вывезли в Бухару. После этого указом правительства от 13 августа 1750 г. И. Неплюеву было предписано и "дальше практиковать посылку купцов, особенно казанских татар для изучения возможности распространения торговли со среднеазиатскими ханствами" (74).

В Хиве пошлины взимались так же, как и в Бухаре, по шарияту. Но хивинские правители взяли себе за правило, чтобы караваны, идущие из России в Бухару, обязательно следовали, хотя и окольным путем, но через Хиву. Если они уклонялись от этого, то подвергались разграблению. Караваны, идущие из России непосредственно в Хиву, останавливались в местечке Ходжейли, где хивинские чиновники осматривали товары и пропускали купцов в караван-сарай. После досмотра товары оценивались, и с них взыс-

кивалась пошлина. Иногда ее размер вместо установленных по шариату 2,5% доходил до 40%.

Ханы Хивы стремились контролировать торговые пути, соединявшие Индию, Иран, Афганистан, Среднюю Азию с Русским государством, чтобы облагать караваны пошлинами, а иногда попросту грабить их. Вызванная этим русско-хивинская конфронтация вынуждала царские власти внимательно следить за действиями Хивинского ханства (75).

Общие условия политической жизни Хивинского ханства в XVIII в. неблагоприятно отражались на хозяйственной деятельности населения. В Хиве за сравнительно небольшой промежуток времени, прошедший со смерти хана Ануши (1687 г.) до вступления на престол Ширгази-хана (1715 г.), сменилось около десяти ханов, большинство которых было свергнуто насильственным путем представителями местной знати — аталыками и инаками. Враждуя друг с другом на почве раздела власти, хивинские феодалы подвергали разорению города и села своих противников, следствием чего было значительное ослабление экономической жизни в целом.

Наиболее продолжительным было правление хана Ширгази (1715 — 1728), которому пришлось вести упорную борьбу с феодальной аристократией. Представитель последней бий Ширдали, из племени мангыт, вывел из Бухары одного из потомков прежних хивинских ханов Шах Темура и возвел его на престол в северной части хивинских владений в Арале. Желая превратить Арал в независимое владение, Ширдали начал борьбу с войсками Ширгази-хана, но, потерпев поражение, был вынужден искать спасения у каракалпаков, участвовавших в этой борьбе на стороне бия Ширдали. Выступления Ширдали продолжались и после смерти Ширгази-хана, когда хивинский престол занял Ильбарс-хан, правивший с 1728 по 1740 г. (76).

Особенно пагубно на жизни ханства первой половины XVIII в. отразились завоевательные походы Надир-шаха, поводом для которых послужили набеги хивинского хана Ильбарса на северные окраины иранских владений. В этих набегах, как известно, активное участие принимали и туркменские племена, вследствие чего районы обитания турк-

менов разорялись иранскими войсками еще задолго до походов Надира в Среднюю Азию. Еще в 30-е гг. XVIII в. Надир подчинил себе Мерв, превратив его в главную стратегическую базу для развертывания дальнейших военных операций.

В Хивинском ханстве иранским войскам было оказано упорное сопротивление, не принесшее, однако, положительных результатов. После завоевания ханства Надир учинил жестокую расправу над местными жителями и приказал казнить хана Ильбарса. На хивинский престол был посажен один из местных царевичей — Тагир-хан, вслед за убийством которого ханом был провозглашен сын казахского хана Абулхайра — Нур Али-хан. Он являлся простым орудием выдвинувших его представителей знати и вскоре был смещен ими же (77).

Следующим ханом, с согласия НаDIR-шаха, был назначен Абулгази II, сын казненного в 1740 г. хана Ильбарса. Главную роль в ханстве при нем играли инак Артук и его брат Хуразбек, принадлежавшие к числу вождей узбекского племени мангыт. Абулгази, пытаясь править самостоятельно, убил в 1746 г. Артука, но и сам был вскоре убит Хуразбеком, отомстившим таким образом за смерть своего брата.

Правивший в Хиве после этих событий Гаиб-хан был ставленником казахских султанов и отличался крайней жестокостью. Начав свое правление с убийства Хуразбека и 60 знатных представителей племени мангыт, он обложил население ханства непосильными налогами, вызвав всеобщее восстание. Он вынужден был бежать в казахские степи.

В 1757 г. в Хиву по просьбе враждовавших между собой сановников бухарским ханом Мухаммадом Рахимом был прислан на царствование Темур-гази. Однако смуты в Хиве не утихали и при нем. Пробыв на хивинском престоле 7 лет (до 1763 г.), Темур-гази был убит недоброжелателями, которые привели на трон своего ставленника — Тауке-хана, происходившего из казахских султанов. Через год, в 1764 г., и он был смещен, и на короткое время власть в Хиве перешла к предводителям туркменского племени йомудов.

Частая смена ханов, междоусобицы, активизация деятельности тех или иных глав племен, привели к кризису не

только системы управления, но и к значительному ослаблению хозяйственной жизни ханства. В стране начался голод, появились массовые эпидемии, города и селения опустели, население начало переселяться в другие страны.

В 1764 г. борьбу за власть в Хивинском ханстве возглавил инак Мухаммад Амин, происходивший из узбекской знати племени кунграт, ставший фактически правителем Хивинского ханства и родоначальником династии Кунграт. Мухаммад Амин стал управлять государством от имени правивших в Хорезме с 1511 г. царевичей чингизидов, которые к этому времени уже утратили свое значение. Он повел успешную борьбу против сепаратистски настроенных удельных управителей, энергично выступая за объединение разоренных в период смуты областей.

При Мухаммад Амине (ум. в 1790 г.) и его сыне Авазе (ум. в 1804 г.), несмотря на колоссальные трудности, были осуществлены большие работы по осушению затопленной дельты Амударьи и по орошению безводных просторнов (78).

Сын Аваза Эльтузар (1804—1806) отказался от обычая возводить на престол подставных ханов и принял ханский титул сам.

Хивинское ханство в период "правления инаков" характеризовалось господством предводителей отдельных узбекских племен, сильнейший из которых захватывал государственную власть и правил от имени того или иного подставного хана. Широко пользуясь методами внеэкономического принуждения, узбекские феодалы нередко выступали инициаторами и организаторами оросительных работ, что закрепляло их право на распоряжение родовыми землями и усиливало власть над массой малоземельного и безземельного населения своего племени. Фактическое распоряжение землей принадлежало уже не всем членам того или иного родового объединения, а только правящему меньшинству в лице биев, беков, старшин-аксакалов и т.д.

Таким образом, узбекская военно-феодалная знать, игравшая главную роль в общественно-политической жизни ханства в XVIII в., представляла собою в то же время крупнейших землевладельцев. Стремясь увеличить владения

за счет соседних родов или пытаясь захватить в свои руки аппарат центральной власти, представители знати вели постоянные войны друг с другом, что явилось основной причиной политического и экономического кризиса Хивинского ханства в XVIII в. (79).

Следует отметить, что родоначальник кунградской династии Мухаммад Амин так же, как и его ближайшие приемники до Эльтузара включительно, пытались сломить могущество узбекских феодалов и создать твердую централизованную власть. Однако эти попытки не увенчались успехом. Централизации власти сопротивлялись не только узбекские феодалы, но и туркмены, считавшие себя сравнительно недавно хозяевами в ханстве. Но одной из главных причин являлась слабость той социальной базы, на которую могла бы опереться ханская власть. Удельный вес городского населения был невелик, крестьяне были разорены, создание при таких условиях сколько-нибудь значительной военной силы, которая могла бы превосходить своей численностью ополчения местных феодалов, оказывалось невозможным (80).

К моменту воцарения на хивинском престоле Мухаммада Рахима (1806—1818) туркменские племена в результате упорной борьбы с ними хана Эльтузара потеряли свою самостоятельность. Они обязались уплачивать налог со скота и посевов и поставлять установленное число нукеров в ханские войска. Мухаммаду Рахиму удалось создать первоклассную туркменскую конницу, определившую в дальнейшем военные успехи ханства в борьбе за господство над окружающей территорией. Опираясь на преданные ему слои населения, он вступает в решительную борьбу с местной знатью сначала в центральных районах, затем в Кунграде, представлявшем собою центр оппозиции. В 1811 г. было завоевано Аральское владение, одновременно велась борьба против каракалпаков и казахов и был совершен ряд походов в глубь юго-западной Туркмении. В 1822 г. под власть хивинцев перешел Мерв. Следует также напомнить, что с 1821 г. Мухаммад Рахим начал серию войн с Бухарским ханством, продолжавшихся до смерти хана в 1825 г.

Нанеся поражение старой феодальной знати, Мухаммад Рахим получил в свое распоряжение большое количество земель, принадлежавших ранее враждебным ему силам. Некоторые конфискованные земли хан пожаловал своим приближенным, другие оставил за собою в качестве особого ханского фонда. В составе сформировавшегося при Мухаммаде Рахиме господствующего класса видную роль играли представители духовенства — ходжи и сейиды, принимавшие участие в управлении государством и пользовавшиеся рядом привилегий. Основу вооруженной силы ханства составляло нукерство (81).

Особенность социальной структуры ханства получила отражение в формах земельной собственности, носивших строго иерархический характер. Главную категорию земель составляли земли общегосударственные, верховным собственником которых являлся хан. Часть дехкан арендовала государственные земли и уплачивала в казну поземельный налог деньгами или натурой. Другая часть занималась обработкой мульковых земель, принадлежавших различным категориям служилого сословия, а также самому хану. Наконец, последняя часть дехканства работала на вакфных землях, количество которых было также велико (82).

Характеризуя землевладение в Хивинском ханстве в первой половине XIX в., русский путешественник Г. Данилевский отмечал, что почти половина всех возделываемых земель "принадлежит хану, его родственникам, главным сановникам, прочим чиновникам, духовенству, медресам и торговому сословию" (83). Простому народу, по определению Г. Данилевского, принадлежит лишь несколько более половины всей культурной площади. Размеры участков, обрабатывавшихся дехканами, колебались от 1 — 2 танапов до 10 танапов (танап — около 0,5 га). "Владелец пяти-шести танапов считается здесь, — по словам Л. Костенко, — уже человеком зажиточным; большинство же владеет одним-двумя танапами (84). К сказанному следует добавить, что дехкане отбывали также ряд тяжелых повинностей, из которых наиболее обременительной являлась казу — бесплатная работа по ежегодной сезонной очистке крупных оросительных каналов. Не менее тяжелыми являлись также рабо-

ты по сооружению дамб, предохраняющих прибрежные районы ханства от затоплений в периоды разлива рек.

Низшую ступень социальной лестницы в Хивинском ханстве занимали рабы. Их количество в хозяйствах отдельных крупных феодалов достигало 150 человек, на землях ханов до 500 человек. Большая часть зажиточных хивинцев имела по 10 и более рабов и даже "посредственного состояния" хивинцы имели по одному и более рабов (85).

Таким образом, несмотря на централизацию власти и расширение территории Хивинского ханства, внутривнутриполитическое положение страны было крайне неустойчивым. Экономическая жизнь государства поддерживалась жестокой эксплуатацией народа и систематическим ограблением соседних стран. Военные успехи способствовали обогащению только военно-феодалов знати и негативно отражались на положении основной массы населения и общем уровне производительных сил ханства. Не удивительно поэтому, что социальные противоречия в Хивинском ханстве нарастали и проявлялись все с большей интенсивностью. Подтверждением этого являются восстания каракалпаков летом 1827 г., казахов в 1842 г., волнения в Мерве в 1827 и 1842 гг., восстание 1855-1856 гг., во главе которого стоял один из биев племени кунграт Ер-Назар и др.

Отношения Хивинского ханства и с Россией были напряженными. Одной из главных причин являлся вопрос разграничения сфер влияния в казахских степях. Завоевание северной части казахских степей царской Россией к 30-м гг. XIX в. было, в основном, закончено. Однако между нижним течением Сырдарьи и северным побережьем Аральского моря, с одной стороны, и рекой Эмбой и северо-восточным берегом Каспийского моря, с другой — оставалось еще обширное степное пространство, не принадлежавшее фактически ни России, ни Хиве. На это пространство откочевывали в случае надобности казахи, как находившиеся в подданстве России, так и состоявшие под властью Хивы. Каждая из стран стремилась овладеть спорной территорией и посылала туда время от времени свои войска.

Обострению отношений также способствовали частые нападения хивинцев на торговые караваны, ходившие между

Бухарой и Россией. Значительно осложнял положение и вопрос о русских пленных, находившихся в ханстве. Не добившись согласия хивинского хана на их освобождение, русское правительство задержало в 1836 г. всех бывших в России хивинских купцов, конфисковав их имущество (86).

После неудачных переговоров, происходивших в 1837—1838 гг., царское правительство решило добиться выполнения своих требований вооруженной силой. Осенью 1839 г. из Оренбурга в Хиву был направлен отряд численностью около 5 тыс. человек с артиллерией под общим командованием оренбургского губернатора генерала В. Перовского. Но суровая зима 1839—1840 гг. расстроила все планы командования, сделав продвижение отряда почти невозможным. После того как около половины людей выбыло из строя, Перовский отдал приказ о возвращении в Оренбург.

Соперница России Англия попыталась использовать назревавший конфликт для укрепления своего влияния в Хивинском ханстве. Английские агенты Д. Эббот и Р. Шекспир, выступая как бы в роли третейских судей между Хивой и Россией, неудачно пытались склонить хана к союзу с их страной.

В их задачу входило детальное изучение военно-политической и экономической обстановки в среднеазиатских ханствах и укрепление британских позиций в Хиве, Бухаре и Коканде. Капитан Эббот создал и собственную разведывательную сеть, по его настоянию хан Аллакули распорядился предоставить ему " всю возможную информацию относительно пограничных дел". При переговорах в Хиве "по вопросам не подлежащим оглашению", Эббот стремился подготовить договор о союзе между ханством и Англией, запугивая хивинцев "русской угрозой" (87). Он призывал хивинские власти строить военные укрепления, направленные против России, и лично знакомился с важными дорогами. Эббот был задержан с большим отрядом близ русского Ново-Александровского укрепления на Мангышлаке и доставлен в Оренбург, а оттуда в Петербург. Вскоре Эббот уехал в Лондон. Его миссия не дала желаемых результатов.

Вслед за Эбботом, который жил тогда под надзором в Ново-Александровском укреплении, в Хиву был отправ-

лен капитан Р. Шекспир (июнь 1840 г.), у которого была инструкция, предназначавшаяся для Д. Эббота, которую тот не успел получить ввиду поспешного отъезда. Согласно инструкции следовало добиваться установления "дружественных отношений" между Англией и среднеазиатскими ханствами, восстановить Хиву против северного соседа и выступить посредником в ее отношениях с Россией (88).

Приехав в Хиву, Р. Шекспир принялся осуществлять "посреднические" функции. Он официально оповестил Оренбург о своем прибытии в Хиву в качестве представителя верховного правительства Британской Индии. Выяснив, что хивинские власти пришли к выводу о настоятельной необходимости вернуть русских невольников, капитан добивался, чтобы хан Аллакули поручил ему доставку пленных в Оренбург. Это давало Шекспиру возможность выдать себя за "спасителя русских" и завоевать доверие русских властей. Эта попытка Шекспиру не удалась.

Аллакули-хан и его приближенные, несмотря на полный провал зимнего похода Перовского, сочли за благо не давать повода для новых военных экспедиций Российской империи, которые могли оказаться более удачными.

Как выяснилось позже, царское правительство все же добилось определенных успехов в результате обострения русско-хивинских отношений. В 1858 г. Ф. Энгельс, серьезно интересовавшийся русской политикой в Средней Азии, отмечал, что "официальная цель похода была достигнута: в то время как Англия до сих пор еще не смогла отомстить за убийство в Бухаре своих послов Стоддарта и Конолли, хан хивинский отпустил на свободу всех русских пленников и отправил в Санкт-Петербург посольство, чтобы просить о мире" (89). Россия, со своей стороны, приняла меры к налаживанию отношений с Хивой, в частности в Оренбургском крае были освобождены из-под ареста 344 хивинца.

В ноябре 1842 г. Аллакули-хан серьезно заболел и умер. На престол вступил его сын Рахимкул (1842 — 1845). Через два с небольшим года умер и Рахимкул. На смену ему пришел его брат Мухаммад Амин (1845 — 1855).

При Мухаммад Амин-хане события в целом развивались по-прежнему: хивинцы организовывали нападения на

казахские кочевья, провоцировали столкновения между различными племенами и родами, препятствовали нормальному ходу торговых караванов. Восьмитысячный хивинский отряд под начальством сына бывшего хана Эльтузара — Рахманберды при поддержке казахских султанов Илекея Касымова, Алла-Назара Джангазиева и Бурейтяукина произвели набег для разграбления аулов, подчиненных казахскому батыру Джанходже Нурмухамедову (90).

В 1851 г. на посту оренбургского правителя снова появился В. Перовский, который жаждал реванша, вспоминая свой военно-политический "афронт" 1839 — 1840 гг. Учитывая близость Перовского к императору и особенности деспотического режима Российской империи, можно было с уверенностью предсказать, что позиции Оренбурга в среднеазиатской политике сильно укрепятся (91). Это подтвердили и оружейные залпы отрядов Перовского, захватившего летом 1853 г. крепость Ак-Мечеть.

Однако события, развернувшиеся в Крыму, на Балканах и на Кавказе в 1853 — 1856 гг., приковали все внимание царского правительства. России предстояла тяжелая и напряженная борьба с блоком более сильных противников. Но после ее окончания значение Средней Азии, ее удельный вес в политике России резко возросли.

Кокандское ханство

Обособление Ферганы в самостоятельную политическую единицу, получившую название Кокандского ханства, относится ко второй половине XVIII в. В качестве претендентов на власть в Фергане выступают предводители узбекского племени минг, владевшие сначала только районном Коканда, но уже во второй половине того же XVIII в. распространившие свое господство на большую часть долины, а также на Ходжент и прилегающие к нему местности.

Центр общественно-политической и экономической жизни ханства находился в оседлых земледельческих районах, расположенных в средней части долины. Господствующее положение в оседлых районах занимала землевладель-

ческая знать, принадлежавшая к светской верхушке отдельных племен и к составу наиболее влиятельного местного духовенства, тесно связанного также с местными торговыми кругами.

Государственный аппарат Кокандского ханства в окончательном виде сложился в годы правления хана Умара (1809—1822), когда были учреждены государственные должности, как светские, так и духовные, а хану присвоен высший в мусульманском мире титул "повелителя правоверных". К числу светских должностей ханства относились мингбаши — нечто среднее между министром внутренних дел и государственным канцлером, а также ляшкербаши, или эмир-ляшкер — военный министр, "главнокомандующий", дастарханчи — главный казначей, аталык и др. Объем власти каждого из них определялся степенью личного влияния при ханском дворе. К высшим духовным должностям относились ходжа-калян и шейх-уль-ислам, ведавшие общим надзором за деятельностью духовенства, кази-калян — главный судья, кази-аскер — военный судья и др. (92).

Наиболее значительными вилаятами управляли хакимы и кушбеги, назначавшиеся обычно из приближенных к хану лиц, наделявшихся большими полномочиями. Кокандский историк Мухаммад Хаким сообщает, что общее число людей, получавших содержание из ханской казны, достигало 40 тыс. человек. По-видимому, большую часть их составляли чиновники и военные, основное ядро последних представляли нукеры, часто называвшиеся также сипаями. Весьма видное место в рядах "служилого сословия" занимало духовенство, как официальное — в виде настоятелей мечетей (имам), судей (казий), преподавателей медресе (мударрис), так и представители различных дервишских орденов (93).

Общая структура землевладения в Кокандском ханстве соответствовала интересам господствующего слоя. Основную категорию земель составляли государственные — амляк, которыми ведал хан. Многие амляковые земли принадлежали лично хану, часть отдавалась им "на кормление" своим родственникам и приближенным, остальные находились в ведении налоговых чиновников, сдававших

собранный ими налог правителю области — хакиму или кушбеги. В ханстве широко практиковалась также передача земли в наследственную собственность отдельных лиц, оказавших те или иные услуги правительству. Такие земельные владения — мульки (мильки) обычно освобождались от различных налогов и сборов в пользу государства (мульк-и хурр, или мульк-и халис), что, однако, не избавляло дехкан, работающих на этих землях, от уплаты налогов и повинностей в пользу мульковладельца. Весьма широким распространением в Кокандском ханстве пользовались вакфы, доставлявшие огромные средства представителям местного духовенства.

Роль мелкого дехканского землевладения была незначительна. Встречавшиеся в различных районах ханства небольшие участки, составлявшие личную наследственную собственность отдельных дехкан, были обложены тяжелыми налогами, вследствие чего положение их владельцев немногим отличалось от положения основной массы дехканства, работавшего на землях государственных или вакфных. Основным поземельным налогом был харадж, собиравшийся с зерновых посевов большей частью натурой, в размере $1/5$ урожая. С садов и виноградников взимался так называемый потаналный сбор, со стад кочевников собирався денежный налог зякет. Зякетом же облагались все прибывающие в ханство торговые караваны.

Среди кипчаков, как и среди других кочевников Средней Азии, земля рассматривалась как общеродовая собственность, принадлежавшая на равных основаниях всем членам родовой общины. Однако фактическое право распоряжения землей принадлежало только наиболее богатой и влиятельной части рода, державшей в экономической зависимости основную массу сородичей.

Политическая история Кокандского ханства богата событиями, оказавшими значительное влияние как на внутреннюю жизнь населяющих ханство народностей, так и на окружающие его народы и страны. Выступив в начале XIX в. в качестве небольшого, раздробленного на ряд уделов феодального владения, Кокандское ханство через какие-нибудь 20 — 30 лет превратилось в одно из крупнейших государств Средней Азии, в состав которого вошли обширные

территории от Памира на юге до бассейна реки Или на северо-востоке.

Укрепление политической мощи Кокандского ханства началось в первом десятилетии XIX в., когда ханский престол занимал сын и преемник Нарбуты Алим-хан. С первых же лет своего правления он вступает в борьбу с Бухарой за овладение Ура-Тюбе и Джизаком. Хотя Алим-хан совершил около 15 походов против Ура-Тюбе, исход борьбы остался неопределенным. Господствующее положение в Ура-Тюбе занимала знать узбекского племени юз, примыкавшая, по обстоятельствам, то к Бухаре, то к Коканду, но фактически остававшаяся независимой. Ходжент также иногда выходил из-под власти хана и требовал значительных сил для защиты его против притязания соседей (94).

Между тем военные силы ханства были недостаточны. Враждебная хану военно-феодалная знать группировала вокруг себя всех недовольных ханом. В противовес ополчениям знати Алим-хан собрал довольно значительный отряд войск выходцев из Дарваза, Каратегина, Шугнана и других горных таджикских владений. Пользуясь всякого рода льготами и вниманием со стороны хана, наемные войска были достаточно надежной защитой против посягательств со стороны отдельных узбекских феодалов, являясь вместе с тем ядром, вокруг которого Алим-хан постепенно стал создавать армию из местного узбекского населения. Крупнейшим мероприятием хана явилось завоевание Ташкента, бывшего перед этим самостоятельным государством. (1784— 1808) (95).

В конце XVIII — начале XIX в. Ташкент являлся одним из крупнейших торговых центров Средней Азии с населением до 60 — 80 тыс. человек. Ему была подчинена обширная степная территория, занятая казаками Старшей (Большой) Орды до низовьев Сырдарьи на севере и предгорий Кара-бак на востоке. Ташкент вел активную торговлю с Оренбургом, казахскими степями и Кульджинской провинцией Синыцзяна, играя также роль крупного транзитного пункта.

Окончательному завоеванию Ташкента предшествовала длительная борьба, в процессе которой кокандцы подчинили себе обширный населенный район между Ходжентом

и Ташкентом и овладели крепостью Ниязбек, охранявшей головные сооружения каналов, снабжавших Ташкент водой. В 1808 г. город был занят кокандскими войсками после кровопролитного штурма, вызвавшего значительные потери с обеих сторон. В 1809 г. среди казахов вспыхнуло восстание из-за злоупотреблений кокандских сборщиков зякета. Прибыв в Ташкент, хан направил свои войска в степные районы с приказом грабить и уничтожать всех встречаемых казахов.

Одна часть казахского населения была истреблена, другая захвачена в плен, третья успела откочевать в отдаленные степные районы или горные ущелья и таким образом избежала от грабежа и гибели. Масштаб действий кокандских войск значительно сократился из-за жестоких холодов, стоявших в степях в то время. В войсках началось брожение. Недовольные ханом сановники составили заговор, во главе которого стоял брат хана Умар-бек. Алим-хан был убит весной 1809 г. на пути из Ташкента в Коканд.

Умар-хан занял престол (1809 — 1822) и уверенно пользовался доставшейся ему властью, захваченной им при активной поддержке со стороны наиболее влиятельных кругов местной знати. Установившиеся в начале правления Умар-хана дружественные отношения с Бухарой вскоре были нарушены из-за возобновившейся борьбы за Джизак и Ура-Тюбе. Борьба велась на протяжении всего царствования Умар-хана и, как прежде, не дала перевеса ни той, ни другой стороне. Намного успешнее были действия кокандских войск в кочевых районах. Весной 1814 г. был завоеван город Туркестан и обширные степные пространства, составлявшие владения Старшего и отчасти Среднего казахского жузов, которые вошли в состав Кокандского ханства. Но власть кокандских ханов была непрочна: возмущенные притеснениями кокандских сборщиков налога, казахи поднимали восстания или откочевывали в не доступные для кокандцев районы. Одно из самых значительных по своему размаху восстаний произошло в 1821 г. Оно охватило обширный район от Туркестана до Аулие-Ата, с центром в Чимкенте и Сайраме. Восстание было жестоко подавлено войсками Умар-хана (96).

Значительное расширение территории Кокандского ханства произошло при сыне и преемнике Умар-хана Мухаммада Али (Мадали), правившем в 1822—1842 гг. Объектом кокандской экспансии были расположенные к югу от Ферганы горные владения Каратегин, Дарваз, Куляб, а также ряд мелких таджикских владений Шугнан, Рошан и Вахан. Успешно преодолев труднопроходимые горные перевалы, кокандские войска взяли Каратегин, а Дарваз и Куляб изъявили свою покорность хану. Власть кокандского правительства так же, как и в казахских районах, оказалась непрочной. Это особенно заметно проявилось в период смут, усилившихся в ханстве в последние годы правления Мадали-хана.

Причиной недовольства правлением Мадали были неудачные походы, предпринятые им в 1826 и 1830 гг. в Кашгарию, результатом которых явились значительные потери среди кокандских войск и массовое уничтожение китайцами кашгарских жителей. Духовенство вело открытую агитацию против хана, обвиняя его в различных пороках и преступлениях против шариата. Не располагая достаточными силами для открытой борьбы с ханом, недовольные отправили в 1839 г. своих послов в Бухару к эмиру Насрулле с просьбой об оказании помощи против нежелательного им хана. Насрулла, владевший в это время городами Ура-Тюбе и Джизаком, разбил высланные против него кокандские войска, подчинил себе Ходжент и направился к Коканду. Напуганный Мадали уступил Насрулле Ходжент и признал себя вассалом Бухарского ханства. С уходом бухарских войск Мадали продолжал преследования и казни неугодных ему лиц, еще более усиливая нараставшее против него недовольство. В столице ханства Коканде произошли волнения. Эмир Насрулла решил воспользоваться наступившими раздорами и снова двинул свои войска в пределы Кокандского ханства. В апреле 1842 г. бухарские войска штурмом взяли столицу ханства. Мадали-хан вместе со своими близкими был зарезан в ханском дворце.

Оставленный эмиром Насруллой бухарский правитель и подчиненные ему чиновники и военные гарнизоны вызвали своими жестокими насилиями и грабежами массовое

недовольство среди кокандцев, решивших призвать к власти одного из представителей прежней династии — племянника Нарбуты, Шир Али-бека. После изгнания бухарского наместника Шир Али был провозглашен ханом и стал руководить подготовкой к защите Кокандского ханства против предстоящего вторжения бухарских войск. Вокруг Коканда, Андижана, Намангана и других городов ханства были возведены крепостные стены, за которыми жители могли найти себе защиту на случай вторжения неприятеля.

Предпринятый эмиром Насруллой новый поход закончился для бухарцев неудачно. В течение сорока дней кокандцы отразили девять штурмов. Насрулла снял осаду и вернулся в Бухару.

С уходом бухарских войск Кокандское ханство возвращает себе города Ходжент и Ташкент, захваченные бухарским эмиром после казни Мадали-хана.

Бухарское нашествие и связанные с ним события нанесли окончательный удар по остаткам той старой феодальной знати, которая составляла ядро господствующего класса при Умар-хане и продолжала еще сохранять определенное влияние при его преемнике.

С приходом к власти Шир Али значительно возросла роль кочевников, в первую очередь кипчаков, которые оказали весьма существенную помощь хану в его борьбе с бухарским вторжением. Один из видных кипчакских предводителей Мусульманкул отличился в качестве военного руководителя и организатора защиты Коканда от бухарцев в апреле 1842 г. Опираясь на свои племенные дружины, Мусульманкул и другие кипчакские предводители стали стремиться к захвату государственной власти, чтобы воспользоваться выгодами, с нею связанными (97).

В конце 1844 г. кипчаки заняли столицу ханства. Шир Али был оставлен на престоле, но власть в государстве фактически перешла к Мусульманкулу. После смерти Шир Али, убитого в 1845 г. одним из его родственников, ханом был провозглашен малолетний сын погибшего Худояр, а Мусульманкул был назначен регентом, т.е. фактически главою государства.

Господство кипчаков, занявших все руководящие должности в ханстве, довольно болезненно отражалось на положении оседлого городского и сельского населения. Кипчаки отбирали дома и землю не только у прежних сановников, но и у рядового оседлого населения, требовали особой платы за воду для орошения, рубили без разрешения владельцев деревья и т.д. Тяжелым бременем ложились на население также военные походы, часто предпринимавшиеся Мусульманкулом против Ура-Тюбе и Ташкента, неоднократно отделявшихся в это время от Кокандского ханства и искавших поддержки у Бухарского ханства.

Вскоре Худояр-хан сумел объединить вокруг себя значительную массу недовольного кипчаками оседлого населения и подготовил силы для нанесения решительного удара по кипчакам. В октябре 1851 г. кипчаки были разгромлены, Мусульманкул казнен, огромные толпы кипчакского населения на глазах у мирного населения истреблялись ханскими войсками. Но разгром кипчаков не принес стране спокойствия. Положение основной части населения оставалось по-прежнему тяжелым, общество испытывало постоянное напряжение. Оно возрастало вследствие начавшейся борьбы за власть между Худояр-ханом и его братьями, в частности с Малля-беком, управлявшим Ташкентом.

В 1858 г. Малля-бек с помощью кочевых племен сверг с престола своего брата Худояра и овладел верховной властью в ханстве. Желая вознаградить кипчаков за оказанную ему поддержку, Малля-хан издал приказ о том, чтобы все оседлые жители, которые купили в свое время то или иное количество кипчакской земли, возвратили половину ее прежним владельцам, а вторую половину продали им по первому требованию по той цене, по какой земля была куплена (98).

Приказ послужил новым поводом для всякого рода земельных тяжб и споров, разрешение которых затянулось на долгое время и еще более обострило политическую и социально-экономическую обстановку в ханстве.

Малля-хан вынужден был продолжать традиционные войны с Бухарским ханством из-за Ура-Тюбе и Джизака, выдерживать борьбу с претендентами на ханский престол. В

это же время царские войска заняли большую часть северных кочевых окраин ханства, разрушили кокандские крепости Токмак и Пишпек и продолжали укреплять Сырдарьинскую военно-стратегическую линию, которую начали создавать после взятия кокандской крепости Ак-Мечеть.

Хан начал готовиться к походу против нового неожиданного для него противника, но когда был отдан приказ о выступлении, войска отказались повиноваться. Малля-хан был вынужден возвратиться в Коканд, где он в марте 1862 г. был убит своими приближенными. Правил он 3 года и 4 месяца:

Говоря о времени правления Малля-хана, Мухаммад Салих писал об оказании им огромного уважения духовенству, о назначении его знатым представителям жалования, жестоком избиении развратных людей, злоумышленников и провокаторов. Он сообщал о наказании мятежных главарей племен, правителей городов и сел, амлякдаров, аксакалов, арбабов (99).

Согласно автору "Таснифи Гариб", Малля-хан был могучим царем, навел такой порядок среди государственных чиновников и военачальников, что ни один из них не мог выйти за рамки шариата. Военные были заняты своим делом, улемы и шейхи занимались защитой шариата, а подданных постоянно заставляли соблюдать приличия. Он издал приказ для всего народа, согласно которому дети должны были ходить в школу, купцы свободно осуществлять торговлю, младшие уважать старших. Он вел энергичную борьбу с воровством. Цены на базарах снизились, земледельческие продукты были в изобилии, должник вынужден был своевременно вернуть долг. Подвергались жестокому наказанию люди, не соблюдавшие правил шариата, допускавшие злоупотребления и измену в военном деле (100).

Все это говорит о стремлении Малля-хана в труднейших условиях навести определенный порядок в расстроенных государственных делах, в войсках, поднять авторитет шариата и духовенства в целом.

Приход к государственной власти киргизских и кипчакских феодалов, создание войска из людей, принадлежа-

щих к разным народностям и племенам, попытка осуществить деспотическую власть не могли создать нормальной политической обстановки в стране, вопреки политике Малля-хана, направленной на удовлетворение интересов феодальной верхушки всех племен.

Согласно данным автора "Тарихи джахан-намаи", Малля-хан занимался и внешнеполитической деятельностью: после ура-тюбинского похода (1860—1861) он принимал английских, кабульских и других иностранных послов, прибывших с ценными подарками и ожидавших хана в его столице (101). Эти сведения полностью подтверждаются материалами русских источников. Купец татарин Фаттах Хидиров, бывший в Коканде, сообщал: "К хану прибывают английские и кабульские послы, о целях которых он не знает. По его словам, послы якобы привезли в подарок кусок золота, стоящий двадцать тысяч тиллей". Канаат-шах, по приказанию хана, пользуясь случаем, просил послов дать до весны две тысячи пистолетов и три тысячи кремневых ружей, а также прислать трех специалистов (102).

Убив Малля-хана, правящие феодальные круги возвели на престол одного из внуков Шир Али-хана — Шах-Мурада. Это вызвало немедленную реакцию как внутри ханства, так и за его пределами. Худояр-хан, ожидавший случая, начал действовать. Ташкентская знать выступила против нового хана и пригласила Худояр-хана в Ташкент. На помощь Худояру пришел из Бухары эмир Музаффар и, объединив усилия, они без боя заняли Ходжент. Затем Худояр завладел Кокандом. Таким образом в середине 1862 г. Худояр-хан вторично пришел к власти. Однако полностью восстановить власть в восточных районах Ферганы ему не удалось.

ГЛАВА 3

РАЗВИТИЕ ПОСОЛЬСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И БУХАРСКИМ ХАНСТВОМ

Посольство хан кули Топчи-баши в Россию (1716 — 1718 гг.)

Гибель экспедиции А. Бековича-Черкасского ознаменовала собой завершение определенного этапа во взаимоотношениях России со среднеазиатскими ханствами в XVIII в., когда правительство Петра I предприняло первую попытку прямого проникновения на территорию ханств. В дальнейшем во взаимоотношениях со среднеазиатскими ханствами царское правительство использовало исключительно дипломатические средства.

В феврале 1716 г. в Астрахань прибыл бухарский посол хан кули Топчи-баши. При нем находились купец Асан-баба, два есаула, жена посла и его дети. Вместе с посольством Абулфейз-хан отправил к царю 36 русских пленных. В грамоте хана на имя обер-коменданта Астрахани Чирикова Абулфейз-хан извещал, что он отправил это посольство для продолжения обоюдных добрососедских сношений, необходимых для развития торговли, и что он одобряет план построения города на восточном берегу Каспийского моря с целью обезопасить торговлю. Это свидетельствует о том, что в Бухаре знали о намерении России основать город на берегу Каспия.

17 марта 1716 г. Петр I в грамоте к Абулфейз-хану просил об оказании надлежащего приема и полной доверенности отправленному к нему русскому послу Бековичу-Черкасскому, о котором было сказано, что он посылается "для нужнейших дел общей пользы как Российского государства, так и Бухарской земли". Царь просил принять посла "по его чину и достоинству, дать к общему благу принадлежащие решения и с таким удовольствием его отпустить, какого уповаает" (1). Грамота должна была быть доставлена в Бухару после успешного завершения экспедиции в Хиву.

Бекович-Черкасский, готовясь ко второй Каспийской экспедиции, в апреле 1716 г. в Астрахани встретился с бухарским послом и написал об этом Петру I. В письме содержится просьба об освобождении бухарцев и хивинцев, задержанных за подозрительные связи с Турцией и обвиняемых во враждебных действиях против России. Надо полагать, что с этой просьбой к Бековичу-Черкасскому обратился бухарский посол во время их встречи.

Петр I в то время находился в Восточной Пруссии. Получив письмо, он сразу же ответил. Освободить бухарцев и хивинцев, арестованных по обвинению в государственной измене, царь отказался, добавив при этом, что, если посол будет настаивать на их освобождении, Бекович-Черкасский может обещать отпустить их на свободу после окончания экспедиции. Вместе с тем Петр I указом предписал сенату принять посла ласково и задержать до возвращения его из Шверина. В документах отмечается, что "...мая 1 числа прошлого (т. е. 1717 г. — Х.Г.) году по присланному его великого государя указу правительствующему сенату отправленной посол и купчина в Санкт-Петербург" (2). Задержавшись в пути от Астрахани до Москвы и в самой Москве в ожидании возвращения Петра I, посольство лишь 26 июня 1717 г. достигло Петербурга.

Представляет интерес церемония встречи, которая была оказана бухарскому послу в столице России (3). Не доезжая нескольких верст до Петербурга, посольство должно было остановиться в ожидании разрешения на въезд в столицу. В день, назначенный для въезда, из царской конюшни за послом и его свитой были посланы три кареты. Дьяк из Посольской канцелярии поздравил посла и купца с прибытием, а затем объявил, что направлен сенаторами для встречи и должен проводить гостей до отведенного посольству помещения. По обычаю, посол и купец стоя выслушали дьяка, поблагодарили его и справились о здоровье царя и министров. Через некоторое время посол вместе с дьяком сели в первую карету, в другой карете заняли места купец и русский пристав, в третьей — ахун с переводчиком. Позади карет двигалась коляска дьяка и его верховая лошадь. Двигалось посольство медленно, так как около первой кареты

шел переводчик, с помощью которого посол разговаривал с дьяком, а около следующих карет шли люди посла и купца с ружьями и саблями. Въезд посла происходил с большой пышностью, при большом скоплении народа. Вдоль всего пути была выстроена пехота со знаменами и пушками. Повидимому, вся эта обстановка должна была внушать послу представление о богатстве и могуществе русского царя, а также являлась выражением уважения к посольству. Дьяк проводил посла в комнаты отведенного ему дома и, посидев немного, уехал, причем купец с есаулами и посольскими людьми проводили дьяка до кареты и купец отъехал в карете на особую квартиру.

3 июля после торжественного приема, устроенного сенаторами в честь посла, его попросили предъявить ханскую грамоту и объявить о цели приезда, на что посол ответил, что, согласно воле хана, он должен вручить грамоту о порученных посольству делах лично царю.

Задачи, возложенные на Асан-бабу, касались исключительно торговли между двумя государствами и были изложены секретарю сената Курбатову во время их беседы 12 июля. Купец должен был урегулировать вопросы обеспечения приезжающих в Россию бухарских торговцев и освобождения от пошлин их товаров. Затем он просил отпустить его в Астрахань, чтобы застать там бухарский караван и с ним отправиться в Бухару. Но купцу по указу Сената было объявлено, чтобы он дождался возвращения царя (4).

Царской аудиенции посольство удостоилось только 20 октября того же года, по возвращении Петра I в столицу. За послом была отправлена карета подканцлера Шафирова, за купцом — коляска секретаря сената. Подарки несли за ними 12 солдат. Шествие двигалось с большой торжественностью. Все улицы были заполнены народом, сбежавшимся посмотреть на пышную процессию. Подарки Абулфейз-хана Петру I дополнялись, как было принято, и личными подношениями посла и сопровождающего его купца. Наибольшую ценность, безусловно, представляли русские пленные, освобожденные и отправленные ханом на родину. В документах имеется несоответствие в числе пленных, отправленных из Бухары. В послании Абулфейза речь идет о 36 пленных, в то

время как в реестре, составленном при дворе, среди ханских подарков указывается "9 человек ясырей, которые были в Бухаре в неволе" и один "ясырь русский" (5), полученный от посла. Освобождение русских пленных всегда было одним из важных моментов русско-среднеазиатских отношений (6).

Наряду с традиционными восточными товарами — дорогими тканями, изделиями из слоновой и носорожьей кости, оружием и т.д., — одно перечисление которых занимает в реестре 2 страницы, в нем указаны аргмаки и такие экзотические животные, как обезьяны и барсы.

Прием состоялся в верхней палате сената, где Петр I ожидал бухарского посла, стоя на возвышенном месте против дверей. Посол, войдя в двери, встал на колени и поклонился от лица хана. Затем он поздравил царя с победой над шведами и вручил подарки. После обмена взаимными приветствиями хан кули Топчи-баши вручил верительную грамоту, над которой Петр поднял руку, а принял ее подканцлер Шафиров. Послу было объявлено, что ответ на грамоту он получит после того, как царь выслушает перевод.

В грамоте к Петру I после славословия в его честь Абулфейз-хан писал: "...за благо рассуждая, для содержания любви и обязательства союза между нами, послан пребывающий при дворе нашем хан кули Топчи-баши, нашего ханского двора страж, в тамошних краях пути и в ваших государствах обхождение и обычай весьма знающий, для некоторых самых нужнейших и славных дел, а наипаче для содержания любви и приятельства. Того ради, ему посольство дав приказали, что ему приказано, то надлежит оному отправлять и служить, и до нас возвратиться подобает. Ноне же желаем, дабы между двух стран дружба содержана и приятство объявлено, союз и склонность показано было. А что нам надлежало к любви с нашей стороны, мы то учинили. Сие наше объявление как вам дойдет, то мы с вами ярко вполне свиделись и всегда желаем, дабы двери корреспонденциям и посольствам были открыты" (7).

В верительной грамоте Абулфейз-хан выражает большую заинтересованность во взаимовыгодных добрососедских отношениях с Россией и в развитии торговли. Как уже

отмечалось, Бухара имела развитые торговые связи с Индией, Афганистаном, другими государствами Ближнего и Среднего Востока, а бухарские купцы торговали на русских рынках не только товарами местного производства, но и пользовались выгодами транзитной торговли. Что касается упоминания Абулфейз-ханом о знании бухарским послом русских обычаев, поясним, что посол являлся русским, попавшим в плен и возвысившимся на службе у бухарского хана до начальника артиллерии, на что указывает должность — Топчи-баши (8).

Кроме грамоты имелось еще письмо, написанное лично царю. В нем говорилось: "Ныне слышно мне учинилось, что некоторые мусульмане в Астрахани обжились, и оных по некоторым поклепным словам и неприятельским напрасно затеянными оболгали и доносили вам на них, и вы соизволили гневом своим их отягчить; а ныне желаем, дабы сие мое просительное писание прочитав для нашего приятства и любви, оных бедных от гнева освобождая, позволили отпустить в отечества их, чтобы оные будучи в домах своих как за вас, так и за нас бога молить могли. Мы же послали 36 человек русских полоняников из нашего двора к вам, для умножения дружбы нашей" (9).

Из письма Абулфейз-хана следует, что освобождение пленных, по-видимому, не являлось бескорыстным. Этот акт доброй воли давал ему основание надеяться на то, что царь, в свою очередь, освободит бухарцев, арестованных в Астрахани в период войны России с Турцией за подозрительные связи с последней и обвиняемых во враждебных действиях против России.

Через несколько дней после торжественной аудиенции, в более скромной обстановке начались переговоры, на которых посол передал устные просьбы и предложения хана к русскому правительству.

Абулфейз-хан, прежде всего, поручил послу подробно рассказать царю и правительству о внутреннем положении Бухарского ханства и его внешних связях в регионе. По-видимому, Абулфейз-хан хотел убедить Петра I в прочности ханства и в возможности и желательности развития добрососедских русско-бухарских отношений на долгосрочной

основе. Во время переговоров с канцлером бухарский посол интересовался истинными целями экспедиции Бековича-Черкасского в Среднюю Азию и заявил, что при свидании с князем в Астрахани он предупреждал его опасаться хивинцев, которые собираются встретить русских с оружием.

Как уже было сказано выше, об исходе хивинской экспедиции Бековича-Черкасского в столице России узнали в октябре 1717 г. Несомненно, Топчи-баши тоже слышал об этом и мог предположить, что это известие ухудшит русско-бухарские отношения и, в частности, может сказаться на результатах его посольства. Вероятно, посол стремился заверить русское правительство в непричастности Бухары к этому событию. В этом убеждает письмо "превосходительнейшему господину графу Гавриле Ивановичу от бухарского посла", где хан кули Топчи-баши сообщает, что он "...получил из Бухары послание, что государь бухарский хан послал посла в Хиву для того, чтоб которые взяты с Бековичем в полон, чтоб тех взятых людей всех из Хивы прислал в Бухару. Если хивинский хан русских людей в Бухару не вышлет, то хочет самогосударь подняться из Бухары в Хиву войной и о том из похода донести царскому величеству" (10).

Одна из главных задач посольства, как нам представляется, заключалась в том, чтобы начать беспошлинную торговлю. Посол должен был содействовать коммерческим делам ханского двора, выгодным для него по ряду причин: во-первых, товары освобождались от ввозных пошлин и других налогов и пошлин; во-вторых, провоз товаров по русской территории производился за счет русской казны; в-третьих, послу и его коммерческим помощникам — бухарским купчинам, членам посольства обеспечивалось не только "бесплатное питание, помещение для жилья, но и транспорт и другое обслуживание, вплоть до бесплатных торговых складов и помещений для торговли" (11). При этом бухарский посол ссылался на то, что русские купцы в Бухарском ханстве пользуются такими же правами.

Очень важным для посольства являлось также решение вопроса об арестованных бухарцах — он неоднократно поднимался в беседах с различными должностными лицами. Хотя просьба Абулфейза была принята во внимание и боль-

шинство арестованных освободили, двое бухарцев были отправлены в ссылку. В цитированном письме к канцлеру бухарский посол вновь возвращается к этому вопросу: "Прошу у тебя милости пожалуй...великому государю о бухарцах двух человек, которые сосланы в ссылку, дабы повелел великий государь оных бухарцев отдать мне потому что государя моего о том было прошение к царскому величеству и дабы наипаче было дружелюбие" (12). Посол изложил и другие предложения бухарского хана, согласно которым царское правительство должно было принять решение. К наиболее важным из них относятся предложения прислать в Бухару "разумного человека", т.е. посла, и более широко развивать торговлю между обеими странами.

Хан имел и личные просьбы. Так, Абулфейз-хан, узнав о победах, одержанных царем над шведами, и о храбрости этого народа, просил прислать ему девять шведок (13). Несомненно, эта просьба является одной из самых курьезных за всю историю русско-бухарских отношений, и вполне естественно, что ответа на нее не последовало.

В период пребывания бухарского посла в России он имел возможность воспользоваться покровительством Петра I и устроить некоторые личные дела. Так "...по именному его царского величества указу, велено этого бухарского посла мать с дочерью (Дарья и Прасковья) в том Вознесенском девичьем монастыре постричь безвкладно" (14).

В ответной грамоте Абулфейз-хану, написанной на "Александрийском (королевском) листе и запечатанной государственной большой печатью", Петр I писал, "...что помянутый посол ваш нам устно донес и министрам нашим именем вашим предлагал, нам известно. Мы с удовольствием то приемлем, еже вы желаете, дабы между нашими государствами дружба и приятство содержано было, в чем мы великий государь и от своей стороны вас обнадеживаем. И когда будет от Астрахани до Бухары свободный проезд, тогда мы с нашей стороны посла нашего к вам отправим" (15).

Петр I уделял значительное внимание развитию торговли, о которой говорил, что она — "верховная обладательница судьбы человеческой" (16). Официальный ответ

Абулфейз-хану, каковым является грамота, также свидетельствует о желании царя развивать торговые и дипломатические отношения между Россией и Бухарой. В приложенном к этой грамоте письме Петр I извещал бухарского хана, что по его просьбе "милостиво освободили бухарцев, астраханских жителей, держанных в Санкт-Петербурге за некоторые их великие преступления, и в дома их отпустить повелели, но двое из них, которые наипущие злодеи и за преступление свое смерть заслужили", избавлены по его ходатайству от казни и посланы "на житье в некоторый наш город, где бы они, вреду учинить не могли" (17).

Царское правительство доброжелательно отнеслось и к другим предложениям хана. Так, Петр I предоставил ему право беспошлинной ханской торговли. "...И впредь с бухарских послов пошлин не брать", — гласил его именной указ (18).

Таким образом, русское правительство с большим вниманием отнеслось к просьбам и предложениям Абулфейза, которые, безусловно, отвечали торговым и политическим интересам России в данном регионе. Несомненно, что после гибели Бековича-Черкасского и прекращения всяких отношений с Хивинским ханством, связи с Бухарой открывали для Петра I новые возможности для претворения его политических целей. Неудивительно, что бухарское посольство в целом успешно выполнило возложенные на него задачи.

При отправлении посольства на родину в дар бухарскому хану были посланы богатые дары. Канцлер Головкин отмечал, что "велено отпустить к хану его шесть или семь кречетов, и поэтому здесь послано письмо к князю И.Ф. Ромодановскому и он об отпуске их писал к Москве, и вы по получении сего поищите у иноземцев купить самые хорошие часы столовые боевые, поищите и шведских пленных нет ли часовщика, который бы умел часы делать" (19).

Русские соболя, подаренные Толчи-баши и Асан-бабе, оценивались соответственно в 300 и 100 рублей. Восьми слугителям посла и купца были подарены различные меха, каждому на 10 рублей.

Посольство Бухары содержалось в России с большим почетом. Вопросами приема посла занимался лично Петр I. "По указу великого государя... дать его великого государя жалование бухарскому хан-кули Топчи-баши и купчине Асан-бабе с ханскими и с их людьми кормовых и за житье деньгами во всем против дачи бытия их в Санкт-Петербурге к прежеданным" (20). Торжественная встреча в столице государства, царская аудиенция и вообще весь посольский церемониал нисколько не отличались от тех, которые обычно устраивали послам европейских держав (21).

Посольство отпустили из Петербурга в марте 1718 г., причем велено было "в Казани к прибытию бухарского посла и купчины приготовить суда и по прибытию его отправить на тех судах, дав в провожатые солдат, сколько человек пристойно", "...для провожания бухарского посла было дано ему из Москвы гарнизона 9 человек солдат" (22). После прибытия посольства в Астрахань оно, однако, было задержано до прибытия Флорио Беневени, которого царским указом назначили послом Российского государства в Бухарское ханство. В письме, направленном в Астрахань к бухарскому послу, канцлер извещал о том, что вместе с Флорио Беневени к хану направляется "...часовой мастер для отправления посланных от его царского величества в дарах к хану вашему часов... и велено оному при посланнике его царского величества и в Бухары ехать. Когда ваша милость из Астрахани обще с посланником его величества путь воспримите послать в конное до пристаней персидских одно капральство солдат. И о том его величества указ к казанскому губернатору послан" (23).

Итак, в связи с неудовлетворительностью информации, имевшейся о Бухаре, царское правительство решило, не мешкая, направить туда представительное посольство.

Посольство Флорио Беневени в Бухару (1718 — 1724 гг.)

Поводом к отправлению русского посольства в Бухарское ханство явилась, как известно, просьба Абулфейз-хана прислать к нему "разумного человека". Из ответной грамо-

ты Петра I хану, переданной бухарскому послу хан кули Топчи-баши при отправлении его 18 марта 1718 г. из столицы, ясно, что первоначально царское правительство намеревалось отправить своего посла в Бухару, "когда будет от Астрахани до Бухары свободный проезд", т.е. отъезд бухарского посла никак не связывался с направлением ответного посольства (24). Однако еще до прибытия бухарского посла в Астрахань (5 июля 1718 г.) намерения правительства изменились, и было решено отправить русское посольство с возвращением в Бухару хан кули Топчи-баши.

Русское посольство возглавил Ф. Беневени: "По указу его царского величества велено отправить для его дела к бухарскому хану секретаря экспедиции ориентальных дел Флорио Беневени в характере посланника" (25). Секретарь ориентальной экспедиции Посольского приказа был "действительно ориенталист, знал языки персидский и турецкий и мог исполнить возложенное на него поручение по опытности в делах посольских", т.е. являлся "разумным человеком" в духе определения Абулфейз-хана (26).

Посольству Ф. Беневени в Бухару царское правительство придавало большое значение — об этом свидетельствует то обстоятельство, что его организацией занимался лично Петр I и его ближайшие помощники во внешнеполитических делах — канцлер Г. Головкин и подканцлер П. Шафиров, впоследствии возглавившие особую Коллегию иностранных дел, которая в 1720 г. сменила старый Посольский приказ.

Ф. Беневени был направлен в Бухару в ранге легкого посла, или посланника. (Сношения с иностранными государствами велись Посольским приказом через "великих послов", "легких послов и посланников", послов и гонцов). В верительной грамоте посланника, подписанной Петром I девятого июля 1718 г. в Санкт-Петербурге, которую Беневени должен был вручить хану, говорилось: "Понеже мы великий государь заблагорассудили для лучшего утверждения с вами дружбы и нужнейших к общей пользе дел, отправить к вам посланника нашего Флорио Беневени. Того ради желаем дабы вы оного велели в землях своих с подлежащим чину его почтением принять и

немедленно с сей нашей грамотой к себе допустить и то ежели он вам по указу нашему предлагать будет тому веру подавали. И при вас оному впредь до нашего указа пребывать. Также и на предлагаемые от него вам по указу нашему дела вы всегда желаемой и приятной резолюцией снабдевали, какого того между нами сущая дружба и общая польза требует" (27).

В отдельном указе канцлер Г. Головкин, ссылаясь на поручение Петра I, предписал: "дать ему (посланнику. — Х.Г.) жалованья три тысячи рублей, да на подарки от его царского величества хану бухарскому и на раздачу отпустить с ним соболей и другой мягкой рухляди на тысячу рублей, дать на покупку подарков пристойных хану бухарскому часов боевых и прочих разных вещей которые тамо в почтении две тысячи рублей". Мягкая рухлядь, о которой идет речь, была получена Ф. Беневени, "для подарков и на раздачу от отдела его царского величества" из Сибирского приказа и состояла из нескольких сороков соболей на сумму 550 рублей и 1182 шкурок лисиц и белок, на общую сумму 450 рублей (28). В этом же указе Г. Головкина предписывалось "послать с ним (посланником. — Х.Г.) из посольской канцелярии подъячего да толмача кого он на Москве выберет и дать им его величества государя жалованья подъячему сто пятьдесят рублей, толмачу сто рублей, да ему же дать на дачу лекарю кого с ним пошлют из аптеки сто пятьдесят рублей". Посольству были приданы инженер и три курьера; последние должны были присоединиться к Беневени в Астрахани. Беневени впоследствии сообщил Головкину и Шафирову, что "в Астрахани мне по вашему указу дано три человека в курьеры. Из которых одного выкинул, а на его место взял другого в толмачи бухарского языка, татарского человека, который был в полону в Бухарах и служил в воротниках при дворе умершего хана, а ныне отпущен на волю" (29).

Таким образом основной состав посольства был сформирован из 8 человек, который, разумеется, сопровождался слугами и довольно значительным военным конвоем.

Цели и задачи посольства определялись в секретной "Инструкции секретарю экспедиции ориентальной Флорио

Беневени" от 13 июля 1718 г. (30), состоящей из семи пунктов и подписанной Г. Головкиным и П. Шафировым.

В первом пункте инструкции Беневени предписывалось "ехать к хану бухарскому, в чине посланника, ...о чем ему дана верущая грамота, публичная; в Астрахани застать посла бухарского, а потом из Астрахани ехать обще с ним".

Во втором пункте послу поручалось, "едуци в пути, а особенно хана бухарского во владении", запомнить все экономические и географические особенности земель; искусно, "так чтобы не узнали бухаряне", разведать, "где от них в море Каспийское реки большие и малые впадают, и какие они суда имеют, также какие города, и укрепленные ль, и имеют ли фортеции".

Третий пункт инструкции наставлял посла в вопросах дипломатического церемониала. В отношении дипломатического этикета и церемониала дипломаты Петра I были так же щепетильны, как и дипломаты его отца (31). Ф. Беневени ни в коем случае не должен был допустить, чтобы в Бухаре был нанесен какой-либо ущерб чести царя. С этой целью ему следовало вначале разузнать о церемониалах, принятых при дворе бухарского хана, и затем требовать, чтобы на аудиенции у хана ему были оказаны такие же почести, какие обычно оказывают посланникам близкого к Бухаре Ирана. Во время аудиенции Беневени предписывалось сказать речь, "обнадеживая хана крепкою его царского величества дружбою и приязню".

Серьезное внимание уделялось в "Инструкции" вопросам военно-стратегического положения Бухарского ханства, которым посвящены ее четвертый и пятый пункты. Посол должен был приемлемыми путями выяснить расположение и состояние крепостей ханства и "в которых местах какое число войска", структуру вооруженных формирований Бухары и их состояние.

Необходимо было также выяснить внутри- и внешнеполитическое положение ханства. Послу предписывалось узнать, "силен ли он (хан. — Х.Г.) в подданных своих и самовластелен ли, и не склонны ль подданные к бунту, и какая форма управления", надлежало также уделять внимание изучению взаимоотношений Бухары с Ираном, Хивой и

Турцией, "и от кого имеют большие опасности, и с кем в дружбе". При этом посол должен был не занимать позицию стороннего наблюдателя, а приспособливаться к обстоятельствам Бухары и стараться как можно активнее воздействовать на внешнюю политику ханства с тем, чтобы "хана привести в ближайшее с его царским величеством сообразительство и, если возможно, дабы с его царским величеством и оборонительный альянс против нападателей на обе стороны учинить".

В соответствии с шестым пунктом "Инструкции", послу необходимо было исследовать возможности развития русско-бухарских торговых отношений. С этой целью надлежало выяснить, "какие товары бухаряне имеют и куда оными торгуют", узнать потребности бухарского рынка в русских товарах, "возможно ль в те краи российского купечества размножить". Послу предписывалось получить подробные сведения о торговых путях в Бухару, выяснить, безопасны ли они от нападений кочевников, имеются ли возможности для постоев и т.д.

Последний пункт "Инструкции" посвящен нескольким важным для царского правительства вопросам. Прежде всего, Беневени должен был проверить достоверность сведений о добыче золота в реках Средней Азии. Ему предписывалось узнать, в каких реках имеется золото и "ежели б тамо иметь крепость и людей, возможно ль получить много того золота", "разведать, возможно ль до того места дойти и людей туда завести и их содержать, и их от хивинцев охранить, и не будет ли то противно бухарянам?".

Далее еще раз подчеркивалась важность того, чтобы посол собирал сведения "о состоянии их государства" и записывал все в журнал, "дабы при возвращении своем быть в состоянии обо всем том обстоятельное и подлинное доношение его царскому величеству учинить". Обо всех важных новостях посол должен был "писать с нарочно посланным ко двору его царского величества немедленно".

Послу предписывалось также "предложить тайно" бухарскому хану "в гвардию для его охранения несколько сот, или больше российских людей".

Наконец, Беневени предлагалось "искать доброй дружбы и конфиденции" с хан кули Топчи-баши и его людьми, чтобы "через их бы получать тамо всякие ведомости".

Инструкция правительства Петра I русскому посланнику поставила перед посольством четкие задачи и наметила основные пути их решения. Этот документ дает возможность определить основные цели, преследовавшиеся правительством в Бухаре.

Главной задачей Ф. Беневени было всестороннее и детальное изучение положения дел в Бухарском ханстве и во всем прилежащем регионе: экономических и военных, гражданских и дипломатических, выяснение географических особенностей региона, рудных запасов и т.д., с тем, чтобы правительство Петра I могло определить место ханства в системе своих взаимоотношений с южными и юго-восточными соседями.

Таким образом, задачи посольства были сложнее, чем изучение общего положения Бухарского ханства, выяснение возможностей добычи золота или даже расширение торговых сношений, на чем обычно акцентируют внимание исследователи. Разумеется, эти вопросы были важны для царского правительства, но степень их важности менялась со временем, и вряд ли они сами по себе относились к первоочередным задачам внешней политики Петра I к моменту отправки посольства Ф. Беневени в Бухару, на пороге победоносного завершения Северной войны.

Основная цель посольства заключалась в том, чтобы иными средствами и в общем виде реализовать в отношении Средней Азии политику, начало которой было положено экспедицией А. Бековича-Черкасского.

Для правильной оценки роли посольства Беневени в истории русско-бухарских отношений необходимо рассматривать положения инструкции и действия посланника в Бухаре как составной элемент внешнеполитической деятельности русского правительства на юго-востоке в последний период правления Петра I.

Несмотря на заинтересованность в среднеазиатском золоте и торговых путях в Среднюю Азию и далее в Индию, после трагической гибели экспедиции Бековича-Черкасского

в Хиве и неудачи экспедиции Бухгольца администрация Петра I, очевидно, стала действовать более осторожно, понимая невозможность достижения своих целей в краткосрочной перспективе, сложность этого предприятия и его зависимость от действий среднеазиатских ханств. Результаты экспедиций показали, что решение проблемы военными средствами в это время было маловероятно, так как потребовало бы привлечения крупных военных сил и ресурсов, нужных правительству для решения более насущных задач. Основная причина, по которой военный путь был неприемлем, была связана с неспособностью русского капитала освоить Среднюю Азию.

Как уже отмечалось, в исследуемый период непосредственная угроза для России исходила от сильной в военном отношении Османской империи, и первоочередной задачей внешней политики Петра I было ослабление этой угрозы. Россия не должна была допускать усиления Турции за счет Ирана и ее проникновения в среднеазиатские ханства. Принципы международной политики Петра I заключались в том, что "он не разбрасывался на несколько проблем, а сосредотачивался на одной; этой одной проблеме он и подчинял все усилия своей дипломатии, отказываясь от выполнения других, раз они не стояли на первой очереди" (32). Естественно поэтому, что посольство Ф. Беневени в Бухару должно было способствовать решению этой первоочередной задачи внешней политики Петра I на юго-востоке.

В сложившейся ситуации России было выгодно как с политической, так и с экономической точек зрения иметь близкие отношения с Бухарским ханством. Политическое значение этих отношений с Бухарой возрастало в связи с разрывом отношений с Хивинским ханством. Правительство Петра I хотело, по-видимому, нейтрализовать здесь антирусское влияние Турции и Хивы. Разумеется, необходимые условия достижения данной цели — достаточно крепкая власть хана (его "самовладельность" в терминах "Инструкции") и внутренняя целостность ханства.

С этой точки зрения получает естественное объяснение ряд обстоятельств, связанных с посольством Беневени. Так, становится ясной причина поразительного совпадения мно-

гих положений "Инструкции секретарю экспедиции ориентальной, Флорио Беневени" с инструкциями Петра I А. Волынскому (33), направленному ранее в Персию. Можно также понять, почему в секретной инструкции, с которой был знаком лишь круг ближайших сподвижников царя, так настойчиво говорится о надобности наладить приязнь и дружбу с бухарским ханом, необходимости строгого соблюдения тайны при выяснении военного положения ханства, желательности сообразовывать свои действия с настроениями бухарцев и т.д. Это объясняет также, почему царское правительство, узнав о ненадежности ханской власти и своеволии феодалов-узбеков, отозвало посольство.

Выехав из Москвы в начале осени, Беневени достиг Астрахани 13 ноября 1718 г. Здесь он встретился с поджидавшим его бухарским послом, с которым обсудил вопрос о том, каким путем следует ехать в Бухару. Наиболее короткая сухопутная дорога из Астрахани в Бухару проходила через Хивинские владения. В связи с разрывом отношений между Россией и Хивой, последовавшим после гибели экспедиции Бековича-Черкасского, этот путь представлялся русскому посланнику слишком опасным, и он предложил ехать в Бухару через Персию. В донесении из Астрахани канцлеру Головкину и подканцлеру Шафирову Беневени писал: "доношу, что прибыл сюда в Астрахань 13 ноября. По приезду моему на третий день имел свидание с послом бухарским и довольно с оным о пути нашем переговорил, и сперва оной мне представлял, что не худо бы и через Хиву ехать, на что оному бухарскому послу отвечивал, хотя бы такой указ от своего хана получил я бы без вашего указа не отважился ехать. Потому советовал ему я чтоб нам ехать через Персиду и на Шемаху или на Астрабад. Бухарский посол мне отвечивал и мнение свое мне открыл, что он хотя и от двора своего получил указ через Персиду ехать готов" (34).

Договорившись с бухарским послом о пути следования, в декабре Беневени обратился к Головкину и Шафирову с просьбой прислать ему рекомендательные грамоты к персидскому шаху и прикрепить к посольству военный конвой. Пока были получены грамоты и закончены пригото-

ления к морскому путешествию, наступило лето 1719 г. Только в конце июля Флорио Беневени и хан-кули Топчи-баши с сопровождающими их лицами отплыли из Астрахани и 4 июля пристали к персидскому берегу, проплыв расстояние в 500 верст. Суда посольства благополучно прибыли к пристани Низовой, через которую в то время проходил морской торговый путь из Астрахани в Персию. Пристань Низовая была построена на берегу Каспийского моря в 50 верстах от Шемахи, была плохо оборудована и не располагала жильем и складскими помещениями.

Злоключения посланника, начавшиеся по прибытии в Персию, описаны им детально в реляциях и донесениях Петру I, Головкину и Шафирову; они рассматривались также А. Поповым (35). Остановимся лишь на наиболее важных моментах пребывания посольства в Иране.

Первые трудности были связаны с переездом обоих послов из Низовой в Шемаху. Беневени писал, что ширванский хан "20 дней продержал нас (в Низовой), пока подводы были присланы нам. А как сюда прибыли, против обещания нам учинено не было, но всякая противность показана; в начале 22 дни вне города нас продержали...", и только потом посольствам были выделены квартиры в Шемахе.

В Шемахе следование обоих посольств было надолго прервано — их задержали здесь более чем на год. Отношение ширванского хана и его чиновников к посольству Беневени было натянутым, если не сказать недружелюбным. Требование посланника отправить его к шахскому двору наталкивалось на отказ хана, который мотивировал это тем, что он не получил соответствующего повеления шаха. В личных беседах хан пытался выведать, "за каким делом я к бухарскому хану и его посол (Топчи-баши. — Х.Л) давно ли к вашему величеству из Бухар приехал, за каким делом и для чего назад тою дорогой не возвратился", на что посол "надлежащий ответ подал" (36). Посол требовал, чтобы ему позволили отправить шаху грамоту Петра I, в чем ему также было отказано. Более того, был отдан приказ на заставах не выпускать из Шемахи людей посла к шахскому двору, который в то время находился в Казвине. Однако в конце

1719 г. двум курьерам посла удалось тайно пройти через эти заслоны.

Причины задержки посольства были непонятны Ф. Беневени: "сколько я не трудился, провести не могу, за какую причину нас здесь содержали" (37), он приводил разные мотивы, которые могли бы ее объяснить. А. Попов видит главные причины задержки посольства во враждебных отношениях Персии к Бухаре и в беспокойной обстановке в Казвине, при дворе персидского шаха. По нашему мнению, более важное значение имели всеобщее расстройство государственных дел, внутренние раздоры среди правящих кругов и междоусобицы, которые повсеместно царили в Иране в период правления Сефевидов.

Ф. Беневени в своих реляциях сообщал о многочисленных восстаниях и набегах соседних с Ираном государств на его территорию и о полнейшей беспомощности властей. Характеризуя государственный аппарат, он писал: "нынешнее здешнее управление самое плохое, а лучше сказать варварское, хан из своей головы ничего не делает, другие, которые при нем, своевольно управляют делами и обиды великие делают в народе" (38). Эти наблюдения посла, сделанные им во время пребывания в Иране, имели определенную ценность в глазах царского правительства, так как давали дополнительное и независимое подтверждение выводам А. Воынского о разложении государственного строя и неспособности шаха и его двора к управлению страной (39). В последующем эти сведения, вероятно, сказались на действиях Петра I по отношению к Ирану. Следует также иметь в виду крайне недоброжелательное отношение иранских властей к представителям русской администрации и торговым людям.

Положение усугубилось после прибытия в Шемаху царского курьера Димитракия Петричуса, направленного русским правительством к шаху. Димитракий вступил в открытый раздор с русским послом, подвергал сомнению его полномочия, утверждал, что рекомендательные грамоты посла от Петра I к шаху фальшивы и т.д. Неспровоцированное избиение и арест Димитракием калмыцкого посланца Аюки-хана в Иране, а затем отказ курьера подчиниться

требованию Беневени отпустить задержанного, доставили русскому послу немало неприятностей и хлопот с иранской администрацией. Беневени с гневом писал: "Наделал он столько дурачества, из которых некоторые смешны, а иные однакож до живота достают" (40). Ясно, что действия царского курьера не способствовали повышению авторитета русского посла у иранских властей.

П. Бушев в связи с задержкой посольства А. Волинского в той же Шемахе отмечал: "Такого рода длительные сидения послов и посланников в пограничных городах были обычными в посольской практике того времени из-за медленного движения почты и по другим искусственно созданным причинам, чтобы оттянуть переговоры" (41). Кстати, в связи с отсутствием Петра I в столице, бухарский посол хан кули Топчи-баши около года дождался в Астрахани разрешения правительства прибыть в Санкт-Петербург.

Длительное "сидение" в Шемахе наносило урон целям русского посольства. Речь, прежде всего, идет о материальных затратах, так как посольства кормились из своих средств, "а от сего хана окромя квартиры ничего не видели". Беневени жаловался, что "наша мешкота меня и моего товарища посла в последнее разорение приведет, а меня наипаче, пониже оному послу принужден домашние его нужды управлять деньгами и прочим ссудить; жалуется оный, что деньгами оскудел и себя содержать не может через долгое время на чужой стороне" (42).

В Шемахе возникла неприязнь между Беневени и бухарским послом, сказавшаяся позднее, после прибытия русского посольства в Бухару. Сам Беневени писал об этих трениях Петру I в донесении от 5 января 1720 г: "Посол Бухарский непрестанно мне досаждаёт и претендует явственно чтоб я оного содержал и кормил, а наипаче ежели дорога нам объявлена будет подводы и прочая от меня требует: а не так хочет назад возвращаться в Астрахань оный посол сам не хотел ехать через Хиву, ныне за неотпуском нашим пеняет для чего воля ему не дана через Хиву ехать". Впрочем, если верить бухарскому послу, он также имел основания к недовольству поведением Ф. Беневени (43).

В Шемахе русское посольство понесло и человеческие потери — взбунтовавшиеся крестьяне убили на дороге к пристани Низовой переводчика посольства Павла Дмитриева; три человека погибли в перестрелке с иранскими солдатами, окружившими двор русского посла, когда он пригрозил, что немедленно возвратится в Россию, если его не пропустят к шахскому двору.

Письма Беневени к шаху, отправленные с гонцами тайне от ширванского хана, ходатайство бухарского хана о пропуске посольства и хлопоты Димитракия, находившегося в это время в Казвине, по-видимому, возымели действие, и 10 августа 1720 г. в Шемахе получили повеление шаха отправить посольства в Казвин. Узнав об этом, Беневени 11 августа выехал из Шемахи вопреки требованию хана оставаться в городе из-за беспокойной обстановки на дорогах, и здесь стал дожидаться присылки верблюдов и лошадей. Выехав за город, посольства избежали серьезной опасности, так как Шемаха в полдень следующего дня подверглась осаде и разграблению лезгинами. Беневени наблюдал за событиями в Шемахе из пригородной деревни. На третий день посольства тронулись в путь и 9 октября благополучно прибыли в Казвин. Однако к этому времени шахский двор переехал в Тегеран и, просидев в Казвине свыше месяца, 14 ноября посольства прибыли в Тегеран.

По приезду в Тегеран Беневени был приветливо принят Ихтимат-Девлятом (44), ласковость которого объяснялась просто — "только чтоб я за учиненные нам в Шемахе причины на него не пожаловался бы, признавая оный что все по его приказу чинено", — писал Беневени (45). Однако очень скоро в результате дворцовых интриг старый Ихтимат-Девлят был смещен. Это привело к тому, что русский посол был принят персидским шахом лишь 12 декабря.

Во время вручения грамоты Петра I шаху, последний интересовался причинами задержки посланника в Шемахе и, выслушав жалобы Беневени, "показав в лице великое удивление" (46), обещал строго наказать виновных. На следующий день посол был принят новым Ихтимат-Девлятом, который также много говорил о чувствах дружбы и

приязни между двумя монархами и обещал послу в скором времени отправить его с бухарским послом "со всякого честию и удовольствием". Однако вскоре выяснилось, что "те все комплименты на словах только были, а в деле не положены" (47) — послам не позволили выехать в Бухару.

Во время пребывания русского посла в Тегеране туда прибыл турецкий посол по имени Дури-Эфенди, с которым Беневени был знаком еще по Константинополю. Послу удалось выполнить некоторые задания турецкого посольства в Тегеране, имевшие антирусскую направленность, так как затрагивали торговые и политические интересы России в Иране. Одна из главных целей турецкого посольства заключалась в том, чтобы вынудить Иран, "дабы весь Гилянский шелк везен был в его область (т.е. в Турцию. — Х.Г.), а не через Каспийское море в Россию, понеже оттоль во всю Немецкую область разсылается" (48), — писал Беневени Петру I. Это намерение турецкого посольства отражало борьбу между Турцией и Россией за торговые пути, по которым поступал в Европу иранский шелк-сырец. Еще в 1673 г. был заключен договор о транзите иранского шелка-сырца в Европу через территорию России. Поскольку морской путь был более удобен, значение караванных дорог в Смирну и Алеппо через территорию Турции, которыми пользовались армянские купцы, объединенные в Джульфскую торговую компанию, упало, и это лишило Турцию больших доходов. Правительство Петра I было очень заинтересовано в развитии торговли шелком через Россию. В 1717 г. А. Волынскому удалось добиться заключения торгового соглашения между Ираном и Россией, существенно улучшившего условия торговли русских купцов в Иране (49). В правление Петра I роль русских торговых людей в торговле шелком усилилась, что привело к острой конкурентной борьбе с армянскими купцами. Этой конкуренцией, по-видимому, можно объяснить антирусскую агитацию, которую повсеместно вели в Иране армянские купцы, распространявшие провокационные слухи о русских, на что неоднократно обращал внимание Ф. Беневени в своих донесениях и реляциях.

Турецкое посольство намеревалось также добиться разрыва торговых договоров Ирана с Францией от 1708 и 1715 гг.

Таким образом, шла борьба за мировые торговые пути, которая лежала в основе многих внешнеполитических акций крупнейших государств того времени.

Во время беседы с Ихтимат-Девлятом турецкий посол касался русско-иранских отношений, в частности поднимал вопрос о том, почему русским было позволено построить крепость у пристани Низовой (никакой крепости там, разумеется, не было) и советовал: "великую волю нашим (т.е. русским. — Х.Г.) не давал бы" (50). По мнению Беневени, турецкий посол, хотя и имел вышеуказанные цели, прислан был в Иран "только для шпионства, в каком состоянии сие государство обретается" (51). Очевидно, Турция хотела воспользоваться расстройством государственного управления и внутренних дел Ирана и вмешаться в его дела, в частности подорвать взаимовыгодные торговые и политические связи, существовавшие между Россией и Ираном. Правительство Ирана оказалось в сложном положении, так как боялось и Османского государства, и России. Недаром Беневени писал Петру I, что Ихтимат-Девлят интересовался, "не будет ли скоро между вашим величеством и султановым величеством войны, дабы персианам быть в безопасности от турков, от которых зело дрожат; и нас также боятся" (52).

До иранского правительства, разумеется, доходили сведения о военных приготовлениях России на юге страны, в частности в Астрахани. Оно надеялось, что эти приготовления направлены против Хивинского ханства, у которого с Ираном были очень плохие отношения. Поэтому шах намеревался направить в Россию посольство, цель которого, как писал Беневени, "будет содержаться в том, чтоб просить вашего величества о вспоможении против хивинцев с Астраханской стороны сухим путем, а персиане со стороны Мешедской оных атаковать намерены" (53).

2 марта Беневени получил указ Петра I, в котором ему предписывалось вернуться в Россию, если его и далее будут удерживать в Иране. Письмо аналогичного содержания было направлено Г. Головкиным ширванскому хану, копия — Ихтимат-Девляту в Тегеран. Несмотря на это посольства оставались в Тегеране. Наконец, 23 апреля 1721 г. Беневени

узнал, что шах спешно покидает Тегеран и направляется в Исфахан. Опасаясь дальнейшей задержки посольств в Тегеране, русский посол рискнул обратиться к шаху с прошением о выезде за городом, прямо на дороге. Разрешение было дано, но пока были получены подводы, прошло более месяца, и только 25 мая 1721 г. посольства покинули Тегеран и направились в Бухару.

6 ноября 1721 г. русское посольство во главе с Беневени достигло Бухары, где ему была устроена торжественная встреча — "за 10 верст от Бухары встретил посла Топчибаши с 50 придворными служителями и проводил в назначенный ему для помещения загородный дом" (54). Очень скоро Беневени пришлось столкнуться с последствиями междоусобиц и полной децентрализации управления ханством, слухи о которых доходили до него еще в Иране.

Приезд русского посланника в Бухару вызвал недовольство отдельных видных феодалов — эмиров при ханском дворе, небезосновательно опасавшихся, что русское влияние в Бухаре приведет к ограничению их привилегий. В реляции Петру I от 10 марта 1722 г. Беневени писал: "Что касается бухарских озбеков... стали все генерально на меня косо смотреть и почитай и яму копать, зачали. И я оных, а наипаче больших чиновных озбеков, поскорее через добрые подарки отчасти смягчал; однакоже со всем тем осторожно с ними поступать надлежно и на их дружбу надеяться не надлежит ибо собою такие непостоянные люди, что одним днем и мириться и изменить готовы". И далее: "когда я сюда приехал, дан мне ханской матери загородный дом и то на время, пока в городе двор добрый опрастает и поправят. Дней двадцать спустя Ферает Аталык (он второй год в аталыцком чину) взыскан к измене и внезапно по приказу ханскому на своем дворе атакован и тут изрублен, а сын его меньшей под арест взят. И на тот день хан прислал ко мне, чтоб я на убитого аталыка двор скорее перебрался, опасаясь, чтоб озбеки меня не атаковали ночью порою" (55).

Абсолютистские тенденции хана Убайдуллы, стремление укрепить свою власть и положить конец своеволию узбекских феодалов, стоявших во главе узбекских племен с

их юртами, вызвали к нему ненависть со стороны крупных феодалов и духовенства, которые, составив заговор, убили его в 1711 г. Возведенный на бухарский престол малолетний и не способный к управлению государством Абулфейз-хан не пытался противостоять феодальной раздробленности государства. Отдав государственные дела в руки правящей клики соперничающих друг с другом узбекских эмиров, Абулфейз превратился в марионетку и "с утра до вечера пьянствовал и развратничал в своем дворце" (56).

К этому времени относится и обострение борьбы между вождями двух очень влиятельных узбекских племен — мангытов и кенегесов, юрты которых располагались соответственно в районе Карши и Шахрисабза. Ожесточенная междоусобица оказывала в рассматриваемый период существенное влияние на внутривнутриполитическую жизнь Бухарского ханства. Обострение борьбы за власть, по-видимому, вызвано тем, что после убийства Убайдуллы-хана не были удовлетворены притязания вождя племени мангытов Худояр-бия стать аталыком. Аталыком стал вождь племени кенегесов Ибрагим-бий, который был зятем видного сановника Маъсум-бия аталыка. Оскорбленный Худояр-бий "поднял мятеж вместе со своим сыном Хакимом..., вступив в войну с племенем кенегес" (57).

Мятеж Худояр-бия был поддержан одним из влиятельных вождей союза семи племен Мианкаля Фархад-бием, который принимал активное участие в возведении на престол Абулфейз-хана и также считал себя обойденным. Для усмирения Фархад-бия Абулфейз-хан был вынужден выступить с войском на Мианкаль. Не сумев взять осадой крепость Фархад-бия, на помощь которому пришли войска мангытов, Абулфейз вернулся в Бухару. Через некоторое время группой узбекских эмиров был составлен заговор против Маъсум-бия аталыка и Ибрагим-бия. Первый был выслан из Бухары и вскоре умер, а Ибрагим-бий аталык бежал в Шахрисабз. "В конечном итоге (1715 г.) последовало распоряжение быть аталыком Худояр-бию" (58).

В борьбе за власть и влияние на Абулфейз-хана, т.е. с целью укрепить собственное могущество авторитетом ханской власти, к Ибрагим-бию присоединился вождь племени

катаган Ходжа кули-бий. Между тем Ибрагим-бий с отрядом в две тысячи человек проник в Бухару, чтобы расправиться со своими врагами. Захваченному врасплох Худояр-бию удалось бежать в Карши к Фархад-бию, где он вскоре скончался. После изгнания кенегесов из Бухары один из придворных сановников Абулфейза Султан-туксаба пригласил в Бухару сына Худояр-бия Мухаммада Хаким-бия, которому была предоставлена очень высокая придворная должность.

Позже Ибрагим-бий и Ходжа кули-бий с отрядом в 300 человек пытались завладеть бухарским арком, но в последний момент Ходжа кули-бий предал Ибрагима. В отражении этого нападения Ибрагим-бия, как и в предыдущий раз, большую роль сыграло население Бухары. Ходжа кули-бий получил звание аталыка, но через восемь дней был убит сановниками хана во дворце, куда он был вызван якобы для участия в совещании по государственным делам. После убийства аталыка Ходжа кули-бия узбекские эмиры, входившие в придворное окружение Абулфейза, пригласили в Бухару Фархад-бия, который и был назначен аталыком в 1719 г.

Все эти события происходили на фоне полнейшего развала централизованного государства, в условиях непрекращающихся феодальных войн и походов, приносивших бедствия мирному населению и приводивших в упадок сельское хозяйство, ремесло и торговлю. Каждый из заговоров в борьбе за власть между главарями узбекских племен и придворными эмирами Абулфейз-хана сопровождался убийствами сотен людей, конфискацией их земель и разграблением имущества.

Тяжелое внутривластное положение Бухарского ханства усугублялось нападениями приграничных государств. Ослабление государственной власти привело к тому, что от ханства отделились его окраинные владения, где возникли новые государственные образования. От Бухары отделился Балх, в котором всегда были сильны сепаратистские тенденции. В Фергане образовалось Кокандское ханство, которое возглавили вожди узбекского племени минг. В Бадахшане укрепились династия Яр-бека.

Автор "Истории Абулфейз-хана", очевидец описываемых событий, отмечал: "Во дни государя... Абулфейз-хана, со всех сторон в государстве возникли смятения и бунты, узбеки были во вражде друг с другом, широкие массы земледельческого населения — в полном расстройстве" (59).

Таково было в общих чертах внутривластическое положение в Бухаре, когда сюда прибыл русский посланник Флорио Беневени. Не прошло и месяца после его прибытия, как в результате заговора был убит аталык Фархад-бий и его место занял Мухаммад Хаким-бий из племени мангыт, ставший "главою всех аталыков, властным временщиком при слабохарактерном хане" (60).

Вскоре после приезда Ф. Беневени в Бухару туда прибыл посол Ирана, и Беневени сообщил, что "узбеки отнюдь не хотели, чтобы меня прежде персидского посла на аудиенцию допускать к хану", обосновывая это тем, что "от русских никаких прибытков не имеют окромя убытков, а Персида прибыть приносит". Однако хан настоял, чтобы русского посла приняли первым. Беневени писал: "15 декабря (1721 г. — Х.Г.) получил аудиенцию у хана, который о моем приезде зело доволен явился и меня честно принял", и далее: "Ваша царская грамота со всякую честью и почтением принята была от сего хана" (61). Посол въехал верхом на ханский двор и кланялся до земли. Хан кивнул головой и поздравил посла с приездом. "Посол отвечал длинной речью на турецком языке вошел на ступеньки возвышения, на котором сидел хан, передал грамоту верховному из придворных кушбеги, который положил на нее руку. После приема угощали посла обедом" (62).

Более чем за три года пребывания в Бухаре Ф. Беневени удалось собрать много сведений о внутри- и внешнеполитическом положении Бухарского и Хивинского ханств. Этот исторический материал не потерял ценности и в настоящее время, так как он дополняет и обогащает известные письменные источники местных авторов. Особый интерес представляют сообщения Беневени о событиях, происходивших в самой Бухаре и при дворе бухарского хана. Большую помощь послу в его деятельности оказал, по-видимому, один из видных сановников Абулфейза, о котором Беневени писал 10 марта 1722 г.: "При хане есть фаворит евнух боль-

шой, у которого все управление и что хочет может при хане учинить. Оного я подкупил и другом сделал, так что мне за великую служит оборону от озбеков, человек ума довольного и хану в младых летах не без пользы" (63). Речь идет об известном великом евнухе, или Ходже Ульфете (64), который являлся влиятельным сановником, одним из лидеров придворных узбекских эмиров, окружавших Абулфейз-хана.

Беневени не только рисовал картину всеобщего раздора и интриг, царивших при ханском дворе, но и пытался понять причины возникновения такого положения дел в государстве.

Во время пребывания в Бухаре Беневени не удалось серьезно обсудить с Абулфейз-ханом задачи своего посольства, связанные с заключением "оборонительного альянса", развитием взаимовыгодной торговли и присылкой русской гвардии для его охраны. Вначале посол питал надежды, что хан выслушает его наедине. "Я до сего числа с ханом на едине говорить случая получить не мог, только на гульбе, когда оный меня звал с собой гулять вне города, и то разговор имел при людях, паче всего озбеках, при которых лишнего слова молвить не надлежало; однакоже надеюсь с ним довольно разговориться", — писал Беневени Петру 10 марта 1722 г. (65) Понимая, что предложения Петра I выгодны хану, так как могут укрепить его самостоятельность, Беневени сообщал: "Он сам, ведаю подлинно, что желает со мной наедине повидаться, но не ведает как бы то исполнить, чтоб озбеки не ведали; меня бы тот час съели ради подозрения". Беневени, по-видимому, принимал за истину уверения хана, что хотя "при нынешних случаях и возмущения от озбеков, без посторонних людей разговор иметь не без опасности, также друг к другу часто ездить", Абулфейз предпримет меры, "дабы ханствовать абсолютно и не иметь от них депенденцию", так что когда хан управится со своими неприятелями, "то все по-моему (т.е. Беневени. — Х.Г.) желанию учинено будет" (66). Однако впоследствии русский посол осознал неспособность бездеятельного и слабохарактерного Абулфейза к управлению государством, понял, что хан является марионеткой в руках различных группировок узбекских феодалов, которые,

отстранив его от власти, используют сохранившийся в народе авторитет ханской власти для корыстных целей. Так, в реляции от 4 марта 1723 г. Беневени писал, что с ханом, "как ныне я его на мой кошт признал никогда дело управить не можно; каждому доводчику верит легко и часто переменяется, секрет содержать не умеет, так что тогож моменту одному и другому за конфеденцию объявлял, так что ни письма, ни слова секретного подать не можно". И далее сообщал, что не может более находиться "при сем варварском и без основания управительстве; ибо хан для фигуры токмо, и слушаются ему тогда, как увидят, что из такого дела интерес свой партикулярно зависит" (67).

Сын своего века, Флорио Беневени не понимал подлинных экономических причин раздробленности Бухарского ханства, тем не менее целый ряд фактов внутривполитического положения Бухары был оценен им правильно. Так, Беневени верно отмечал, что слабость хана обусловлена скудностью казны, "которую не один раз озбеки опрастали, а чем бы вновь пополнить доходов не стало".

Он понимал, что сила узбекских феодалов определяется мощью возглавляемых ими племен, а "хан уругу, или роду сказать, как озбеки не имеет; того ради принужден в драках озбеков употреблять против озбеков, а у них все за одно и вместе чтоб за хана постоять верно, временем сами к бунтовщикам пристають" (68). В этих условиях хан мог опираться только на свою личную гвардию, которая, по традиции, состояла из пленных калмыков и русских. "Хан ни на кого так не надеялся, как на своих холопов калмыков и русских, сиречь из тех, которые на Руси родились; а которые здесь родились от отца или матери басурманской и тем не весьма верит и оных одних без калмыков никеле в партию не высылает", — писал Беневени в реляции от 10 марта 1722 г.

Все это позволило Беневени предугадать, что "сему хану все конечно конец будет, ибо к тому многие уже суть признаки" (69).

В 1722 г. резко обострилась и без того сложная внутривполитическая обстановка в Бухаре. Беневени писал: "в сентябре аталык Брагим-бей (Ибрагим-бий кенегес. — Х.Г.),

что не пуще враг, пошел на Самарканд, оным городом завладел. После того вкупе с другими озбеками одного из ханской фамилии, а именно Ширгази-хана двоюродного брата на ханство поднял; называя его Реджеп-хан бухарский (Раджаб-султан. — Х.Г.), и выдал за него дочь свою, а сам по старому в аталыках постановился. Также другие придворные чины разным озбекам разделил и много казны подарил и непрестанно дарит, дабы за нового хана верно стояли и поскорее бы бухарского хана живого или мертвого увидеть. Чего ради многие к новому хану Реджепу пристали, а наибольший один из озбеков, на которого хан яко на своего брата надеялся, после того как отсель честный халат послан, внезапно изменил" (70).

Таким образом, в результате резкой поляризации феодальных группировок в ханстве образовалось два центра власти, вступивших в ожесточенную междоусобную войну. Положение Абулфейз-хана и стоявших за ним феодалов осложнилось тем, что к ставленнику кенегесов Раджаб-султану примкнул вождь влиятельного в союзе племен Мианкаля племени багрин Абдулкарим-бий, управляющий важным в стратегическом отношении городом Кермине. По словам А. Тали, "причиной вражды того злосчастного Абдулкарима было то, что у него были неприязненные отношения с Хаким-бий аталыком", который приобретал все большую власть в Бухаре (71). Придворные эмира сделали попытку привлечь Абдулкарима на свою сторону, направив к нему послов. Однако Абдулкарим-бий выдвинул заведомо неприемлемые для придворной знати условия: потребовал для себя должность первого министра, которая фактически аннулировала бы власть Мухаммад Хаким-бия, должность туксабы для сына и десять тысяч золотых для выплаты своему войску.

Для противодействия войскам Абдулкарима, которые, "подобно ужасному сокрушительному потоку, произвели набег на тумены Бухары" (72) и приблизились к столице на 35 км, выступило войско центрального правительства во главе с аталыком Хаким-бием. В районе крепости Узулушкент и Хазора произошли кровопролитные для обеих сторон битвы. Средств на содержание войска Абулфейза постоянно не хва-

тало, в связи с чем, писал Беневени, "озбеки не хотят драться и большая часть войска уже разошлась" (73).

По свидетельству Беневени, бухарские войска были плохо оснащены легким огнестрельным оружием и артиллерией: "ружье де у них обыкновенное татарское и у некоторых есть ружье жагренное, а у прочих токмо копья и луки; пушек у них нет, токмо де в городе Бухаре есть пушек с тринадцать индийских медных без станков и безо всего, и стреляют токмо временем, когда праздник, из одной пушки, а прочий так лежат; ядер, бомб и мортир у них нет; пороху у них много и делают сами сколько хотят, для того, что материалы: селитра и сера родятся у них, а свинец получают из иных стран и не дешевую ценою" (74). Это косвенно подтверждают и материалы "Истории Абулфейз-хана", где не упоминается о сколько-нибудь серьезном использовании артиллерии при осадах укреплений мятежных феодалов в междоусобных войнах в Бухарском ханстве. Немногочисленные легкие пушки-замбурики правительственных войск были, по-видимому очень плохого качества и обслуживались русскими пленниками (75).

Абулфейзу пришлось покинуть Бухару и присоединиться к войску. Однако к тому времени Раджаб-султан выступил из Самарканда и соединился с Абдулкаримом и войсками хитай-кипчаков. Потерпев поражение у Вабкента и Кермине от собравшего вокруг себя значительные силы Раджаб-султана и стоявшего за ним аталыка Ибрагим-бия, Абулфейз-хан и Хаким-бий аталык укрылись в Бухаре. Войска мятежников грабили окрестное население. "Открыв руки для грабежа и расхищения, они предавали погрому и разграблению движимое и недвижимое имущество народа", — писал об этих событиях Тали (76). Окрестное население бежало в Бухару и, по свидетельству Беневени, "в городе страх такой был, что неподобный крик и вопль; деревенские люди, которые спасались уходом (от войск Раджаб-султана. — Х.Г.), чуть не принудили хана из города бежать" (77).

Раджабу не удалось взять Бухару, на защиту которой встало все население столицы, и он обратился за помощью к каракалпакам и казахам, вытесненным из своих кочевий нашествием джунгаров. Богатые области Мианкаля и туме-

ны Бухары в течение нескольких лет подвергались грабеджам кочевников. Среди правящей знати царили упаднические настроения, распространились пророчества астрологов о неизбежности конца государства: "но время узбеков приближалось к концу, ибо по законам звезд историческая эпоха не продолжается больше двухсот пятидесяти лет... Теперь в 1722 — 1723 годах произошло последнее соединение (звезд)", — писал А. Тали (78). По свидетельству Беневени, этим пророчествам в Бухаре придавалось очень серьезное значение: "ныне над оными озбеками (чему весьма верят) пророчество из книг является, что им в здешнем крае не долго владеть, но иному постороннему государю..." — писал он 10 апреля 1722 г. Петру I (79).

Ф. Беневени собирал сведения о взаимоотношениях Бухары с соседними государствами; особое внимание уделял он Хиве, так как перед ним была поставлена задача попытаться заключить с Бухарой оборонительный союз "против нападателей на обои владения, а больше на хивинцев".

Еще в Иране до Беневени доходили сведения о далеко не дружественных отношениях между Бухарой и Хивой. Хивинский хан Ширгази поддерживал, а зачастую и организовывал мятежи узбекских феодалов против бухарского хана. Недовольные Абулфейзом эмиры составили заговор с целью возвести на бухарский престол Ширгази-хана. Заговор был раскрыт и жестоко подавлен. Чтобы противодействовать проискам Ширгази в Бухаре, было решено поддержать недовольных им хивинских узбеков и претендента на хивинский престол Шах-Темур султана: "в 1721 году в Бухару прибыла группа хивинцев, оскорбленных Ширгази-ханом. Им и Шах-Темуру дали необходимое снаряжение и запасы и послали в Арал. Шах-Темур несколько раз ходил походом на Ургенч и, потерпев поражение от Ширгази-хана, уходил обратно в Арал. Но, во всяком случае, он теперь служит причиной того, что Ургенчу, а не Бухаре причиняет вред", — писал об этих событиях А. Тали (80).

По приезду в Бухару Беневени пришел к выводу, что "ежели хивинскою Ширгази-хана не станет, и здесь спокойнее будет и все дороги свободны станут; ибо оный с бухарскими озбеками списывался непрестанно и уповал через

их посредство также и бухарским ханом устроиться, чего ради приуготовления чинил войной на Бухары подыматься" (81). Отношения придворной знати к Ширгази характеризуются в сообщениях Беневени Петру I: "...Ежели бы наше войско в хивинские земли вступило благополучно, хан бы зело рад был", — писал он в реляции 1722 г. Через год он сообщал: "Сей хан, также и некоторые близкие, зело бы рады были при нынешних случаях про русские войска, что в Хиве" (82).

В результате многочисленных набегов на богатые окраины ослабленного Ирана Ширгази-хан захватил большую добычу. Характеризуя состояние Хивинского ханства, Беневени отмечал: "Ширгази-хан понеже казны имеет и своих озбеков довольствует еще кое-как, и с Шах-Темир Султаном сладить может; но со стороны вашего величества пущая ему беда перед глазами является, и что ни день, то русских в гости ожидает" (83). По свидетельству Беневени, сообщение приезжих калмыков и ногайцев о военных приготовлениях России на юге и слухи о предстоящем походе русских войск против Хивинского ханства сильно пугали Ширгази, и он направил посла в Бухару с предложением о мире. Посол должен был объяснить "как хану, так и другим озбекам, что ежели несчастье над Хивою учинится, то и Бухарам того не миновати, и что понеже все единого закону бусурмане, и надлежно им между собой помириться и паки приуготовляться на оборону против главного и общего неприятеля, который не токмо единою Хивою, но и всем бусурманским юртом завладати намерение имеет". Посольство Ширгази-хана закончилось безуспешно. Он посылал своих людей и к Беневени, предлагая ему возвращаться в Россию через Хиву и "обещая всякую честь учинить и препроводить даже до Астрахани" (84).

Из реляций Беневени от 25 мая 1721 г. и 10 марта 1722 г. следует, что Бухара и Иран поддерживали довольно регулярные отношения. В период пребывания Беневени в Бухаре сюда прибыл иранский посол, одной из целей которого, по сведениям Беневени, было "просить (Абулфейз-хана. — Х.Г.) о добром союзе против: общего неприятеля Ширгази-хана, дабы как добрый друг и сосед, потрудиться о перемене его"

(85). Иранский посол старался также посеять неприязнь у Абулфейз-хана и придворных узбеков к Ф. Беневени, чему последний активно противодействовал.

Анализ внутри- и внешнеполитической обстановки в ханствах привел Беневени к выводу, что в создавшихся условиях узбекские ханства представляют собой удобный объект захвата. По его мнению, неустойчивое внутреннее положение ханств и междоусобицы делали такое предприятие не слишком обременительным для России. Недаром он писал: "ежели вы желаете себе авантаж добрый и довольную казну прибрать, лучшего способа я не сыскал, что к описанным местам собираться (сила все резоны уничтожит), посторонних велико опасение не будет, а наипаче при нынешних случаях ибо все генерально между собой драки имеют" (86).

В экономической жизни среднеазиатских ханств важную роль играла внешняя торговля. Однако вследствие постоянных междоусобиц феодалов и децентрализации власти торговля в Бухаре пришла в упадок. "Дороги везде кругом залегли, — пишет Беневени в реляции из Бухары в марте 1723 г., — токмо одна Балхская дорога отчасти служит, а тамо ныне торговь весь оскудел, ибо четвертый год тому, как караваны не ходят в Индийские страны на Кабул, Элахор и прочие города, оттоле к Кабулу также не поезжают, ибо озбеки в горах сильны стали и непрестанные промеж собой драки имеют" (87).

В своих реляциях Беневени отмечал перспективы развития русско-бухарской торговли, которая с XVIII в. приобретала "все больший и больший интерес" (88): "...а что касается до товару здешнего, то оного сыщется довольно, некоторый на Руси годится, а некоторый и далее; а русский товар здесь весьма потребен" (89). Из показаний Н. Минера, который по поручению Беневени побывал с торговым караваном в Балхе и Бадахшане, также следовало, что русско-бухарская торговля имеет большие перспективы и сулит выгоды. Он показывал, что рынок здесь емкий и "...из российских де товаров видел он в Балхе и Бадаксане токмо из мелочей, выдры, бобры, юфть, лососины или замши, сукно подлое самое из цветов зеленых, васильковых и красных и малое число сукон добрых английских, которые на

одни шапки покупают, которые де товары меняют такоже на золото и серебро". При этом он отмечал, что "купечество в Бадаксане товар меняют тамошним бадаксанским жителям на песок золотой и на сплавленное серебро, которое не гораздо дорого" (90).

О большом спросе на русские товары свидетельствует и отмечавшийся послом рост в Бухаре и Хиве контрабандной торговли ими, которая велась подданными России мусульманами, ногайцами и татарами. Они, по мнению Беневени, могли иногда являться всего лишь тайными приказчиками русских купцов. Так, в марте 1722 г. русский посол сообщал о двух больших караванах с товарами из России, прибывшими в Хиву и Бухару: "...весь товар, который привезли ни один не был под клеймом и за оные пошлины не заплачено, яко тихим образом выслан из разных мест...". Торговля без пошлины позволяла контрабандистам провозить за один раз много товаров и продавать их дешевле, "чтобы поскорее на своих верблюдах назад воротиться". Среди этих товаров было много запрещенных к вывозу из России в среднеазиатские ханства, например, курки и винтовочные стволы, олово и сталь. Посол сообщал Петру I имена астраханских жителей, участвовавших в контрабандной торговле.

Наряду с этим Беневени писал, что при существующем политическом состоянии ханства "...оная коммерция в здешнем крае с добрым порядком, как везде практикуется, николе заведена быть не может, разве тогда, как хан получил соврениите, озбеки ему мешать не будут. Озбеки капитуляции не разумеют; они знают токмо кого могут обирать; что русские, что басурманы всех обижают" (91). Таким образом, непременным условием развития торговли он считал установление сильной централизованной власти. Конечно, феодальные междоусобицы и сопутствовавшие им хозяйственная разруха и упадок ремесел, бессилие хана исправить положение, грабежи на дорогах не могли не отразиться на внешней торговле, в частности на русско-бухарской, хотя и не пресекали ее полностью. Беневени отмечал, что "...приезжему торговому за деньги вдруг товар свой продать невозможно для того, что здесь не сыщется такой

торговый богатый; токмо перепродавцы, товар берут в долг, а заплачивают как продадут из лавки; не без того, что и денежный человек сыщется, однакож со страху от озбеков себя не оказывает". Другим тормозом на пути развития торговли, как внешней, так и внутренней, было то, что правила ведения торговли в Бухаре следовали установлениям шариата. "Другая также причина, — писал Беневени, — что на приклад купец, один от другого товар купит на наличные деньги и оный товар пролежит хотя три года, потом захочет назад отдать, и то по оzbekскому суду позволено".

После разрыва отношений между Россией и Хивой русские купцы перестали ездить в Бухару через Хивинские владения, т.е. наиболее кратким путем из Астрахани. Они возили свои товары иногда через Иран, что также было опасно. "Прошлого году сколь много ни выехало караванов из Бухарии, на Ират и на Исфгань (Герат и Исфган. — Х.Г.), всех турхмянцы разбили, тут же русского товару немало явилось в продаже", — сообщал Беневени в марте 1723 г. (92). Как отмечает Н. Минера, в Бухаре и Хорасане он встречался с Василием Поповым — приказчиком богатого дома Евреиновых, имевших там торговый промысел и скупавших серебро и золото. Это свидетельствует о том, что, несмотря на неустойчивое внутривосточное положение ханства, русские торговые люди продолжали сношения с Бухарой и ее провинциями.

Во время пребывания в Бухаре Ф. Беневени уделял много внимания вопросам, связанным с добычей драгоценных камней и металлов. Известно, что еще Бекович-Черкасский при подготовке экспедиции в Хиву отправлял доверенных лиц в Среднюю Азию на поиски золотого песка. Один из его посланцев А. Хомутов отправил из Бухары письмо Петру I о находке золотой и серебряной руды и других редкостей (93). Другой из его осведомителей Т. Китаев бывал в Хиве, Бухаре, Самарканде и Балхе. В горах вблизи Самарканда ему довелось увидеть, как местные жители добывают золото (94). Бекович-Черкасский придавал большое значение результатам путешествия Китаева, особенно его сообщению о добыче золота под Самаркандом, поскольку отпала необходимость поисков золотого песка возле Яркенда.

Ф. Беневени, как и Бекович-Черкасский, для сбора сведений такого характера использовал своих людей. К примеру, он сообщал, что "не оставил верных своих людей посылати, для осмотра мест, в которых золото выходит, также в некоторых серебряные руды суть и прочия". Он пользовался также информацией, полученной от местных жителей в личных беседах. Иногда и сам занимался поиском золота, собирая образцы песка, руд и т.д. В результате он получил данные о месторождениях золота, серебра, различных металлов и минералов в Средней Азии. В реляции 1722 г. он отмечал, что во время правления Субханкули-хана (1680—1702) в Бадахшане добывали золото, серебро и драгоценные камни, в Шейхджелилских горах хивинцами найдено серебро (95), однако добыча его не была организована. Посылая Петру I образцы песка из Амударьи, собранные им по пути в Бухару, Беневени писал, что "песок, как с образца усмотреть можете, золотые искры имеет", однако "река Аму из золотых руд начало свое не имеет, но в нее впадает река Геокча (96), заподлинно из самых богатых руд начало имеет, а именно близко Бадаксану. При том начале крупное золото сыскивают"; "По реке Сыр везде можно золото сыскати, но в Индижане (Андижане. — Х.Г.) и Маргилане зело довольно". Беневени, как и Китаев, сообщал о золоте, находимом в "горах Самаркандских" (97).

Интересные сведения о природных ресурсах были получены посланцем Беневени, побывавшим в Бадахшане "для проведывания о рудах золотых и серебряных". На обилие золота в Бадахшане указывало то обстоятельство, что здесь "песок золотой меняют как товар", и цена его невысока. Минер сообщал, что "золото и серебро получают в Бадаксане из реки Дарьи в летнее время, а именно: в июне, июле, в августе и в сентябре, когда бывают жары и вода в той реке мала. Оное золото натуральное, а не руда, и берут из песку. Одного де золота тамо зело много, как он сам видел, что когда время было мирное, то в год из Бадаксана в город Мешед (Мешхед. — Х.Г.) хаживало с золотом и серебром каравана по два, по три и тамо оное золото и серебро переделывают в монету персидскую и на оную монету покупают их персидские товары. Бадаксанцы получают каменя

лалы, из горы ломают камень лапизь-лазарум", которого там "зело много: каково оное золото, тому он привез с собою пробу, также и камни лапизь-лазуру" (98).

Интересны сведения Минера о наличии в Бухарском ханстве в большом количестве кошенили, которая в то время высоко ценилась и из которой добывали кармин, данные о растительности, уровне жизни населения и т.д. Что касается "странного рассказа Минера о манне в степи около Карса (Карши. — Х.Г.)", озадачившего А. Попова (99), то он вполне достоверен — речь, очевидно, идет о так называемой манке — желтоватой жидкости, появляющейся в конце лета на стеблях и листьях верблюжьей колючки и застывающей в мелкие крупинки. Эти крупинки собирали и использовали в пищу (100).

Свидетельством того, что Беневени интересовали не только драгоценные металлы, является реляция, в которой он сообщал: "а иных металлов и здесь в Бухарах заподлинно довольно как: меди, квасцов, свинцу и железа самого доброго" (101).

Беневени собрал обширные, хотя и не систематизированные сведения о географических особенностях региона: о местоположении основных городов Бухарского и Хивинского ханств, примерных расстояниях между ними, о реках и горах и т.д.

Еще в первой своей реляции из Бухары, сообщая о децентрализации власти в ханстве, междоусобицах и раздорах, Беневени просил Петра I дать ему указание о его возвращении в Россию. Предписание царя немедленно ехать в Персию, где он будет находиться, до Беневени не дошло. Лишь в марте 1725 г. он получил предписание Г. Головкина и П. Шафирова о немедленном возвращении в Россию наиболее удобным для себя путем. "А в Бухаре при настоящем смятении более тебе быть не рассуждаем за потребно", — говорилось в предписании (102). Однако к этому времени положение Беневени чрезвычайно осложнилось, он опасался за свою жизнь. Деятельность Беневени по сбору различных сведений, конечно, не могла остаться незамеченной и не вызвать враждебности к нему со стороны феодальной знати. Так, еще в марте 1722 г. он сообщал, что посланный к нему

из Астрахани курьер был убит в дороге. Выясняя обстоятельства убийства с тем, чтобы найти потерянные письма, русский посол, по-видимому, развил слишком бурную деятельность, что дало повод придворным обвинить его в шпионаже. Благодаря поддержке Ходжи Ульфета дело удалось замять, но ненадолго. Не прошло и года, как к бухарскому хану поступила жалоба на Беневени от купца Ходжи Раима, который утверждал, что русский посол рассылает своих людей, которые "ездят под именем купечества и осматривают земли Бухарские, Хивинские, Туркестанские" (103). Из-за этого "доношения все бухарские озбеки знатные стали быть на него Флория зело злобны, отчего он Флорий ныне тамо в великой опасности", — докладывал Н.Минер в Коллегии иностранных дел в апреле 1724 г. Положение усугубилось известием о том, что в Астрахани были предприняты меры к ограничению торговли тех купцов-контрабандистов, к которым имел претензии Беневени.

В создании обстановки враждебности к русскому послу участвовал и хан кули Топчи-баши. Так, в реляции 1722 г. Беневени отмечал, что "хан-кули Бавши, яко бусурман, вашу царскую милость весьма позабыл и многие непристойные слова про имя ваше говорит". Он распространял слухи, что "якобы с ним (Беневени. — Х.Г.) посланы (от Петра I. — Х.Г.) многие подарки, а именно на 30 тысяч рублей, которые у него Флория вымогали знатные озбеки".

В 1725 г. Беневени действительно пришлось залезть в долги "к купеческим людям россиян, армян и астраханских магометанцев, тамож и тамошних бухарских жителей", так как все, что имел, он раздал "хану, его близким и придворным узбекам", "понеже де безстыдно с великими угрозами просили" (104). Без достаточных средств послу стало значительно труднее улаживать конфликты с придворными эмирами.

К Беневени стекались русские пленные, жившие не только в самой Бухаре, но и в других частях ханства. Посол пытался им помочь, многих выкупил из рабства и старался сплотить вокруг себя. Это также вызвало ненависть узбекских феодалов. В придворных кругах стали поговаривать о физическом уничтожении Беневени, и когда стало известно, что он собирается уехать из Бухары в Россию через тер-

риторию Ирана, были предприняты меры для убийства его в дороге. Узнав об этом и рассудив, что "понеже и здесь и на дороге страх велик" (105), Беневени решился ехать в Россию через Хиву, куда его настойчиво приглашал Ширгази-хан, обещая хорошо встретить и проводить до Астрахани.

8 апреля 1725 г. Ф. Беневени тайно бежал в Хиву, оставив на знакомого русского купца все свое имущество в Бухаре. В Хиве посол был задержан под разными предлогами до августа, и только в сентябре, уже после смерти Петра I, ему удалось вернуться в Астрахань.

Посольство Беневени находилось в Бухаре в тот период (1721—1725), когда феодальная децентрализация, расстройство государственных дел и производительных сил ханства достигли апогея. Это не могло не сказаться на результатах деятельности русского посла. Вряд ли можно дать однозначную оценку исторического значения этого посольства во взаимоотношениях России со Средней Азией, или — в более общем плане — в восточной политике Петра I. Однако в любом случае необходимо учитывать обстоятельства, связанные с этим единственным в XVIII в. официальным посольством России в Бухарское ханство.

Внимательное изучение деятельности Беневени в Бухаре показывает, что он старался неукоснительно следовать данным ему "Инструкциям" и, следует признать, что положения, которые предписывали ему получить детальные сведения о состоянии Бухарского ханства, выполнил полностью. В своих донесениях и реляциях он блестяще обрисовал внутри- и внешнеполитическое положение среднеазиатских ханств в важный для их судеб исторический период, когда в обстановке полнейшего развала старых государственных образований создавались предпосылки для последующей перестройки политической карты Средней Азии. Им были получены ценные сведения о географических и климатических особенностях региона, состоянии производительных сил и торговли, о запасах рудных богатств и т. д. Важными являются также сведения о положении народных масс, экономическом и политическом состоянии Бухарского и Хивинского ханств, которые, как отмечалось исследователями (106), зачастую дополняют труды местных авторов. Все

это делает реляции Ф. Беневени ценным историческим материалом, нуждающимся в более глубоком изучении и уточнении. Особенно это касается сведений о расположении различных рудных богатств, которые редко освещаются в трудах местных авторов. Сведения, содержащиеся в реляциях Беневени, являются в целом достоверными. Разумеется, как всякий источник, в отдельных случаях они требуют критического подхода, поскольку информация попадала к послу зачастую через вторые, а иногда третьи руки, а возможности для ее проверки были у него по разным причинам весьма ограниченными (107). Этим, вероятно, объясняются отдельные географические ошибки, встречающиеся в его реляциях царю.

Посольство Ф. Беневени не выполнило некоторых важных задач, возложенных на него русским правительством. Так, ему не удалось добиться заключения "оборонительного альянса" с Бухарой или получить какие-либо торговые льготы. В результате допущенных ошибок русский посол не смог сохранить в тайне деятельность посольства по сбору сведений о положении ханства и заручиться поддержкой у хан кули Топчи-баши.

Для укрепления своего влияния в Средней Азии Россия была заинтересована в военном союзе с Бухарой. Первое время посол надеялся на успех этого предприятия, однако очень скоро он осознал, что в условиях экономического и политического развала государства и самовластия корыстолюбивых временщиков заключение военного союза с Бухарой было делом нереальным. Даже если такой союз был бы заключен, в создавшихся в регионе условиях он ничего не дал бы России. Именно поэтому Ф. Беневени настойчиво проводил мысль о завоевании ханств и всю деятельность направлял на сбор сведений, которые могли бы оказать существенную помощь царскому правительству в случае военного похода русских войск в Среднюю Азию. Однако в это время русское правительство не имело ни военных, ни экономических возможностей для захвата территории среднеазиатских ханств и было заинтересовано в налаживании мирных и взаимовыгодных торгово-экономических взаимоотношений с ними.

В исторической литературе высказывалось мнение о том, что за время пребывания в Бухаре посольству Флорио Беневени не удалось приобрести для России "ни политических, ни торговых выгод" (108), и поэтому оно не имело особого исторического значения. Эта слишком категорическая точка зрения совершенно абстрагируется от основной задачи посольства, которая заключалась во всестороннем и детальном изучении положения дел в Бухаре и во всем прилегающем районе, с тем, чтобы правительство Петра I могло определить роль и место Бухарского ханства в системе своих взаимоотношений с соседями. В целом посольство Беневени выполнило свою задачу, так как доставило обстоятельные и разнообразные сведения о Бухаре. В последующем для получения специальных сведений о Средней Азии русское правительство направляло туда различных специалистов: военных инженеров, геодезистов, геологов, этнографов и т.д.

Оценивая результаты деятельности посольства Ф. Беневени, следует учитывать и те сведения, которые были получены русским послом в период пребывания в Иране. Так, наряду со сведениями о внутривнутриполитическом положении страны, которые давали независимое подтверждение наблюдениям А. Волинского, реляции Беневени свидетельствовали об агрессивных устремлениях Турции в отношении Ирана. Особенно характерными являются в этом смысле донесения Беневени о беседах с турецким послом Дури-Эфенди, который не скрывал намерений Турции воспользоваться ослаблением сефевидского Ирана и захватить его закавказские провинции (109). Эти сведения были тем более важными для русского правительства, что донесения и реляции А. Волинского не содержали данных такого рода. Они, безусловно, укрепляли решимость Петра I вмешаться в персидские дела, когда в 1722 г., под предлогом ушерба, нанесенного русским купцам в Шемахе, он предпринял поход на Иран. Как известно, русские войска, завоевали Дербент и Баку с прилегающими землями провинции Гиляна, Мазандерана и Астрабада. О том, что это мероприятие Петра I имело антитурецкую направленность, свидетельствует указание царя своему послу И. Толстому от 28 сентября 1722 г.:

интересы России заключаются в том, чтобы "целостность персидского государства содержана была и турки в те места не вселились" (110).

В своей деятельности посольство Ф. Беневени исходило из тех общих экономических интересов, которые лежали в основе внешней политики Петра I. Социально-экономическое и политическое положение крепнущего русского государства в XVIII в. вызвало растущую потребность в доступе к мировым торговым путям. Выходу России к ним на юге и юго-востоке страны препятствовала сильная в военном отношении Османская империя, за спиной которой стояла Англия. Россия была заинтересована в проникновении в среднеазиатские ханства, где в то время у нее не было сильных конкурентов, чтобы укрепить здесь свое политическое влияние и воспользоваться взаимовыгодной коммерцией как с торговыми центрами самой Средней Азии, так и ряда других стран Востока — Китая, Индии, Афганистана и т. д.

Петр неоднократно пытался установить торговые пути в империю Великих моголов, избирая для этой цели самые различные направления (111). Однако представление о том, что экспедиция А. Бековича-Черкасского, посольство Ф. Беневени, русские завоевания в Иране служили лишь одной цели — проложить сухопутные и водные пути в Индию, — давно опровергнуто. Узбекские ханства и Персия (112) "сами по себе, а не только как возможная транзитная территория были важны для русской торговли. Проникновение на эти территории, несомненно, приблизило бы Россию к "волшебным богатствам Индии" (113).

Трудно согласиться и с такой точкой зрения, что "наиболее важную роль в восточной политике Петра I играли отношения между Россией и среднеазиатскими ханствами — Бухарой и Хивой" (114). Хотя отношения между Россией и ханствами и играли очень важную роль в восточной политике царского правительства, они являлись лишь элементом, звеном в той глобальной борьбе за мировые торговые пути, в которую вступила Россия в период правления Петра I.

В это время заметно стремление русского правительства обратить Каспий "во внутреннее русское море" (115) и

создать наиболее удобные условия для дальнейшего развития взаимовыгодных отношений как на востоке, так и на юге Каспийского моря. "Прорубая" окно в Европу, Петр пытался укрепиться и на Востоке, потому что "без создания и широкого развития экономических связей России и на Западе, и на Востоке русское правительство никак не могло превратиться в великую европейскую державу" (116). На западе выход к морю был найден, но укрепление России в прикаспийских областях обострило отношения с Турцией. Россия, только что пережившая тяжелую Северную войну, не была готова к длительной войне с еще очень сильной Турцией. Военного конфликта удалось избежать за счет территориальных уступок России в завоеванных областях (117). После смерти Петра I внимание царского правительства было обращено на русско-турецкие отношения, состояние которых на протяжении всего XVIII в. сказывалось и на взаимоотношениях России со среднеазиатскими ханствами. Главной целью внешней политики оставался выход к берегам Черного моря. В этих условиях основой среднеазиатской политики русского правительства служило налаживание регулярных торговых отношений с ханствами через Казахстан (118). При этом "Казахстан являлся не только целью, но и средством при решении задач, стоящих перед внешней политикой России на Востоке. Если бы Российская империя не придавала этой роли казахским степям, ее правительство не пошло бы на присоединение столь огромного края лишь в целях защиты казахского народа от постоянной опасности извне" (119).

***Посольства Ирназара Максютова
(1774 — 1776 и 1779 — 1780 гг.)
и Палванкули-курчи (1797 г.)***

Официальные посольские связи между Россией и Бухарой получили дальнейшее развитие после завершения длительного периода упадка и феодальной раздробленности ханства и укрепления в Бухаре мангытской династии.

В истории русско-бухарских экономических и политических отношений второй половины XVIII в. особый интерес вызывают посольства в Россию Ирназара Максютотова. Эти посольства способствовали возобновлению дипломатических и дальнейшему развитию торговых связей между Бухарским ханством и Россией после значительного перерыва. Посол И. Максютот — умный и образованный человек, сторонник сближения Бухары с ее северным соседом немало сделал для укрепления взаимного доверия между двумя государствами.

До выполнения дипломатических поручений муллы И. Максютотова неоднократно посещал Россию (начиная с 1745 г.) с торговыми целями и оказывал различные услуги императорскому двору (120).

В мае 1754 г. в донесении в государственную Коллегию иностранных дел бухарский купец И. Максютот просил выдать ему паспорт для возвращения на родину после успешного завершения торговых дел в России (121). Из указа о выдаче ему паспорта становится известно, что Максютот прибыл в Россию с группой восточных купцов с целью сбыта драгоценных камней. Купцы были допущены к императрице "для целования руки" (надо полагать, что купеческий товар заинтересовал Елизавету Петровну) и имели с ней беседу. Благодаря своим качествам И. Максютоту удалось, по-видимому, завоевать доверие придворных кругов и самой императрицы, так как он получил важные поручения: "при отправлении по указу ее императорского величества оному мулле Максютоту дана комиссия, чтоб он будущей зимой или как справиться может выписал сюда разные материалы принадлежащие к медицине и прочие вещи, а какие именно о том ему даны расписки" (122). При этом Коллегия иностранных дел предписывала оренбургскому генерал-губернатору И. Неплюеву, "когда он по возвращении из Бухарии явится в Оренбург, то оного Максютотова канцелярии отправить сюда (т.е. в Петербург. — Х.Г.) немедленно" (123).

Максютот успешно выполнил это поручение. В 1762 г., уже после смерти Елизаветы, он писал Петру III, отмечая свои заслуги: "по указу вашего императорского величества

тетки, я низайший всюду ездил и был в Бухарии, Индии, Хурасане и во многих других сумнительных и опасных местах не щадя живота моего и не жалея капитала для исполнения порученных мне дел" (124). В этом же прошении посол обращался к Петру III с просьбами, удовлетворение которых укрепило бы доверие мусульманской Средней Азии к России и объективно служило делу их сближения. Он просил царя, чтобы повелено было желающим людям из Бухарии ехать в Мекку через Астрахань, так как "ныне Персия в великом кровопролитии находится", и обычный путь в Мекку через Персию стал опасен. Для "приохочивания к тому приезду людей" Максютлов рекомендовал построить за счет государства мечети в Астрахани, где могли бы молиться паломники.

Царское правительство удовлетворило его просьбы. Максютлов находился некоторое время в России, где вел торговые дела и завязывал полезные знакомства.

Характерным в этом смысле является письмо оренбургского генерал-губернатора И. Рейнсдорфа к И. Максютлову от 10 августа 1772 (125), свидетельствующее о том, что их связывали давние дружеские и деловые отношения. В частности, генерал-губернатор сообщал Максютлову о состоянии здоровья находившегося в то время в Оренбурге брата Максютлова и о ходе его торговых дел. Здесь же генерал-губернатор отвечал на просьбу Максютлова сообщить названия необходимых ему лично бухарских товаров. Особый раздел письма посвящен вопросу о русских пленных — генерал-губернатор просил И. Максютлова разыскать в Бухаре и Хиве и выкупить русских пленных, список которых прилагался.

Об отношении к Максютлову в России можно судить по характеристике, которую дал ему Яковлев. Он отмечал, что Максютлов — человек умный и хитрый, "частые путешествия образовали его и как мулла он был из числа ученых бухарцев"; "мулла был человек весьма приверженный к России" (126).

В 1774 г. И. Максютлову было поручено возглавить бухарское посольство в Россию. Первые сведения о посольстве И. Максютлова содержатся в донесении астраханского губер-

натора П. Кречетникова в Коллегию иностранных дел. Губернатор писал, что получил из Мангышлака от муллы И. Максютова письмо, датированное 15 июля 1774 г., в котором тот извещал, что направляется во главе бухарского посольства в Россию, и просил выслать для него и его людей судно. Первоначально он собирался ехать в Россию через Оренбург, однако, опасаясь, что казахи могут отбить у посольства выкупленных им в Бухаре и Хиве русских пленных, решил ехать более безопасной дорогой на Мангышлак, отправив в Оренбург только предназначенных на подарки коней под присмотром небольшого конвоя.

Посольство прибыло в Астрахань 1 сентября. После прибытия Максютов предъявил губернатору грамоту фактического правителя Бухарского ханства аталыка Даниял-бия. В грамоте, обращенной к представителям русского правительства, говорилось, что бухарский подданный И. Максютов направляется в Россию послом "для пользы и установления купеческих проездов между двух областей, великороссийскою и нашею", и содержалась просьба оказывать ему всяческое содействие в выполнении его миссии (127).

9 сентября Максютов был вызван к губернатору для выяснения целей его посольства. Посол разъяснил, что "отправление его к высочайшему двору состоит в утверждении с обеих сторон доброго дружества и для распространения купечества". Максютов имел также дополнительные поручения, которые ему следовало "при высочайшем дворе словесно довести и о чем он преждевременно открыть не может" (128). В связи с важностью возложенных на него поручений бухарский посол просил астраханского губернатора отправить его в Петербург как можно быстрее.

Здесь же посол представил властям список лиц, прибывших в составе бухарского посольства, и реестр к императорскому двору. Согласно этим документам, Максютов прибыл в Россию во главе довольно большого посольства, в состав которого входили 64 человека, не считая 20 выкупленных русских пленных, со значительным имуществом. При рассмотрении реестра подарков, привлекают внимание два обстоятельства. Во-первых, ценность подарков: посольство привело 13 арабских аргамаков, соколов, большое количе-

ство восточных тканей, традиционные восточные товары — чепучинный корень и корень ревеня и т.д. Одной ляпислазури было привезено более 2 тонн! По ценам того времени стоимость последней превышала 30 000 рублей (129).

Кроме самой императрицы, наследника и великой княгини подарки предназначались определенным лицам из окружения императрицы — А. и Г. Орловым, Н. Панину, А. Олсуфьеву, т.е. фаворитам и наиболее влиятельным в то время придворным сановникам. Это свидетельствует о том, что организаторы посольства были весьма хорошо информированы, вероятно, самим И. Максютковым, о наиболее значительных деятелях императорского двора.

Помимо большого количества подарков посол привез в Россию множество различных восточных товаров (общим весом более 40 тонн). За их перевозку из Мангышлака в Астрахань на судне астраханского купца Петра Вольновоевича бухарский посол уплатил по 50 копеек за пуд — всего 1300 рублей (130).

Посольство И. Максютова довольно долго находилось в Астрахани. Кроме медленного движения почты, обычного для того времени, имелись и другие обстоятельства, мешавшие выезду посольства. Так, таможенная комиссия Астраханского порта требовала уплаты таможенных сборов в сумме более 2090 рублей за вывезенные послом в Россию товары, однако И. Максютов не соглашался, мотивируя это тем, что все товары привезены для содержания посольства.

За 35 лет, прошедших после приезда предыдущего посольства из Бухары, в России порядком подзабыли официальные правила приема среднеазиатских посольств, в связи с чем был сделан запрос в Московскую контору Коллегии иностранных дел, чтобы там выяснили из архивных материалов, "каким образом принимались хивинские и бухарские посланцы при российском императорском дворе" (131). В Москве готовились помещения для посла и членов посольства, разрабатывался церемониал встречи и т.д.

Будучи в Астрахани, И. Максютов вел и торговые дела. Так, он купил у казны 708 пудов стали и свинца и отправил их со своими людьми в Бухару. В январе 1775 г. посол отправил в Петербург с нарочным к императорскому двору бухарские фрук-

ты (гранаты, яблоки и т.д.), а также письмо на имя Екатерины II. Извещая императрицу о своем прибытии в Астрахань в качестве посла с целью укрепления дружественных связей и торговых отношений между Бухарой и Россией, И. Максютов писал об ограблении бухарских купцов под Оренбургом "непотребными злодеями бунтовщиками" и просил ее ускорить отправ-ление посольства из Астрахани и освободить от уплаты тамо-женных сборов. Письмо аналогичного содержания было отпра-влено им и на имя канцлера Н. Панина (132).

В рескрипте на представление астраханского генерал-губернатора от 30 октября 1774 г. было указано, чтобы "по-сол отправлен был с пристойным по прежним мерам снаб-дением в рассуждении подвод и кормовых денег". При этом Екатерина II именным указом повелела "пропустить сего бухарца, не брать с него пошлин" (133). Выехав из Астраха-ни в сопровождении конвоя астраханского гарнизона под командованием дорожных приставов капитана Павлова и поручика Щедякова, бухарское посольство достигло Моск-вы 14 марта 1775 г., где было принято с почетом.

По прибытии в Москву бухарский посланник был уве-домлен Коллегией иностранных дел, что будет вскоре при-нят канцлером Н. Паниным. Прием состоялся 27 марта 1775 г. в доме канцлера. Посланник приехал к дому канцлера в запряженной цугом карете, в которой вместе с ним нахо-дились его сын и сопровождавший их секретарь Коллегии иностранных дел. Следом в карете посланника, запряжен-ной шестериком, ехали двое старшин — членов посольства. В третьей карете, заложенной четырьмя лошадьми, находи-лось двое дорожных приставов астраханского гарнизона, сопровождавшие посольство. Посланец был с почетом встре-чен канцлером и чинами Коллегии иностранных дел.

Посол "по учинении пристойного поклона подал его сиятельству присланные с ним от хана своего грамоты" (134). Во время приема И. Максютов "воперед просил о представ-лении его посланца перед ее императорское величество, а потом вел другие разговоры и будучи с сыном и чиновни-ками своими потчеван кофеем и конфетами, откланялся и возвратился в свою квартиру вышеописанным же поряд-ком" (135).

5 апреля просьба И. Максютова была удовлетворена, и он был представлен Екатерине II, наследнику Павлу и великой княгине. Будучи доставлен во дворец, посланник вместе с сыном и двумя чиновниками посольства ожидал выхода императрицы из церкви после обедни. Он был представлен Н. Паниным Екатерине II и затем допущен к целованию руки, после чего состоялось представление посланника Павлу.

Во время церемонии посол был в чалме, но без оружия, члены посольства были без шапок. Привезенные из Бухары подарки были заранее, за день до приема, отосланы вместе с секретарем Коллегии иностранных дел во дворец.

И. Максютов передал русскому правительству две грамоты бухарского хана Абулгази. В первой бухарский хан выражал стремление развивать и далее взаимовыгодные торговые связи с Россией. Затем он сообщал императрице о разграблении под Оренбургом бухарских караванов казаками, присоединившимися к восстанию Е. Пугачева, и просил ее об удовлетворении просьбы бухарских купцов: "необходимым находим представить о возвращении похищенного теми казаками имущества кому оно принадлежит", — писал хан.

Как выяснилось из объяснений посла, речь шла не только о тех купцах, которые были ограблены в 1774 г. участниками восстания Е. Пугачева, но и об ограблении большого, в 355 верблюдов, бухарского каравана в 1768 г. Этот караван вез, в частности товары Максютова, и в представленном им русскому правительству реестре фигурировали товары около 50 купцов на сумму почти 200 тыс. рублей (136). Большой интерес представляет и сам реестр, позволяющий судить о номенклатуре товаров, вывозимых из Средней Азии в Россию в рассматриваемое время.

Далее хан рекомендовал императрице бухарского посла И. Максютова как своего доверенного вельможу и просил верить его устным заявлениям и предложениям: "О чем по вверенной от нас комиссии словесно предлагать будет, в то ему благоволено было бы верить" (137).

Что касается устных предложений И. Максютова, они заключались в следующем: бухарский посол просил удовлетво-

рить просьбу бухарских подданных, живущих в Оренбурге и пострадавших во время восстания Е. Пугачева. Посол отмечал важное значение торговли во взаимоотношениях между Бухарой и Россией и предлагал царскому правительству осуществить ряд мер по ее укреплению и развитию. Так, он считал необходимым обезопасить пути в Оренбург и на полуостров Мангышлак от нападений казахов Нурали-хана и туркмен Пирали-султана. С этой целью, по мнению посла, желательно строительство русской крепости на реке Эмбе, где могли бы в случае надобности укрыться торговые караваны.

Он высказал также мысль о том, что для безопасности торговых караванов было бы полезно взять в Бухару казахских и туркменских аманатов (заложников) и просил об уменьшении торговых пошлин в приграничных городах России — Оренбурге, Астрахани и т.д., о свободном доступе для среднеазиатских купцов во внутренние города России, что было запрещено новым таможенным уставом.

Таким образом, цели посольства И. Максютובה были более значительными, чем указывается в известной работе С. Жуковского (138). Они отражали пожелания обширных торгово-ремесленных кругов Средней Азии.

Во второй грамоте бухарский хан поздравлял наследника Павла с бракосочетанием (139).

Во время встреч с государственными деятелями России И. Максютובה произвел на них весьма благоприятное впечатление своим умом и сдержанностью — "ответствовал толково на разговоры" (140), как отмечается в протоколах и записях его бесед.

25 июня 1775 г. И. Максютובה был принят вице-канцлером И. Остерманом. "Вице-канцлер начал с посланцем разговаривать о предмете его сюда присылки, отдал ему при этом записку на русском и татарском языках, касавшуюся бухарских дел". В этой записке бухарскому посланнику предлагалось ответить на вопросы Коллегии иностранных дел о состоянии Бухарского ханства и о граничащих с ним государствах, о бухарских товарах как собственного производства, так и получаемых из других государств, о том, какие российские товары требуются в Бухаре и т.д. Русское правительство интересовалось торговыми путями в Бухару, рас-

стояниями от нее до Оренбурга и Каспийского моря, например до Мангышлака, об источниках пресной воды, о наличии безопасных стоянок для русских судов на восточном побережье Каспия, о возможности ведения торговли через какие-либо новые пункты на Каспии и т.д.

Судя по сохранившимся документам, И. Максютлов дал весьма обстоятельные ответы на вопросы Коллегии иностранных дел. В частности, имеется очень подробное описание пути из Бухары в Оренбург и на Мангышлак с указанием всех стоянок, расстояний между ними, урочищ и опасных мест и т.д., составленное бухарским посланником (141).

Из предложения И. Максютлова русскому правительству следовало, что для дальнейшего развития торговых отношений между Россией и Бухарой необходимо укрепить позиции России в казахских жузах. Собственно, все предложения посла представляли собой не что иное, как призыв к России установить порядок и спокойствие на торговых путях казахской степи. Поскольку укрепление позиции России в Казахстане являлось в то время одной из первоочередных задач русской политики на Востоке, предложения бухарского посла настолько заинтересовали царское правительство, что оно сочло необходимым рассмотреть их на одном из заседаний императорского совета, где некоторые из этих предложений были одобрены. Более того, позже эти предложения оказали большое влияние на планы оренбургского генерал-губернатора Игельстрома по укреплению влияния России в казахских жузах.

С другой стороны, внимание, которое было уделено предложениям И. Максютлова, вызвано уважением к личности посла — недаром во многих сохранившихся документах Коллегии иностранных дел ему дается очень высокая оценка (142).

Последний официальный визит И. Максютлова к канцлеру Н. Панину состоялся 15 января 1776 г. Во время этого визита ему были переданы для бухарского хана императорская грамота, письмо канцлера, в котором содержались ответы русского правительства на предложения и просьбы посольства, а также подарки хану и самому послу.

В императорской грамоте бухарского хана заверяли в дружественном отношении России к Бухаре. В ней отмечалось, что И. Максютов "не только имел свободный доступ к императорскому двору", но и "листы ваши и собственно подданные им прошения удостоились монаршего внимания" (143). Подробный ответ на предложения Бухары содержался в письме канцлера. Русское правительство отказалось заплатить как ограбленным бухарским купцам, так и тем подданным Бухары, которым пришлось пережить осаду Оренбурга войсками Е. Пугачева. Панин отмечал, что правительство не может взять на себя ответственность за действия восставших вместе с Пугачевым казахов. Что касается ограбления бухарского каравана в 1768 г., Панин ссылаясь на давность дела тем более, что частично ущерб купцам был восполнен сразу, после ограбления, когда русским войскам удалось отбить у казахов часть разграбленных товаров. При этом Панин указывал, что отрицательный ответ русского правительства вызван не недостатком уважения к бухарскому хану, а невозможностью удовлетворить требования Бухары. Впрочем, предлагалось, чтобы Бухара сама уладила это дело, обратившись к казахам, посещающим ее рынки для продажи своего скота. Ущерб, который был нанесен в результате этого ограбления И. Максютову, был полностью восполнен русским правительством.

Панин писал: "прочие посланца вашего прошения совершенной уже успех возымели". Речь идет о предложениях по уменьшению торговых пошлин для бухарских купцов, о возможности взятия в аманат детей старшин и об укреплении спокойствия на караванных путях. Панин сообщал также, что оренбургскому и астраханскому генерал-губернаторам поручено отправить Нурали-хану и Пирали-султану указы с требованием обезопасить прохождение торговых караванов через казахские владения и Мангышлак. От Пирали-султана было потребовано также, чтобы он "не отягощал излишними поборами бухарских купцов и проезд их через сей мыс" (144).

Что касается вопроса о строительстве русской крепости на реке Эмба, то было решено, что оно целесообразно, если эта река является судоходной. В конечном итоге вопрос был

передан на рассмотрение оренбургского генерал-губернатора.

И. Максютлов получил богатые подарки для бухарского хана, среди которых "сабля, осыпанная бриллиантами и цветными камнями без цены, наперник, осыпанный бриллиантами стоимостью 1750 рублей".

Русское правительство высоко оценило заслуги бухарского посла. Кроме многочисленных подарков ему был пожалован "один казенный корабль из находящихся на Каспийском море для распространения торговли в границах Всероссийской империи и дозволялось ему там же торговать на 10 тыс. рублей беспошлинно в течение пятилетнего времени" (145). Об успешном пребывании И. Максютлова в России говорит и то обстоятельство, что ему было позволено купить у казны и отправить в Бухару беспошлинно 15 тыс. пудов железа, 5 тыс. пудов стали и 3 тыс. пудов меди (146). Екатерина II пожаловала послу большую сумму денег для строительства медресе в Бухаре. Известное как медресе Ирназара Максютлова, или медресе посла, оно сохранилось до настоящего времени (147).

Цели рассматриваемого посольства И. Максютлова нельзя свести только к удовлетворению ограбленных бухарских купцов, как это сделано в работах Жуковского и Яковлева (148). Это посольство, преследовавшее, казалось бы, чисто торговые цели, имело и политическое значение во взаимоотношениях между Россией и Бухарой. Так, Бухара впервые признавала юрисдикцию русского правительства над казахскими жузами. "Казахи суть из числа подданных вашего высочайшего двора", — писал Екатерине II бухарский хан (149).

Посольство И. Максютлова, осуществленное после длительного перерыва в дипломатических отношениях между Бухарой и Россией, можно считать успешным, так как оно сыграло определенную роль в укреплении доверия между государствами и продемонстрировало обоюдное стремление к развитию взаимовыгодной торговли. Большое значение имело дипломатическое искусство И. Максютлова и, как сказано в письме Коллегии иностранных дел, его "издавна продолжающиеся к России усердие и приверженность" (150).

В середине 1779 г. И. Максютов был вторично отправлен послом в Россию.

По прибытии в Оренбург И. Максютов, по заведенному порядку, был принят генерал-губернатором и чиновниками пограничной комиссии, которые находились в ведении Коллегии иностранных дел. О прибытии бухарского посольства было доложено в столицу.

Вследствие заинтересованности русского правительства в среднеазиатских делах послу было вскоре разрешено следовать в Петербург с находящимися при нем сыном и свитой, состоящей из двадцати восьми человек. Генерал-губернатору было дано предписание: "чтобы он его снабдил как потребными для дороги повозками, так и лошадьми и кормовыми деньгами, отправя для препровождения его нарочного офицера, и оставляя в собственное его благоизобретение, с собой ли он повезет находящихся при нем для императорского двора лошадей, а именно восемь арабских аргамаков, или же пожелает, чтобы особое им отправление учинено было".

Помимо того, в Москве, через которую должен был проехать посол, Коллегией иностранных дел для него была приготовлена квартира (151).

Несколько раньше вместе со служителем посла Миркурбаном Миращуровым и гарнизонным сержантом Николаем Мирочиным были посланы "...без малейшего задержания" к императорскому двору бухарские дыни (152).

Государственной Коллегии иностранных дел было доложено, что "бухарский посланец Ирназар Максютов со своею свитой, выехав из Оренбурга в начале декабря месяца, в здешнюю столицу (т.е. Москву. — Х.Г.) сего 24 числа по утру прибыл. Быть намерен здесь не более два или три дня и то для перемены одних и починки других своих повозок" (153).

В начале января 1780 г. посольство прибыло в столицу Российской империи. Для содержания миссии коллегией были выделены соответствующие средства. Для разъездов посла была дана карета.

7 января к послу был направлен секретарь Коллегии иностранных дел для снятия копий с грамот, привезенных

им от бухарского хана и аталыка. Но И. Максютлов ответил, что эти грамоты без позволения русского правительства распечатать не имеет права, а желает вручить их канцлеру Никите Панину.

Для того, чтобы ознакомить иностранного посла с дипломатическими церемониями, принятыми при русском дворе, его заранее уведомили подробной запиской о деловых беседах, вручении верительных грамот, представлении его императрице и наследнику престола, о поднесении даров (154).

Первый официальный визит И. Максютлов нанес Н. Панину 27 марта с секретарем Коллегии; за послом прибыла личная карета канцлера. И. Максютлов с сыном и бухарские чиновники, прибывшие в дом Панина в кортеже из трех экипажей, были встречены ассессором Греном и представлены различным чинам Коллегии иностранных дел. Затем посол и сопровождающие его лица были допущены к канцлеру.

После вручения грамот и деловой беседы посланец просил "его сиятельство о предоставлении его перед ея императорское величество, а потом о нескольких других разговоров и будучи потчеван кофею и конфетами, откланялся и возвратился в свою квартиру".

Вскоре просьба бухарского посла была удовлетворена: "представлен был сей посланец перед ея императорское величество и перед их императорские высочества" (155).

Подробного перечня подарков, привезенных Ирназаром к русскому двору, не имеется. Но в материалах посольства говорится: "Подарки, привезенные им от хана за день до представления его были отосланы во дворец и там приняты. Лошади же с дорожным приставом были отправлены на конюшенный двор. Большие же вещи как-то: ремень, чепучинный корень, лапись-лазурь приняты в коллегию" (156). Из приведенного текста следует, что кроме перечисленных подарков имелись и другие.

Тексты грамот в материалах посольства раскрывают цели и задачи миссии. В грамоте Абулгази-хана к Екатерине II после обширного вступления выражается благодарность императрице за подарки: "украшенную бриллиантами саблю и осыпанный бриллиантами же наперник, я через посла Ирназар-

бия получить удостоился" (157). Здесь же он писал: "Да будет вам известно, что мы нынче нам вернойскренного муллу Мухаммад Ирназар-бия, который состоит в числе почтенных наших вельмож, по знанию его избрали, из его сверстников предпочтя, удостоили и определили к высочайшему вашего императорского величества двору в посольство великим послом". Затем хан сообщил, что из Турции получена грамота и решено установить с ней дружеские связи. В заключение хан вновь просил об удовлетворении бухарских купцов, ограбленных в смутное время. Заканчивается она следующими словами: "В прочем как вышеупомянутый посол станет изустно доносить о моих препорученных ему комиссиях, то благоволите ваше императорское величество во всем ему верить" (158).

Абулгази-хан явился лишь подставным лицом, от имени которого Даниял-бий проводил внешнюю политику. В грамоте, присланной Панину, подлинным правителем ханства, канцлер извещался о том, что "от его величества покровителя веры, государя двух морей и служителя священных храмов (т.е. турецкого султана. — *Х.Г.*) получено приятельское письмо, и потому ради восстановления давних дружеских связей решено верного муллу Мухаммад Ирназар-бия к двум монархам отправить великим послом. Во-первых, к всеавгустейшей государыне вашей, во-вторых, к нынешнему калифу в Константинополь" (159).

В грамоте аталыка также говорится об удовлетворении просьбы бухарских купцов о присылке в Бухару меди. И в заключение "прошу ваше сиятельство отправить с ним (т.е. Ирназар-бием. — *Х.Г.*) для препровождения его и честного в пути порядка, верного и надежного человека до самых турецких границ, чем обяжете меня" (160).

Материалы этого посольства не были объектом специального изучения. Частично они использовались в одной из работ Х. Зияева (161). С. Жуковский в известной работе о втором приезде Ирназара Максютובה подчеркивает: "Бывший в 1774 году в России посол Ирназар в 1779 году опять приезжал в Петербург, с теми же домогательствами об удовлетворении бухарских купцов, ограбленных киргизами, и с новой просьбой о дозволении ему проехать через Россию

в Константинополь и свободном пропуске бухарцев, едущих в Мекку. Русское правительство вторично отказалось от удовлетворения первой части просьбы бухарцев, но позволило Максютову и отправляющимся в Мекку бухарцам ехать через Россию" (162).

В исторической литературе существует устоявшееся мнение о том, что посольские связи среднеазиатских ханств с Россией служили исключительно для развития торговли между этими государствами. Безусловно, это являлось одним из главных мотивов русско-бухарских отношений, во всяком случае, с бухарской стороны. Однако следует отметить обстоятельство, выделяющее рассматриваемое посольство из всех других. Второе посольство Ирназара Максютова формально не имело никаких предложений или просьб к русскому правительству об организации торговли. Очевидно, что такое дорогостоящее предприятие, каким являлись организация и отправление посольства, преследовало цели, имеющие важное значение для государства.

Нам представляется, что цель посольства лежала в сфере политики. Сообщение царскому правительству о желании упрочить дружеские связи с Турцией и могло быть целью этого посольства.

В Бухаре знали о том, что Россия в недавнем прошлом находилась в состоянии войны с Османской империей, а в описываемое время у них мог возникнуть новый военный конфликт.

Даниял-бий, несомненно, понимал, что его намерение идет вразрез с интересами России. Правительство Екатерины II в случае возможной войны с Портой не хотело бы иметь врагом еще и Бухарское ханство, союзником которого могла быть беспокойная казахская степь.

Нельзя полностью исключить и того, что своим сообщением Бухара надеялась получить какие-либо экономические или политические выгоды.

Вследствие этого в 1780 г. в Бухару из России был отправлен переводчик М. Бекчурин. Наряду с выяснением возможности расширения торговли России с Бухарой он должен был собрать различные сведения разведывательного характера. В частности, о бухарском после он сообщал сле-

дующее: "3, 4 января Мендияр Бекчурин всячески старался испытать о причине отправления Ирназара Максютова через Российские границы в Царьград, и для чего прямым от себя через Персию трактом его не отправили. К счастью его нашел случай познакомиться с Ирназаровым, зятем Ходжою, который человек благосклонный сделался ему откровенным, между разговорами объявил, что Ирназар поехал к Турецкому двору под видом богомолья, а в самом деле побудило следующее: из числа бухарских жителей один нашел случай пробраться в Царьград на богомолье и там призван был к Турецкому двору для отобрания известия о состоянии Бухары, и как все их прибытие пересказал, то назад тому два года сей бухарец прислан от Турецкого двора с одним армянином к бухарскому их хану с письмами такими, чтобы прислать туда для некоторых ему Ходже неизвестных советов, означенного Ирназара, с которым де турецкий посланник в бытность по замирении турок с Россией в Москве видался, почему он туда и отправился" (163).

Все это указывает на исключительно важное значение второй миссии Ирназара Максютова. Архивный материал свидетельствует о том, что в России посольству был оказан достойный прием. При отъезде бухарского посла в Турцию были выполнены все просьбы Даниял-бия и он был отправлен с почетом (164).

Вскоре, находясь в Турции, И. Максютов — "бухарский купец, караванбаша, мулла и посланник, скончался. Он, сделавший честь своей нации" (165), являлся одним из дальновидных представителей торгово-ремесленных кругов Бухары, представлявших себе выгоды торгово-экономических взаимоотношений с Россией и заинтересованных в их дальнейшем развитии. Во многом благодаря деятельности таких людей происходило постепенное сближение народов России и Средней Азии, укреплялись их связи и росло взаимопонимание. И. Максютов, согласно архивным материалам, — незаурядный, образованный человек. Изучение его личности представляет интересную самостоятельную задачу, поскольку имеются веские основания для вывода о большом значении его торговой и дипломатической деятельности в укреплении русско-бухарских связей в XVIII в.

Особое место в истории политических связей между Россией и Бухарой в конце XVIII в. занимало еще одно бухарское посольство, которое возглавлял в 1797 г. Палванкули-курчи.

Это посольство интересно тем, что было направлено в Россию эмиром Шах-Мурадом для решения задач, относящихся к сфере международной политики того времени. Дело в том, что на южных границах Бухарского ханства возникла угроза военных действий со стороны Ирана, где к власти пришел глава племени каджар Ага-Мухаммад-хан, провозгласивший себя, после похода в Грузию (1795), шахом.

Зная об интересах России на Кавказе, Шах-Мурад решил заручиться поддержкой России в возможном столкновении Бухары с Ираном и с этой целью направил туда посольство.

3 марта 1797 г. астраханский губернатор Аршеневский доносил в коллегия иностранных дел: "Сего дня отправлен из Астрахани при приставе Дурнове к высочайшему двору бухарского двора посланник Мулла Палванкули-курчи со свитою из пяти человекв состояюще, который снабжен от меня здесь четырьмя повозками и деньгами как на содержание его и свиты в месяц" (166).

После приезда посланника эмира в столицу, ему, как и полагалось, была устроена встреча с сотрудником Коллегии иностранных дел С. Лашкаревым, который после перевода дипломатических документов и ханской грамоты на русский язык, передал их канцлеру А. Безбородко.

Приведем некоторые выдержки из текста ханской грамоты. После обычных в подобных случаях приветствий, в документе говорится: "Еретик и неверный Ага-Мухаммад-хан, возгордясь сделаться завоевателем, начал разорять христиан, напал на жителей тифлисских, поработил их и взявши же в плен жителей помянутого царства отвел их в Персию" (167).

Царское правительство было хорошо осведомлено о событиях, сообщаемых эмиром, так как русские войска захватили в свое время укрепленные пункты Дербент, Баку и другие, служившие персидским шахам плацдармом для набегов на Закавказье. Но после смерти Екатерины II полити-

ка России изменилась. При Павле I русские войска были отозваны из Азербайджана.

Далее Шах-Мурад писал: "Ага-Мухаммад-хан после учиненного им на христиан нападения, завладев богатствами и сокровищами тифлисскими, завоевал Хорасан и получив в добычу сокровища и богатства шаха Надира приобрел через то себе такую силу, что я маломощный, не в состоянии ему противоустоять и с ним сразиться". И далее, Шах-Мурад просит: "прислать по крайней мере 10 тыс. человек войска и 50 пушек с надлежащим количеством ядер и пороху, на тот конец, что ежели еретик Ага-Мухаммад предпринял учинить нападение на области вашего императорского величества, я бы мог напасть на него с тылу и ему воспрепятствовать и что если бы он напал на Туран, со стороны вашего императорского величества было бы учинено ему препятствие, по крайней мере будете иметь бдение о безопасности христиан, я с помощью всевышнего защищать стану мусульман туранских" (168).

Как было сказано выше, эмир Шах-Мурад совершил ряд походов на Хорасан, дошел до Мешхеда, но захватить город ему так и не удалось. Эмир тяготился этим и выражал надежду, что когда-нибудь ему удастся взять Мешхед и разделить между своими воинами богатства этой шиитской святыни (169). Но в 1796 г. Ага-Мухаммад завоевал всю Хорасанскую область с ее столицей, которой правил в то время один из потомков Надир-шаха Шахрух (170). Тем самым он объединил под своей властью весь Иран и оградил Хорасан от нападений бухарцев. Таким образом, воспользовавшись войной между Ираном и Россией, Шах-Мурад хотел получить военную помощь последней не для защиты "мусульман туранских", а для завоевания Хорасана.

В заключительной части грамоты эмир писал: "Не зная законов в империи вашего императорского величества наблюдаемых, и находясь в армии много предводительствуемых, прошу вас мне простить, если я учинил какую ошибку или погрешил против должной формы. Я посылаю в качестве моего посланца подателя сего мулту Палванкули-курчи, он долгом имеет донести и о других высокому вашему императорскому величеству двору известиях" (171).

Устно посланник передал следующую просьбу Шах-Мурада: "По случаю имеющейся между бухарцами и персианами войны бухарский хан, государь его (посланника. — *Х.Г.*) нижайше просит Российский императорский двор о снабжении его 2500 лат или панцирей воинских" (172).

Отправление посольства из действующей армии, на что указывает и звание посланника Палванкули-курчи (173), не имеет прецедента в истории бухарско-русских отношений. То же можно сказать и об одновременном нахождении при царском дворе двух бухарских посольств. Наконец, просьба о чрезвычайно большой военной помощи свидетельствует о важности этой миссии.

3 мая 1797 г. мулле Палванкули-курчи были вручены императорская грамота и письмо канцлера к эмиру. К сожалению, мы не располагаем грамотой Павла I, но письмо канцлера Безбородко можно рассматривать как официальный ответ царского правительства на просьбы Шах-Мурада. В нем канцлер писал: "Его императорское величество повелел мне вашему высокостепенству сообщить, что кажется ему, надобности нет преследовать помянутого хана (Ага-Мухаммада. — *Х.Г.*), истязующего себя самим за свои злодеяния, и довольно тем наказанного, что однакож его величество находит небезнужным и без того для всякой впредь предосторожности владетелям дружественных областей и соседственных быть им всем, между собой в союзе, а буде бы и при таком союзе противу чаяния последовать могло со стороны помянутого осрамившегося хана, тогда уж его императорское величество мой всемилостивейший государь конечно за владельцев ему приятных сказать своего сильного заступления не составит" (174). Другого ответа быть не могло, так как отношения между Россией и Бухарским ханством не имели правовой основы и не были скреплены договорами. К тому же в грамоте эмира нет никаких обязательств за военную помощь, которую он просил. Главная же причина отказа заключалась в том, что восточная политика российского правительства, заслоненная европейскими проблемами, отошла на второй план. В пользу такого предположения свидетельствует и внезапный отзыв царских войск из завоеванного Азербайджана.

Итак, во второй половине XVIII в. на развитие взаимоотношений Бухарского ханства с Россией существенное влияние оказывали политические и экономические факторы не только этих двух стран, но и сопредельных государств. Вследствие этого история политических и экономических связей среднеазиатских ханств с Россией не может анализироваться изолированно от истории государств, которые их окружали. На развитие этих отношений так или иначе сказывались взаимодействия Бухары с Хивой, казахскими жузами, Ираном, Афганистаном, отношения России с Западной Европой, Турцией, Ираном и другими странами. В разные периоды времени относительная роль этих факторов менялась, но вместе они составляли систему международных отношений, тесно связанных с основными тенденциями мировой политики того времени.

Развитие дипломатических связей между Бухарой и Россией в первой половине XIX в.

Интерес правящих кругов Российской империи к укреплению и развитию торгово-политических связей с Бухарским ханством совпадал с аналогичными стремлениями Бухары. На протяжении первой половины XIX в. из Бухары в Россию приезжали различные делегации, сообщавшие царским властям о важных событиях в ханстве, и дипломатические миссии, которым поручались конкретные задания в области экономики, политики и международных отношений.

В начале века в Петербург один за другим прибыли три бухарских посольства. Первое из них возглавлял мулла Хаит Мухаммад, который привез "грамоту" от эмира Хайдара, вступившего на бухарский престол после смерти своего отца эмира Шах-Мурада (1785—1800). Получив аудиенцию у российского императора Александра I, а также ответные документы с поздравлениями в адрес Хайдар-хана и соболезнованиями по поводу кончины его отца, мулла Хаит Мухаммад отправился в конце 1801 г. в обратный путь (175).

В конце 1802 г. с таким же поручением в Петербург прибыло новое посольство, возглавляемое диванбеги Иш-мухаммадом Байкишиевым. Привезенная им "грамота" снова

извещала о вступлении на бухарский престол эмира Хайдара; в ней новый правитель поздравлял Александра I с восшествием на трон (176).

В деловой беседе с государственным канцлером и министром иностранных дел России А. Воронцовым бухарский дипломат особо подчеркнул, что Бухара всегда дружила с Россией, "по соседству с оной производили торговлю обеим странам полезную", и предложил "возобновить прежние доброго соседства и полезной торговли связи". Канцлер в свою очередь подтвердил аналогичные стремления российского правительства; расспрашивал о местах и предметах торговли бухарского купечества; о причинах задержания торговых караванов в пути и случаях нападения грабителей; о ситуации, связанной с ограблением российского купеческого каравана недалеко от Орской крепости и понесенных убытках (177).

При дальнейших переговорах Ишмухаммад Байкишиев, сам пострадавший во время описанного выше ограбления (в частности, он был ранен в руку и голову, кроме того, у него отобрали эмирские подарки царскому двору), описал все убытки, составил специальный документ и передал его члену Азиатского департамента тайному советнику Лашкареву с просьбой о возмещении убытков. Кроме того, Байкишиев в различных прошениях ходатайствовал о разрешении находящимся в Оренбурге бухарским купцам пасти скот на азиатской стороне реки Урал и освобождении их от постоя, о продаже ему для вывоза за границу одной тысячи пудов стали, о запрете русскоподданным кочевникам продавать в пограничных городах России вещи, захваченные при разграблении караванов, о позволении ему выехать через российские земли в Константинополь, а бухарским паломникам — в Мекку. Он сообщал также о привозе для императорского двора в дар семи "арапов" и — для продажи — большого количества ляпис-лазури и бирюзы (178).

В ответном письме эмиру Хайдару государственный канцлер России заверил, что против грабителей караванов будут приняты соответствующие меры, а захваченные у посланника вещи и товары возвратят ему "при отыскании оных". Байкишиеву разрешили отправиться в Константинополь, а его

соотечественникам — совершить паломничество в Мекку. Просьба же об отмене поста для бухарских купцов была отклонена с обоснованием этого решения тем, что постой является общей повинностью для всех. Послу также была выдана довольно крупная сумма денег, свыше 27 тыс. рублей.

В декабре 1803 г. из Бухары в Петербург были отправлены новые послы — диванбеги Мир Алауддин Мир Мухаммад Аминов и один из высших военных чинов — курчибаши Мирза Мухаммад Юсуф Байкишиев. Они были приняты Александром I и канцлером А. Воронцовым. Обе стороны обсуждали ситуацию на торговых путях с учетом потребностей развития взаимовыгодной торговли (179).

Дипломатические документы бухарских послов содержали ходатайство о принятии мер против грабителей караванов, а также о продаже Бухаре 15 тыс. пудов стали. В Министерстве иностранных дел России был представлен документ с записью устных поручений бухарского правительства, в которых содержалась просьба о военной помощи для пресечения набегов на караваны.

В ответном письме Хайдар-хану говорилось, что Россия готова участвовать в совместном походе против грабителей караванов и двинет войско в любое время, но хан должен открыть боевые действия; под ударом бухарских сарбазов виновники подадутся к русским границам "и там таким образом будут приняты и усмирены" (180).

Привлекает внимание тот факт, что бухарские правящие круги выступают инициаторами совместных усилий по борьбе с ограблением караванов. Практически, однако, ни та, ни другая сторона не предприняли конкретных шагов для реализации намеченного взаимодействия. Эта тема оставалась предметом для переговоров между Россией и Бухарой еще в течение полувека.

2 декабря 1803 г. Мирза Мухаммад Юсуф Байкишиев обратился в Министерство иностранных дел с запиской "о данном ему от владельца его, бухарского хана, словесном препоручении", суть его заключалась в следующем: узнав о том, что царь хотел послать через Туркестан в Индию и прочие места свое войско, эмир Хайдар велел готовить квартиры, провиант и сам хотел проводить войско "до пределов своего

владения". Боясь народного недовольства, хан просил не посылать войска в Индию, а при необходимости поручить "сие ему бухарскому владетелю" (181), и он это сделает.

Мирзу Мухаммад Юсуфа Байкишиева заверили, что Россия не намерена предпринимать похода на Индию, и он отправился в Константинополь.

Торговля со среднеазиатскими ханствами в то время в России считалась очень важным делом, и для поддержания ее решено было отправлять караваны под вооруженным прикрытием, откуда и получили начало так называемые "вооруженные караваны", первый из которых был снаряжен, когда в 1802 г., по докладу министра коммерции Н. Румянцева, 12 августа последовало высочайшее повеление отправить посольство в Бухару "для улучшения торговых сношений с этой страной и точнейшего исследования пути" (182). Первоначально предполагалось возложить эту обязанность на директора оренбургской таможни Величко, но затем во главе посольства был поставлен поручик Гавердовский. Надзор за подготовкой и осуществлением посольства возлагался на министра внутренних дел В. Кочубея, генерал-квартирмейстера П. фон Сухтелена и оренбургского военного губернатора генерала Н. Бахметьева. 20 февраля 1803 г. Гавердовский прибыл в Оренбург, а 2 июля русский караван двинулся в путь. Вся эта группа вместе с казаками насчитывала около 50 человек. В Орске она объединилась с караваном русских купцов, которые на 55 верблюдах везли товаров на 260 тыс. рублей (183).

После двухмесячного пребывания в пути, в безводной степи Муз-Тиль, урочища Ходжаберген, на караван напали казахи-чикменцы и почти полностью его разграбили. Гавердовскому удалось спасти лишь дипломатические документы. Таким образом, первый опыт российского правительства с вооруженным караваном оказался неудачным.

Тем временем проблемы расширения торговых отношений с Азией продолжали привлекать внимание российского правительства. Но в первую очередь проблемы торгово-экономических связей беспокоили оренбургские власти, непосредственно заинтересованные в укреплении экономики пограничных районов. Именно на местном ку-

печестве, прежде всего, отразилась неудача каравана Гавердовского. Моральный и тем более материальный ущерб, который купечество понесло, неминуемо должен был подорвать веру в успех подобных мероприятий.

Учитывая данное обстоятельство, оренбургский губернатор князь Г. Волконский 24 декабря 1803 г. обратился с особым распоряжением к директору местной таможни П. Величко, "как ближайше участвующего в торговле сего края", пригласить купцов "к будущему весеннему отправлению в Бухарию и Хивию караванов с товарами" под охраной войск империи. Губернатор надеялся, что ему удастся "понудить виновных киргизцов" возместить потери участников предприятия. Он выражал готовность снабдить караваны конвоем, ничем не обременяя торговцев, чтобы "в наступающем году торговля наша за границу, весьма прибыльная при благополучном успехе для купечества и полезная в государственном обороте, не остановилась и не ослабела" (184).

Глава оренбургских таможенников П. Величко добивался объединения усилий российского купечества в развитии экономических связей с Востоком. В многочисленных записках он предлагал, чтобы государство не вмешивалось в дела торговцев, а они сами бы отправляли в ханства караваны и создали бы специальную страховую контору. Именно через эту контору следовало, по его мнению, нанимать вооруженный конвой для охраны караванов. П. Величко опасался, что посылка с караванами войск "имела бы вид каких-то военных действий против народов и государств, с которыми Россия собственно находится в мире" (185). Вывод, сделанный руководителем оренбургской таможни, очень показателен. Мирные торговые отношения со среднеазиатскими ханствами были для России очень выгодны, особенно если учесть развитие политической ситуации в Европе, где победно шествовали полки Наполеона, неуклонно приближавшиеся к границам России.

Воодушевленные оренбургской администрацией, 18 купцов представили проект учреждения Российско-Азиатской компании с капиталом в 1 млн рублей, с главной конторой в Оренбурге и двумя конторами в любом из городов России и в

г. Бухаре. Купцы просили правительство организовать в Оренбурге казенную страховую контору, заключить с Бухарским ханством торговый трактат и назначить туда русского консула. Авторы проекта настаивали также на том, чтобы правительство предоставило им право вывоза, помимо товаров, золотой и серебряной иностранной валюты на сумму до полумиллиона рублей. Просьба эта мотивировалась стремлением компании развернуть торговые отношения с Ост-Индией, где местные предприниматели продавали европейцам товары лишь на серебряные и золотые монеты. Кроме того, авторы проекта настаивали на предоставлении им монопольного права сбыта в Азии железа и меди и на запрете остальным торговать этим товаром даже на самой границе (186).

Между тем, правительственные органы также готовились к развитию торговых отношений с Бухарой и сопредельными странами. 24 июля.1807 г. Г. Волконский прислал в Петербург "Предложения об улучшении оренбургской торговли с верхней Азией". Этот документ содержал положение о вооруженном караване, его составе, обязанностях караванного головы; он также предусматривал сопровождение крупного каравана конвоем из 300 казаков с двумя полевыми пушками и "с пристойным числом артиллеристов". В том случае, если конвой допускал разграбление торговой экспедиции, правительство брало на себя его содержание, а купцам возвращались внесенные ими для этого деньги.

Начальник охраны не имел права вмешиваться ни в дела торговли, ни даже в распорядок движения каравана. В обязанности конвоя входило наблюдение за поведением нижних чинов, чтобы они "не вдавались в буйство, а паче пьянство, которым азиатцы мерзят и за которое в Бухарии положено строгое наказание...", чтобы конвойные "вели себя всемерно тихо и пристойно", а споры между ними и "обывателями" разбирались в присутствии караванного головы "по всей справедливости, с некоторым, однакож, снисхождением для жителей" (187).

Сказанное выше свидетельствует о том, что российские власти стремились привлечь внимание купечества и военных чинов к уважению законов и обычаев среднеазиатс-

ких ханств, понимая, что в этом заключается один из залогов успеха расширения торговых связей.

Вскоре вышло в свет "высочайшее повеление" приступить к отправлению каравана "на основании правил, вами представленных, дабы увидеть, какой будет иметь успех или неудобства сей первый опыт" (188).

Как видим, по инициативе российского правительства возникла Российско-Азиатская компания, была обеспечена вооруженная охрана и назначен караванный голова — авторитетное официальное лицо, получившее важные государственные поручения. Это свидетельствует о проявлении царской администрацией настойчивости в стремлении наладить экономические связи со среднеазиатскими ханствами, в частности с Бухарой. Определенным стимулом в этом отношении являлся и внешнеполитический фактор. С юга все более настойчивое внимание к среднеазиатским ханствам проявляла Великобритания. Ее агенты вели военно-политическую разведку, собирая сведения об экономике и торговле, политическом устройстве и транспортных возможностях ханств, снимали планы населенных пунктов и укреплений, устанавливали связи с правящими кругами.

Однако подготавливаемый царским правительством с такой тщательностью торговый караван так и не удалось отправить в Бухару. Это важное мероприятие постигла неудача уже на "оренбургской" стадии подготовки. Как свидетельствует автор сообщения "Вооруженные караваны для торговли с Ост-Индией" П. Усов, купцы "не могли набрать товаров на миллион рублей, известный процент с которого в состоянии был покрыть расходы по этой экспедиции, военно-политической и коммерческой" (189). По-видимому, оренбургским властям не удалось выполнить задание российского правительства.

Краткое, но четкое разъяснение происшедшего дается в юбилейном издании "Министерство финансов 1802 — 1902": "Караван был сформирован, но не состоялся: купечество отказалось от участия в нем, узнав о разрыве с Англией и о повышении цен на товары, которое делало для него выгодной расторжку и без дальней экспедиции" (190). Не был реализован и проект оренбургского губернатора

Г. Волконского относительно деятельности Российско-Азиатской компании.

К вопросам азиатской торговли Россия вернулась после изгнания Наполеона из России. В послании оренбургского губернатора Волконского к эмиру Бухары Хайдар-хану, отправленном 12 марта 1813 г., сообщалось "о вторжении злоковарного и кровожадного неприятеля с французскими войсками в Россию и о занятии ими столичного города Москвы". Волконский подтверждал, что враг был с многочисленной толпой варварских полчищ в Российском государстве, но был изгнан, а его силы истреблены (191).

В основной части послания губернатор подчеркивал: "Теперь благоденствие и цветущая торговля восстановлены на прежнем основании не токмо в городах, где был неприятель, но и в самой столице Москве". Поэтому он просил, чтобы Хайдар-хан "поведел" своим купцам "отправляться из Бухарии с караванами в Россию без всякого опасения и недоумения насчет благополучия торговых обстоятельств" (192).

Послание Волконского вызвало у эмира Бухары живой интерес, свидетельствовавший о том, что правитель был осведомлен о событиях в Европе и внимательно следил за ними. А. Семенов сообщает об отправке эмиром письма в Петербург: "Судя по содержанию, письмо написано после изгнания Наполеона из России и, следовательно, ко времени после 1815 г., когда Александр I вернулся из Парижа в Россию после полуторагодового отсутствия. Несомненно, что о победе русского народа стало известно и в Средней Азии" (193). По приведенным выше выдержкам из работы Н. Халфина видно, что одним из источников этих известий было послание оренбургского губернатора к Хайдар-хану.

Послание эмира Бухары в Петербург можно считать ответным. Он сочетал в нем поздравления в адрес русского оружия с пожеланиями возместить потери бухарских купцов в результате нападений на караваны. "Слышно, — писал он, — что француз, поднявши голову сопротивления, дерзко двинулся вперед и вступил в войну с тем высокородным домом, но случившееся от нападения русской ар-

мии постыдное поражение всех его опор заставило его предпочесть всему бегство, и он ушел сбившимся с пути и отверженным. И то убежище величия, очистивши подол платья богохранимого русского государства от пыли восстания и мятежа того сборища негодяев, изволили захватить множество добычи. На основании исконных уз дружбы, коими соединены два (наших) высоких государства, (у нас от сего) получилось полное удовлетворение" (194).

Хайдар-хан выражал надежду, что виновные в разграблении каравана будут наказаны, а купцам возвратят похищенные товары: "Это обстоятельство станет способствовать распространению (вашей) доброй славы и явится причиною (взаимной) пользы и близкого единения (России и Бухары) " (195).

В этом письме Хайдар-хана привлекают внимание те слова, которыми он настойчиво подчеркнул необходимость возмещения убытков торговцев — его подданных, не удовлетворяясь обещаниями оренбургских властей, продолжавших активно разрабатывать способы и методы налаживания и расширения торговых связей с Бухарой, урегулирования отношений с Хивой, поскольку царское правительство продолжало ее считать главной виновницей в ситуации, сложившейся на караванных путях. Об этом свидетельствует подробная записка Чекалова "Замечания насчет азиатского торгова Оренбургского края, с разными предположениями" (август 1815 г.), адресованная Азиатскому департаменту.

Проведя много лет на границах Российской империи и играя, в частности, важную роль в таможенной службе Оренбурга, Чекалов представил экономические расчеты о выгодах торговли с ханствами Средней Азии даже в том случае, если России придется обеспечивать безопасность на торговых путях в одностороннем порядке. Так, в качестве примера Чекалов приводит данные о доходности российско-среднеазиатской торговли для отдельно взятого бухарского купца Галибая Кушалова: торгует в России около 20 лет, от грабежей в степи дважды лишился товаров более чем на 100 тыс. рублей; но, тем не менее, имеет теперь капитала на 1 млн рублей, записался в московские купцы 1 гильдии и живет в России, где у него 2 богатых магазина, кроме московского (196).

Чекалов предлагал брать средства на конвоирование торговых караванов у российских и бухарских купцов в размере 5 — 10 % стоимости их товара или же договориться с эмиром Хайдаром, чтобы часть дороги караваны охраняли его войска. В результате, полагал он, "последует свободное отправление торговли по всей азиатской границе", а расширение торговли "доставит как частные, так и государственные пользы и богатство...".

Кроме того, в записке предлагалось поставить перед Хайдар-ханом вопрос о создании в Бухарском ханстве "коммерческой конторы" — резиденции российского консула — "для поддержания взаимной торговли", а также об организации страховых контор при оренбургской и троицкой таможнях (197).

Таким образом, развитие торговых связей признавалось важным и целесообразным как правителями Бухарского ханства, так и представителями российской администрации, хорошо осведомленными об их выгоде и обоюдной пользе.

В августе 1819 г. в Петербург прибыл представитель бухарского эмира диван-беги Азимджан Муминджанов с ходатайством о посылке в Бухару царского посланника для заключения торгового трактата. Цели и задачи, поставленные бухарским правительством перед своим агентом, отражены в записке "Некоторые примечания о нынешнем бухарском посольстве", составленной в Министерстве иностранных дел и впервые введенной в научный оборот Н. Халфиным (198). В этом документе сказано, что дипломат из Средней Азии выдвигал три вопроса: 1. Обеспечение хода караванов из России в Бухару и обратно. 2. Освобождение находящихся в ханстве русских пленных. 3. Назначение в Бухару российского консула. Но сущность миссии Хайдар-хана, по мнению Н. Халфина, была своеобразно интерпретирована во внешнеполитическом ведомстве России. Судя по этому документу, Азимджан Муминджанов специально приехал, чтобы удовлетворить в основном интересы России, а не Бухарского ханства. Лишь в дальнейшем, почти мимоходом, отмечено, что посланник Хайдар-хана пытался также добиться отмены незадолго до того повышенного

азиатского торгового тарифа. Кроме того, по-видимому, посланник имел "изустное поручение" хана стремиться, чтобы пошлины с бухарских купцов брались по прежнему тарифу, а таможенная часть была подчинена не Министерству финансов, а местному начальству.

Определяя позиции по первому вопросу, автор документа напомнил историю проекта 1808 г. об отправке в Бухару вооруженных караванов, который тогда не был решен положительно. Он перечисляет причины, по которым наиболее "значительные торговцы" отказались поддержать проект 1808 г. Они заключались, во-первых, в том, что для участия в вооруженном караване купец должен был за четыре месяца до выступления указать, на какую сумму намерен послать товаров, хотя зачастую не располагал сведениями об этом и за несколько дней. Во-вторых, правительство не гарантировало сохранности груза. Купцы, соглашаясь выплатить 5% стоимости товаров, как было предусмотрено в проекте, взамен хотели иметь твердую правительственную гарантию получения всего капитала (в случае разграбления каравана) (199).

По второму вопросу — о русских пленных — необходимо было добиться от бухарского правительства запрета своим подданным покупать их, а также принимать беженцев из России; освобождения невольников за умеренный выкуп и оказания давления на Хиву в этом направлении.

Третий вопрос, якобы интересовавший Азимджана Муминджанова, рассматривался под тем углом зрения, что для развития торговли необходимо учредить в Бухаре российское консульство.

Что касается вопроса о пересмотре тарифа 1778 г., составитель записки отмечал: "Возвысившиеся на все цены, поддержание наших фабрик, ограничение ввоза ненужных и к единой роскоши служащих товаров, как-то шалей, и, наконец, умножение государственных доходов, — были, конечно, побудительными причинами к перемене тарифа. Бухарское правительство старается выказать народ свой и купечество убогим и недостаточным, дабы тем убедить к снисхождению. Но, напротив, известно, что оно не только не убого, но ...довольно богато, ведя обширную

торговлю с Россией, Персией, Восточной Индией, Куканом, Хожаном, Ташкентом и Кашемиром. По какому праву может оно требовать снисхождения к своим подданным, тогда как российское купечество, в Бухарии торгующее, обременено там, противу прочих, тяжелейшей пошлиной и налогами" (200).

На предложение подчинить таможи местному начальству Министерство иностранных дел России еще в 1816 г. ответило решительным отказом "по общему в государстве о торговых делах положению".

Проблемы, связанные с бухарским посольством, были рассмотрены 25 февраля 1820 г. на заседании Азиатского комитета, где обсуждались два вопроса: просьба Азимджана Муминджанова об отмене нового тарифа для азиатской торговли и о возврате ему 10460 рублей, взысканных с него лично за провезенные товары. Азиатский комитет постановил оставить тариф без изменения как выгодный для государства, а взысканные с посланника средства вернуть, учитывая, видимо, что товары представляли собой своего рода "дипломатический багаж" (201).

Ответная грамота Азимджану Муминджанову была вручена в июне 1820 г. Она гласила: "Посланство, имевшее главной целью утверждение дружественных связей и распространение торговли", было "весьма благоприятно царю", который в ближайшее время отправит в Бухару своего дипломатического чиновника. В ней упоминалось о многих льготах, гарантированных в России бухарским купцам, но вместе с тем подтверждалось, что окончательное суждение по ряду проблем будет зависеть от результатов ответной миссии. По вопросу о тарифах было обещано, что снаряжаемый в ханство российский чиновник объяснится по этому поводу с Бухарским правительством, на обратном пути изучит влияние нового тарифа на торговлю на границе и даст свои соображения для принятия необходимых мер.

3 июля 1820 г. был утвержден состав русского посольства ко двору эмира Хайдар-хана, возглавляемого сотрудником МИД действительным статским советником А. Негри.

Инструкция, подготовленная Азиатским департаментом для руководителя миссии, в качестве основной задачи выдвигала расширение торговли с Бухарским ханством. А. Негри поручалось заверить Хайдар-хана в "непременном желании" России "не только утвердить, но и распространить торговые связи" с ханством, изыскать для этого все возможные средства.

Кроме того, 25 июля 1820 г. руководителю миссии были вручены еще две инструкции. Одна из них предусматривала сбор материалов о территории, природных ресурсах, личностях правителей Коканда, Туркестана и Ташкента, взаимоотношениях Бухары с Хивой, Персией, Афганистаном, Османской империей, об обстановке в Кабуле, Кандагаре, Кашмире, Пенджабе, Ладаке, наличии судоходства на Сырдарье и Амударье, "наконец, в каких наиболее товарах европейских имеют там нужду" и откуда их получают (202).

Другая сводилась к сбору сведений о российских невольниках в Бухаре и Хиве, возможной стоимости их выкупа, а также к изучению способов пресечения похищения людей. Военные члены миссии — капитан Е. Мейендорф и поручик В. Вольховский, инженеры Тафаев и Артюхов — получили задание составить маршруты путей и общую генеральную карту дороги в Бухару и обратно; подготовить "обозрение Киргизской степи" — от Троицка до Сырдарьи и далее, определить места, удобные для создания крепостей между Троицком, Орском и Сырдарьей. Постройка укреплений на этой реке должна была "обезопасить караванные пути в Бухарию и Хиву", — как говорилось в документе (203).

Для сопровождения посольства до Бухарского ханства оренбургский военный губернатор П. Эссен выделил 200 казаков, 2 орудия военной артиллерии и 100 стрелков местного гарнизонного полка под командованием капитана С. Циолковского (204).

Оренбургский губернатор снабдил А. Негри своими наставлениями, согласно которым посол должен был ходатайствовать перед эмиром о выдаче русским предпринимателям "охранных листов", если они захотят отправиться через бухарские владения на Восток, тогда как бухарские

купцы смогут получить аналогичные документы при желании отправиться через Россию в Европу. Эссен также рекомендовал российскому послу информировать бухарцев о "выгоде судоходства и пользе от того купечеству", о преимуществах водных путей сообщения, "примечая им", что Амударья и Сырдарья "текут в море Аральское, от которого и российские границы не в дальнем расстоянии".

Наряду с изложенным выше, оренбургский чиновник считал целесообразным изучить вкусы населения эмирата, его потребность в металлических изделиях; ознакомиться со способами правления ханством, числом городов, состоянием дорог и производительных сил, политической обстановкой и отношениями с соседними странами.

В состав миссии А. Негри был включен крупный натуралист Э. Эверсман. Хотя цель его путешествия была чисто научная — изучение "малоизвестных земель верхней Азии", но и ему вменялось в обязанность исследовать и объяснить, "какие части Азии наиболее заслуживают наше внимание по торговым выгодам, кои представляют для России, и какие сведения могут быть для нас полезны". А именно: 1. Экономическое и политическое состояние Кокандского ханства, его естественные богатства, торговля, отношения с соседями. 2. Положение Туркестана и Ташкента. 3. Известия о Бухарии, торговле его и внешних отношениях с Хивой, Персией, Портой Османской и афганцами; о личных качествах эмира Хайдар-хана, наследника и министров, их расположении к России и пр. 4. Сведения о Сырдарье и Амударье, их источниках, направлении течения, судоходных возможностях, наличии окрестных лесов. 5. Древнейшие и новейшие известия, относящиеся до торговых караванных путей, идущих от берегов Каспийского моря в Индию и в сопредельные земли. 6. Обозрение известных в Бадахшане богатством своих рудников. 7. Положение, занятия, торговля населения Афганистана, Северной Индии, Пенджаба, взаимоотношения народов этих стран, а также их отношение к британской Ост-Индской компании, к Китаю. 8. Наблюдение, где, в каких российских и вообще европейских произведениях имеют большую надобность (205).

Эверсману запретили брать с собой это задание в письменном виде, "дабы не подвергнуться опасности", что свидетельствует, на наш взгляд, о том, что оно носило своего рода разведывательный, осведомительный характер.

10 октября 1820 г. миссия А. Негри покинула Оренбург. 17 декабря того же года она была встречена визирем эмира и несколькими сотнями бухарской кавалерии в 44 верстах от Бухары. 20 декабря миссия вступила в столицу. А. Негри был принят во дворце Хайдар-ханом, которого он приветствовал по-персидски, представил членов посольства и вручил императорскую грамоту. Через 10 дней руководитель миссии имел две продолжительные беседы с визирем.

И эмир, и его приближенные подчеркнули взаимную заинтересованность в безопасном движении караванов, обещая, что будут охранять своими войсками до Сырдарьи выходящие из ханства торговые караваны, а оттуда до Сибирской линии их должен сопровождать русский конвой (206).

Обсуждение вопроса о новом азиатском тарифе прошло относительно спокойно. Посланник разъяснил, что этот тариф обязателен не только для бухарских, но и для русских и всех иностранных купцов, подчеркнув при этом, что царские власти оказывают всемерное содействие расширению торговых связей с Бухарским ханством.

А. Негри удалось выкупить из неволи семь российских пленных, восемь человек прибежали скрытно сами. Бухарское правительство обещало запретить покупку похищенных в России людей.

Что касается общей обстановки в Бухаре, А. Негри сообщал Эссену, что там царит возмущение против Хайдар-хана, который не в состоянии защитить своих торговцев: пришло известие, что хивинцы разграбили два бухарских каравана, которые возвращались из Орска и Троицка. Негри сообщал также, что члены посольства не пользуются полной свободой передвижения, их постоянно сопровождают местные чиновники. Хан и визирь жалуются, что "такая блестящая миссия привезла такие мелкие подарки и безделки" и выражают пожелание, чтобы Хайдар-хану подарили орудия.

Никаких документов — договоров, соглашений, конвенций заключено не было. 23 марта 1821 г., после трехме-

сячного пребывания в Бухаре, миссия отправилась домой. В середине мая дипломаты вернулись на родину, Негри известил оренбургского военного губернатора, что письменное подтверждение достигнутой договоренности вскоре доставит бухарский посланник. Негри писал Эссену: "Цель миссии — узнать Бухарию и изъяснить бухарцам благодетельные виды России, надеюсь исполнена".

Следует отметить, что Негри, как опытный дипломат, осторожно и неполно определял поставленные перед миссией задачи. Он, по всей вероятности, хорошо понимал, что бухарское правительство с относительной легкостью соглашавшееся с его предложениями, вряд ли намерено быстро и энергично проводить их в жизнь (207). Местные правители не всегда придавали существенное значение итогам переговоров и старались избегать письменного оформления достигнутых соглашений. Это было характерно для взаимоотношений России с ханствами и до посольства Негри, и после него. Справедливости ради, необходимо отметить, что у среднеазиатских ханов, по всей вероятности, имелись опасения относительно мирных целей царизма в регионе, их настораживало усиленное строительство форпостов и укрепленных линий, которые возводились вокруг территории ханств в целях обеспечения безопасности торговых путей, но в любой момент могли быть использованы в военных целях. Как свидетельствует история, так оно и произошло спустя несколько десятилетий.

Подготовка ответного посольства из Бухары в Россию затянулась почти на пять лет. Лишь в конце 1825 г. в Оренбург прибыл представитель эмира Хайдар-хана Абдулкеримов Бекназар "для представлений по предметам торговли Бухарии с Россией". 15 января 1826 г. канцлер Нессельроде доложил Азиатскому комитету основную цель миссии Бекназара Абдулкеримова, который привез: сообщение о примирении Бухарского и Кокандского ханств; объяснение причины молчания бухарского хана на "грамоту" Александра I, доставленную посольством А. Негри в 1820 г.; ходатайство об уменьшении таможенных пошлин для бухарских предпринимателей; просьбу вернуть в Младший жуз

султана Арунгазы; поздравление с открытием в империи новых золотых рудников (208).

Кроме того, Бекназар Абдулкеримов составил памятную записку, содержащую сведения о политической ситуации в среднеазиатских ханствах и отношениях между правителями Бухары, Коканда и Хивы, об их попытках разрешить существовавшие между ними разногласия. В ней говорилось, что кокандский хан прекратил враждебные действия против Бухары и даже изъявил готовность чеканить монету с именем эмира и упоминать его в молитвах. Правитель Хивы Мухаммад Рахим, по свидетельству бухарского посланника, направил своего посла к эмиру Хайдару, потребовавшему возмещения убытков участникам российского вооруженного каравана Циолковского (1825); упоминалось о восстании хитай-кипчаков, его разгроме и покорении их силой оружия. Все эти события, по словам посланника, повлияли на сроки отправки ответной миссии в Россию.

Чрезвычайно важным было следующее сообщение: "В прошлом году в Бухару приехали 70 английских купцов с предложением начать дружеские торговые сношения". Они привезли 80 сундуков образцов различных товаров, которые демонстрировались великому визирю — кушбеги. Эти торговцы обязались доставлять товары "с уступкой по 30 коп. с рубля, противу получаемых из России" и заявляли, что некоторые товары имеются только у них, например, "канцелярское семя, лучшие сукна, белая кисея, коленкор, гвоздика и пр." (209).

Кроме того, посланник сообщил, что Хайдар-хан пообещал дать ответ англичанам после того, как переговорит с российским императором. Указывая на это, Абдулкеримов тут же изложил жалобы на ежегодное увеличение торговых пошлин и отмену оренбургской таможенной поручительств караван-башей за их соотечественников-купцов, гарантируя выплату ими всех налоговых обложений (210).

20 марта 1826 г. представления эмира Бухары были рассмотрены Азиатским комитетом. Участники заседания приняли к сведению известия, доставленные посланником, отметили, что особого внимания заслуживает уведомление

эмира о посещении Бухары англичанами. Что касается вопроса об уменьшении таможенных пошлин для бухарских купцов, то было сказано, что вопрос этот может быть решен только после завершения поездки Е. Мейендорфа в Среднюю Азию. На заседании также была отклонена просьба Бекназара Абдулкеримова о восстановлении поручительства за бухарских купцов со стороны караван-башей. Отказ мотивировался тем, что поручители в любое время могли уехать за границу.

Решения комитета были отражены во врученном посланнику документе для передачи эмиру Хайдар-хану.

Тем временем на политическом горизонте Бухары произошли изменения. В 1826 г. умер эмир Хайдар-хан. После непродолжительной борьбы за бухарский престол в 1827 г. к власти пришел один из его сыновей — Насрулла. За сравнительно долгое правление (до 1860 г.) Насрулла вел несколько успешных войн с Кокандом, предпринимал походы против Хивы, с Россией же старался жить в мире и поддерживал тесные дипломатические связи.

В августе 1830 г. эмир Насрулла отправил в Петербург посольство Балтакули Чагатайбека Рахматбекова с дарами российскому императору и его приближенным. Извещая канцлера Нессельроде о прибытии в Оренбург бухарского посланника, оренбургский губернатор П. Сухтелен считал целесообразным пригласить его в столицу "к вящему укреплению связей наших с Бухарией, столь полезных для торгового и даже политического влияния России на Среднюю Азию" (211).

Информировав царское правительство о восшествии на престол эмира Насруллы, Балтакули Рахматбеков ходатайствовал о сокращении таможенных пошлин, которыми облагались бухарские товары, о предоставлении ханству пушек и литейных мастеров (212). Для положительного ответа на просьбы подобного рода был выбран не совсем удачный момент. Окончившиеся незадолго до того войны России с Ираном и Турцией, несмотря на победу России, привели к износу артиллерийского парка армии, в связи с чем правительство не располагало излишком орудий. Что же касается сокращения пошлин, то Азиатский комитет и соответству-

ющие государственные учреждения, хотя и стремились повысить доходность среднеазиатской торговли, но, подвергаясь серьезному давлению российского купечества и тесно связанной с ним части чиновничьей элиты, не могли добиться своей цели.

В этих условиях Петербург высказался за "продолжение дружбы", но отклонил ходатайства посланника эмира Насруллы. Проведя в России почти год, Рахматбеков в августе 1831 г. выехал из Орской крепости в Бухару.

Следует заметить, что оренбургский губернатор П. Сухтелен, был, по-видимому, одним из тех представителей военного чиновничества, который считал, что интересы среднеазиатских и российских купцов антагонистичны. Он был уверен, что "принятие особенного участия в одном из торговых сословий (в азиатцах или русских) нанесет неминуемый вред другому: предоставление азиатцам новых привилегий довершит подрыв торговли русских" (213) и отразится на передвижении их караванов. Поэтому он настаивал на предоставлении льгот для Оренбургского края.

Выступая на заседании Азиатского комитета, на котором обсуждались различные проблемы Оренбургского края, в том числе отношения со среднеазиатскими ханствами, П. Сухтелен порекомендовал для обеспечения безопасности торговых путей "учредить от Орска и Троицка до Сырдарьи военные поселения, под защитой которых устроить в степи караван-сарай" (214). Что касается Хивы, то он предлагал лишить хивинских купцов привилегий, предоставленных азиатским торговцам, и объявить властям Хивы о полном прекращении торговли с ними. Можно также, считал он, задержать в виде заложников всех приехавших с товарами хивинцев, а спустя какой-то срок взять товары в казну, а прибывших купцов сослать на поселение. Иными словами, Сухтелен предлагал отвечать беззаконием на беззаконие, грабежом и насилием на грабеж и насилие хивинцев на торговых путях.

Члены Азиатского комитета отказались принять рекомендации генерала. Они нашли нецелесообразным и отмену допусков купцов из Средней Азии в глубь страны, но решили продлить до начала 1842 г. предоставленное орен-

бургским купцам II и III гильдий "срочное" право перво-гильдейских купцов.

Горячие дебаты на заседании Азиатского комитета (февраль 1832 г.) ни в малейшей степени не помогли, однако, выяснить условия увеличения товарооборота со среднеазиатскими ханствами и обеспечить безопасное следование караванов. Складывавшаяся политическая обстановка требовала быстрее решения этого вопроса. Российское правительство отдавало себе отчет в том, что может отстать от своего сильного соперника — Великобритании. Последняя, стараясь решить задачу расширения внешних рынков, организовала широкое военно-политическое и торговое наступление в Индии, Иране, Афганистане и Средней Азии. Настойчивое проникновение английских агентов и товаров в Среднюю Азию вызывало беспокойство царских властей. В это время вместо скончавшегося престарелого Сухтелёна 15 апреля 1833 г. должность оренбургского генерал-губернатора занял 38-летний, энергичный приближенный императора Николая I генерал В. Перовский. Ссылаясь на поступавшие из Бухары сведения, он сообщал, что местный рынок завален привезенными из Бенареса английскими товарами, которые продаются по ценам в 6 — 9 раз ниже, чем в России. "Как скоро заведутся постоянные торговые сношения англичан с областями Средней Азии, то... требования туда наших произведений прекратится. Тогда Хива и Бухария английскими товарами будут снабжаемы из Персии, в которую привоз их усилится посредством недавно учредившейся в Трапезонте Английской торговой компании" (215).

Заверения петербургских чиновников о том, что с развитием российских бумагопрядилен российские ткани будут продаваться в Азии дешевле, не успокоили оренбургского губернатора. Он являлся практически ответственным за политику Российской империи в Средней Азии и Казахстане и в обстановке серьезной активизации английской конкуренции выступил одним из сторонников ужесточения этой политики.

Однако российское правительство в своей среднеазиатской политике всячески стремилось избегать ухудшения от-

ношений с ханствами. Одним из проявлений такого подхода явилась реакция Министерства иностранных дел на прибытие в Оренбург бухарского посланника Курбанбека Ашурбекова со свитой и дарами в июле 1836 г.

Сообщив о приезде посольства, Перовский подчеркнул, что возглавляет его "человек незначительный", в чине караулбеги, который намерен жаловаться на требования России отпустить ее подданных. Он полагал, что допуск Ашурбекова в российскую столицу нецелесообразен.

Дипломатическое ведомство придерживалось иной точки зрения. К. Нессельроде доложил царю о посольстве и получил 22 августа 1836 г. его разрешение на приезд бухарского посла в Петербург.

В конце октября 1836 г. караулбеги Мирза Курбанбек Ашурбеков приехал в российскую столицу и получил императорскую аудиенцию. Царские дипломаты ознакомились с задачами бухарского посольства. Они заключались в укреплении дружеских связей с Россией. Кроме того, послу поручалось сообщить, что англичане, "стараящиеся с некоторого времени войти в ближайшие торговые связи с бухарцами, недавно опять присылали к ним своих агентов, убеждая заключить условия, по коим англичане стали бы доставлять им все нужные товары самым выгодным для бухарцев образом".

Посол также сообщил, что владетель Кабула присылал к бухарскому эмиру нарочного с предложением заключить род оборонительного союза, чтобы совокупно действовать против общих врагов (216).

Действительно, в доставленной послом ханской грамоте подчеркивалось, что прибывший в Бухару британский представитель извещал "об овладении Англией Пешаваром" и предлагал "обратить торговлю во владения этой державы", обещая доставлять добротные товары. В ответ правитель ханства якобы заявил, что "бухарские караваны издревле ходят на торг в государство Российское, с которым мы находимся во всегдашней приязни и дружбе" (217).

В ханской грамоте также содержался призыв к развитию русско-бухарской торговли, к беспрепятственному обмену товарами, обеспечению безопасности торговых путей.

Ответные документы, врученные Курбанбеку Ашурбекову, касались исключительно вопросов торговли. Несмотря на просьбу хана посоветовать, как ему реагировать на домогательства английских представителей, политические проблемы в этих документах не затрагивались. В частности, в грамоте правителю Бухары выражалось удовлетворение дружбой между обоими государствами и желанием эмира "пребывать в вечном мире и добром согласии с Россией". Российское правительство заявляло о готовности покровительствовать бухарским подданным в надежде, что к их русским коллегам в ханстве будут относиться так же, как к азиатским мусульманским купцам.

К. Нессельроде в письме к кушбеги писал: бухарцы пользуются правом разъезжать по России и, торгуя на всех главных ярмарках, платят самую незначительную пошлину. В ханстве же допускается произвол при оценке товаров: с русских купцов берут высокую пошлину. Эти обстоятельства вредят развитию торговли: уравнивание прав полезно и для Бухарского государства, которое получит больше дохода (218).

Необходимо отметить, что российское правительство в это время подвергалось определенному нажиму не только со стороны бухарских властей, отстаивавших интересы своих купцов, но и со стороны российских купцов. Выразителем интересов оренбургского купечества на заседаниях Азиатского комитета выступал В. Перовский. Так, 11 марта 1837 г. он представил программу оренбургского купечества, согласно которой Петербург должен был добиться: во-первых, чтобы бухарское правительство уравнило предпринимателей из России с местными и взимало 10% пошлину с товаров; во-вторых, чтобы в Бухаре был русский консул; в-третьих, чтобы на Сырдарье было создано укрепление для безопасного хранения грузов; в-четвертых, чтобы торговцам из Средней Азии был запрещен доступ на ярмарки внутри империи; в противном случае с них надлежит взыскивать гильдейские пошлины, по 10%, как это было до 1807 г., либо обязать выполнять все гильдейские повинности (219).

Азиатский комитет отклонил эти требования российских предпринимателей. Министр финансов, комментируя

суть проблемы перед членами комитета, подчеркнул, что "азиатский торг должен иметь главным предметом сбыт наших произведений". Но на практике получается, что осуществляется этот сбыт азиатскими купцами, поскольку русские подвергаются в ханствах "стеснениям", вовлекая свое правительство в различные дебаты с властями Бухары, Хивы и Коканда. А посему, быть может, и не так уж желательно, чтобы российские предприниматели "торговали много внутри Азии" (220).

Обсуждение вопроса свидетельствовало о том, что основное учреждение империи, которое намечало политику в отношении среднеазиатских ханств, с большим вниманием и осторожностью учитывало все, что могло отразиться на экономических связях со Средней Азией. Азиатский комитет смело отклонял те мероприятия, которые могли иметь политические последствия, не способствуя развитию торговли.

В начале 1837 г. посольство Мирзы Курбанбека Ашурбекова двинулось из Петербурга в обратный путь. Благополучно добравшись до Бухары, Ашурбеков вручил эмиру Насрулле полученные документы.

5 августа 1838 г. в Петербург была снаряжена очередная бухарская миссия, которую возглавил небезызвестный Балтакулибек Рахматбеков, побывавший в столице в 1830 г. Он вез ответное послание эмира Насруллы российскому императору, которое было вручено 8 января 1839 г. Послание в основном повторяло ряд аналогичных документов предыдущего посольства: о стремлении к дружбе с Россией, о расширении торговых связей и обеспечении безопасности караванных путей. Устное поручение бухарского эмира было изложено послом в ноте министру иностранных дел, которому предстояло просить царя об отправке в ханство "хорошего знатока в драгоценных камнях". Урегулировав некоторые мелкие вопросы, связанные с торговлей, Балтакулибек Рахматбеков в марте 1839 г. покинул Петербург, а российское правительство начало подготовку к выполнению просьбы бухарского эмира.

Активность бухарского правительства в дипломатических сношениях с Россией положительно оценивалась Ми-

нистерством иностранных дел. К. Нессельроде подчеркивал во "всеподданнейшей записке", что ханские власти "находятся ныне в самом дружественном расположении к России, и расположение это является уже не на одних словах, но на самом опыте: хан бухарский, узнавши от возвратившегося из России последнего посольства, что для нашего правительства вообще неприятны завязавшиеся у них связи с англичанами, теперь в угодность нашему желанию не принял ехавших к нему англичан с новыми предложениями о дружбе и торговле. Об этом обстоятельстве доносил и граф Симонич (221), так что оно не может, кажется, подлежать никакому сомнению" (222).

Российское правительство, со своей стороны, предприняло дополнительные меры, чтобы привлечь к империи среднеазиатскую торговлю и не терять местных рынков, которым угрожали англичане. Так, 12 ноября 1837 г. царь утвердил доклад министра финансов России, в котором говорилось: "как Нижегородская ярмарка всегда будет служить главным сбытом наших изделий в Азии, и ярмарочный торг столь свойствен азиатским областям, что некоторые англичане дали совет учредить на Индусе ярмарку, подобную Нижегородской, — то иметь всегда в виду, чтобы азиатцы в Нижнем были принимаемы благоприятно от местного начальства с оказанием им особого покровительства и скорого правосудия, о чем и предписать тамошнему военному губернатору" (223).

В ответ на просьбу эмира Насруллы о присылке в ханство горных инженеров для разработки естественных богатств страны была снаряжена экспедиция во главе с известным ученым геологом Е. Ковалевским. В конце октября — начале ноября 1839 г. геологи в составе бухарского каравана тронулись в путь из Оренбурга в Бухару. Вскоре выяснилось, что надежды на успешное достижение цели невелики. 14 ноября караван пересек Мугоджарские горы и оказался среди охваченных волнением казахов. Экспедиция Е. Ковалевского была окружена, и ей с трудом, тайно удалось покинуть караван, присоединиться к двигавшемуся на Хиву военному отряду Перовского и, претерпев все лишения и невзгоды, выпавшие на долю участников этого похода, вернуться в Оренбург.

Для следующей попытки геологического исследования Бухарского ханства, сочетавшейся с дипломатическими поручениями, был избран горный инженер К. Бутенев. К подготовке новой экспедиции Министерство иностранных дел приступило вскоре после прибытия в Оренбург в августе 1840 г. посла Бухары Мукимбека Кули Бий Сеидова со свитой из 39 человек (224).

Предварительные беседы с послом велись в Оренбургской пограничной комиссии. Как выяснилось, эмир поручил своему послу: "1. Ходатайствовать о защите Бухарии от англичан, грозящих ей завоеванием. 2. Просить содействия для обуздания хивинцев, которые постоянно грабят караваны, и ныне, войдя в сношения с англичанами, начинают явно враждовать против Бухарии. 3. В случае невозможности для России наказать хивинцев вооруженной рукой, позволить эмиру быть посредником для размена пленных и утверждения дружественных сношений, которые бы обеспечили торговлю, могущую иначе прийти в совершенный упадок" (225).

К. Нессельроде просил Перовского хорошо принять бухарское посольство, учитывая "настоящее положение дел наших в Средней Азии" (226).

Посольство недолго находилось в Оренбурге: уже 23 августа 1840 г. оно проследовало в Петербург, куда прибыло 18 октября. 10 ноября Мулла Мукимбек Сеидов был принят царем и вручил ему грамоту от эмира Насруллы.

Эмир в своем послании подчеркивал важное значение движения купеческих караванов, "составляющих главное средство беспрестанного сношения между обоими владениями. Хотя купцы ездят собственно для себя и из видов собственных своих выгод, однако они доставляют тем благоденствие и самим государствам". Эмир ходатайствовал об оказании нажима на хивинские власти, чтобы добиться от них прекращения помех торговле; при заключении с ними мирного договора эмир просил упомянуть, "чтобы хивинцы не делали никаких обид и притеснений бухарским караванам и не взымали бы насильственно пошлин" (227).

Мулла Мукимбек Мухаммед Сеидов высказывал желание, чтобы его соотечественникам-торговцам были пре-

доставлены 19 лавок на Нижегородской ярмарке. Российские власти удовлетворили эту просьбу посла.

Что касается других проблем, то для переговоров об их разрешении российское правительство, как гласила царская грамота эмиру Насрулле, отправляет в Бухару свое доверенное лицо — подполковника Бутенева. Самому Мулле Мукумбеку Мухаммеду Сеидову не повезло. Его торжественно принимали в столице, показали различные достопримечательности, снабдили подарками; но на обратном пути он заболел и 27 февраля 1841 г. умер в Нижнем Новгороде. Полученные им официальные документы были переданы собиравшемуся в Бухару К. Бутеневу для вручения Насрулле (228).

В состав миссии К. Бутенева был включен чиновник Азиатского департамента востоковед Н. Ханыков. 12 июля 1841 г. миссия без особых происшествий достигла пределов Бухары. Посланцев Российской империи хорошо встретили и 15 августа пригласили во дворец. Чтобы подчеркнуть удовлетворение прибытием посольства, эмир даже разрешил его членам "проехать верхом через внутренний двор дворца — преимущество, которым пользуется в Бухаре один только главный визирь".

Затем эмир распорядился приступить к горноразведывательным работам, но Бутеневу не разрешил принять в этом участия. Насрулла также отклонил предложение вести поиски золота на Амударье или в горах Нуратау. Другие члены экспедиции 25 августа 1841 г. двинулись в Самарканд и Карши в сопровождении юзбаши Рамазана, который внимательно следил, чтобы приезжие не допускали ничего недозволенного. Сам эмир выехал к войскам, которые собирались в Джизаке для похода против Кокандского ханства.

К. Бутеневу поручалось ознакомиться с обстановкой в ханстве и соседних странах, возможностями укрепления в Бухаре влияния Российской империи и развития торговых связей. В области политики он должен был добиться документального оформления дружественных отношений между двумя странами, — чтобы Насрулла не держал российских подданных в неволе, отвечал за их безопасность и сохранность их имущества, "не позволял бухарским поддан-

ным производить грабежи и самовольные поборы", чтобы взималась пошлина с русских товаров лишь один раз и в определенном размере, оказывалось российским купцам покровительство, "каким пользуются в Российской империи бухарские купцы" (229).

Особый пункт предписывал К. Бутеневу "избегать всего того, что могло бы подтвердить неосновательное мнение о соперничестве нашем с англичанами по делам азиатским, не предаваться отнюдь мелочным проискам к удалению английского агента (в ханстве находились в это время британские офицеры Стодарт и Конноли), но не допускать ни под каким видом их вмешательства в ваши переговоры с ханом" (230).

Осенью 1841 г. эмир Насрулла победоносно завершил войну с Кокандом. Он разгромил кокандское войско и посадил на престол своего ставленника, его авторитет значительно вырос, и правитель Бухары вернулся домой с несколько иными настроениями, чем те, какие у него были во время приезда русской миссии.

Все это отразилось на переговорах миссии с ханом. 8 ноября 1841 г. состоялась встреча Бутенева с эмиром, на которой он информировал эмира о желании царя заключить особый акт. Посол изложил главные пункты этого документа, но эмир затребовал его текст и пообещал через несколько дней дать окончательный ответ по всем затронутым вопросам.

Переговоры завершились тем, что Насрулла предложил Бутеневу вернуться на родину и выяснить у Николая I, какие "вознаграждения...будут ему сделаны за понижение таможенных пошлин и отпуск русских пленников". Последняя встреча между ними состоялась 2 апреля 1842 г., когда эмир отправлялся в новый поход против Коканда. Он сообщил Бутеневу, что его решения будут переданы ему визирем. Эти решения гласили: если царь подпишет трактат и пришлет его "с едущим в Россию бухарским посланником, то и эмир утвердит его", невольники будут освобождены, "если таким образом будет заключен акт"; бухарские власти понизят пошлины тогда, когда они будут снижены в России (231).

8 апреля 1842 г. миссия двинулась в обратный путь и 9 июня того же года прибыла в Оренбург. Итоги своей поездки в Бухарское ханство Бутенев расценивал как полный провал. Другой участник экспедиции — Н. Ханыков считал, что царские власти должны с большим вниманием следить за обстановкой в Бухаре, ибо она может оказаться "несомненной добычей англичан, которые не упустят ее из рук, хотя бы для того, чтобы поправить финансовый ущерб, причиненный им восстанием в Кабуле".

Пока Насрулла на престоле, добавлял Н. Ханыков, мало надежд на принятие предложений Российской империи: он "себя считает выше всех повелителей мира" (232).

Однако объективно провал посольства Бутенева, как и неудача других миссий, способствовал вызреванию в Российской империи более агрессивных намерений против среднеазиатских ханств. Министерство иностранных дел неудачный исход миссии Бутенева восприняло очень болезненно и в течение длительного времени не пыталось выправить сложившуюся ситуацию в русско-бухарских отношениях.

15 июня 1842 г. в Оренбург прибыл караван из Бухары, в котором участвовало 48 местных купцов, и с ними бухарский посланник Худоярбек Караулбеги Клыч Бий Гынаков. Он вез грамоту, подарки и "особые бумаги к высочайшему двору".

В директивном письме в Оренбург военному губернатору В. Обручеву, сменившему Перовского на этой должности, Нессельроде подчеркнул, что в Петербурге не намерены принимать караулбеги. В переговоры с бухарским послом вступил председатель Оренбургской пограничной комиссии Г. Генс, потребовавший привезенные документы для предварительного ознакомления. Но Худоярбек Клыч Бий Гынаков категорически отказался сделать это, заявив, что ему приказано доставить грамоту и письмо лично по назначению. На него не произвела никакого впечатления угроза, что отказ выполнить требования русских властей приведет к прекращению контактов с ним. Царские власти тоже не собирались уступать. Нессельроде посоветовал Генсу, если Худоярбек будет непреклонен, то ему необходимо объявить, что царь "с неудовольствием" узнал о "невни-

мательности" эмира, не соответствующей его дружеским заверениям и вызвавшей отказ в допуске бухарского представителя в Петербург. "Для снискания благорасположения" эмир должен отпустить русских пленных, а также освободить англичан — Стоддарта и Конноли.

Караулбеги был последователен и отказался выдать бумаги. Ему "объявили" все, о чем писал Нессельроде, и в конце ноября 1842 г. он выехал через Орскую крепость в Бухару, перейдя в феврале 1843 г. границу (233).

Прошло немало лет, прежде чем неудача миссии Бутенева стала менее остро восприниматься царскими властями. При этом политики хорошо понимали, что не стоит прекращать надолго дипломатические отношения с ханством из-за временного неуспеха. Поэтому, когда в сентябре 1848 г. в Петербурге стало известно о прибытии в Оренбург бухарского посланника мирахура Ходжа-Мирзы Хайруллы Хисматуллина со свитой, то к нему подошли совсем иначе, чем к караулбеги Гынакову.

Во время предварительных переговоров с губернатором В. Обручевым и председателем Оренбургской пограничной комиссии Ладыженским, бухарский посланник рассказывал, что он везет письмо эмира, в котором выражается желание упрочения дружеских отношений с Россией. Насрулла, рассказывал гость из Бухары, "понимая политику англичан, которые, прикрываясь обоюдными торговыми выгодами, шаг за шагом незаметно проникают в государство, приобретают в нем влияние и оканчивают насилиями и порабощением, решительно отказал" англичанам прервать торговые отношения с Россией и "запретил под каким бы то ни было предлогом впускать англичан в свои владения" (234).

От себя посол добавил, что хивинский хан просил бухарского эмира выступить посредником между ним и русскими властями и ходатайствовать о срытии Раимского укрепления, но эмир, "сам сознавая пользу укрепления в видах охранения торговых путей", отклонил просьбу.

Когда в январе 1849 г. мирахур Ходжа-Мирза Хайрулла Хисматуллин прибыл в Петербург и предъявил грамоту эмира

и письмо кушбеги, Нессельроде сделал вывод, что высказанное в этих документах стремление "возобновить приятельные сношения с Россией" понимается как согласие на отправку в Бухару ответного посольства. Докладывая царю о существе дела, он напоминал, что миссия Бутенева не дала каких-либо результатов, и требования российской стороны остались неудовлетворенными.

До принятия решения о новом посольстве в Бухару он предлагал удостовериться, что эти требования будут уважены бухарскими властями. Для практического выяснения ситуации было составлено срочное письмо бухарскому кушбеги, которое Хисматуллин отослал с нарочным. Это послание содержало старые претензии на притеснения российских торговцев в ханстве, с которых берут "несоразмерную пошлину", игнорируют их справедливые претензии и пр. Если не будут чинить стеснений российским купцам, заключал письмо Нессельроде, если будут взимать не больше 5% пошлины "единожды с настоящей цены товаров и не притеснять при их оценке, если запретят русское невольничество, — в Бухару будет снаряжен царский представитель" (235).

В том же духе была составлена грамота и бухарскому эмиру Насрулле. 23 июня 1849 г. в укрепление Раим был привезен ответ бухарского кушбеги на письмо главы царской дипломатии, который не только не нашел в нем принятия своих требований, а, наоборот, обнаружил контрпретензии. Кушбеги Хайрулла-бек утверждал, что за последние годы пошлины на бухарские товары возросли в 10 раз, а бухарских купцов притесняют на российских таможнях (236).

Министерство иностранных дел, сделав запрос в Департамент внешней торговли, получило ответ, что среднеазиатские товары обложены самыми незначительными пошлинами, но они определялись им в 10 — 15 % объявленной цены, тогда как царское правительство добивалось 5% пошлины для российских изделий. Директор внешнеторгового ведомства полагал, что уменьшение пошлин с бухарских товаров сократит сбыт в пограничных со Средней Азией областях империи однородных русских мануфактурных изделий. По-

мимо того, придется сократить пошлины на товары из других государств, так как "по принятой у нас тарифной системе пошлина определяется с товаров не по месту их происхождения, а по роду и качеству изделий". А это приведет к значительному снижению таможенного дохода "без всякой к тому нужды, ибо нет причин покровительствовать привозу к нам азиатских произведений, так как баланс азиатской торговли нашей и при нынешних привозных пошлинах не в пользу России" (237), — заключал он.

Но в таком случае исчезали все основания для дальнейшего обсуждения проблемы с эмиром Насруллой и его министром. И снова на несколько лет в дипломатических сношениях между Российской империей и Бухарским ханством наступило относительное затишье. Торговля продолжала развиваться своим чередом, но посылка представителей из одного государства в другое временно прекратилась.

Что касается судьбы последнего в первой половине XIX в. бухарского посла Ходжа-Мирза Хайруллы Хисматуллина, то ему не удалось доставить по назначению царскую грамоту эмиру Насрулле. Как свидетельствуют документы, он заболел и 23 апреля 1849 г. умер, завещая похоронить себя на родине.

Внешнеполитическое ведомство России явно не учитывало внутривнутриполитической и внутриэкономической обстановки. Развивающаяся российская промышленность настойчиво требовала расширения рынков сбыта и поиска новых источников сырья. И если эту потребность можно было в какой-то степени удовлетворить за счет южных соседей, правящие круги империи готовы были идти на риск ухудшения и даже разрыва отношений со среднеазиатскими ханствами, тем более что это не угрожало крупными неприятностями Российской империи.

Это было свидетельством того, что в отношениях России с Бухарой наступает новый период, и царское правительство намерено активизировать действия в Средней Азии. Вскоре появились и явные признаки этих намерений — взятие вооруженным отрядом Перовского крепости Ак-Мечеть в 1853 г. Но в то же время все внимание

царского правительства переключается на тяжелую и напряженную борьбу с блоком более сильных противников — началась Крымская война 1853 — 1856 гг. Результаты событий этой войны всесторонне рассмотрены в исторической науке.

Поражение России в этой войне подчеркнуло ее отсталость по сравнению с более развитыми европейскими государствами и стимулировало проведение буржуазных реформ 60 — 80-х гг. XIX в., двинувших вперед развитие капиталистических отношений. В связи с этим особое значение для бурно развивающейся российской промышленности приобретает Восток, в частности Средняя Азия. Экономические интересы властно привлекали к ней внимание и царского правительства, и торгово-промышленных кругов империи. Особенность момента заключалась еще и в том, что опаснейший конкурент России — Британская империя продолжала развивать торговую экспансию в странах к северу от Индии, тем самым увеличивая объем своих товаров и на среднеазиатских рынках.

В России в это время произошла смена министров иностранных дел. Вместо Нессельроде в 1856 г. пришел А. Горчаков, который в дальнейшем приобрел славу одного из крупнейших дипломатов XIX в. Во главе Азиатского департамента появилось новое лицо — Е. Ковалевский, хорошо знакомый со странами Востока. Он поддерживал тенденции активизации политических и экономических отношений со Средней Азией, в частности восстановления тесных дипломатических связей с ханствами.

В ноябре 1857 г. в столице империи уже находилось бухарское посольство во главе с мирахуром Мулладжаном Ашурджановым, которого сопровождал его сын караулбеги Абдулкадыр-бек, советник Ширин-ходжа и секретарь Мир Ахмад-мирза (238). Бухарский посол прибыл, чтобы, как полагалось, выразить горесть по поводу смерти одного царя (Николая I) и радость в связи с восшествием на престол другого — Александра II. Кроме протокольных поручений он имел и деловое: ходатайствовать о присылке в ханство представителей России.

В ответной царской грамоте повелителю Бухары и ответном письме министра иностранных дел бухарскому везиру после обычных пожеланий "крепить дружбу", подчеркивалась необходимость покровительствовать российским торговцам и вернуть пленных. Но наиболее важным в этих документах было известие о скорой отправке в Бухару российского посла "для лучших переговоров" (239). С этой вестью Мулладжан Ашурджанов со свитой в январе 1858 г. покинул Петербург и поспешил домой.

Сношения Российской империи с Бухарским ханством в период его самостоятельности практически завершаются посольством полковника Н. Игнатьева, окончательное решение об отправке которого было принято в начале 1858 г. Посольство, численность которого вместе с конвоем и другим персоналом достигала около 190 человек, 15 мая 1858 г. направилось в Хиву и Бухару. Обстановка в Средней Азии была довольно сложной. В Хиве обострилась борьба за землю и воду, за политическое господство между узбекской и туркменской знатью. Бухара воевала с Кокандом.

В сентябре 1858 г. посольство Игнатьева после переговоров с Хивой прибыло в Бухару. Эмир Насрулла находился в очередном походе против Коканда, поэтому переговоры начались с токсабой (государственным казначеем) Мирзой Азизом. Глава миссии выдвинул следующие требования: сокращение вдвое таможенных пошлин с русских товаров; справедливая оценка товаров и ограждение российских купцов от произвола чиновников; допуск в ханство "временного торгового агента" Российской империи; выделение караван-сарая и разрешение русским предпринимателям поездок по Бухаре; санкционирование плавания судов России по Амударье для перевозки товаров; освобождение русских невольников.

Важное место в беседах Игнатьева с Мирзой Азизом заняла британская политика на Востоке. Посол рассказал об интригах Англии в Коканде, ее агрессивных войнах против Ирана и Китая, о массовом восстании против англичан в Индии (сипайское восстание 1857—1859 гг.) и т.д. (240).

Война с Кокандом не принесла Насрулле крупных успехов. Ему не удалось овладеть Ходжентом, закрывавшим дос-

туп в Ферганскую долину. 11 октября 1858 г. он вернулся в столицу и сразу же принял русского посла. 16 октября Насрулла-хан дал письменное согласие на все требования. Эмир также сообщил, что готов содействовать России в преодолении наложенного Хивой запрета на плавание русских судов по Амударье и предложил "заблаговременно условиться" о разделе этого хайства между Бухарой и Российской империей. Не имея полномочий, Игнатьев уклонился от обсуждения этой темы.

Эмир Насрулла занял важную для Петербурга позицию по отношению к Англии: он заявил, что не намерен принимать ее послов и попросит эмира Афганистана не пропускать их в Бухару. Британские же агенты, которые находились в ханстве, не были приняты даже токсабой.

В декабре 1858 г. русская миссия прибыла в Оренбург. Одновременно с ней в Россию прибыл представитель эмира токсаба Наджметдин-ходжа Мухаммадамин Ходжин. В конце января 1859 г. он посетил Петербург. В грамоте правителя Бухары подчеркивалось, что токсаба отправлен, чтобы укрепить дружеские отношения между обеими странами, "по которым бы купцы — наши и ваши — могли свободно торговать в том и другом государстве" (241).

Кроме того, бухарские власти ходатайствовали о трех уступках: сокращении пошлин, разрешении купцам из Бухары, женившимся на русскоподданным, вывозить домой семьи, дозволении бухарцам торговать во всей России и проезжать через нее на богомолье в Мекку.

После внимательного учета собственных интересов, царское правительство пошло навстречу пожеланиям эмира Бухары по всем вопросам. Указом от 20 марта 1859 г. бухарский хлопок и шелк-сырец были освобождены от карантинного сбора, а вывозимые из России в Бухару товары — от отпускной пошлины и карантинного сбора. Это было серьезным шагом в области стимулирования русско-бухарских экономических связей.

В ответной грамоте правителю ханства и в письме министра иностранных дел бухарскому визирю выражалась заинтересованность в развитии дружбы между Россией и Бухарским ханством и удовлетворение приемом Игнатье-

ва. Министр сообщал, что по желанию эмира на большой Нижегородской ярмарке будут выстроены бухарским купцам лавки "наравне с купцами великих держав Европы и Азии" (242).

В основе политики России и Бухары в первой половине XIX в. лежали интересы развивавшейся промышленности и торговли, и они составляли главное содержание дипломатических сношений обеих стран. Охлаждение отношений и враждебность наступили в середине 60-х гг. XIX в., когда Россия начала свои завоевательные акции.

ГЛАВА 4

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ И ХИВИНСКОГО ХАНСТВА

Посольские миссии Российского государства и Хивинского ханства в XVIII в.

На протяжении всей истории взаимоотношений Хивинского ханства и России периоды добрососедских отношений нередко сменялись периодами конфронтации, во время которых продолжала развиваться караванная торговля. В источниках XVI — XVIII вв. содержатся сведения о дипломатических переговорах между двумя странами, о разрешении возникавших межгосударственных осложнений в сфере политики и торговли. Обмен посольствами между Хивинским ханством и Россией был, по существу, формой торговых отношений. Среди крупных проблем, интересовавших обе стороны, следует указать на расширение торговых связей и создание необходимых условий для торговли как русских купцов в ханстве, так и хивинских купцов в России. Кроме того, российскую сторону всегда интересовала судьба русских подданных, оказавшихся, в силу тех или иных обстоятельств, в хивинском плену, заботило расширение политического влияния России в ханстве, в частности, достижение договоренности с хивинскими правителями об условиях допуска посольств и миссий с обеих сторон, об открытии российского коммерческого представительства в Хиве и пр. Эти вопросы всегда занимали важное место в инструкциях внешнеполитического ведомства России руководителям и членам миссий и посольств, отправлявшихся в ханство.

Как уже отмечалось выше, "статейные списки" русских посольств в Среднюю Азию XVI — XVII вв. и все связанные с этими "списками" документы, как-то: отписки, челобитные самих русских рабов доказывают наличие русского раб-

ского труда в среднеазиатских ханствах, особенно в Хиве. Борьба за выкуп и освобождение этого "живого товара" как рабочих рук была главной официальной целью всех русских посольств того времени. Русские рабы в Хиве насчитывались тысячами, о чем свидетельствует донесение Флорио Беневени Петру I в 1721 г.

Русские невольники высоко котиrowались как рабочая сила; их перепродавали из одного города в другой. Захваченных солдат и казаков старались превращать в ханских сарбазов; некоторым из них удавалось дослужиться до высоких чинов, их ценили в качестве инструкторов местных войск. При всех обстоятельствах, несмотря на проявляемую царским правительством настойчивость, освобождение пленных достигалось с огромным трудом и занимало многие годы. Эта проблема влияла не только на сущность взаимоотношений России с Хивинским ханством, но и на их форму и методы воздействия, ибо царские власти после неудачных попыток добиться освобождения своих подданных дипломатическим путем начинали планировать военное давление.

Вот, например, характерный документ, который относится к началу XIX в., но его вполне можно проецировать и на XVIII в. по тем мыслям и соображениям, которые повторялись в аналогичных бумагах из десятилетия в десятилетие. 25 сентября 1805 г. оренбургский военный губернатор Г. Волконский писал в МИД России, что его агент, отправленный за "пленными киргизцами российским человеком", доставил просьбу об освобождении всех российских невольников, находящихся в Хивинском ханстве. В этой просьбе свое мнение высказал губернатор, утверждавший, что "никакие убедительные сношения не могут склонить хивинское правительство на добровольную выдачу пленных, ибо они доставляют своим владельцам существенное пропитание в жизни. Одна только сила российского оружия, — заключал Волконский, — может разве принудить хивинцев возвратить россиян в недра отечества нашего" (1).

Пожелание же иметь своего консула в Хиве Петербург периодически то выдвигал, то отказывался от него, полагая, что реальной роли такой консул играть не будет.

В дальнейшем мы рассмотрим цели, которые ставились перед посольскими миссиями, отправлявшимися в Россию в XVIII в. и перед российскими миссиями, отправлявшимися в Среднюю Азию.

Хивинское ханство, так же, как и Россия, было крайне заинтересовано в укреплении и развитии торгово-экономических и политических связей. На протяжении рассматриваемого периода оно отправило в Россию значительно больше посольств, чем последняя послала в Хиву.

Так, в 1700 г. в Россию прибыл хивинский посланец Достек Бахадур (2), вручивший Петру I грамоту от хивинского хана Шахнияза, который просил принять его со всем подвластным ему народом в подданство России. Петр ответил согласием и подтвердил это грамотой от 30 июня 1700 г., а впоследствии грамотой, направленной в мае 1703 г. к новому хивинскому хану Араб-Мухаммаду (сменил Шахнияза в 1702 г.) (3).

По этому поводу в "Московских ведомостях" за апрель 1703 г. было опубликовано следующее объявление: "Хивинский хан прислал к Великому Государю посла своего, чтобы Великий Государь позволил его, Хана, со всеми сущими под его владением, принять под свою царскую высокодержавную руку в вечное подданство, о чем державнейший наш Государь милостиво соизволил и посылает к нему, хивинскому Хану, посла своего" (4).

Такого рода прецедент уже имел место в российско-хивинских отношениях в 1622 г., когда хивинский царевич Авган обращался к русскому царю Михаилу Федоровичу с просьбой посадить его на ханство в Хиве с обязательством быть верным подданным России. Известно, что у царевича были личные причины для такого заявления: согласно сообщению хивинского историка Абулгази, двоюродные братья Авгана — Абеш и Ильбарс, составили заговор против отца царевича и ослепили его. Кончилось тем, что хивинский царевич поступил тогда на московскую службу, жил в Касимове и умер в 1648 г. (5).

Необходимо сказать, что никакого действительного подданства, в современном понимании этого слова, в то время быть не могло. Взгляд на подданство в странах Азии

в то время был совсем иной, чем в странах Европы. Там иногда принимали подданство добровольно, большей частью из-за личных выгод, и оно было чисто номинальным.

В обращении 1703 г. о подданстве хивинские правители искали лишь защиты против Бухары, в известной зависимости от которой Хива находилась в то время. Номинальное подданство Хивы нисколько не помешало России продолжить посольские и торговые сношения с Бухарой.

В 1714 г. в Москву прибыл хивинский посол Ашурбек с оповещением русского царя о вступлении на хивинский престол Ходжа Мухаммад Бахадур-хана и с предложением построить крепость близ того места, где прежде Амударья впадала в Каспийское море. Ашурбек вначале был принят Петром весьма милостиво и, судя по письмам его к астраханскому обер-коменданту Чирикову от 5 марта 1715 г., получил от государя поручение "ехать в Индию для покупки попугаев и барсов, и для поднесения хивинскому хану 6 пушек с лафетами, 8,5 пудов пороха и 270 ядер" (6).

Но позднее по приказанию Петра I вещи у хивинского посланника были отобраны, а сам он задержан в Астрахани. Дальнейшая участь Ашурбека неизвестна.

29 мая 1714 г. был издан именной указ царя об отправлении князя Александра Бековича-Черкасского "в Хиву с поздравлением хана по случаю вступления его в управление ханством", а оттуда — в Бухару. В дальнейшем задачи экспедиции изменились и усложнились, и по ходу действий она разделилась на три этапа: первую Каспийскую экспедицию в 1715 г., вторую Каспийскую экспедицию в 1716 г. и поход в Хиву в 1717 г. Трагические последствия этой экспедиции общеизвестны, они подробно описаны в первой главе нашего исследования.

После неудачи экспедиции Бековича-Черкасского всякие сношения России с Хивинским ханством на некоторое время прервались. И хотя в 1720 г. в Петербург от хивинского хана Ширгази было прислано посольство Аваза Мухаммада с просьбой возобновить торговые отношения, посольство это успеха не имело. Аваз Мухаммад по приказу императора был арестован, посажен в крепость, где и скон-

чался в 1721 г. Только один из участников посольства был отправлен в Хиву с ответной грамотой на имя хана и письмом канцлера с извещением о смерти хивинского посла в Петербурге (7).

В 1726 г. хивинский хан отправил в Петербург новое посольство — Субханкули Бека с просьбой о возобновлении прерванных торговых сношений. Результатом этого посольства был указ Верховного Совета (действовавшего при Екатерине I. — *Х.Г.*) от 22 апреля 1727 г. о разрешении на возобновление торговых сношений с Хивой и Бухарой, посланный на имя астраханского военного губернатора фон Мендена.

В начале 1728 г. из Астрахани в Хиву и Бухару во главе большого каравана был отправлен Ядигер Алимов, который по возвращении в Астрахань в 1729 г. заявил, что он отправлен от бухарского и хивинского ханов послом к российскому двору. В мае 1730 г. он прибыл в Москву вместе с братом купцом Мухамаддом Алимовым и свитой из 34 человек.

Государственная коллегия иностранных дел потребовала от Ядигера Алимова объяснений: каким образом он, будучи русскоподданным, назначен послом среднеазиатских ханов. На это Ядигер Алимов отвечал, что его прибытие с караваном в Бухару было настолько приятно хану, что последний объявил ему, что "так как он прежде проживал в Бухарском ханстве, а затем, переселившись в Астрахань, ни разу не подал повода к каким бы то ни было неприятностям между обоими государствами", то хану желательно послать с ним, Ядигером, грамоту к российскому двору, от чего ему было неудобно отказаться (8).

В грамоте, посланной бухарским эмиром, Ядигер Алимов был назван ханским посланником. То же самое сделал и вступивший после смерти Ширгази-хана в управление Хивинским ханством Ильбарс II (1728—1740). Он обратился к русскому правительству с призывом о возобновлении торговых сношений с Хивой.

Грамоты ханов были адресованы на имя императора Петра II, но прибыл Ядигер Алимов ко двору уже в царствование Анны Иоанновны. 22 июня 1731 г. посол полу-

чил отпускную аудиенцию, на которой ему были вручены ответные грамоты к бухарскому и хивинскому ханам (9).

Вместе с Ядигером из Москвы для охраны русского купеческого каравана и для заключения торговых договоров со среднеазиатскими ханами был отправлен полковник Гарбер и московский купец Лев Семенников, который должен был вести наблюдение за торговыми делами. Но в феврале 1732 г. по дороге, сразу за Уралом, караван был разграблен киргиз-кайсаками и вынужден был возвратиться в Астрахань (10).

По прибытии в Петербург Гарбер сдал в Коллегию иностранных дел царские грамоты, отправленные с ним. Ядигер оставался в Астрахани при караване в ожидании дальнейших распоряжений от российского правительства. Не получая довольно длительное время никаких инструкций, он отправил в Петербург своего двоюродного брата Бармаметова с донесением в Коллегию иностранных дел (1734 г.) и с просьбой скорее отпустить его в Бухару и Хиву. Дальнейшая его судьба неизвестна. В те же тридцатые годы в Россию направлялись еще два хивинских посольства.

В 1733 г. астраханский губернатор сообщал в Петербург о прибытии хивинского посла Хаджи Батыра, который "от безмерного пьянства" скоропостижно скончался (11).

15 сентября 1739 г. в Астрахань приезжал посланец хивинского хана Ильбарса Артык Разумбаев, который был принят со всей свитой в Москве. Цель этого посольства заключалась в том, чтобы получить разрешение российского правительства на вывоз в Хиву ружей, панцирей и стали, что было строго запрещено российским законом. Вторая просьба хивинского посланника касалась судеб жен хивинских купцов, которые женились и имели семьи в российских городах. На ходатайство о разрешении вывезти их в Хиву властями также был дан отрицательный ответ. Сам Артык Разумбаев, в связи с нашествием войск Надир-шаха в Хиву, просил убежища в России. Ему разрешили поселиться в Самаре (12).

В это же время в Хиве оказались поручик Д. Гладышев, геодезист И. Муравин, инженер Назимов и переводчики Назаров и У. Арсланов. В 1740 г. по инициативе В. Татищева

они были направлены с разведывательными целями в низовья Сырдарьи. Согласно полученным инструкциям, они должны были встретиться с ханом Малой Орды Абулхайром, который еще в 1717 г. признал себя российским подданным, а в 1730 г. вторично предложил свое подданство. Но в это время Абулхайр отправился в Хиву, где был избран ханом. Экспедиция Гладышева и Муравина продлила свой маршрут и в 1740 г. прибыла в Хиву в то самое время, когда она подверглась нашествию персидского шаха Надира. Последний был извещен русскими посланниками, что Абулхайр — русский подданный и он, как и возглавляемое им ханство, пребывает под покровительством России. Надир-шах был вынужден согласиться на заключение договора с Абулхайром, но последний, боясь расправы, предпочел удалиться из Хивы.

В тексте донесений Гладышева содержится, в частности, следующее описание этого события: "8 ноября по просьбе Абулхайра, вместе с послами его, геодезист Муравин отправлен был в лагерь персидского владельца, под город Ханки, с ходатайством о пощаде Хивы, как избравшей себе во владельцы русского подданного. 9 числа Муравин был принят Надиром, который обласкал его и обнадежил в милости к Абулхайру, требуя только, чтобы он сам прибыл к нему. С этим ответом посланные 10 числа поехали обратно и прибыли в Хиву 11 ноября. Абулхайр действительно было собрался в персидский лагерь, но перехватив доставленное оттуда в город письмо, в котором, от имени Надира, приглашали жителей не выпускать хана до прибытия шаха, заставил хивинцев, под предлогом поездки к последнему, отворить себе заваленные городские ворота, и затем, со всею своею свитою, в том числе и русскими офицерами, поскакал в противную от персидского лагеря сторону, преследуемый выстрелами обманутых горожан...12 ноября, у Ходжейли переехал на правую сторону реки Аму во владения аральцев. Здесь, после многих споров и даже кровопролитий, сын Абулхайра, Нурали, был окончательно избран в ханы; сам же Абулхайр с Гладышевым и Муравиным, возвратился в свою ставку, откуда русские офицеры и прибыли благополучно в Орск в апреле месяце 1741 г." (13).

Результаты поездки Гладышева и Муравина дают достоверные сведения об очертаниях берегов Аральского моря, о карте пути, пройденного экспедицией от Орской крепости через устье Сырдарьи до г. Ханки и обратно и о состоянии народов, населявших в это время низовья Амударьи.

Через четыре месяца после возвращения из Хивы Гладышев в августе 1741 г. был еще раз отправлен к Абулхайру, которого он нашел в низовьях Амударьи в январе 1742 г. (14). Гладышеву было поручено отвезти находившемуся в Хиве Нурали-хану, как русскому подданному, присяжный лист "для принесения присяги в верности Российской империи". Но он довез этот лист только до ставки Абулхайра, а к Нурали отправил документ с нарочным (15). Однако результат этого сношения русского правительства с Нурали-ханом был нулевой. Нурали являлся простым орудием в руках выдвинувших его представителей знати и был вскоре ими же смещен. С согласия Надир-шаха ханом был назначен Абулгази II, сын казненного в 1740 г. хивинского хана Ильбарса. Игра в ханы в Хиве закончилась лишь в 60-х гг. XVIII в.

Тем временем проблемы расширения торговых связей с Россией продолжали привлекать внимание хивинских купцов и здравомыслящих политических деятелей. Об этом свидетельствуют посольские связи России и Хивы в 40-е гг. Так, в 1743 г. в Петербург от хивинского хана Абулгази приезжал посол Алла Верди с предложением усилить и расширить торговые сношения между странами. В 1745 г. в Астрахань прибыл посланец хана Ходжи Мухаммад Ахун Мулла Турсунов, который не был допущен ко двору по той причине, что российское правительство сомневалось в независимости Хивы, незадолго до того разгромленной Надир-шахом (16).

В 1747 г. из Астрахани в Оренбург, по указу Коллегии иностранных дел, был прислан хивинский посол Мулла Ходжи Мухаммад со всею свитою для препровождения его в Хиву. Из "Оренбургской истории" Рычкова мы узнаем, что это посольство было отправлено ханом Каипом, вступившим в управление Хивой в 1748 г. (17).

25 апреля 1750 г. в Оренбург приехал посланец Каипа — Ширбек. Посольство из Хивы явилось в Оренбург в первый раз, и губернатор Неплюев обратился в Коллегию иностранных дел за указаниями и инструкциями по приему послов. Указом от 13 августа 1750 г. Коллегия вменила в обязанность оренбургскому губернатору приветствовать послов новоизбранного хана Хивы (Каипа. — *Х.Г.*), одарить хана и требовать поощрения торговли и посылки торговых караванов в Оренбург. Посланец Ширбек благодарил от имени хана русскую императрицу за основание г. Оренбурга, который, по его мнению, в будущем будет играть в развитии торговли в среднеазиатских владениях вообще, и в особенности в Хиве, важную роль.

Неплюев ходатайствовал о допущении хивинского посла в Петербург, но получил отказ, который мотивировался тем, что русское правительство еще не имеет точных сведений о совершенной независимости Хивы от Персии и потому не считает возможным принять в Петербурге посланца "не самовластного владельца" (18).

Ширбеку было предложено или ждать ответа из Петербурга, или ехать в Хиву. Посол избрал последнее предложение, причем с ним был снаряжен торговый караван Хаялина, который Ширбек обязался препроводить из Хивы в Бухару и даже до Индии.

В 1753 г. из Оренбурга вышел первый крупный караван в Хиву с торговыми целями. В составе его находился купец из Самары Данила Рукавкин. Как говорил об этом сам Рукавкин, описавший путь от Оренбурга к Хиве и Бухаре, "главный караван с товарами" в 1753 г. был направлен "в опыт к свободной с бухарскими и хивинскими народами коммерции", согласно воле императрицы "Елисавет Петровны к познанию азиатских владений и областей и к распространению российской в Оренбурге коммерции" (19).

Наряду с ценными сведениями по географии, экономике, этнографии и истории Хивинского ханства, Д. Рукавкин пытался разобраться в причинах малоэффективной торговли между Россией и Хивой. Он отмечал: "Город Оренбург хотя для коммерции с тамошними азиатскими народами способен, но в производстве и распространении оной

происходит от Киргиз-кайсацкой орды, как от своевольного и необузданного народа, великое препятствие тем, что хивинцы, бухарцы и ташкентцы, желающие торговать в Оренбурге и Троицкой крепости, должны ехать с товарами своими неминуемо через ту Киргиз-кайсацкую орду, от которой не только караваны нападению, а товары разграблению, но и купцы нередко убивству подвержены бывают, а за тем не многие отваживаются на удачу приходить в Оренбург и Троицкую крепость. И если б оная опасности не препятствовали, то с вероятностию заключить можно, что несравненно более бы нынешнего караванов приходило, следственно и товары их были б дешевле; российских же выходило б более, а чрез то и казна получила бы приращение".

Купец Д. Рукавкин подчеркивает также, что "хивинский народ сарты, т.е. купцы и хлебопашцы, также некоторые узбеки, почитающие себя дворянами, усердно желают иметь с нами коммерцию", но страх быть ограбленными в степях "охоту сию умаляют" (20). Он подчеркнул взаимную заинтересованность народов обеих стран в безопасном движении торговых караванов.

В составе каравана находились и русские чиновники (переводчики) Гуляев и Чучалов, которые отправляли донесения в военную канцелярию оренбургского губернатора И. Неплюева. Они подробно повествуют о перипетиях их поездки, дают описание их приема хивинским ханом Нурали, и, в частности рассказывают, какими трудностями сопровождалось установление мирных и дружественных дипломатических связей между Россией и Хивой. Хотя обе стороны признавали их желательность и полезность, в то же время они проявляли обоюдную настороженность и недоверие, вызванные событиями, связанными с экспедицией во главе с А. Бековичем-Черкасским.

По словам Гуляева и Чучалова, "хан...сказал, понеже де из Оренбурга посланных от него ко двору ея Императорского Величества (Екатерины II. — Х.Г.) купцов не допустили и купцов во внутрь России не пропускают, того де ради и он русских купцов отсель никуда не пропустит, да и своих (купцов) отпускать для торгу в Россию не будет" (21).

Это было характерно для взаимоотношений России и Хивинского ханства и до посольства Гуляева и Чучалова. Хивинские правители, так же как и бухарские, придавали существенное значение дипломатическому этикету и итогам посольств. Вышеприведенные нами итоги хивинских посольств в Россию, были, действительно, малоутешительными для хивинских ханов и они, на наш взгляд, совершенно справедливо добивались равноправия во взаимных обменах посольствами.

В июне 1757 г. в Астрахань из Хивы приезжал посланец Алла Шукур-бай с просьбой от хана о высылке на родину посланца Артык-Батыра, отправленного в Россию еще в 1739 г. и оставшегося там по собственному желанию. Астраханский губернатор не замедлил выполнить просьбу хана, и Артык-Батыр был отпущен в Хиву с женой и детьми (22).

В 1761 г. с поздравительным листом от хана приезжал из Хивы посланец Исхак мулла. Но и на этот раз хивинскому посланцу было отказано в пропуске ко двору, якобы из-за неправильно оформленного дипломатического пакета, на котором печать была поставлена произвольно, а не на положенном месте.

Сведения о внутреннем положении Хивинского ханства в 60 — 80-е гг. XVIII в. крайне недостаточны. Известно, что в 1762 г. прибыл в Россию хивинский посланец Алла Шукур-бай, но никаких подробностей о нем нет; в 1763 г. приезжал новый посланец хивинского хана (фамилия нигде не указана. — Х.Г.) с просьбой о ежегодной присылке в апреле и августе на Мангышлак русских судов для хивинских товаров в Астрахань. Соглашаясь на эту меру, канцлер граф Воронцов, в свою очередь, потребовал от хивинского хана обеспечения безопасного проезда через его владения и права свободной торговли в их пределах. Но точных сведений о последствиях этой новой попытки Хивы добиться чего-нибудь от России путем мирных переговоров не имеется, вероятно, она не привела ни к каким результатам.

В 1783 г. Россию посетило хивинское посольство, которое, как и 20 лет назад, не было допущено ко двору за то, что на листе "печать ханская приложена в заглавии и в лице, а не в окончании и не на обороте" (23).

Через 10 лет, в апреле 1793 г. из Хивы в Оренбург прибыли при купеческом караване два хивинских посланца — Исхандер Аллабердыев и Рахимбай Достмуратов, которые объявили, что посланы от "соправителя ханского в делах, Авазбека (ханом в то время был сын Каипа — Абулгази III, который правил ханством в 1770 — 1804 гг. — Х.Г.) к главному пограничному оренбургскому начальству с просьбою послать в Хиву искусного глазного доктора, который бы помог дяде Аваза, Мухаммад Фазиль Бею, от слепоты" (24).

Русское правительство, заинтересованное в налаживании отношений с Хивой, поспешило воспользоваться этой просьбой и 14 июля 1793 г. отправило в Хиву врача майора Бланкеннагеля, "многими опытами доказавшего искусство свое во врачевании глаз". Он прибыл в Оренбург в начале августа 1793 г. в сопровождении переводчика оренбургского пограничного суда Холмогорова и восьми казаков. 5 октября Бланкеннагель был уже в Хиве и установил, что больной уже совсем слеп и помочь ему чем-нибудь невозможно. Но он еще в течение полугода оставался в Хиве, удачно вылечив большое количество больных и выполняя специальные поручения правительства. Об одном из них, Бланкеннагель пишет: собрать сведения "о заложении города и крепостей на мангислатских берегах, для обеспечения торговли, не мог я предложить хивинскому правительству — во-первых потому, что хивинские асбеки ничего столько не опасаются, как приближения россиян; а во-вторых потому, что они в Мангислаке власти и влияния имеют менее нежели мы".

12 марта 1794 г. он отправился в Россию вместе с хивинским послом Авазом Мухаммадом Бием, которому поручено было "исходатайствовать глазного оператора, добиться уменьшения пошлин в Астрахани, возвращения конфискованных в Астрахани около тысячи червонных и дозволение вывезти несколько тысяч пудов железа; а напротив того обещать все, что Ея Императорское Величество соизволит" (25). Посольство Аваза Мухаммада Бия в Россию было последним в XVIII в.

Таким образом, в основе дипломатических отношений между Россией и Хивинским ханством лежало реше-

ние вопросов, связанных с развитием торговых связей, сокращением таможенных пошлин, взимавшихся по пути следования караванов; созданием условий для безопасной торговли в приграничных районах. Но экономические и политические взаимоотношения не имели правовой основы, не были определены соответствующими договорами. Признание русского подданства хивинскими ханами носило номинальный характер. Оно не было подкреплено соответствующими документами. Российское правительство выработало план постепенного утверждения своего политического влияния в Средней Азии путем установления политического патроната над Младшим (1731) и Средним (1735) казахскими жузами, а с конца XVIII столетия — путем создания системы политического регулирования жизнью казахских кочевников. Однако этот патронат был крайне зыбким. России пришлось для охраны своих восточных границ от своих же подданных возводить целый ряд укреплений и устраивать так называемые линии, которых насчитывалось четыре, — уральская, оренбургская, ишимская и иртышская — и возводить на них 46 крепостей и 96 редутов (26). На умиротворении казахской степи было сосредоточено все внимание России, а непосредственные контакты с Хивинским ханством как бы отодвинулись на второй план. Как свидетельствуют источники, из 18 хивинских посольств в Россию только 7 были допущены в столицу империи, остальные, под разными несущественными предлогами, принимались или в Астрахани, или в Оренбурге. Из пяти российских посольств в Хиву два завершились крайне неудачно: Бекович-Черкасский был убит, караван Гарбера разграблен киргиз-кайсацкими ордами. Посольства Гладышева и Муравина (1739), Гуляева (1753) и Бланкеннагеля (1793) также не дали желаемых результатов, и разрешение вопросов о русских невольниках, об обеспечении безопасности на караванных путях, расширении торговых связей перешло, само собою, в следующий, XIX в.

Посольские связи России и Хивы в первой половине XIX в.

В начале XIX в. вопросами азиатской торговли были очень заинтересованы в высших сферах российского общества. Долгое время собирались материалы для пересмотра таможенных тарифов, которые действовали в Астраханском (с 1754 г.) и в Оренбургском (с 1777 г.) округах. После длительной подготовки, прерываемой важными политическими событиями в Европе, нашествием Наполеона и т.д., 30 мая 1817 г. были утверждены новый таможенный устав и тариф для азиатской торговли. В основу устава 1817 г. были положены "соображения о великом значении для России торгова с Азией: Россия на западе граничит со странами, более развитыми, чем мы, в промышленном отношении, и потому лишь на востоке наши фабрики и заводы могут найти обеспеченный сбыт своим произведениям. С другой стороны, развитие торговли с Азией важно в отношении политическом, как одна из мер к сближению с нами и к умиротворению...азиатских племен", — говорилось в нем (27).

Обложение товаров налогами было упрощено, многочисленные пошлины "разных наименований" отменены. Сырье пропусклось беспошлинно, с полуфабрикатов взималось 2% их стоимости, с "недорогих и средней цены товаров в обработанном виде" — от 10 до 20 %, с предметов роскоши — 25 %; ввоз тканых с золотом изделий, коленкора и ассигнаций воспрещался. Отпускные товары облагались незначительной пошлиной (1%). Запрещался вывоз оружия, судов и такелажа, монет и ассигнаций (28).

Улучшение условий экономических связей с Востоком было частью обширной программы, намеченной в первом десятилетии XIX в. для укрепления торгового могущества Российской империи, расширения сбыта ее продукции и роли в транзитной торговле. В юбилейном отчете Министерства финансов подчеркивается: "Ставилась широкая мировая задача организации новых, всецело в интересах России, торговых путей международной торговли; Россия должна была взять в свои руки торговое между Западной

Европой и Азией посредничество, выгодами которого так умело всегда пользовались многие государства Запада" (29).

Однако условия внешней торговли обуславливали слабость внешнеторговых позиций России, экономическое ее отставание от более развитых в промышленном отношении стран. Министр коммерции Н. Румянцев выступал настойчивым пропагандистом широкого развития экономических связей с Востоком, в частности со среднеазиатскими ханствами. В течение 1807 — 1812 гг., когда он занимал пост министра иностранных дел, он всячески стремился к укреплению дипломатических отношений с Бухарой, Хивой и Кокандом.

Хивинскому ханству в планах Российской империи отводилась особая роль. Близость Хивы к торговым путям, ведущим в местные ханства, делала ее весьма важной для российско-среднеазиатской торговли. В "Обзрении азиатских народов и государств, которые особенно важны для России" подчеркивалось, что хивинцы отправлялись на верблюдах с товарами прежде всего в Бухару, покупали там "собственные ее и иностранные произведения" и везли все это "вместе с прекраснейшей своей хлопчатой бумагой" в Россию до Оренбурга по "Киргизским степям" или в Астрахань через Мангышлак и Каспийское море (30).

Эта торговля была очень доходна для обеих сторон. "Сии-то выгоды, извлекаемые обоюдными подданными из торговли между собой, составляют главное, хотя не совершенно прочное звено связей" с Хивинским ханством. Авторы "Обозрения..." считали, что надежды на прочные договорные отношения с Хивой очень слабы; что правители Хивы подстрекают казахов к грабежам караванов и к захвату русских людей в плен, нанося этим большой урон русско-бухарским экономическим отношениям (31).

В набегах и грабежах участвовали, как правило, шайки какого-нибудь хана, султана или бека. Были случаи, когда приближенные отдельных ханов или султанов палками гнали рядовых кочевников и земледельцев, заставляя их нападать на мирных торговцев. Но несмотря на это, большинство рода или племени занималось честным трудом: пасло стада, возделывало землю; ему было не по дороге с военно-фео-

дальной верхушкой, не гнушавшейся никакими средствами для обогащения.

Особенно интенсивными были усилия военно-феодальной верхушки Хивы. Ее правители стремились подчинить себе казахов. Одним из методов использования ресурсов кочевников в своих целях было стравливание различных казахских племен и родов. Блокада торговых путей, связывавших Россию со Средней Азией, представлялась хивинским владельцам подходящим способом нанести урон экономике своего главного соперника — Бухарского ханства. И они привлекали к этому всех, кого могли, — казахов, туркмен, каракалпаков и др.

В конечном итоге подобная политика оказалась пагубной для самой Хивы. Неизмеримо более сильная Российская империя, прокладывая своим товарам путь в Среднюю Азию, все чаще прибегала к вооруженной силе. К тому же, к началу XIX в. царские власти располагали великолепным плацдармом не только для изучения, но и для проникновения в хивинские земли. Таким плацдармом являлся Кавказ, большая часть которого уже вошла в состав Российской империи. Непосредственными опорными пунктами стали порты Баку, Петровск (Махачкала. — Х.Г.) и Дербент, что и прослеживается на примере экспедиции Н. Муравьева в Хивинское ханство в 1819 г. Непосредственным организатором ее был "кавказский проконсул" А. Ермолов, а идея о необходимости попытаться утвердить влияние России на восточных берегах Каспия для стимулирования ее экономических связей со среднеазиатскими ханствами, принадлежала адмиралу Н. Мордвинову.

Н. Мордвинов, занимавший одно время пост морского министра, был вместе с тем крупным экономистом, одним из сотрудников М. Сперанского, намечавшим вместе с ним проекты улучшения финансово-экономической системы России. С 1810 по 1818 г. он возглавлял различные департаменты Государственного совета, в 1823 — 1840 гг. был президентом Вольного экономического общества. Интересуясь положением дел на Кавказе и в Средней Азии, Н. Мордвинов отрицал решающее значение воздействия

силы в этих регионах. Он считал, что надо развивать экономические связи с народами этих регионов, "сблизить их к нам понятиями, вкусами, нуждами и требованиями от нас домашней утвари, одежды и всяких прихотливых вещей. Тогда не только сдружимся мы с ними на границах их, но достигнем до ущелий сокровеннейших их гор, куда ядра и штыки наши достигнуть никогда не возмогут и коими только вечную вражду питать возможно".

Для этого он считал необходимым создать "сильную колонию на Каспийском море, на заливе, называемом Красноводский, или Огурчинский, смежном с Хорасанской провинцией. Занятие сего места в видах военных и торговых представляется важнейшим на Каспийском море. Из оного места владычествовать можно на север против туркменов и на восток против хивинцев. В оном соединиться может торговля сухим путем из богатейшей восточной части Персии, Бухарии и северной Индии, а морем из Астрахани и Баку" (32).

Адмирала поддержали высшие сановники империи. 20 июля 1816 г. был подписан царский указ о подготовке экспедиции в Хиву и Туркмению. Несколько месяцев ушло на разработку программы миссии. Руководителем морской ее части был назначен майор Пономарев, сухопутной — капитан генштаба Н. Муравьев.

В инструкции Пономареву разъяснялось: "Торговля с Хивой по возможности своей и многообразию редких произведений сей земли издавна обращает на себя особенное внимание русского правительства... Хивинские караваны достигают пределы империи лишь одной дорогой — к Астрахани, минуя обширные степи". Но путь этот очень далек, а главное, караваны подвергаются на нем опасности нападения со стороны кочевников, что "останавливает свободный ход торговли и крайне при том возвышает цену товаров".

Участникам экспедиции предложено было изучить иную возможную дорогу для торговцев: Хива — туркменские земли — восточный берег Каспия — Баку и Астрахань. С этой целью отправлялись военное и купеческое судна. Следовало обнаружить удобные, закрытые пристани, обеспеченные пресной водой, "ибо важнейшее предположение правительства заключается в том, чтобы для привлечения из Хивы

торговли завести на Трухменском берегу близ избранной нами пристани магазины для складки товаров, обеспечения их прикрытием устроенной для сего крепости" (33).

18 июля 1819 г. Пономарев и Муравьев отправились в сложную поездку, из которой вернулись только через полгода — в январе 1820 г.

Добившись довольно хороших результатов при своих сношениях с туркменами, решившими отправить посольство к русскому правительству для утверждения взаимных договоров, Муравьев отправился 19 сентября в Хиву. С караваном из 17 верблюдов прибыл он 5 октября к крепости под Хивой — Ильгельды, где его продержали в строгом заключении 48 дней. Только 20 ноября 1819 г. Муравьев добился аудиенции у хана Хивы Мухаммада Рахима (1806 — 1825). Он вручил ему письмо Ермолова, в котором кроме пожеланий здоровья и "всех радостей" декларировалось стремление "войти в ближайшее с вашим высочеством знакомство и восстановить дружественные сношения и открыть счастливый путь для ваших подвластных к ближайшему достижению преимущественных выгод по торговле с Россией и к вящему утверждению взаимной приязни, основанной на доброй вере" (34).

На предложение Муравьева от имени главнокомандующего вступить в тесную дружбу с Россией Мухаммад Рахимхан ответил согласием и обещал отправить вместе с ним к главнокомандующему доверенных людей. Что же касается предложения направить путь караванов не на Мангышлак, как это делалось раньше, а на Красноводскую пристань, что представлялось значительно удобнее и выгоднее, то хан решительно отклонил его, ссылаясь на неприязнь к нему прикаспийских туркмен. "Хотя справедливо, что Мангышлакская дорога гораздо долее Красноводской, но народ мангышлакский мне предан и поддан; прибрежные же иомуды, живущие к Астрабаду, по большей части служат каджарам, и потому караваны мои подвергаться будут опасности быть ими разграбленными, — я не могу согласиться на сию перемену", — ответил Мухаммад Рахимхан (35).

Заверения российского посла, что хану будет оказана поддержка против тех, кто будет препятствовать осуществлению плана перемены торговых путей, не произвела впе-

чатления на него, он фактически отклонил предложение о военной помощи.

В ответном официальном письме Мухаммада Рахим-хана Ермолову было сказано, что и ныне торговые караваны и отдельные купцы "безопасно и спокойно ездят в сторону крепости Янгийской и Астраханского владения".

Препроводительная записка к этому документу характеризовала позицию хивинского хана вполне четко и недвусмысленно: "он извещает, что ни в какие особенно дружественные связи входить не желает" (36).

Ермолов, тем не менее, продолжал надеяться на осуществление намеченного проекта. В своих посланиях к министру иностранных дел Нессельроде он подчеркивал, что освоение восточного побережья Каспия имеет военно-политическую пользу, особенно в случае внутренних осложнений в Персии, Хиве или Бухаре и обострения отношений с ними. Он полагал, что создание опорного пункта на более коротком и удобном для караванов пути в Хиву и Бухару будет преградой для расхищения товаров, а также явится выигрышным моментом в соперничестве российских предпринимателей с британскими конкурентами.

Как видим, стремление к расширению экономических связей со среднеазиатскими ханствами, в частности с Хивой, отчетливо проявлялось в самых высоких сферах, которые при этом придавали большое значение военно-политической "пользе" этого проекта.

Однако время для реализации этих обширных замыслов еще не наступило. Царское правительство продвигалось к этому исподволь и лишь через полвека, в 1869 г., в Красноводском заливе высадились царские войска для освоения восточного побережья Каспия и захвата туркменских земель.

Вскоре вслед за Муравьевым, в 1819 г., в Хиву был послан караван-баши Атанияз Ниязмухаметов и коллежский советник, 70-летний Мендияр Бекчурин, мусульманин по вероисповеданию, что создавало некоторые гарантии его безопасности. Они добрались до Хивинского ханства 24 декабря 1819 г. Бекчурин должен был передать хивинскому визирю письмо от Нессельроде, утвержденное Александром I еще в мае 1819 г.

За время его поездки "в степи" произошли важные события. В конце 1819 г. Мухаммад Рахим-хан во главе многочисленного войска напал на улусы казахов Младшего жуза, расположенные между Сырдарьей и Кувандарьей, и произвел там разные жестокости. Хивинский хан захватил немало жен и дочерей казахов, угнал значительные табуны лошадей и стада скота.

Для иллюстрации масштабов случившегося оренбургский губернатор П. Эссен прислал во внешнеполитическое ведомство копии письма главы ограбленного жуза Арунгазы Абулгазиева и реестр награбленного имущества. Даже если исходить из того, что Арунгазы преувеличил масштабы постигшего его соплеменников бедствия, реестр производит впечатляющее действие: разорению подверглось более 800 аулов. Кроме убитых и плененных людей, они потеряли свыше 7 тыс. лошадей, 6 тыс. верблюдов, 2 тыс. голов рогатого скота и 63 тыс. баранов (37).

Поведение хивинского хана вызвало недоумение российских властей и Нессельроде писал по этому поводу: "В то же время, как грабил подданных России киргизцев, он принимал с другой стороны благосклонно полковника Муравьева и отпустил обратно со взаимными от себя посланцами (38). "Одно не просвещение и легкомыслие хивинцев могут согласовать подобную противоположность, которая заставляет меня беспокоиться о чиновнике, отправленном с письмом моим в Хиву. От него нет вестей, хотя ему давно пора было вернуться" (39).

Мендьяр Бекчурин не привез никаких утешительных вестей. Как сказано в рапорте оренбургского губернатора Эссена царю: "чиновник сей принят был там с сугубым раздражением, 4 месяца содержан под крепкою стражею в унижительном месте и, наконец, не быв выслушан, отправлен в Россию без всякого ответа" (40). По рассказу самого Бекчурина, когда он прибыл в Хиву, у него вытребовали привезенные бумаги и допрашивали, почему письмо от "высочайшего двора" подписано не царем. А содержали его "на скотном дворе".

24 апреля 1820 г. посланца Эссена отправили домой без официального ответа. Эссен с негодованием отмечал, что

"привезенные Бекчуриным письма хан хивинский признает, по выражению мехтера, детской игрой" (41).

В Петербурге и Оренбурге размышляли над печальным состоянием русско-хивинских отношений и никак не могли найти действенного средства для их налаживания. В качестве фактора, противодействующего политике Мухаммада Рахим-хана, царское правительство пыталось выдвинуть более крупное Бухарское ханство, чьи интересы также страдали от нарушения торговых связей с Россией. Этот план не получил реализации, как представляли российские власти, по недалёковидности правителя Бухары.

Оренбургский губернатор в письме директору Азиатского департамента указывал на тщетность надежд, будто Бухарское ханство окажет воздействие на своего воинственного соседа. Он ссылаясь на отправленное Министерству иностранных дел еще 17 октября 1820 г. письмо визиря Бухары, в котором сообщалось, что эмир Хайдар объявил войну Хиве. "Но, — продолжал Эссен, донесения г. Негри объясняют, что сей владелец равнодушно видит разорения своих подданных, что он возбудил ропот в своем народе и ненависть в киргизах, просивших его помощи, и что, наконец, он сам питает дух хищничества своего врага, не заботясь о происходящем подрыве и истреблении торговли" (42).

Но и это ведомство не имело четкого представления о дальнейших действиях. Вопрос о русско-хивинских отношениях обсуждался и на заседаниях Азиатского комитета, хотя и он не смог рекомендовать обоснованный и перспективный план урегулирования этих отношений и обеспечения нормального движения караванов. Но в ходе совещаний был найден "стрелочник", человек, который, по мнению петербургских чиновников, был повинен в сложившейся сложной ситуации. Этим лицом оказался казахский султан Арунгазы Абулгазиев. Он сопровождал миссию А. Негри в Бухару и по его инициативе отряды казахов нанесли удар по торговцам из Хивы.

Подходя таким образом к решению вопроса, царские чиновники умышленно закрывали глаза на предшествующие враждебные акции Мухаммада Рахим-хана и по

отношению к российской торговле, и по отношению к казахским племенам и родам. Хотя еще в мае 1821 г. управляющий делами Азиатского комитета докладывал его членам сообщение Эссена о нападении в Младшем жузе на хивинский караван, о ходе посольства в Бухару и о расхищении хивинцами части крупного бухарского каравана, возвращавшегося из России.

Попытки Эссена разыскать нападавших на хивинских подданных и караваны "ордынцев", взыскать с них убытки и вернуть захваченные товары не дали результатов. Разграбления караванов продолжались.

Так, 21 февраля 1822 г. разграблению подверглись товары русских купцов, следовавших в Бухару. 8 августа 1823 г. хивинцы напали на крупный караван, следовавший из Бухары в Оренбург. Более 40 человек — вожаков, проводников и хозяев товара было убито. Остальные участники каравана, напуганные случившимся, отказались двинуться в путь (43).

По сведениям оренбургского губернатора, хивинцы напали на авангард каравана, нагруженного дорогими шелковыми тканями на сумму 2 млн рублей. Письмо Эссена Нессельроде завершалось констатацией, что "следование караванов через степи более и более затрудняется; на каждом шагу в Киргизской степи угрожают им грабежи; а меры, доселе употребляемые к охранению их в пути от расхищения остаются тщетными".

Новая попытка оживить экономические связи со среднеазиатскими ханствами была предпринята в 1824 г. Ей уделяли большое внимание в верхах Российской империи. 1 августа 1824 г. Александр I издал указ об ассигновании 223,5 тыс. рублей на подготовительные мероприятия по отправке торгового каравана из Оренбурга в Бухару и обратно в сопровождении военного конвоя (44). 3 ноября 1824 г. из крепости Орской двинулись на 169 верблюдах оренбургские и троицкие предприниматели, а с 1 по 12 ноября на 690 верблюдах направились из Троицка и другие торговцы. Караван шел в сопровождении военного конвоя из 250 пехотинцев и такого же числа казаков, снабженный двумя конными орудиями. Караванным начальником был избран купец Е. Кайдалов.

Спокойное шествие каравана продолжалось до 13 января 1825 г. В этот день, на полпути от реки Сырдарьи до Бухары, на него напал значительный отряд хивинских войск. Он был встречен артиллерийским и ружейным огнем. Но вскоре положение осажденных стало критическим: не было воды, дров, корма для бесчисленных верблюдов.

Хивинские начальники, добившись встречи с командиром конвоя С. Циолковским, потребовали, чтобы караван вместо Бухары отправился в Хиву, а купцы с товарами были предоставлены их покровительству. Это требование было отвергнуто.

Циолковский созвал военный совет, на котором присутствовали и купцы. Вожак верблюдов требовали возвратиться на линию, угрожая в противном случае уйти к хивинцам. Было решено вернуться. Под непрерывными наскоками хивинских отрядов караван двинулся в обратном направлении. Убытки, по отдельным данным, составляли около двух тысяч верблюдов, 40 тыс. баранов, 2 тыс. выюков с товарами, т.е. многие сотни тысяч рублей. Все потери конвоя выразились в трех убитых и 16 раненых. Таким образом, караван, снаряжавшийся с такими большими хлопотами, потерпел полный крах, и это событие стало предметом обсуждения Азиатского комитета.

Пока шло обсуждение вопроса, "как вооруженный разбой хивинцев поставить навсегда в границы мирного состояния", в столицу поступило важное сообщение о смерти Мухаммада Рахим-хана и воцарении его старшего сына Аллакули-хана. Члены Азиатского комитета выразили надежду, что смена правителей Хивы может внести изменения в ее отношения с Россией. Однако до тех пор, пока Аллакули-хан не докажет своих мирных намерений, были намечены и "меры обуздания" хивинцев. Программа действий была следующая: осенью исследовать район между Каспием и Аралом, а на Аральском море — залив Мертвый Култук и его побережье, чтобы со временем создать там небольшое укрепление; довести до сведения нового хивинского хана, что Российская империя "не может оставить без внимания насильственное поведение хивинского правительства". Чтобы дополнительно воздействовать

на Аллакули-хана, предписать оренбургскому губернатору благосклонно принять изгнанного из ханства дядю Аллакули и дать ему "от местного начальства" приличное содержание (45).

Реализуя решения Азиатского комитета, в начале 1826 г. на Устьюрт двинулась военно-топографическая экспедиция полковника Ф. Берга. В течение января — апреля 1826 г. она провела топографическое изучение Аральского перешейка (от Уральской линии до г. Кунграда в низовьях Амударьи) и барометрическую нивелировку, определившую уровень Каспия и Арала. Члены экспедиции установили расстояние между заливом Аральского моря и Мертвым Култуком, провели геологическое исследование Устьюрта и пр. Но царское правительство интересовалось не столько научными, сколько военно-политическими, практическими результатами похода Берга.

Проведенная экспедиция убедила не только в возможности перехода в Хивинское ханство через пустынный Устьюрт, но и в большой трудности такого перехода и необходимости дальнейшего изучения вопроса.

Политическое значение экспедиции Ф. Берга, вышедшей двумя колоннами — из Сарайчиковской крепости и Гурьева — и насчитывавшей более 2300 солдат и казаков при 6 орудиях, сводилось к угрожающей демонстрации против Хивинского ханства. Естественно, известие об экспедиции Берга обеспокоило хивинские правящие круги. Подтверждением этого послужило их стремление возобновить дипломатические отношения с Россией.

10 ноября 1826 г. в Сарайчиковскую крепость прибыл посланник Аллакули-хана Бердыниязов Ваис Нияз. Целью поездки было поздравление с восшествием на престол Николая I, в дар которому везли двух слонов и семь аргамаков. Ваис Нияз Бердыниязов отказался передать Эссену свидетельство об аккредитовании, намереваясь отправиться в Петербург через Астрахань. В сложившейся обстановке отправка хивинским ханом представителя в Петербург могла рассматриваться как стремление наладить отношения с Россией. Но царские власти не видели в этом склонности Аллакули-хана признать вину Хивы во враждебных действи-

ях против российских подданных и компенсировать их убытки.

Оренбургскому губернатору было предложено направить в Сарайчиковскую крепость "благонадежного чиновника для личных объяснений" с хивинским посланником.

В Оренбурге серьезно отнеслись к переговорам с представителем Аллакули-хана. В них участвовал председатель оренбургской пограничной комиссии Генс и управляющий пограничными делами при губернаторе Оводов. В январе 1827 г. Бердынязову была вручена нота, которая определяла нанесенный российским торговцам ущерб в 548600 рублей (46). Посланник заявил, что не уполномочен обсуждать эти вопросы, а поскольку его не пропускают в Петербург, то с открытием "весеннего пути" он возвращается в Хиву. Переговоры не привели ни к каким результатам. 15 марта 1827 г. Ваис Нияз Бердынязов со свитой и дарами отправился в ханство.

Позже царские власти отказались от материальных претензий к Хиве и отменили свое решение продолжить военную экспедицию Берга "для положения преграды действиям хивинского правительства, наносящего вред торговле и связям со Средней Азией и дающего убежище непокорным киргизам". Этот добровольный отказ был вызван обострением обстановки на более беспокоивших царские власти участках восточной границы. В 1826 г. в результате вторжения иранских войск в Закавказье началась русско-иранская война, продолжавшаяся до 1829 г. В 1828 г. началась русско-турецкая война, которая завершилась лишь 14 сентября 1829 г. Адрианопольским миром. Начинать в такой ситуации поход, который мог вылиться в третью войну, царское правительство считало несвоевременным.

Но вопросы оренбургской торговли продолжали занимать заметное место на заседаниях Азиатского комитета. Оренбургскому губернатору (с 1830 г.) П. Сухтелену было предложено обратить особенное внимание на торговые связи со Средней Азией. Результаты обсуждения показали неподготовленность комитета и оренбургского начальства к разрешению сложной проблемы, важность которой была достаточно осознана всеми государственными деятелями.

Политика царизма по отношению к Средней Азии приобрела более острый и активный характер с прибытием на юго-восточный форпост России В. Перовского (1833 г.), заменившего Сухтелена на посту оренбургского военного губернатора. Его особое внимание привлекала Хива, развитие взаимоотношений с которой давало повод для пессимистических размышлений. В конце 1834 г. по заданию В. Перовского был подготовлен проект нажима на это ханство, чтобы "устранить чинимые им помехи расширению торговых связей". К этому проекту была приложена "Записка о сношениях России с Хивинским ханством и о противных народным правам поступках ханов хивинских относительно России" (47).

Эта "Записка" содержала перечень претензий к Хиве: "хивинцы грабят торговые обозы и даже напали на вооруженный караван, который шел в 1824 г. по распоряжению правительства прямо на Бухару, заставив его вернуться. Они разбойничают на Каспии, держат в неволе русских. За несравненно меньшие поступки Франция захватила Алжир, потратив на это крупные средства, а овладение Хивой не будет стоить и десятой доли французских затрат", — обосновывал Перовский целесообразность похода на Хиву (48).

Одновременно В. Перовский отправил письмо хивинскому хану Аллакули, в котором писал: "Если хотите еще во время опомниться, то вышлите немедленно всех русских пленников и дайте слово вести себя впредь мирно и дружелюбно, не поощряйте грабежей и разбоев, не мешайтесь в управление кайсацкого народа, дайте подданным императора всероссийского те же права у вас, какие он дает у себя вашим, и старое будет забыто" (49).

Кроме того, в письме было указано, что до исполнения всех перечисленных требований никакое хивинское посольство принято не будет и никакие переговоры не могут состояться.

Однако несмотря на такие заявления В. Перовского хивинцы по-прежнему отвечали весьма уклончиво. Тогда российское правительство санкционировало меры по задержанию повсеместно по России хивинских торговцев. Всего аресту подверглись 572 человека, общая стоимость товаров

которых достигала 1,4 млн рублей. Когда добравшийся в январе 1837 г. до Оренбурга представитель Аллакули-хана Кабулбай запросил объяснений, Перовский отказался признать его послом и потребовал в четырехмесячный срок освободить подданных России. За 1837 — 1839 гг. на родину вернулись 130 пленных. Поскольку царские власти имели сведения о том, что число русских невольников в ханстве далеко не исчерпывается этим количеством, они не отменили репрессивных мер. Во всяком случае, по состоянию на 30 января 1838 г. в России находилось еще 374 хивинца, задержанных, чтобы добиться освобождения русских пленных. Был также подтвержден запрет на продажу товаров арестованных в империи хивинских торговцев.

Дружба и сотрудничество между двумя государствами не налаживались. Не расширялись, естественно, и торговые связи. Правда, в течение 1837 — 1839 гг. хивинское правительство прислало четырех послов с несколькими письмами, полными раскаяния, и еще около ста пленных, но в то же время весной 1839 г. на Каспийском море были захвачены в плен около 200 рыбопромышленников (50).

В Оренбурге в ответ на такие действия развернулась подготовка к началу военного похода в Хиву. 30 сентября 1839 г. Перовский отправил в МИД "Записку о политических вопросах по поводу предстоящего занятия Хивы". Главнейшая цель экспедиции, подчеркивалось в документе, состоит, "бесспорно в том, чтобы изменить все враждебные, не выгодные торговле и промышленности нашей отношения Хивинского ханства, упрочить обоюдные мирные отношения и установить соответствующее этой цели правление". Оренбургский военный губернатор предлагал заменить Аллакули-хана братом его — инаком, проживающим в России, и заключить с ним договор, предусматривающий: прекращение тайных и явных враждебных действий ханства против России, в том числе и содержание в неволе ее подданных; отказ Хивы от претензий на власть над русскоподданными казахами и определение границ ханства; то же самое применительно к туркменским племенам, которые пожелают поступить в подданство России; срытие хивинских укреплений на Сырдарье; отказ ханских властей от при-

нуждения караванов к проходу через Хиву и обложения их по этому поводу пошлинами; чтобы "вообще на товары, принадлежащие русским не было налагаемо, как доселе, двойной и четверной пошлины, а чтобы купцы русские и хивинские, были во всех отношениях уравнены правами; открытие хивинского консульства в Оренбурге и русского в Хиве; русский консул должен иметь право содержать на Амударье свои суда. Если инак убежит из ханства, там должно быть создано "временное правительство" (51).

В середине ноября Перовский начал свой зимний поход. Этому авантюристическому предприятию, закончившемуся полным крахом, посвящена обширная литература, поэтому нет необходимости останавливаться на нем подробно. Скажем лишь, что 4-тысячный отряд пехоты с 12 пушками и 10-тысячным верблюжьим обозом к 20 декабря добрался до Эмбенского укрепления, потеряв до 2 тыс. верблюдов. Первого февраля 1840 г. военный отряд вышел к Ак-Булаку. К этому времени множество участников похода было обморожено, пало еще 5 тыс. верблюдов, а впереди находилось суровое плато Устюрт, замеченное глубокими снегами. Запасы топлива, продовольствия и фуража были на исходе; подножного корма не было. Дальнейшее продвижение могло привести к гибели всего отряда, и Перовский приказал повернуть назад.

К середине февраля 1840 г. войско вернулось к Эмбенскому укреплению, откуда с наступлением тепла направилось в Оренбург. В июне 1840 г. Перовский с остатками отряда оказался на исходных позициях (52).

Неудача зимнего похода Перовского усугублялась, с точки зрения царского правительства, тем обстоятельством, что в Хиве активно действовали британские агенты — Джеймс Эббот (январь 1840 г.) и Ричмонд Шекспир (июнь 1840 г.), призывавшие хивинские власти строить военные укрепления, направленные против России.

Между тем Аллакули-хан и его приближенные, несмотря на полный провал зимнего похода Перовского, решили не давать повода для новых военных экспедиций Российской империи, которые могли оказаться более удачными. К тому же разрыв торговых связей с Россией тяжело

отражался на хивинской экономике. И ханские власти воспользовались пребыванием в Хиве царского офицера Мухаммад-Шерифа, или иначе корнета Аитова, чтобы установить контакты с Оренбургом, а через него и с Петербургом. Вскоре Аитов вернулся из Хивы в Оренбург и с ним прибыли двое освобожденных русских пленных. Они привезли письмо от остальных пленных, "числом до 400", с сообщением, что их снаряжают на родину и с просьбой отпустить в связи с этим задержанных хивинских купцов. Аитов привез также известие о готовившемся выезде в Россию хивинского посла.

Летом 1840 г. из Хивы в Оренбург прибыл посланец Атаняз Ходжа Реис Муфтий и с ним 418 человек пленных. Вслед за ним прибыл особый караван с новым посланцем и 7 рускоподданными, пожелавшими вернуться на родину (53).

19 июля 1840 г. хивинский хан Аллакули издал фирман следующего содержания: "Слово отца побед, победителей и побежденных хорезмского шаха. Повелеваем подданным нашего хорезмского повелительного двора, управляющим отдельными странами, начальствующим над яумудским и чудурским туркменскими народами, всем храбрым воинам, биям и старшинам народов киргизского и каракалпакского и вообще всем блистающим в нашем царствовании доблестными подвигами, что по дознании о сей нашей высокой грамоте, о том, что мы вступили с великим российским Императором в дела миролюбия, с твердым намерением искать его высокой дружбы и приязни; отныне никто не должен делать набеги на русское владение и покупать русских пленных. Если же кто в противность сего высокого повеления нашего учинит на русскую землю нападение или купит русского пленного, то не избежит нашего ханского гнева и должного наказания, о чем и обнародывается сим все милостивейшим нашим повелением в лето 1256 (1840)" (54). На подлинном тексте приложена печать хивинского хана.

Обнародование такого фирмана означало наступление потепления в русско-хивинских отношениях. Учитывая возвращение русских пленных и запрет хивинским ханом нападений на караваны, Николай I велел принять посланни-

ков Хивы в Петербурге, разрешить хивинским купцам "свободное обращение в местах их жительства", вернуть секвестрованные товары, а потом отправить их домой.

19 октября 1840 г. Атанияз Ходжа Реис Муфтий прибыл в Москву, а в конце месяца — в Петербург. К этому времени в Оренбургском крае были освобождены из-под ареста 344 хивинца. Отношения начали налаживаться. 17 ноября 1840 г. состоялась царская аудиенция для посланца хана Аллакули; он осмотрел достопримечательности российской столицы, был окружен вниманием, которое должно было подчеркнуть удовлетворение царского правительства по поводу изменения политического курса Хивинского ханства. 19 января 1841 г. Атанияз Ходжа двинулся в обратный путь (55).

15 марта 1841 г. Николай I утвердил грамоту, адресованную хивинскому хану, в которой отмечалось, что желание властей Хивы установить дружественные отношения с Российской империей и прекратить враждебные действия против нее, принято к сведению. Царское правительство готово способствовать установлению добрососедских отношений. В Хиву снаряжается капитан Никифоров, который доставит грамоту и дары, а также сообщит условия, содействующие "установлению приязни" между двумя странами (56).

Пока шла подготовка к отправке миссии Никифорова в Хиву, предприимчивые оренбургские купцы Деев и Пичугин уже послали туда приказчиков с товарами на значительную сумму. Хан Аллакули не только отнесся положительно к торговой акции оренбургских купцов, но и сделал дипломатический жест. В Оренбург приехал новый хивинский посланец — Маметниязов Ишнияз (май 1841 г.). Он передал военному губернатору адресованные царю письма и подарки. В частной беседе Маметниязов подчеркнул, что в ханстве находятся англичане, но хан не принял их даров, запретил им поездку в Коканд, потребовал возвращения в Герат, и они теперь ждут распоряжения своего начальства. 11 октября 1841 г. ханский посланец покинул Оренбург.

В процессе подготовки миссии Никифорова в Хиву была выработана программа действий по отношению к Хивинскому ханству. Такая программа была намечена Азиатским

комитетом совместно с канцлером Нессельроде. Перед Никифоровым ставились следующие задачи: не допустить возобновления вражды между Россией и Хивинским ханством и добиться "обеспечения безопасности российских торговцев"; укрепить Аллакули-хана и его приближенных "в неограниченном доверии к справедливости и правоте намерений" российского правительства.

Весьма своеобразно интерпретировал канцлер пользу дружбы для Хивы с ее северным соседом: во-первых, потому что она в торговом отношении полностью зависит от России, а во-вторых, в политическом плане не может противостоять ей, если дело дойдет до применения силы. "Доказательством первого, — развивал свою мысль Нессельроде, — служит обеднение, произведенное в Хиве перерывом торговых с нею сношений России в 1754 г. и в особенности в 1836 г., когда цена всех мануфактурных изделий возвысилась там на 15%, а сырых материалов на 90%, между тем как хивинские произведения упали на 50%". Второе же положение, как мы видели выше, содержало в себе явную угрозу Хивинскому ханству. Вместе с тем П.Никифорову поручалось добиться доверия Аллакули-хана (57).

Конкретно задачи посольства Никифорова сводились к трем основным пунктам: уничтожение рабства и пленения русских и обеспечения лиц и имуществ их в Хивинских владениях; ограничение незаконного влияния Хивы на кочевые племена, "издревле поступившие в подданство России"; обеспечение торговли России как с Хивой, так и с соседними странами.

Как видим, в третьем пункте на авансцену выдвигались проблемы торговли, которые определялись как чрезвычайно важные. Нессельроде разъяснял, что развитие торговли между Россией и Хивой страдает от трех главных причин: "от грабежей и разбоев в Киргизской степи; от неопределенности и насильственного образа взимания таможенных пошлин среднеазиатскими владельцами и в особенности хивинским ханом за Сырдарьей, где под видом пошлины сборщики требуют, что хотят, и нередко силой отнимают товары, которые им нравятся; и от отсутствия

безопасности для русских купцов и неуравнительности их прав с азиатцами, которые пользуются у нас всеми возможными преимуществами, а в отечестве своем платят только 2,5% с товаров, тогда как русские купцы принуждены там вносить по 10% и подвергаются сверх того множеству неприятностей и даже опасностей".

Нессельроде в заключение подчеркивал, что исход переговоров с Аллакули-ханом по торговым вопросам полностью зависит от укрепления доверия его к России, которое в будущем обеспечит монопольное влияние империи в Средней Азии в целом.

Результаты переговоров с Аллакули-ханом Никифорову поручалось оформить юридически, так называемым обязательным актом. После подписи Аллакули-хана на этом акте представитель России своей подписью на его копии должен был удостоверить "взаимство поставленных в том акте условий" (58).

23 мая 1841 г. П. Никифоров, сопровождаемый поручиком Аитовым, наконец двинулся из Оренбурга в Хиву. 9 августа 1841 г. он прибыл в Хиву, где ему был оказан торжественный прием.

11 и 13 августа Аллакули-хан вел продолжительные беседы с Никифоровым. Хан проявил интерес к развитию англо-русских и англо-китайских отношений; выражал опасения по поводу намерения Англии овладеть Балхом. Как известно, это было время "опиумных войн", которые Британская империя вела против Китая, а Афганистан был оккупирован английскими войсками, и в Кабуле сидел марионеточный правитель Шуджа уль-Мульк. В течение месяца происходили встречи Аллакули-хана и российского посла, но дело от этого не двигалось вперед. По донесениям Никифорова, хивинский хан во время переговоров занимал своеобразную позицию: он не противоречил послу России, но и не давал положительного ответа на поставленные вопросы. С 12 сентября по 11 октября 1841 г. Аллакули-хан находился в селении Хазарасп по своим личным делам. После возвращения хана продолжились переговоры о русско-хивинской границе и подданстве казахских племен. Ни одна из сторон не желала идти на уступки. Окончательное решение

Аллакули-хана и его совета было однозначным: не подписывать никакого обязательного акта с Россией.

Никифоров сообщал председателю Оренбургской пограничной комиссии: "Дела идут весьма плохо и, вероятно, не будет желаемого успеха: хан не внимает никаким представлениям и упорствует сохранить влияние на всех киргизов, определяя границей России реку Урал" (59).

26 октября 1841 г. состоялась прощальная аудиенция, и Никифоров покинул пределы Хивинского ханства. Ему выдали семерых русских пленных и сопровождали представители хана — Ваисбай Ниязов и Ишбай Бабаев, с которыми он в декабре 1841 г. вернулся в Оренбург. По распоряжению Перовского Никифоров с грамотами хана поехал в столицу, тогда как хивинские послы временно остались в Оренбурге. Однако в пути он заболел и 13 января 1842 г. умер неподалеку от Сызрани. За его бумагами отправился подполковник Г. Данилевский, которому предстояло продолжить и завершить переговоры, начатые в Хиве. В этих документах Аллакули-хан сообщал, что по-прежнему стремится к дружбе с Россией, тогда как конкретные предложения поручены его послам (60).

Ваисбай Ниязов и Ишбай Бабаев были приглашены в Петербург, куда прибыли в конце марта 1842 г. и прошли через весь ритуал приема, включая царскую аудиенцию. При их участии обсуждался ханский фирман, содержащий проект условий дальнейшего развития хивинско-русских отношений. Собственно фирман повторял положения "обязательного акта" о прекращении вражды между двумя государствами и обеспечении безопасности российских подданных и их собственности в ханстве. Это условие вполне удовлетворяло царскую дипломатию. Но изложение статьи о постоянной "умеренной" пошлине на русские товары было признано неудовлетворительным. А главное — в фирмане не было ответа на попытки царских властей ограничить влияние Хивы на казахские племена. Представители Аллакули-хана заявили, что им поручено скрепить печатями лишь этот документ, ~~если~~ ^{если} российское правительство найдет его приемлемым. Они не были уполномочены вносить туда какие-либо изменения (61).

Российское правительство решило отправить в ханство нового дипломатического агента — подполковника Г. Данилевского, который должен был дать объяснения по неурегулированным вопросам взаимоотношений двух государств. Данилевскому было рекомендовано не избегать знакомства с послами других стран, избегая всего того, что "могло подать повод к неосновательным мечтам о намерении России распространить владычество свое со стороны Азии" (62).

1 августа 1842 г. Данилевский выехал из Оренбурга в Хиву. Его сопровождали ученый-натуралист Ф. Базинер, чиновник пограничной комиссии востоковед В. Григорьев, два топографа вместе с конвойной казачьей командой. После полуторамесячного пути миссия прибыла к хивинским границам, была встречена почетными чиновниками и отрядом войск Аллакули-хана. 17 сентября ее разместили в г. Ташаузе, недалеко от столицы ханства. Сам хан в это время возглавлял военные действия против Бухары и осадил г. Чарджоу. В конце октября 1842 г., не добившись большого успеха в боевых операциях и лишь захватив в плен несколько сот семей бухарских дехкан, Аллакули-хан вернулся в Хиву (63).

Переговоры, наконец, начались, но вскоре их пришлось прервать: Аллакули-хан серьезно заболел и 23 ноября умер. На престол вступил его сын Рахимкул, который 27 декабря 1842 г. поставил свою печать на "обязательном акте" с Хивой.

От имени "владельца Хорезмского шаха" в этом документе провозглашалось, что он стремится "пребывать в постоянном мире и тесной дружбе...с Российской империей". Девять пунктов "обязательного акта" предусматривали отказ Хивы от враждебных действий против России, от содействия или участия "в грабежах, разбоях и захватах" в казахских степях либо на Каспийском море и возврат захваченного имущества. Рахимкул-хан обещал не держать в неволе русских подданных, отвечать за их личную и имущественную безопасность, не давать убежища "беглецам и мятежникам".

Много внимания было уделено в акте торговым делам. Привозимые из России товары полагалось облагать пошлиной в течение одного года; эта пошлина не должна была превышать 5% их действительной стоимости. Караваны, пересекавшие Сырдарью на пути в Бухару и Коканд и обратно, вообще не подлежали обложению, а те из них, какие проходили через хивинские земли, должны были пропускаться беспрепятственно по выплате законного закята.

Данилевский поставил подпись на копии "обязательного акта" о том, что Россия "предает совершенному забвению" враждебные действия Хивы в прошлом, отказывается от возмещения убытков за разграбленные караваны, гарантирует безопасность и покровительство хивинцам на своей территории и предоставляет торговцам из этого ханства все льготы, которыми пользуются "купцы других азиатских стран" (64). Хивинцы не ответили лишь на два самых важных вопроса — о разграничении сфер влияния двух государств в Казахстане и о пребывании в Хиве постоянного представителя Петербурга. Но, столкнувшись с упорным отказом хивинцев ответить на эти вопросы, царские власти предпочли обойти их молчанием, чтобы добиться в конце концов заключения официального соглашения с Хивинским ханством (65).

"Обязательный акт", принятый Хивой в 1842 г., по существу, был первым и единственным полностью оформленным договором между Российской империей и Хивинским ханством за все время их взаимоотношений.

30 декабря 1842 г. Данилевскому была дана прощальная аудиенция, и на следующий день он со своими спутниками покинул пределы ханства. Хивинский мехтер в письме к Нессельроде сообщил, что в Петербург направляется посланник Хивы мингбаши Мухаммад Амин. Последний "благоклонно" был принят в Оренбурге и проследовал без задержек в Петербург. В мае 1843 г. Мухаммад Амин Аваз Бердыев уже достиг берегов Невы. Ему был вручен экземпляр "обязательного акта", на котором Нессельроде зафиксировал утверждение царем условий этого документа (66). 31 мая 1843 г. посланец хивинского хана

получил аудиенцию у царя, что подчеркивало значение, какое придавалось хивинской миссии. В июле, получив богатые дары для Рахимкул-хана, мехтера и самого Аваз Бердыева, посольство покинуло Петербург и 4 августа 1843 г. прибыло в Оренбург.

После принятия "обязательного акта" русско-хивинские отношения серьезно улучшились. Почти на протяжении четверти века не возникало острых недружественных коллизий. Через два с небольшим года умер Рахимкул-хан (1845). С восшествием на хивинский престол его брата Мухаммада Амина (1845 — 1855) изменился и состав придворных. Текст "обязательного акта" где-то затерялся, и когда в ханство прибыла в 1858 г. миссия полковника Н. Игнатьева, об этом акте уже там давно никто не вспоминал (67).

Успешное завершение миссии Данилевского нашло отклик в деловом мире России, прежде всего у текстильных фабрикантов и торговых воротил центрального района России. В 1844 г. было образовано негласное товарищество для сбыта российских изделий в Средней Азии. Первым шагом этой компании была отправка товаров в Хиву. Участниками товарищества были фабриканты Владимирской губернии И. Баранов, выпускающий различных бумажных изделий на 2 млн рублей, П. Зубов — на 800 тыс. рублей и ростовский купец Ф. Пичугин, отправивший в последние годы три собственных каравана в Ташкент, Бухару и Хиву (68). Купцы просили разрешения открыть коммерческий дом для торговли с Хивинским ханством через Аральское море и по реке Амударье.

Царская дипломатия подбадривала российские торгово-промышленные круги, стимулируя расширение связей с южными соседями. Проявленные в данном направлении тенденции привлекали заботливое внимание и других правительственных органов империи. Наряду с этим военные круги России предпочитали укреплять позиции на подступах к среднеазиатским ханствам, создавая опорные пункты для "расширения торговых связей и политических действий". Выше отмечалось, что в 1847 г. на путях, ведущих к ханствам с северо-запада и северо-востока, были заложены два укрепления — Раимское,

близ устья Сырдарьи, и Копал, у Семиреченского Алатау. Еще до строительства Раимского укрепления, но по поводу этого вопроса из Хивы прибыло посольство.

В декабре 1846 г. в Оренбурге появились посланники Хивы — Клыч Ниязбай Ниязмухаммадов и Шукурулла-бай Мискинов — с двумя ханскими грамотами. Одна из них извещала о смерти правителя Рахимкула и вступлении на престол Мухаммада Амина, и подтверждала желание хана быть в дружбе с Россией и соблюдать установленные условия; а другая содержала жалобу на создание Россией крепостей в "Киргизской степи". 9 марта 1847 г. Клыч Ниязбай Ниязмухаммадов и Шукурулла-бай Мискинов прибыли в Петербург, представили грамоты и прошли весь установленный церемониал.

Во время переговоров хивинцы поставили вопрос о срытии степных укреплений. Но и во время переговоров, и в полученных послами официальных документах правящие круги империи по различным мотивам отклонили хивинские ходатайства. В грамоте, подписанной Николаем I, говорилось, что пока Хивинское ханство будет соблюдать условия мира, отношения к нему России будут неизменно дружественными, а хивинские торговцы по приезде всегда будут находить защиту и покровительство. Что же касается воздвигнутых крепостей, то их единственная задача — "обезопасение торговли и установление большего в тех местах порядка" (69).

В начале мая хивинские посланцы отбыли на родину. "Разъяснения и внушения" царских властей, прозвучавшие в доставленных Мухаммаду Амин-хану документах, не произвели на него впечатления. Вторая половина 1847 г. и весь 1848 г. были отмечены настойчивыми набегами хивинских войск на правобережье Сырдарьи, их столкновениями с царскими военными отрядами. Однако Мухаммаду Амину не удалось добиться уничтожения крепости Раим вооруженным путем, ему пришлось снова вернуться к переговорам с царским правительством. Продолжая добиваться ликвидации Раимского укрепления, он снарядил в Россию нового посланца.

В начале сентября 1849 г. с большим караваном из 1200 верблюдов в Оренбург прибыли посланцы хана Мухаммада Амина — его приближенный Ходжа Мехрем Аллабердыев и правитель города Куня-Ургенч Атанияз Ваис-бай Ниязов. Они были снабжены письмами к царю и петербургским сановникам, а в их обозе находились девять освобожденных из неволи русских.

Как водится, с посланниками беседовал оренбургский губернатор и председатель оренбургской комиссии, выясняя конкретные цели посольства. Хивинские послы заявили, что они приехали "для утверждения прежних дружественных отношений", хивинское правительство признает права России на земли "Киргизской степи" оренбургского ведомства, где возведены укрепления, но просит, "как милости", скрыть их и вывести войска.

23 января 1850 г. Ходжа Мехрем Аллабердыев (Атанияз Ваис-Ниязов заболел и остался в Оренбурге), отправился в столицу, где провел полтора месяца, встречался с царем и канцлером, осмотрел "музеумы" Академии наук и корпуса горных инженеров и др. Политические итоги его визита нашли отражение в письме канцлера России хивинскому мехтеру. В нем подчеркивалось миролюбие намерений России, отмечалось, что укрепления, вызвавшие беспокойство хана, построены на русской земле, "для водворения порядка в степи, обезопасения наших киргизов и обеспечения караванных путей". Далее министр отмечал, что неперменным условием дружественных отношений со стороны хивинских правящих кругов должно явиться соблюдение условий "обязательного акта", подписанного ханом во время визита в Хиву русского посла Данилевского (70). В том же духе была составлена и "царская грамота" Мухаммаду Амину.

Российские власти удовлетворили просьбы хивинского посла об освобождении нескольких захваченных соплеменников, дали разрешение выехать на родину женам среднеазиатских купцов и т. п. Предложение отправить в Хиву русское посольство было отклонено до выяснения того, как будут развиваться события.

События же развивались по-прежнему: хивинские и кокандские правители организовывали нападения на казахские кочевья, провоцировали столкновения между различными племенами и родами, препятствовали нормальному ходу торговых караванов.

26 апреля 1852 г. в Оренбург приехало новое посольство из Хивы. Возглавлял его уже бывавший в России Шукурулла-бай Мискинов. Хан Мухаммад Амин упорно добивался ликвидации Раимской крепости. Посол был снабжен многочисленной документацией на имя царя и представителей правящих структур. Во всех этих материалах содержалась ссылка на обещание царя, что русские войска не будут переходить на юго-западную сторону Сырдарьи и просьба разъяснить, с ведома ли царя "несколько русских производили в прошлом году за Сырдарьей съемку местности, или только с разрешения пограничного начальства" (71).

Перовский, занявший пост оренбургского губернатора в 1851 г., после беседы с хивинским послом и выяснения официальных задач посольства, предложил запретить поездку посланца Мухаммада Амина в столицу.

В Петербурге согласились с этим мнением. После отказа царских властей допустить Шукурулла-бая Мискинова в Петербург, он пытался добиться результатов в беседах с оренбургскими чиновниками. Добиться согласия на срытие укрепления Раим ему не удалось, и в сентябре 1852 г., присоединившись к хивинскому торговому каравану, он двинулся домой.

В правительственных кругах России зрело намерение активизации политики на Востоке, что было особенно важно в международной обстановке, сложившейся после Крымской войны.

В начале июля 1857 г. сменивший Перовского Катенин получил сведения о том, что в Оренбурге ожидается хивинский посланец с протокольными поздравлениями, о чем он сообщил в МИД. А. Горчаков предложил допустить хивинского дипломата в Петербург для восстановления дружественных связей с ханством.

20 июля 1857 г. представитель хивинского хана шейх-уль-ислам Фазыл-ходжа Ислам Ходжин приехал в Оренбург, а в сентябре того же года вместе со своим советником Ишбаем и секретарем Камал-ходжой они прибыли в Петербург. Задачи этого посольства мало отличались от задач предыдущих посольств: хивинские власти настаивали на признании Сырдарьи границей между двумя государствами.

Исходные позиции для переговоров с российской стороны были такими же в своей основе, как и десять лет назад. Но главным в переговорах было сообщение хивинской стороне о намеченном выезде в ханство царской дипломатической миссии.

17 декабря 1857 г. хивинское посольство покинуло Петербург и поспешило в Хиву с этой вестью (72).

Внешнеполитические предпосылки посольства в Хиву и Бухару, практически завершившего сношения Российской империи со среднеазиатскими ханствами в период их самостоятельности, были связаны также с прибытием в Петербург представителей эмира Насруллы, которые ходатайствовали о присылке в ханство представителей России.

Это пожелание вполне совпадало с намерениями царского правительства. В задачу посольства, которое возглавил Игнатьев, входило ознакомление с обстановкой в Хиве, укрепление влияния России в Хивинском ханстве и улучшение условий ее торговли. Игнатьеву предстояло также получить согласие Сейида Мухаммад-хана на свободное плавание торговых судов России по Амударье. Если бы этого удалось добиться, послу разрешалось не настаивать на сокращении пошлины с русских товаров с 10 до 5%. Кроме того, поручалось ознакомление с приемами и состоянием британской торговли в ханствах, а также изыскание средств для удержания за Россией первенства на среднеазиатских рынках.

18 июля 1858 г. Игнатьев и сопровождающие его лица добрались до столицы ханства, а через 10 дней он вручил хану свои документы. Смыслом переговоров был "обязательный акт". Он провозглашал дружбу между Россией и

Хивой, отказ ханских властей от содействия ограблениям русскоподданных и обеспечение их личной и имущественной безопасности, допуск русских судов в Амударью и торгового агента России в Хиву, установление пошлины с российских товаров в размере 2,5% их стоимости.

Россия предавала забвению прежние конфликты, отказывалась от возмещения убытков, понесенных в прошлом ее купцами, предоставляла купцам из Хивы права и привилегии, какими пользовались торговцы других стран Азии, допускала в Оренбург хивинского торгового агента, шла на выплату 2,5% пошлин с провозимых по Амударье транзитом грузов и 5% с товаров, выгруженных с торговых судов в ханстве (73).

Хивинский хан принимал все условия, кроме пропуска судов в Амударью. Этому противились хивинские купцы, опасавшиеся, что торговля "уплывет" в руки российских предпринимателей. Сложившиеся взаимоотношения вполне устраивали правящие круги Хивы. Они не были заинтересованы в их изменении, а тем более в фиксации каких-либо нежелательных изменений.

Игнатьев же пришел к выводу, что руководители ханства не знакомы с международным правом, с принципом соблюдения договоров, и заставить их соблюдать соглашения может лишь военная сила. 25 августа Игнатьев получил ответные подарки хана царю, что было прямым намеком на необходимость отъезда российского посла из Хивы.

После этой миссии у многих политических и военных деятелей царизма сформировалась точка зрения: пора переходить от дипломатии к прямому военному нажиму на ханства, к активным наступательным действиям для осуществления целей военно-феодалных и капиталистических кругов Российской империи. Поэтому отнюдь не случайно, что в середине 60-х годов XIX в., когда началось решительное наступление царских войск в глубь Средней Азии, во главе Азиатского департамента Министерства иностранных дел находился бывший руководитель миссии в Среднюю Азию.

Недоверие нового Сейида Мухаммад-хана к миссии Игнатьева было вполне оправданным. Хивинский хан только что вступил в управление ханством и не успел еще усмирить враждебные ему силы, в частности, туркменские племена во главе с ханом Ата-Мурадом. Именно в это время обострилась борьба за политическое влияние между туркменской и узбекской элитой. Но более всего хивинского хана беспокоили промеры Амударьи, производимые экспедицией Бутакова, сопровождавшей посольство Игнатьева и получившей задание верхов, "в случае надобности", оказать ему поддержку.

Кроме того, Сейида Мухаммад-хана не могло не смутить то количество военных сил, с которым прибыло посольство в Хиву и, видимо, это было одной из главных причин той неудачи, которую испытал российский посол при ведении дипломатических переговоров.

Вначале хан позволил пройти двум судам Бутакова в Амударью, но потом стал требовать их удаления. Несмотря на требование хана, пароходы Бутакова проникли до Кунграда, идти далее он не решился потому, что правитель Кунграда не допустил движения вверх по реке. Сейид Мухаммад-хан хорошо понимал, что, исследовав Амударью, ее судоходные возможности, русские приобретали новый удобный путь в Хиву в случае, если бы вздумали предпринять новый поход на Хиву, как это уже имело место в 1839 г. Он исходил из интересов государства, которое возглавлял.

России, как и всякому государству, построенному на принципах самодержавия, были присущи захватнические тенденции. Документы свидетельствуют о том, что на протяжении XVIII — первой половины XIX в. состоялось 25 хивинских посольств в Россию и 14 русских посольств в Хиву и ни одна, ни другая сторона не проявляла каких-либо агрессивных намерений. Исключением являлся хивинский поход Перовского, который провалился, и попытка Игнатьева навязать Хиве абсолютно неприемлемый для нее в той обстановке договор.

В целом же царские власти не выражали особой тревоги по поводу развития русско-хивинских отношений. Посольствами решались проблемы, возникавшие по ходу обмена торговыми караванами, регулировалась таможенная политика, происходила систематическая выдача Хивой пленных российской стороне, и, аналогично, Россия освобождала задержанных по разным причинам хивинских купцов. Царские власти всегда полагали, что ее позиции в Хиве основываются на определенной зависимости ханства от торговли с Россией. И только поток английских товаров в Хиву в первой половине XIX в. стал нарушать эту уверенность.

Русско-хивинские отношения обострились, когда британские военно-политические разведчики стали посещать Хиву и готовить базу для расширения своего политического влияния и экономической экспансии в ханство. Именно тогда двинулся Перовский на Хиву. А в российских правящих кругах все больший удельный вес стала набирать позиция Оренбурга в среднеазиатской политике — решать проблемы с Хивой путем силового давления. Эта позиция получила поддержку со стороны Азиатского комитета Министерства иностранных дел, особенно с приходом в качестве главы этого ведомства А. Горчакова, сменившего в 1856 г. К. Нессельроде.

ГЛАВА 5

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОНТАКТЫ РОССИИ С ТАШКЕНТОМ И КОКАНДОМ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Взаимодействие независимого Ташкентского государства и России

Ташкент издревле являлся форпостом оседлой культуры на северо-востоке Средней Азии и быстро развивающимся торгово-ремесленным центром, который приобрел серьезное экономическое и важное военно-стратегическое значение крайнего опорного пункта среднеазиатской оседлости на рубеже со степью.

В истории Ташкента не было периода, когда бы он не служил яблоком раздора для захватчиков. Он не раз подпадал под власть кочевников, нередко бывал на грани гибели, но всегда возрождался и неизменно становился центром экономической связи оазиса со степью, однако тяжелая военно-политическая обстановка снижала темпы его развития.

Неоднократно Ташкент подпадал и под иноземное владычество. Уже в конце I тысячелетия до н. э. Ташкентская область входила в состав государства кочевников Кангха (Кангюй), позже она оказалась в подчинении центрально-азиатскому государству кочевников-тюрков, затем Китайской империи Тан, потом ее подчинили кочевники Семиречья, позже — центральноазиатские найманы и уйгуры, потом татаро-монголы, наконец джунгары-калмыки. В VIII в. Ташкент был захвачен с юга войсками арабского халифата Омейядов.

В XVI столетии Средняя Азия переживала важный этап исторического развития, характеризующийся массовым вселением на ее территорию кочевых племен "государства узбеков". В результате этого движения пало ослабленное внутренними усобицами государство среднеазиатских темури-

дов, власть перешла в руки феодально-племенной знати кочевых народов.

Ташкент, входивший до того в состав владений чингизидской династии Моголистана, был также подчинен силам Шейбани-хана и отдан в удел его дяде Суюнч-ходже.

В составе шейбанидского государства город приобрел значение развитого культурного и хозяйственного центра севера Средней Азии и при Барак-хане стал на короткое время столицей государства. К XVI в. относится и первое непосредственное знакомство местного торгово-ремесленного населения с Россией: ташкентский шейбанид Дервиш-хан направил в Москву торговые посольства для утверждения с Россией торговых отношений через Волжский путь. Стремление к развитию торговли не дало реальных результатов из-за отдаленности от Ташкента и трудности торгового пути на запад через Бухару, Хиву, Каспий и Волгу.

После завоевания Россией Западной Сибири ташкентское купечество вступило с ней в устойчивые связи, используя свои традиционные пути по степям Казахстана.

В конце XVI в. Ташкент был захвачен бухарскими шейбанидами; в руках бухарской династии аштарханидов город находился в XVII в., однако в 1642 г. их власть была свергнута, а Ташкент подпал под власть казахского кочевья. Их власть также была свергнута. Все кочевье и Ташкент к 1723 г. подчинили племена джунгаров (кочевники западной Монголии), феодально-племенная знать которых распространила свою власть на обитателей огромной территории — от Центральной Монголии до Аральского моря и от Иртыша до Сырдарьи (1). Ташкент в их новых владениях был крупнейшим оазисом оседлой культуры и важным источником доходов. Развивалась торговля. Ташкентские купцы стали частыми гостями не только в степи, но и в русских пограничных городах Сибири. В 1736 г. группа ташкентских купцов впервые поехала на Макарьевскую ярмарку через Оренбург. В 1739—1740 гг. из Оренбурга в Ташкент был отправлен под воинской охраной русский торговый караван.

Большое значение для развития непосредственных связей с Россией имело открытие в 40-х гг. XVIII в. "Сибирско-

го тракта" (он проходил через Казань, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Тару, Колывань, Томск, Иркутск), оборудованного необходимыми сооружениями колесной дороги от Москвы до Кяхты (2). Однако широко воспользоваться благоприятными возможностями ташкентским купцам мешала государственная неустроенность кочевья и угнетение феодалов-джунгаров.

В 1758 г. Джунгарское государство было разгромлено Китаем, и Ташкент стал считаться вассальным владением Китая. На самом деле он оставался независимым, предоставленным самому себе городом. Его население, политически не готовое принять власть, сохранило старую форму ее организации, низовой ступенью которой являлась махалля, верхней ступенью — даха. Это была основная форма административно-хозяйственного самоуправления жителей, избиравших свою общинную администрацию, которая в лице аксакалов представляла общину перед городскими властями. Военно-полицейские функции власти были предоставлены приглашенной в город казахской дружине. Но эта система власти просуществовала недолго. Вскоре город был раздроблен на четыре владения, каждое с отдельным хакимом во главе. Внутри города почти четверть столетия шла междоусобная борьба. За это время лишь однажды, в 1779 г., в Тобольск отправилось посольство, которому было поручено выяснить возможности расширения торговли с Россией. Чорхаким — время раздробленности Ташкента на 4 хакимства, было одним из наиболее тяжелых периодов в истории города и его населения. Критическое положение населения приводило наиболее передовых представителей торгово-ремесленных слоев к мысли о необходимости объединения сил для установления в городе единовластия, утверждения в нем правителя, не запятнавшего своего имени разжиганием междоусобицы.

Таким правителем оказался Юнус-Ходжа, сын умершего хакима Шейхантаурской части. В 1784 г. он явился в город с небольшой дружиной, состоящей из казахов и горожан, заявив претензию на власть. Старейшины города удовлетворили его требования. Став хакимом, он быстро заслужил доверие горожан, которые объединились вокруг

нового хакима и передали Юнусу-Ходже власть над городом.

Необходимо отметить, что в исторической литературе, посвященной возникновению независимого Ташкентского государства (1784—1808 гг.) и его развитию в течение четверти столетия, выделяется два этапа. Первый этап истории Ташкентского государства прошел под знаком его хозяйственного становления, политического укрепления и повышения военно-оборонного потенциала. Государственная политика на этом этапе определялась Ташкентским городским советом, решавшим все важнейшие дела. Российские посланники, чиновники горного ведомства Т. Бурнашев и М. Пospelов, посетившие Ташкент по просьбе Юнуса-Ходжи, писали об образе его правления: "Власть свою часто приводит в исполнение с лучшими своими чиновниками, которые смотрят на наклонность его мнения и согласуются. В таких советах участвуют первостепенные Ходжи, в усердии и преданности коих владелец уверен" (3).

По инициативе Ташкентского городского совета осуществлялись меры по укреплению и расширению экономической базы государства, подъему местного производства, возрождению горнорудной промышленности, расширению торговых связей с Россией, которая по уровню социально-экономического развития могла создать более действенные условия для хозяйственного подъема в регионе.

Первым значительным шагом в установлении дипломатических связей Ташкентского государства с Россией было направление в адрес Западно-Сибирской администрации империи послания Юнуса-Ходжи (1793 г.) следующего содержания: "В это благоприятное время да будет известно высокому двору великого царя, что слава аллаху и по его святой воле, в положении нашей страны...достигнуты здесь благополучие, добрые дни и процветание... В это-то благоприятное время, написав письмо и приложив (к нему) печать, мы и послали к вам Мухаммад-Ходжу с Азизом-Ходжой, сделав их караван-башиями и присоединив к нему найденных нами купцов.

Если по соизволению великого аллаха они благополучно и невредимыми доедут и расскажут о нашем благополу-

чий и благоденствии, то верьте им. И Вы тоже (со своей стороны) тех купцов, которых найдете, посылайте в нашу сторону (для торговли). Вы также укажите купцам, чтобы и они друг другу не причиняли вреда и сделайте, чтобы (торговые) люди ваши почувствовали себя спокойными (за свои дела во время поездки в Ташкент)

Обо всем же остальном, если что будет говорить Мухаммад-Ходжа и Азиз-Ходжа, имеющие на руках это письмо, что они устно скажут, тому и верьте" (4).

Ташкентские посланники устно передали, что Юнус-Ходжа, "если дозволено ему будет, намерен к высочайшему Российскому двору послать от себя посланников" и что он приказал также узнать в связи с обнаружением под Ташкентом золотоносных россыпей у горы Наудаг и неимением в государстве соответствующих специалистов, которые бы могли разобраться в качестве этих руд, что: "нет ли таковых людей здесь в Русском государстве" и что в будущее лето (Юнус-Ходжа) и сам просить их (мастеров) не оставит", — добавили посланники (5).

Послание Юнуса-Ходжи вызвало большой интерес в правительственных кругах России, которым было выгодно иметь дружественные отношения с Ташкентским государством как с экономической, так и с политической точек зрения. Из Петербурга начальнику Сибирской линии были даны следующие установки: ташкентским посланцам оказать "пристойную ласку и приязнь", в ответном письме к правителю Ташкента сообщить, что к установлению обоюдной торговли и к обещанию "о сохранении безопасности и дружеском приеме в Ташкенте русских купцов" императрица Екатерина II отнеслась благожелательно; пообещать, что правовое положение ташкентских купцов будет защищено так же, как и других иностранцев и, что государыня Екатерина II соизволяет принять доверенных людей Юнуса-Ходжи, если он того пожелает "для лучшего устроения об установлении торгового соглашения" (6).

Начальнику Западно-Сибирской линии Г. Штрэндману было велено проследить лично, чтобы русским купцам, отправляющимся торговать "в степь и Ташкению" не выде-

лялись для сопровождения военные команды, так как малые команды бесполезны, "а большая может произвести тревогу и беспокойство местных жителей". Также поручалось под благовидным предлогом отправить вместе с купцами одного или двух "надежных и смышленных людей" в Ташкент для личного ознакомления с новым государством и изучению помех, препятствующих развитию российской торговли с азиатскими странами (7).

Это распоряжение российского правительства послужило основанием к отправке из Омска в Ташкент в 1795 г. миссии горного чиновника Т. Бурнашева и сержанта А. Безносикова. Г. Штрэндман, снаряжавший посольство, вручил им письма к бухарскому эмиру, "ходжанскому и ташкентскому владельцам" и казахскому султану Букею. Конечной задачей Бурнашева и Безносикова было добраться до Ташкента и установить контакт с его властителем Юнус-Ходжой. Послы обязаны были договориться о развитии торговли, заверить Юнус-Ходжу в строгом соблюдении принципов взаимности в отношении к местным купцам, какие будут приезжать в российские пределы, а также в готовности принять его представителей.

Но миссия Бурнашева и Безносикова не достигла основного места назначения. Проезд в Ходжент и Ташкент был категорически воспрещен бухарцами. Однако царское правительство продолжало интересоваться перспективами политических и экономических связей с Ташкентским государством. В 1795 — 1796 гг. Бурнашев и Безносиков пытались добраться до Ташкента через город Туркестан, но из-за болезни Бурнашева и из-за невозможности пробиться через горные пути, покрытые глубоким снегом, эта попытка потерпела неудачу.

Только в 1796 г. русскому посольству удалось попасть в Ташкент. Новую посольскую миссию возглавил казачий атаман подпоручик Д. Телятников. В ее состав вошло 9 человек вместе с сопровождавшим посольство Ишим-Султаном, сыном известного казахского султана Букея. 29 августа посольство по всем правилам торжественного ритуала было принято Юнус-Ходжой. Миссия заверила Юнус-Ходжу в стремлении России расширять торговые и политические от-

ношения с его владением и вручила ему письмо от российского правительства.

Обратный выезд российского посольства состоялся весной 1797 г. Вместе с Д. Телятниковым Юнус-Ходжа решил отправить в Петербург свою миссию. В нее вошли Мулладжан-Ахун Магзум — "ближайший и первейший советник" правителя (8) (как его аттестует сам Юнус-Ходжа) и Ашур-Али Бахадур-мингбаши.

Начальник Сибирской линии докладывал Павлу I о стремлении ташкентских купцов к торговле с Россией и предлагал направить в Ташкент крупный русский караван с товарами и разрешить в целях безопасности конвоировать его линейными казаками.

Царские власти придавали большое значение посольству Юнус-Ходжи и приказали Телятникову сопровождать его в Петербург. В сентябре 1797 г. посольство прибыло в Омскую крепость и было представлено Г. Штрاندману. 9 ноября 1797 г. Мулладжан-Ахун Магзум и Ашур-Али Бахадур в сопровождении Д. Теляникова, А. Безносилова и кап-рала Я. Быкова прибыли в Петербург и были размещены в доме посланников при Коллегии иностранных дел. Попечение о ташкентских послах было возложено на сотрудника Азиатского департамента действительного статского советника С. Лашкарева.

Официальная аудиенция в Зимнем дворце состоялась 17 декабря 1797 г. Ташкентские послы вручили императору Павлу I грамоту своего правителя. Незадолго до этого они передали в Коллегию иностранных дел документ, который гласил: "В соответствии с письмом, направленном славному и могущественному его величеству царю и великому императору, его светлости высокому государю от уважаемого и почтенного нашего Ходжи Мухаммада Юнуса, которым выражена нам полная доверенность (на ведение переговоров) и соответственно данного нам, как послам, устного поручения, настоящим заявляем, что: одно, о чем будет просьба и мольба, это то, что поскольку мы с древнейших времен ведем торговлю, то пусть были бы оказаны ташкентцам царское позволение и разрешение беспрепятственно приезжать и уезжать в границу высокого рус-

ского государства и чтобы купцы русского государства также, подобно этому беспрепятственно отпускаясь и приезжали в нашу страну и совершали там торговлю и обмен" (9).

Далее содержалась просьба в случае несогласия с непосредственными соседями и войны "не оставить сильным своим защищением и о том ... уверить высочайшей его величества грамотою, что его, владельца нашего Ходжи Мухаммад Юнуса в высокое свое покровительство и защищение приемлет" (10).

Как видим, ташкентские документы ставили перед правительством России ряд вопросов, выходящих за рамки развития обычных торговых отношений. Естественно, что эти предложения нуждались в самом серьезном изучении. Ташкентские дипломатические документы обсуждались на совещании Коллегии иностранных дел в составе канцлера кн. А. Безбородко, кн. А. Куракина, гр. С. Румянцева и обер-секретаря Н. Яблонского (10). Активность, какую проявляли к развитию дружественных отношений с Ташкентским государством эти видные чиновники России — была достаточно серьезным залогом их внимательного отношения к ташкентским документам, решение по которым требовало большой осмотрительности и такта.

В частности, необходимо отметить, что в конце XVIII в. сложилось принципиально новое соотношение сил в мире. Главным в международной политике стало соблюдение принципа баланса сил, определились новые основные очаги противоречий и приоритетные интересы. Направленность усилий российских политиков и дипломатов определялась борьбой за окончательное утверждение на Балтике и за выход к Черному морю. Россия, наряду с Англией и Францией, играла ведущую роль в этой борьбе. В то же время необходимо было учитывать национальные интересы России на Востоке, в частности, отношения с государствами Центральной Азии и Китаем, с которыми предстояло урегулирование некоторых спорных вопросов. Вместе с тем нельзя было отказать и Ташкентскому государству в его просьбе о покровительстве России в случае осложнений в центральноазиатском регионе, так как российское правительство

было крайне заинтересовано в развитии и укреплении торгово-экономических и политических связей с ним.

Канцлер А. Безбородко 9 января 1798 г. пригласил ташкентских послов Мулладжана Магзума и Ашур-Али Бахадура в свою резиденцию для приватной беседы, которая имела решающее значение для определения окончательной позиции российского правительства в отношении Ташкента. В итоге по распоряжению канцлера Коллегия иностранных дел подготовила текст ответной грамоты императора Павла I в адрес Юнус-Ходжи, писем канцлера к нему же, а также ряд распоряжений на имя сибирской администрации, которой предстояло продолжить переговорный процесс с Ташкентским государством.

9 марта 1798 г. посланникам были вручены необходимые документы, ответные дары от российского правительства, и они в сопровождении Д. Телятникова, А. Безносикова и Я. Быкова двинулись в обратный путь.

Грамота Павла I не содержала официальных ответов на вопросы, поставленные посольством. Ответы содержались в письме канцлера Безбородко Юнус-Ходже. Письмо извещало о том, что в Ташкент будут отправлены горные инженеры для осмотра открытых рудников; что император обещает ташкентским купцам "всякую по границе империи его безопасность, свободу и другие свойственные тому удобства и выгоды, но и своему подданному пограничному купечеству позволяет ездить с товарами во владение ваше, когда в оном обнадежено будет оно от вас такою же безопасностью, свободою и другими удобствами и выгодами, какие его императорское величество со стороны своей выше всего даровать соизволяет ташкентскому купечеству" (12).

Как видим, российское правительство, обеспечив широкие возможности осуществления практических мероприятий по вопросам торговли, продлило время для разработки соответствующих соглашений с соблюдением принципа обоюдности принимаемых обязательств.

Далее в письме сообщалось, что Россия окажет действительную защиту Ташкентскому владению, но рекомендовалось Юнусу-Ходже соблюдать в отношениях с соседями

должное "благоразумие" и не давать поводов к обострению отношений с ними. Если же "против всякого чаяния" произойдет обострение отношений с Китаем, то Россия "войдет в посредничество и примет надлежащие меры" (13). Вместе с тем в письме указывалось, что до тех пор, пока не возникнет действительная нужда в защите Ташкента, Россия не считает целесообразным оформлять свое заявление официальным государственным актом.

Как видим, царские власти пошли навстречу просьбам Юнуса-Ходжи, но это не означает, что у них была физическая возможность оказать в те годы реальную помощь Ташкентскому государству, что проявилось через несколько лет, когда оно было поглощено Кокандским ханством.

Итоги прошедших переговоров были встречены в Ташкенте с удовлетворением. Первым практическим результатом этих переговоров стала поездка горных инженеров М. Поспелова и Т. Бурнашева в Ташкент. Она готовилась уже в 1798 — 1799 гг., но по ряду организационных причин откладывалась и состоялась лишь весной 1800 г. В Ташкенте посланники находились более трех месяцев и в обратный путь отправились 1 октября 1800 г. За время пребывания в Ташкенте они ознакомились с горнорудными богатствами, подробно изучили местную государственную жизнь и уровень развития местного хозяйства. Характеризуя металлическую промышленность Ташкента, М. Поспелов отмечает, например, что ташкентцы "выплавляют чугун и делают из него посуду. Руду добывают в отрогах Алайского хребта... Для плавки чугуна из руд сделан горн, который приводится в действие посредством ручных мехов" (14).

Поспелов высоко отзывался о трудовых навыках и традициях жителей Ташкента: "Вообще должно сказать, — писал он, — о весьма отличном трудолюбии народа и что из онаго мало таких, коим бы праздность была известна, и они, как нужное для себя пропитание, так и подать частновременно собираемую, приобретают единственно неусыпными своими трудами" (15). В торговом отношении Ташкент рассматривается как узловой пункт между Россией, Китаем, Персией, Индией и среднеазиатскими ханствами.

Миссия Поспелова и Бурнашева имела и важные дипломатические поручения, которые были изложены в письме канцлера Безбородко в адрес командующего Сибирской линией. Отмечая, что "посылка оных обещана ему (Юнусу-Ходже) по его прошению для осмотра рудников его", канцлер указывает, что миссия посылается "не меньше и для того, чтобы в пути своем туда, не приметным образом осмотрели оный и состояние той земли, положение ее и вместимость людей, какую могла б она на себя принять и продовольствовать в случае просимого тамошним владельцем от здешней стороны защищения" (16).

Таким образом, Поспелов и Бурнашев должны были представить достоверные данные о возможных путях и условиях передвижения и размещения на территории Ташкентского государства военных сил на случай, если окажется необходимым в действительности оказать военную помощь. Такие данные российскому правительству были предоставлены, и посольство в целом выполнило свою миссию. Единственно, чего не добились Поспелов и Бурнашев, — это письменных гарантий Юнуса-Ходжи о предоставлении русским купцам свободы, безопасности и выгод, какие даровались ташкентским купцам в Петербурге.

Вторичная попытка получения таких гарантий была предпринята в 1803 г., когда в Ташкент был отправлен Д. Телятников. Однако его миссия опоздала: к этому времени Ташкентское государство вступило в ожесточенные войны с Кокандским ханством. Д. Телятников, не доехав до Ташкента, возвратился в Омск. Это было последнее официальное посольство России в Ташкентское государство.

Приведенные материалы показывают, что Ташкентский городской совет, в конкретно-исторических условиях конца XVIII в. получивший возможность влиять на политическую жизнь государства, сделал ставку на развитие широких связей с Россией. В этом ему виделся реальный путь к экономическому и политическому развитию страны и укреплению собственных позиций.

Однако в условиях последующего периода жизни Ташкентского государства в дипломатических отношениях с Россией наметились определенные сложности. Они были

вызваны, с одной стороны, захватом руководящей роли в государстве военно-феодальными верхами, постоянно враждовавшими между собой, с другой же, претензиями Коканда на установление своего политического влияния над казахскими родами. Эти факторы определили позицию Петербурга в отношении Ташкентского государства. Как мы видели, посольство Д. Телятникова было срочно отозвано в связи с началом кокандско-ташкентских войн.

Царское правительство отказалось от заманчивой возможности установления своего "покровительства" над Ташкентским государством, хотя такая возможность существовала, и о ней прямо говорили посланники Юнуса-Ходжи и дипломаты России. Российское правительство больше волновало извращение о вмешательстве Коканда во внутренние дела казахских племен, переходившее в откровенные грабежи и военные столкновения.

Обнаружив серьезную угрозу своим интересам, царское правительство стало более серьезно относиться к оценке ситуации в Средней Азии. В сочетании с важнейшими социально-экономическими сдвигами в стране, где интенсивно формировались капиталистические отношения, складывались предпосылки серьезного пересмотра политики царизма к ханствам. Хотя существеннейшим содержанием политических мероприятий Российской империи оставалось обеспечение интересов промышленности и торговли и это стимулировало связи с ханствами, однако в этих мероприятиях стали явно проявляться захватнические тенденции. Они усиливались в результате противодействия такому сильному конкуренту, как Англия, вплотную подошедшая к границам Средней Азии.

Межгосударственные русско-кокандские взаимоотношения

Торгово-политические отношения России с третьим из крупных государственных образований Средней Азии — Кокандским ханством ~~стали~~ налаживаться в начале второго десятилетия XIX в. К тому времени, после длительного периода кокандско-ташкентских войн (1794 — 1808), Таш-

кент был поглощен Кокандом, пределы которого распространились далеко на север. Военная экспедиция Кокандского ханства на запад окончилась в 20-е гг. XIX столетия: границы ханства подошли к берегам Аральского моря, включили юг казахской степи и на востоке приблизились к рубежам Восточного Туркестана в районе городов Пишпек и Каракол.

Ташкент, ставший оплотом Кокандского ханства на северо-западе, превращался в базу наступления на казахскую степь и основной военно-административный центр новых районов Кокандского ханства. С расширением власти над кочевыми племенами возрастала и власть ташкентских наместников Коканда. Они становились правителями всей западной провинции ханства, которая сравнительно скоро стала намного превышать само ханство и территориально, и по численности населения. К 1835 г. ташкентские правители получили титул беклярбека (бек над беками) и стали иметь большой политический вес в ханстве. Их власть была почти бесконтрольна для кокандских ханов и, располагаясь значительными средствами и людскими силами, беклярбеки нередко выходили из повиновения и восставали против кокандского хана, стремясь диктовать ему свою волю. Ташкент же в ходе внутренних усобиц и военной борьбы кокандского и бухарского ханов между собой неоднократно переходил из рук в руки. Кокандское завоевание отбросило городское сословие Ташкента назад, с точки зрения его общественного положения в государстве, оно поставило его в трудные условия жизни и развития, но не сломило, а лишь подчинило его. Городское сословие в новых условиях нашло пути организации своей деятельности, в первую очередь в расширении торговых связей с Россией.

В 30-е гг. XIX столетия, только по официальным данным, собранным А.Семеновым (17), ташкентский вывоз возрос в 2,4 раза, а в 50-е годы — в 3 раза. Ташкентское купечество поставляло в Россию 85% сухофруктов, вывозившихся из Средней Азии, продавало 72% чая, шедшего через Среднюю Азию в Россию. Ташкент вывозил в русские пределы 26% всех хлопчатобумажных тканей, 50% шелковых тканей, 93% зерновых продуктов, 30% среднеазиатс-

кой пушнины (основной ее вид — каракуль — шел в Россию из Бухары), 12% хлопка-сырца, 16% хлопчатобумажной пряжи и т.п. (18).

Приведенные данные особенно показательны потому, что общий объем торговых оборотов Средней Азии с Россией между 1830 и 1850 годами мало возрос. Ташкентская торговля росла за счет Бухарского ханства, которое начало терять былое преимущество в торговле с Россией вследствие внутренних причин и затруднений, которые встречали бухарские купцы на степных дорогах в Оренбург из-за нападений на купеческие караваны.

Ташкент также расширил ввоз в Среднюю Азию российских товаров. Он закупал почти половину всего шедшего на среднеазиатский рынок железа, меди, чугуна, около 60% хлопчатобумажных тканей русского производства, 98% выделанных кож, 59% изделий из дерева, 41% суконных и 22% шелковых тканей и т.п. Большая часть товаров потреблялась в пределах Ферганской долины, часть же шла на рынки зарубежья.

Значительным было промышленное производство столицы ханства — Коканда, где кустарным способом вырабатывали хлопчатобумажные ткани. По словам анонимного автора "Обозрения Кокандского ханства", опубликованного в 1849 г., "выделка грубых бумажных тканей так же всеобща, как выделка льняного холста в наших русских селениях. Этими тканями одевает Коканд не только низший класс своих жителей, но передает их в обильном количестве киргизцам, кочующим на восток и север от ее пределов. Рои торговцев ежегодно рассеиваются по степям, отделяющим Коканию от России и Китая, и променивают стеганные бумажные халаты, одеяла и разных родов ткани на скот, кожи, сало, шерсть и меха" (19).

В "Записках" Ф. Назарова, побывавшего в 1813 — 1814 гг. в Кокандском ханстве, указывается, что в Ташкенте, Коканде, Андижане, Намангане и Маргилане было развито производство хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых тканей, которые вывозились в другие страны.

"Коканд и Кокандское государство, — писал Ф. Назаров, — изобильно хлопчатую бумагою и шелковичными де-

ревьями; везде видишь засеянные хлопчатую бумагою поля, из коей кокандцы приготавливают ткани и меняют оную бухарцам на российские товары: железо, сандал, купорос, сталь, сукна". (20). Шелководство, по его словам, имело массовый характер. Шелк вывозился в Бухару, а изделия из него (парчи) продавались киргизам. Ткачеством хлопчатобумажных и шелковых тканей занималось население городов Андижана, Намангана и Маргилана. Они вывозили ткани в Кашгарию, Хивинское и Бухарское ханства, Каратегин и казахские степи. Проезжая по городам, Ф. Назаров отмечал "беспрестанно разбросанные многолюдные деревни, коих жители... занимаются изделием хлопчатой бумаги и разведением шелковичных червей" (21).

Правителей Кокандского ханства очень интересовала торговля на Иртышской линии. В 1812 г. Умар-хан отправил своего посла через Сибирь в Петербург в целях развития торговых отношений. Предложение кокандского хана было с удовлетворением принято императором Александром I. На основании указа правительства России действительный статский советник М. Веригин в своем специальном письме обязывал семипалатинскую администрацию "к точному исполнению Высокомонаршей воли, учинить зависящее от ея распоряжение, внушив притом подчиненным своим, дабы они обходились с новым сим купечеством коликó возможно ласковее и снисходительнее, употребляя все средства к приобретению их доверенности, буде же напротив того (паче всякого чаяния) правительство усмотрит, что от неосторожных или оскорбительных поступков таможенных чиновников или служителей, народ сей очевидным образом станет отклоняться от наших с ними связей, в таком случае все служащие в таможне без исключения подвергнуться отпущению от мест и преданы будут служению по всей строгости законов" (22). Кроме того, М. Веригин потребовал от администрации Семипалатинска, чтобы ему были посланы точные сведения о привозимых и вывозимых товарах.

Российским купцам также было разрешено отправлять караваны в Среднюю Азию. Для их охраны в пути следования местная сибирская администрация должна была выделять конвой из 20 казаков. Владельцы же караванов обес-

печивали казаков питанием, а их лошадей — кормами. Это дало возможность российским купцам самим ездить в глубинные районы Средней Азии и Казахстана. Так, в 1811 г. калужские купцы Иван и Аким Свешниковы с караваном под руководством приказчика Семена Алейникова прибыли в Кокандское ханство. Смелые предприниматели, специализировавшиеся на торговле через Петропавловск, "за первоначальное открытие ими торго с Кокандом" по представлению генерал-губернатора Западной Сибири Г. Глазенапа были награждены золотыми медалями, а Семен Алейников получил "бриллиантовый перстень в 400 руб. ценою" (23).

В том же году, по данным Х. Зияева, прибыли купцы из Ташкента с 23 караванами на лошадях и верблюдах, в Ташкент вернулось 40 караванов на 193 лошадях; из Коканда прибыло 10 караванов на 20 лошадях и 7 верблюдах, в Коканд вернулось 7 караванов. Взамен своих товаров они вывозили кожи красные и черные до 30 тыс. штук, изделия из железа и чугуна на 100 тыс. руб. и более. Кроме того, в значительном количестве закупали сукна, полуситец, выбойки, бархат, шелковые штофы, шелковые и бумажные кушаки, серебро, голландские червонцы, сундуки, самовары, жестяную посуду, лаковые подносы, квасцы, нашатырь и пр. (24).

Ташкентские купцы, как и бухарские, играли важную роль в торговле с Россией. Учитывая это, правительство России в 1825 г. предоставило им право торговать в сибирских губерниях, причем без оплаты гильдейских пошлин на границе и в городах. Они умело пользовались предоставленными им льготами, широко развернув торговую деятельность на Иртышской линии, в том числе и в Семипалатинске.

Царское правительство стремилось сочетать развитие торговых отношений с Кокандским ханством с установлением политических контактов с ним. 16 мая 1813 г. в Коканд был послан Ф. Назаров, снабженный царской грамотой и подарками, кокандскому хану Умару (1809—1822). Вместе с ним следовал торговый караван на 100 верблюдах с товарами на 200 тыс. рублей.

Их путь проходил из Омска в Петропавловскую крепость, затем через Сузак и Чимкент в Ташкент.

По приезде Ф. Назарова в столицу ханства, его посетил ханский визирь, интересовавшийся целями визита. "Я отвечал ему, — пишет Назаров, — что мы прибыли для открытия с ним торговли". Назаров сообщил также, что привез "высочайшую грамоту и подарки". После аудиенции у Умар-хана, царский посланец посетил наиболее крупные города ханства. 1 августа 1814 г., когда он находился в Ташкенте, туда прибыли "двое депутатов с ответными к его императорскому величеству от кокандского владетеля письмами", и Назаров "с ними и с купеческим караваном в сопровождении 200 человек кокандского войска отправился в обратный путь по тому же тракту, по коему следовал" (25). 15 октября 1814 г. он вернулся в Петропавловскую крепость.

Поездка Назарова в Кокандское ханство является существенным свидетельством стремлений правящих кругов России и Кокандского ханства к установлению и развитию дружественных дипломатических и экономических связей. Но довольно скоро на русско-кокандские отношения стали набегать первые тучи. Они были порождены тем же, чем и конфликты между Россией и Хивой.

В январе 1827 г. в Оренбург приехал султан Среднего жуза Мятый Мухамметгалиев с жалобой на притеснения, испытываемые его подчиненными от правителей Коканда и Хивы, которые требуют выплаты дани и построили на землях кочевников при Ак-Мечети и Каракуле укрепления "для преграды караванных путей" (26).

Оренбургский военный губернатор Эссен прислал в Петербург свои расчеты по уничтожению ханских укреплений на казахских землях. Возникший вопрос обсуждался на заседании Азиатского комитета, на котором было решено поручить Эссену собрать подробные сведения о воздвигнутых кокандцами укреплениях и не предпринимать никаких силовых действий.

В середине 1828 г. в Омск прибыли кокандские послы Садр Гамальдар Турсунходжа Найзаходжин и Ходжа Миркурбан Мамет Касымов. Им было разрешено посетить Пе-

тербург, где они передали грамоту хана Мухаммада Али царю. Правитель Коканда выражал чувства дружбы и высказывал желание утвердить навсегда доброе согласие и хорошие отношения между обеими странами.

Кокандский хан ходатайствовал об оказании покровительства кокандцам, приезжающим в Россию, обещая взаимность. Он высказывал также претензии по поводу "киргизских грабежей" и мелких территориальных споров.

Кокандские послы были приглашены в Азиатский департамент на беседу с директором этого ведомства К. Родофиникиным и Мейендорфом, посетившим в 1821 г. Бухару. Родофиникин писал Нессельроде о том, что кокандские послы были довольно искренни и дали удовлетворительные ответы на вопросы о товарооборотах Коканда с Россией, Бухарой, Китаем, Индией, а также об истории и географии Кокандского ханства.

Как и полагалось, кокандские послы получили аудиенцию у Николая I, который 5 февраля 1829 г. утвердил проект грамоты в адрес Мухаммада Али. В грамоте подчеркивалось, что хан может рассчитывать на то, что в Российской империи кокандцам будет оказываться "приязнь, защита и справедливость по их делам" в надежде на ответное расположение в ханстве к приезжающим из России.

Правитель Коканда призывался к активной поддержке добрососедских отношений, развитию торговых и дипломатических связей.

Приезд Турсунходжи Найзаходжина и Ходжи Миркурбана Мамет Касымова послужил основанием для посещения Кокандского ханства Н. Потаниным, сыгравшим немалую роль в расширении мировых географических познаний (27). Потанин сопровождал кокандских послов, выехавших из Петербурга 13 мая 1829 г. По пути в Коканд он посетил Туркестан, Ташкент, Сузак, проехал в глубь Ферганской долины, добравшись до столицы ханства. Проведя в Коканде пять недель, Потанин 16 января 1830 г. отправился домой.

В 1831 г. "Военный журнал" опубликовал "Записки Сибирского линейного казачьего войска хорунжего Потанина, препровождавшего кокандских посланников, бывших у

Российского двора в 1830 г.", что привлекло большое внимание ученых, крупных торговых деятелей, дипломатов и всех, кто интересовался историей Средней Азии. В "Записках" Потанин сообщает о политическом и экономическом положении различных областей Кокандского ханства, характерных чертах местных путей сообщения и вооруженных сил, о тяжести податей и налогов, которыми ханские власти облагали казахов и т. д. К сожалению, такие вопросы, как торгово-политические и дипломатические отношения между Кокандским ханством и Россией, автором не затрагиваются. Вполне возможно, что они были изложены Потаниным в других документах, сданных в Министерство иностранных дел в виде отчета о поездке. Во всяком случае, довольно содержательный рассказ Потанина о поездке в Коканд содержит следующие его слова: "кроме сего поручения (сопровождения кокандских послов. — Х.Г.) имел обязанностью делать съемку и описывать, по мере возможности, положение и свойство тех мест, чрез которые мне надлежало проходить", которые позволяют предположить, что Потанин по вопросам дипломатических отношений обеих стран был осведомлен гораздо больше и глубже. Тем более что в этих отношениях в тот период наметились определенные сложности, вызванные враждой ханства с соседями и претензиями Коканда на расширение своего политического влияния на казахские роды и племена, считавшиеся подданными России. Это вызывало озабоченность и недовольство правящих кругов империи. Высылка кокандских отрядов "в степь", сбор податей с казахов, поддержка "мятежных султанов", с точки зрения царских сановников, означали, что со стороны Сибирской линии может появиться сила, которая будет противодействовать распространению влияния Российской империи в юго-восточных районах Казахстана.

В действительности настойчивое продвижение Кокандского ханства на север объяснялось условиями его внутренней жизни. Пока страна была политически раздроблена, кокандские феодалы не ставили своей внешнеполитической задачей овладение казахской степью. С объединением же вокруг Коканда эта задача стала выполнимой. Разорен-

ное, ослабевшее в годы междоусобиц хозяйство городов и деревень не могло обеспечить потребности господствующих сословий. Внутри кокандского общества быстро росли социальные противоречия. Постоянные междоусобицы и походы кокандских войск, уносившие много человеческих жизней, сопровождались и крупными расходами, которые взимались любыми средствами с населения. Одним из паллиативных средств ослабления остроты внутренних противоречий и некоторого восстановления хозяйственной силы ханства являлось овладение казахским кочевьем, чтобы оно стало плательщиком зякета в государственную казну.

Однако это обстоятельство повлияло на позицию России относительно Кокандского ханства, в частности, на прием посланников Мухаммада Али-хана в начале 1831 г. По распоряжению внешнеполитического ведомства посольство не пропустили в Петербург, а, продержав в течение нескольких месяцев в Тобольске, осенью 1831 г. отправили домой.

Таким образом, в русско-кокандских отношениях в начале 30-х гг. появился новый фактор — соперничество за влияние среди населения Казахстана, значение которого будет увеличиваться и превратит Кокандское ханство во врага номер 1. Но пока торговые интересы России препятствовали вооруженному воздействию на ханство. Министр иностранных дел так сформулировал свое представление о задачах внешней политики в Средней Азии в этот период: "Россия могла бы силой оружия принудить кокандцев к перемене таковой системы действий. Но, не испытав других средств, более миролюбивых, правительство не желало бы прибегнуть к сей решительной мере, тем более что экспедиция против кокандцев поселит в прочих азиатских владельцах мысль о желании России преобладать в тех краях и тем самым отвратит их от торговых с нами сношений, тогда как торговля и распространение оной есть главная и единственная цель всех наших действий по сношениям с народами Средней Азии" (28).

После неудачной миссии 1831 г. русско-кокандские взаимоотношения сильно обострились, и лишь через 10 лет, в 1841 г., в Омск прибыло кокандское посольство во главе с

доверенным лицом хана Мухаммадом Халил Сахиб-заде. Целью посольства было стремление Султана Махмуд-хана, который сменил Мухаммада Али-хана на кокандском престоле, возобновить связь свою с Россией, ослабленную в последнее время неприязненными поступками ташкентского беклярбека, а также искать покровительства России против угрожающих намерений англичан, к чему поводом послужило появление в Коканде англичан против воли хана.

Посланцу поручалось ходатайствовать о присылке горного инженера для поисков и осмотра месторождений "драгоценных руд" и обучения местных жителей их разработке.

Приезд кокандского посла соответствовал планам царских властей по установлению деятельных сношений со среднеазиатскими ханствами, прерванными после не принятого в 1831 г. ханского посольства. Из этих соображений царские власти принимали Мухаммада Халил Сахиб-заде в Петербурге подчеркнуто пышно. Он приехал в Петербург в январе 1842 г., побывал на аудиенции у Николая I, посетил технологический институт, горный кабинет, монетный двор, публичную библиотеку, Азиатский музей, Пулковскую обсерваторию, арсенал, литейный двор, ботанический сад, Академию художеств, фарфоровые и стеклянные заводы (29).

Послу вручили богатые дары для хана и царскую грамоту. В Омск было послано указание о покровительстве приезжающим на сибирскую линию кокандским торговцам, но на основах взаимности. В конце февраля — начале марта 1842 г. Мухаммад Халил Сахиб-заде покинул Петербург и отправился домой.

В дальнейшем ведущую роль в переговорах с Кокандом стала играть резиденция западно-сибирского губернатора — Омск. По поручению генерал-губернатора отдельные чиновники вели неофициальные переговоры с представителями ханства, зондируя позицию хана и его приближенных в отношении русско-кокандских торгово-политических связей.

Между тем весной 1842 г. произошли большие изменения в Кокандском ханстве: кокандские войска терпели поражение от бухарских войск, взявших штурмом столицу ханства. В Коканде был посажен бухарский правитель Ибра-

хим-хаял, чье более чем двухмесячное правление сопровождалось жесточайшим разорением народных масс. Ибрахим-хаял проводил конфискацию имущества у населения, усилил налоговый гнет; местные чиновники, как светские, так и духовные, были сняты со своих должностей; были отменены вознаграждения и пособия воинам и военачальникам; отнимались каналы и целые кишлаки, доходами от которых кормились многие семьи.

В обстановке всеобщего недовольства правлением бухарского наместника киргизская и кипчакская знать начала наступление против бухарских войск, избрав ханом Шир Алибека, племянника кокандского хана Нарбуты, бежавшего в Талас после казни его отца Алим-ханом (30). Ему удалось, пользуясь всеобщей поддержкой, довольно быстро подчинить Наманган, Тюря-Курган, Чуст и переправиться на левый берег Сырдарьи. Быстрый переход северных районов Ферганы под власть Шир Али-хана объяснялся и тем, что, по сведениям В. Наливкина, большая часть киргизов Наманганской и Чустской областей, родственники таласских киргизов, поддерживали постоянную связь между собой и, хорошо зная Шир Али-хана, одного из потомков кокандских ханов из династии Минг, ждали удобного момента для прихода его к власти. Во всех центральных и восточных округах ханства бывшие кокандские воины вместе с киргизскими и кипчакскими разгромили ставленников бухарского эмира. Небольшое сражение между бухарскими войсками и Шир Али на подступах к столице, в селении Наубахор, окончилось разгромом бухарских войск.

Не дожидаясь вступления Шир Али-хана в столицу, население ее напало на бухарские войска, находившиеся в цитадели, и, осадив ее, приступило к разгрому осажденных. Расправа была настолько жестокой, что, по сообщению автора "Тарихи джахан-намаи", находившегося в это время в Коканде и участвовавшего в этих событиях, трупы мангытов лежали всюду на улицах и базарах, а оставшихся в живых киргизские и кипчакские воины привели на базары для продажи. Однако не нашлось ни одного человека, который купил бы их хоть за один дирхем, поэтому их там же убивали (31).

Как только Шир Али-хан пришел к власти, он первым делом приступил к укреплению столицы — строительству стен вокруг города. Через 18 дней после возведения стен (с трех сторон — запада, юга и севера) началось новое наступление бухарских войск. Под недостроенными стенами Коканда в течение 40 дней шли ожесточенные бои. Население города приняло самое активное участие в обороне. В поддержку Шир Али-хана активно выступило духовенство Ферганы, ходжи и ишаны. Один из известных ферганских ходжей — Азимходжа ишан Маргилани — обратился с письмом к духовенству всей Ферганы и собрал в Маргилане около 2000 стрелков, откуда выступил под своим белым знаменем в Коканд (32).

Деятикратный штурм Коканда, прорывы бухарских войск на отдельных участках не сломили упорства осажденных. В это же время началось разорительное наступление на Бухарское ханство хивинского хана Аллакули, заставившее эмира Насруллу поспешно уйти из Коканда. Посланные Шир Али-ханом кокандские войска во главе с Сейидом Маллябахадуром и Юсуфом-мингбаши с незначительными боями захватили Ташкент, а по пути к нему — сильно укрепленную крепость Буку. В том же 1843 г. без боя была возвращена Коканду Ходжентская область, в которой от имени бухарского эмира правил один из видных представителей джуйбарских ходжей — Ходжа Колон Джуйбари, перешедший вскоре на службу к Шир Али-хану. Был подавлен и мятеж Аталык-хана (Ибрагим-бека, сына Алим-хана) в селении Етти-Купрук, куда он прибыл из Бухарского ханства в поисках помощи у киргизских биев.

Восстановлением почти всей прежней территории Кокандского ханства, расправой с мятежными эмирами и претендентами на трон не ограничились внутренние политические события этого периода. Шир Али-ханом были приняты и некоторые внешнеполитические действия.

3 июня 1844 г. из Коканда в Омск приехал посол Шир Али-хана. Он был направлен непосредственно к генерал-губернатору П. Горчакову с ханской грамотой и подарками от хана. Руководителем посольства был Нияз Мухаммад Нигматов, который в беседе с Горчаковым изложил цель

своего визита. Горчаков известил Петербург, что хан изъявляет глубокое почтение и признательность, чтобы этим жестом "подкрепить союз свой с Россией, коего пользу, по-видимому, вполне чувствует". Вместе с тем по вопросу о заключении торгового соглашения между Кокандом и Россией, на котором настаивала российская дипломатия, было сказано, что "заключение оного откладывается ханом до приобретения возможности снарядить посольство, сколько-нибудь приличествующее царской особе, к чему он ныне не имел способа" (33).

Шир Али-хан, видимо, действительно "не имел способа" к активным действиям в торговых сношениях с Россией. В ханстве началась острейшая борьба между узбекской и киргизской знатью, с одной стороны, и родовой узбекско-кипчакской знатью — с другой, за захват политической власти, за получение главных должностей как в центральном правительстве, так и в областях. Автор "Мирот ул-футух" описал это событие под следующим названием: "Изложение события захвата власти и господства племени кипчаков над городским сословием и киргизскими племенами" (34). Борьба, продолжавшаяся в острейшей форме в течение ряда лет, нанесла серьезный ущерб политической и экономической жизни ханства и материальному положению его населения. Интересы мощных феодальных групп, с помощью которых был возведен на трон Шир Али и одержана победа над бухарским эмиром, скоро столкнулись в борьбе за политическую власть. Однако бороться с ними крайне слабое в экономическом и военном отношении центральное государство оказалось бессильным. Оно могло лишь опираться на одни группировки, борясь с другими. В это время наиболее сильной оказалась кипчакская знать во главе с умным и талантливым политическим деятелем Мусульманкулом, ставившая интересы кипчакской знати превыше всего. Шир Али-хан понимал, к чему приведет победа кипчаков, но не мог полностью отказаться от них.

В. Наливкин, встречавшийся с людьми, в памяти которых были еще свежи трагические события 40-х гг. XIX в., отмечал, что "насилиям не было конца и описывать их было слишком долго". Он упоминал о насильственном захвате

кипчаками домов и земельных участков оседлого населения, об истреблении древесных насаждений, превращении сети искусственного орошения в частную собственность кипчаков, об изгнании ими из медресе учеников, унижении мулл, предании огню книг и т.д. (35).

В 1845 г. Шир Али-хан был казнен при ставленнике киргизской знати Мурад-хане, который правил всего 11 дней. Он в свою очередь был казнен Мусульманкулом. На престол был посажен младший сын Шир Али-хана, 14-летний Худояр, власть которого была номинальной. Вся полнота власти в центре и на местах находилась в руках кипчакской знати. Худояр-хан, находившийся под суровой опекой Мусульманкула, назвал этот период своего правления "временем страдания под игом кипчаков" (36). Не только сам хан, но и другие представители ханского дома были лишены права сколько-нибудь самостоятельно действовать. Кипчаки, посадив на трон несовершеннолетнего Худояра, нанесли окончательный удар по старой правящей землевладельческой верхушке ханства.

Вскоре обнаружились резкие разногласия внутри самой кипчакской знати, перешедшие в открытую борьбу. Главная причина этой борьбы, согласно источникам, заключалась в чрезмерном своеволии и единовластии Мусульманкула (37), который в 1846 г. был низложен группой наиболее видных представителей кипчакских феодалов.

Вся территория ханства в этот период была охвачена значительными политическими потрясениями. Бесконечные междоусобные войны кипчакских наместников, приводившие к усилению налогового гнета, вызывали острое недовольство населения, свидетельством чему служит крупное народное восстание в Ташкенте в 1847 г.

Междоусобная борьба опять привела Мусульманкула к верховной власти — на должность мингбаши. Отношения Кокандского ханства с западным соседом — Бухарским эмиратом — по-прежнему оставались враждебными. Ура-Тюбе, потерянный еще в правление Мадали-хана, не был возвращен даже после двух походов Мусульманкула. После вторичного вступления его на должность главного везира, фактического главы государства, в 1847 г. бухарский эмир на-

чал поход на Фергану. Осадив Ходжент, он основательно разорил окрестное население. Только после прибытия Мусульманкула бухарские войска отступили. Причину отступления Насруллы без боя Мулла Мирза Алим объясняет тем, что Мусульманкул, остановившись на берегу Сырдарьи, в селении Джигдалик, после военного совета послал бухарскому эмиру письмо. В нем он признавал Бухарское ханство великим государством, а эмира великим государем среди государей и подчеркнул главенствующую роль Бухарского ханства и лично эмира. Он писал эмиру, что вступление в бой и победа над кипчаками "голыми, безавторитетными пастухами и кочевниками" не будут "иметь похвалы, а если мы победим, то об этом позоре вечно будут писать в исторических сочинениях" (38). Умелая дипломатия Мусульманкула предотвратила серьезное столкновение, и Насрулла отступил без боя.

Кокандские войска, преследуя бухарцев, подвергли разорению всю местность Ура-Тюбе, и только полное изматывание сил уратюбинцев привело к признанию ими власти кокандского хана. Но до 1852 г. кокандский хан по пять раз ежегодно ходил походом на Ура-Тюбе для усмирения уратюбинского бека, и каждый раз возвращался без успеха. И только зимой 1852 г. бек добровольно покорился хану (39).

Политическая обстановка в ханстве была крайне обострена. Среди землевладельческой и городской знати постепенно подготавливалась сила, крайне недовольная властью кипчакской верхушки, опираясь на которую Худояр выступил как глава государства. Он сумел привлечь на свою сторону ташкентскую местную знать, послал гонцов в Маргилан, Андижан, Наманган и другие города с приказом подготовиться к массовому избиению кипчаков. Приказ гласил: "Стереть с лица земли всех кипчаков" (40).

После разгрома кипчаков в Коканде, по настоятельному требованию всех кругов населения, был казнен и Мусульманкул. Таким образом закончилось почти десятилетнее господство кипчакской верхушки в ханстве. К Худоярхану окончательно перешли все права главы государства. Основные должности в центральном правительстве и обла-

стях вновь заняли представители старой землевладельческой и городской знати, в том числе и члены ханского дома. Но внутренняя политическая борьба в ханстве не была еще окончательно прекращена. В 1853 г. против Худояра восстал правитель Ура-Тюбе Гафар-бек, поднял мятеж и правитель Ташкента Малля-бек, старший брат хана, вынудившие Худояра предпринять военные походы и подавить эти мятежи.

Обострилось положение и в северных пограничных районах Кокандского ханства, где все чаще появлялись русские военные отряды, закладывались крепости, свидетельствовавшие о пересмотре со стороны северного соседа исходных установок среднеазиатской политики. Если раньше царские власти рассчитывали добиться утверждения своего влияния в ханствах торговыми или дипломатическими методами, то теперь, пользуясь нестабильной обстановкой в ханстве, перешли к активным захватническим действиям.

Правителей Коканда не на шутку беспокоил выход царских войск к устью Сырдарьи. В декабре 1847 г. они прислали в Омск муфтия Абдуллу Муллу Ашурова с посланиями хана Худояра Николаю I и Мусульманкула П. Горчакову. Худояр сообщал, что в ханстве восстановлен порядок, обеспечены торговые пути и купцы могут заниматься своими делами (41). Но главной целью прибытия посольства Ашурова был протест против появления русских укреплений. Неоднократные жалобы высказывал по этому поводу и сам посланец в устной беседе с генерал-губернатором Западной Сибири.

В ответной грамоте царя Худояр-хану выражалось удовлетворение установлением в Коканде "желаемого порядка". "Наши желания по сношению с азиатскими странами и народами, — подчеркивалось в грамоте, — состоят в сохранении с ними добрых отношений и в упрочении обоюднo-полезных торговых связей" (42).

Министерство иностранных дел России стремилось при этом показать, что никакого нарушения прав ханства не было: крепости воздвигнуты на территории империи и предназначены "прекратить существовавшие там беспорядки, установить тишину и спокойствие и тем самым обезопасить следование караванов" (43).

Однако подобные дружественные заверения все более теряли свое значение. Новое столкновение с Кокандом было неминуемо. В 1851 г. в Оренбурге на должности самарского и оренбургского губернатора появился Перовский — сторонник решительного наступления на Среднюю Азию. По его указанию был подготовлен план занятия кокандской крепости Ак-Мечеть, расположенной на правом берегу Сырдарьи, среди казахских кочевий. Это укрепление было важным опорным пунктом ханских сборщиков налогов.

Сначала, в 1852 г., согласовав, разумеется, свои действия со столичными властями, Перовский направил против Ак-Мечети отряд полковника Бларамберга. Первая попытка овладеть крепостью не удалась. На следующий год, в июле 1853 г., штурмом значительного количества войск Ак-Мечеть была захвачена.

В обстановке усилившейся агрессивной политики царизма Худояр-хан предпринял еще одну попытку улучшить отношения с царским правительством. 17 июня 1853 г. в Омске появился посланец хана Юлдашбай Мирзаджанов с грамотой и подарками императору. Цель посольства заключалась "в скреплении дружеских связей с Россией и в доведении до сведения российского правительства, что кипчаки, бывшие до сих пор виновниками всех беспорядков в Коканде, ныне изгнаны и истреблены. В стране установлено внутреннее спокойствие и прежнее правление". Послу поручалось при конфиденциальной беседе с генерал-губернатором Западной Сибири Гасфортом "принести государю императору жалобу по поводу предпринятой экспедиции против кокандских укреплений на Сырдарье".

Император отклонил просьбу кокандского посланника о приеме, приказал Гасфорту не допускать посла дальше Омска, "сделать посланцу внушения, какие требует польза дел наших", принять и послать в Петербург ханскую грамоту, однако не принимать подарков. Ханская грамота осталась без ответа.

Мухаммад Салих нападение царских войск на Ак-Мечеть объясняет следующим. Еще в правление Мусульманкула был назначен правителем крепости Якуб-бачча, уроженец Пскента, имевший родственные отношения с пра-

водителем Ташкента — Нормухаммадом-кушбеги. Якуб-бачча, собирая закят, основательно разорил кочевые племена, особенно племя барлас, которые обратились за помощью к царским властям Оренбурга и Самары (44). Эти данные не расходятся, по существу, с данными архивов. Конечно, действия кокандских наместников вызвали острейшее недовольство разоряемого кочевого населения, что явилось одной из причин его выступления на стороне царских войск против кокандских властей.

Отряды царских войск под предлогом рыбной ловли в озере Берказан приблизились к Ак-Мечети и потребовали возвращения награбленного имущества. Якуб-бачча отказал им в этом, и тогда царские власти предложили отдать рыбный промысел данного озера, определив стоимость рыбного богатства в 12 тысяч серебряных монет (45).

Все это было явным прикрытием совершенно очевидного нападения царских войск на территорию ханства. В результате после захвата Ак-Мечети была создана Сырдарьинская военная линия, являвшаяся одним из плацдармов для последующих наступлений царизма на Среднюю Азию. В 1853 г. Худояр-ханом было предпринято две попытки отбить крепость, но они не принесли успеха.

Положение ханства осложнялось тем, что в конце 50-х гг. в Казахстане почти повсеместно происходили восстания кочевых племен против тяжелого налогового гнета. Ярким примером тому служат события 1858 г., описанные автором "Тарихи джахан-намаи": "В это время Мирза Ахмад (правитель Ташкента) прочно утвердился в независимом правлении Ташкентом. Он распространил и рассеял руки насилия на население города, краев и областей. Его угнетения и тирания степного населения не имели никаких пределов. Даже требуя куш-пули и кук-пули, взимал их путем продажи малолетних сыновей и дочерей. Так насилие и притеснение над теми угнетенными возрастало. Каждое племя и род, запутываясь в своем тяжелом положении, обнаруживали нетерпеливость, сборщикам налогов не давали требуемого" (46).

О том же повествует Мухаммад Салих: "Сборщики закята по приходе в племена и к степным народностям с це-

люю пополнения основного закята включали в счет все то, что имелось в домашней обстановке — имущество и утварь, предметы первой необходимости и верховых животных, которых представители закона не включали в счет, подлежащий к уплате закята. Хотя лошади и пасущиеся стада этой народности и были многочисленными и бесчисленными, они, однако, были освобожденными государством и властью от налога. Из-за недальновидности, ликвидируя установленные старые нормы, устраняющие беспорядки, взимали с населения закят, несмотря на то, что это не одобрялось населением. Территория от начала Дешти-Кипчака до пределов Туркестана была охвачена восстанием и беспорядками" (47).

Худояр-хан отправил кокандские войска во главе со своим братом Малля-беком и Шадман-ходжой мингбаши для подавления восстания. Но оно не было подавлено силой оружия. Кокандские военачальники, потрясенные масштабом и мощностью восстания, предпочли принять условия восставших.

Падение авторитета ханской власти после двукратного поражения под Ак-Мечетью, особое недовольство ханом духовенства, ожидавшего победы над войсками "неверных", крупное восстание в степной зоне, непрекращающиеся внутренние бессмысленные раздоры среди правящих кругов и в самом ханском доме — все это вызывало огромное недовольство народных масс, страдавших от войн и разорения, и усугубляло не только внутреннее, но и внешнеполитическое состояние Кокандского ханства.

В такой напряженной обстановке началась борьба за власть между Худояр-ханом и его старшим братом Малля-беком, которая завершилась устранением Худояра от власти. Он вынужден был просить убежища у бухарского эмира. Приближенные Худояра обвинили его в том, что он в свое время не истребил своих братьев, потенциальных претендентов на ханский престол.

Мулла Нияз Мухаммад, панегирист Худояр-хана, недовольный устранением его от власти, обвинил Малля-хана, который занял кокандский трон и правил до февраля 1862 г., в том, что он "открыл доступ к государственной

власти каждому честному и подлому человеку, отдал нить правления страны в руки каждого тупоумного вора, пропустив их в свою резиденцию, допустив к совместному правлению, сделав их доверенными в государственных тайнах, превратив их в почетных людей, подобно наследникам Али. Он дал место на постах везиров и должностях эмиров...кочевникам...Людей, знающих государственные дела, старых спутников (государства), удалил от совместного правления государственной властью и из сферы славного могущественного общества" (48), — писал он.

Следует отметить, что Малля-хана к власти привела киргизская знать, не нашедшая своего места в политической жизни Коканда при Худояре и поддерживавшая претендента.

Малля-хан, в свое кратковременное правление (3 года и 4 месяца), в труднейших внутренних и внешнеполитических условиях стремился навести определенный порядок встроенных государственных делах, в войсках, поднять авторитет власти. Но он не нашел достаточной поддержки своим стремлениям. Ему так же, как и Худояру, пришлось воевать с бухарским эмиром, занявшим в это время западную часть Кокандского ханства до Ходжента; подавлять восстания местных беков, не желавших ему подчиняться (Каратегин, Ура-Тюбе, Шахрисабз и др.), посылать военные отряды в окрестные районы, вплоть до Самарканда.

Царские войска, пользуясь неблагоприятным внутренним положением ханства, после подчинения Ак-Мечети выступили на юг с Сибирской линии, напали на крепости Токмак и Пишпек и уничтожили их; построили крепость в Джулеке и дошли до Янги-Кургана. Малля-хан не смог предпринять более или менее успешных и срочных мер против царских войск. В итоге он был убит одним из своих приближенных. В ханстве снова началась ожесточенная борьба за власть, продлившаяся два года, разорившая и обескровившая население страны и ее экономику. В донесении сибирского командования военному министру царского правительства от 4 мая 1864 г. сообщалось: "Вообще хотя в ханстве и водворился порядок, но вследствие бывшей анархии в народе существует чрезвычайная бедность, торговля в упадке

и сверх того во всем ханстве был значительный падеж скота, в том числе лошадей" (49).

Пользуясь создавшейся обстановкой, царские власти активизировали военную экспансию в глубь Средней Азии, игнорируя ранее подписанные обеими сторонами дипломатические документы о мире, дружбе и добрососедстве.

Итак, межгосударственные контакты Кокандского ханства с Россией развивались менее интенсивно, чем с Бухарой и Хивой, отчасти из-за его большей отдаленности от империи, но главное — из-за периодических конфликтов за политическое влияние среди казахских племен.

Отношение Кокандского ханства к России было двойственным. С одной стороны, интересы укрепления ханства требовали развития торговых отношений с Россией, установления и развития дипломатических связей. С другой — власти Коканда с повышенным вниманием следили за изменениями, происходившими в регионе после вхождения казахских жузов в сферу политического влияния России, так как опасались вмешательства империи в дела Кокандского ханства.

Общность происхождения, близость укладов жизни и языков, единая религия и многообразные политические и экономические связи давали Коканду немало способов воздействия на развитие обстановки в степи. Коканд был одним из важнейших торговых партнеров казахских жузов, на рынках которого казахи продавали основную массу своего скота и приобретали необходимые товары: продукты земледелия и продукцию ремесленного производства.

Коканд имел возможность активно воздействовать на население казахских степей посредством мулл. Многие муллы в жузах были либо выходцами из Коканда, либо выпускниками кокандских медресе. Естественно, что они соотносили свои действия с политикой кокандских ханов и являлись проводниками этой политики. Были случаи, когда влиятельные казахские феодалы получали образование в мусульманских медресе в столицах среднеазиатских ханств и имели там личные связи со знатью.

В исследуемый нами период в казахских жузах произошли немалые изменения, которые определялись активной

политикой России и ее стремлением укрепить свои позиции. В орбиту ее влияния вошли приграничные районы северо-западного, а затем всего Западного и Северного Казахстана. Первоначально речь шла об установлении политического патроната России над кочевыми регионами, а с 1748 г. — об установлении политического протектората, сопровождавшегося согласованием, а затем и прямым назначением верховных правителей степи — казахских ханов. С 20-х гг. XIX в. вводится прямое управление кочевниками Казахстана.

Новая система управления степью ослабляла власть хана и султанов и в то же время усиливала власть и политическое значение родового старшинства. Все это сопровождалось усилением социальных противоречий, последние же имели заметное преимущество, будучи более близкими к основной массе скотоводов. Неудивительно, что именно среди них искал себе приверженцев Коканд.

Продолжавшаяся десятилетиями междоусобная борьба постоянно истощала экономические ресурсы Кокандского ханства. С начала 40-х гг. для ханства наступил тяжелый период. Бесперывные разорительные войны с Бухарским ханством, почти десятилетние кипчакские события, представляющие собой один из трагических актов в истории ханства, губительно отражались на экономическом состоянии ханства, на его отношениях с Россией.

Внутри- и внешнеполитическое положение ханства, занятого подавлением центробежных стремлений крупных феодалов и войнами со своими соседями, вряд ли позволяло ему начать крупномасштабный конфликт с Россией, ее армией, захватившей кокандские крепости. Наконец, удаленность Коканда от рубежей России и несоизмеримость военной мощи обоих государств лишали военное выступление Коканда против России реальной надежды на успех.

Россия, имевшая, в свою очередь, массу внутренних противоречий в политической и экономической сферах, потерпев поражение в Крымской войне и значительно ослабив этим свое международное положение, готовила вооруженный захват территории Кокандского ханства и включение его в свой состав.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессы становления межгосударственных отношений России и среднеазиатских ханств и развития дипломатических связей между ними в XVIII — первой половине XIX в., показывают, что как правительство Российской империи, так и правительства Бухары, Хивы и Коканда столкнулись с естественной необходимостью расширения контактов, ставших к этому времени важным фактором формирования взаимовыгодного экономического пространства.

Общеполитическая и социально-экономическая ситуация в России и среднеазиатских ханствах в XVIII — первой половине XIX в. определялась глубокими изменениями в международной политической и экономической обстановке. XVIII в. в жизни народов Европы — это время величайших культурных, социально-экономических и политических сдвигов, имевших колоссальные исторические последствия. Произошло разрушение устоев традиционной европейской средневековой цивилизации и развитие сложного многогранного процесса модернизации, протекавшего в течение полутора столетий и охватившего все стороны жизни общества. В сфере производства модернизация означала индустриализацию, в социальной сфере она была тесно связана с урбанизацией, небывалым ростом городов, который привел к преобладающему их положению в экономической жизнедеятельности общества. В политической сфере происходили демократизация политических структур, создание предпосылок для формирования гражданского общества и правового государства. Духовная сфера общественной и личной жизни постепенно высвобождалась из-под опеки религии и церкви, интенсивно развивались образование, рациональное научное изучение природы и общества. Государственная власть, социальное устройство общества также лишаются божественной санкции. Они истолко-

ываются как человеческий продукт и подлежат, если это нужно, изменениям. Не случайно XVIII век — это эпоха социальных революций, сознательных попыток переустроить общественную жизнь.

Россия, как и другие страны Европы XVIII в., встала на путь модернизации, начало которой положили реформы Петра I, охватившие многие стороны жизни общества. Ему досталась отсталая страна, что представляло серьезную опасность для дальнейшего национального развития русского народа. Промышленность развивалась, но по своей структуре была крепостнической, и по объему, и особенно по техническому оснащению значительно уступала промышленности западноевропейских стран. Русское войско в значительной части состояло из отсталого дворянского ополчения и стрельцов, плохо обученных и вооруженных.

В таких условиях для Петра I и его сподвижников главной целью было создание мощного в военном отношении государства с высоким международным престижем. Реализация этой цели предполагала решение двух основных проблем — развитие рыночных отношений, предпринимательства, повышение общеобразовательного уровня народа и создание таких административных институтов, которые бы дали толчок преобразованиям страны и активно способствовали осуществлению политики европеизации России.

Систему власти, созданную Петром I, принято называть абсолютизмом. Петр I был провозглашен императором (1721 г.), т. е. главой светской и духовной сфер жизни. Никогда прежде глава российского государства не обладал такой полнотой власти. Следует особо отметить, что это был осознанный выбор Петра, так как он абсолютно не воспринимал европейское общественное устройство, где уже утверждалась автономия общества от власти. В последующие годы, после серии дворцовых переворотов, линию Петра на укрепление личной власти, продолжила Екатерина II. Курс на дальнейшее укрепление абсолютизма, централизацию и бюрократизацию управления продолжили и ее преемники.

Преобразования Петра I, продолженные в эпоху Екатерины II, принесли свои плоды. Анализируя развитие Рос-

сии на протяжении всего XVIII в., следует отметить ее бесспорные достижения во всех сферах деятельности. Высокими темпами развивалась промышленность. К концу века в России действовало 1094 предприятия обрабатывающей промышленности, 167 горных заводов, шел процесс становления мануфактуры из мелкого товарного производства. Важным стимулом для развития предпринимательства явились уступки купечеству, освобождение купеческого сословия от рекрутской повинности, провозглашение свободы предпринимательства (1775 г.), растущее применение вольнонаемного труда, предоставление льгот не только дворянству и купечеству, но и ремесленному и крестьянскому сословию. Вместе с тем хозяйственные и культурные успехи России, ее международный престиж не смогли скрыть тяжелое положение простого народа, трудом и талантом которого достигались эти успехи.

Страны Европы, осуществив модернизацию, получили огромные преимущества по сравнению с остальным миром, который основывался на принципах традиционализма. Это преимущество сказалось и на военном потенциале, позволившем расширить экспансию европейских стран на Восток. На этапе торговой экспансии, сопровождавшейся грубыми вторжениями, территориальной аннексией выгодных форпостов, а также массовым порабощением людей (Африка), активному воздействию колониализма подверглись лишь некоторые страны Востока. Целью колонизаторов вначале была лишь торговля. Иное дело — XIX век, век колониальной экспансии промышленного капитализма, когда поток фабричных товаров из метрополий стал быстро превращать зависимые страны Востока в ценные для европейского капитализма рынки сбыта и не менее ценные источники сырья.

Крупный рывок в деле колонизации новых территорий сделала и имперская Россия. В процессе освоения территорий Среднего и Нижнего Поволжья, Оренбургского края и особенно Сибири расширялись экономические связи России со среднеазиатскими ханствами. Торговля с ними постепенно становилась жизненно необходимой для населения названных выше территорий. К началу XVIII в. Россия

и Средняя Азия имели постоянные и взаимовыгодные торговые и посольские связи, развитие которых имело поступательный характер, что в конечном счете заложило основу их последующих взаимоотношений в политической и экономической сферах.

В интересах укрепления растущего Российского государства его правительство добивалось обеспечения безопасности своих южных и юго-восточных границ. Важнейшими мероприятиями в этом направлении явились: установление политического влияния в казахской степи, основание Иртышской и Оренбургской укрепленных линий, превращение Оренбурга в "международную ярмарку Востока", на которой происходило множество сделок купцов из разных стран, в частности, бухарских, хивинских, индийских, персидских и других с русским купечеством.

В основе экономической политики русских правительств, вплоть до конца XVIII в., лежал меркантилизм, имевший целью накопление средств внутри страны и ограничение оттока денег за границу. Практическая реализация этой политики осуществлялась стимулированием деловой активности частных предпринимателей, желающих заняться промышленной деятельностью и использованием системы протекционистских мер, ограждавших русские товары от иностранной конкуренции.

С давних времен существовали связи России с Бухарским ханством (в бассейне реки Зеравшан) и Хивинским (в нижнем течении Амударьи). В конце XVIII в. в Ферганской долине консолидировалось третье ханство — Кокандское, которому удалось в начале XIX в. овладеть важным торгово-политическим центром региона — Ташкентом, в то время самостоятельным городом-государством. Для подчинения кочевых казахских и киргизских племен кокандские власти создали цепь укреплений на Сырдарье и в междуречье Сырдарьи, Чу и Или. Историко-культурная общность среднеазиатских государств вполне очевидна и легко может быть продемонстрирована в нескольких важных для анализа отношениях.

Во-первых, это вполне определенный историко-географический регион с древними культурными традициями. Во-

вторых, это часть мусульманского мира, с единым цивилизационным фундаментом, население которого имело единую систему ценностей и соответствующие социально-нравственные установки, которые можно назвать исламским менталитетом. В-третьих, для среднеазиатских государств изучаемого периода была характерна лишь большая или меньшая зависимость от великих держав — при сохранении политической независимости и внутреннего самоуправления. Все эти особенности, формирующие определенную общность исторических судеб интересующих нас стран, органически связаны между собой.

Все три ханства были богаты природными ресурсами. Издавна здесь добывали золото, медь, серебро, железную руду, нефть, лили чугун, изготавливали изделия из железа и серебра. Однако разработка полезных ископаемых велась кустарным способом, выплавленных из руд металлов не хватало, и изделия из них стоили гораздо дороже привозных, преимущественно из России.

Среднеазиатские города были центрами ремесленного производства и торговли. Шелковые и хлопчатобумажные ткани, изготовленные ремесленниками Бухары, Самарканда, Коканда, Маргилана, Ташкента, Карши, Шахрисабза, находили сбыт в странах Востока и в Российской империи. Среднеазиатские купцы часто и охотно посещали ярмарки в Нижнем Новгороде и в ближайших городах — Троицке и Петропавловске. Долгое время Российская империя была важнейшим поставщиком промышленных изделий в государства Средней Азии, откуда в свою очередь в Россию шли, кроме продукции местного экспорта, также транзитные товары из Афганистана, Индии и других стран. Несмотря на оживленный и все более возрастающий товарообмен между Российской империей и среднеазиатскими государствами, их экономические и политические взаимоотношения не имели международно-правовой основы, не были оформлены соответствующими договорными актами. Развитию торговли мешали различия денежных систем, обилие таможенных пошлин, возникавших по пути следования торговых караванов, бесконечные феодальные раздоры, междоусобицы и войны.

Противоречивое развитие хозяйственной и политической жизни в среднеазиатском регионе было закономерным результатом особенностей внутренней социально-экономической обстановки. Известно, например, что значительная часть государственных земель была поделена на уделы, переданные в виде условных земельных пожалований различным узбекским племенам. Однако, поскольку процесс расслоения общества и его структурирования происходил довольно быстро и к концу XVIII в. принял массовый характер, представители местных верхушек из ханских наместников, становились наследственными удельными феодалами, обладающими населенными и возделанными землями. Характерным явлением этого периода становится усиление частной собственности на землю за счет государственной, что в свою очередь приводило к ослаблению ханской власти. Опираясь на вооруженные формирования своих племен и исходя из своих личных интересов, феодалы могли в любой момент выступить против своих соперников или против экономически ослабленной ханской власти. Все это создавало условия для непрерывных междоусобиц. Разорялись города и селения соперничающих сторон, ослаблялись межрайонные экономические связи ханств, что приводило к упадку сельского хозяйства, ремесел и торговли. По мнению В. Бартольда, лишь к началу XIX в. стали складываться условия для нового социально-экономического и культурного подъема, связанные с усвоением правителями идеи централизации власти, но осуществить это удалось лишь самым сильным из них. Переход от удельной системы к ханскому единовластию был для Средней Азии несомненным прогрессом, как для Европы переход к абсолютизму.

Первый этап консолидации в Бухарском ханстве, например, связан с именем Мухаммада Рахима, вступившего на бухарский престол и значительно укрепившего государственную власть. Он вел успешную борьбу против своеволия узбекских феодалов, разрушил крепости миянкальских кипчаков, семь самых воинственных племен переселил ближе к Бухаре, где они могли контролироваться ханской властью, возвратил под влияние Бухарского ханства Шахрисабз, Хисар, Туркестан и другие области.

Следует отметить, что даже в самые трудные дни феодальных раздоров крупные городские торговцы и купцы, накопившие в своих руках немалые капиталы и нередко ссужавшие деньгами ханов и видных феодалов, пытались вмешаться в политическую жизнь страны, уменьшить глубину внутренних конфликтов, наладить хозяйственную жизнь ханства и его торгово-экономические связи.

Следующий этап консолидации связан с именем Шах-Мурада, пришедшего к власти в 1785 г. Он провел административную, военную, финансовую и судебную реформы; при нем были проведены работы по восстановлению разрушенных ирригационных систем и строительству новых; созданы условия для развития сельского хозяйства в восточных районах ханства; много внимания было уделено развитию внутренней и внешней торговли. Бухарские купцы играли определяющую роль в торговле с Россией. Например, в 1794 г. на долю бухарцев приходилось около 60% всего среднеазиатского ввоза только в Оренбург.

На пути развития экономических связей между Россией и ханствами на протяжении XVIII — первой половины XIX в., возникали немалые трудности, связанные с особенностями политической обстановки в регионе: систематические бухарско-хивинские и бухарско-кокандские войны, восстания и волнения народных масс, выносивших на своих плечах тяжесть этих войн и разного рода междоусобиц.

Межгосударственные союзы и военные конфликты стали неотъемлемой частью среднеазиатской политической структуры этого времени, меняя время от времени расстановку политических сил в регионе и отношения с Россией. Основные очаги противоречий, возникавших между Россией, Кокандом и Хивой, были сосредоточены в казахских степях. Каждая из сторон стремилась овладеть спорной территорией, находившейся между нижним течением Сырдарьи и северным побережьем Аральского моря, с одной стороны, и рекой Эмбой и северо-восточным берегом Каспийского моря, с другой. На это пространство откочевывали, в случае надобности, казахи, как находившиеся в подданстве России, так и состоявшие под властью Хивы и Коканда.

Сталкиваясь с древними цивилизациями Средней Азии и Казахстана, которые давно выработали собственные традиции культуры и государственности, Россия добивалась прежде всего их экономического подчинения. На территориях, где государственность отсутствовала или находилась на более низком уровне, Россия была вынуждена создавать определенные государственные структуры, в какой-то мере заимствованные из своего опыта, но с большой национальной спецификой, как это происходило в казахских жузах.

Внешнеполитические отношения между Российской империей и среднеазиатскими ханствами имели ряд особенностей. Одна из них, в отличие от взаимодействий России со странами Западной Европы, заключалась в том, что они развивались между типично восточными государствами и страной, в которой, несмотря на самодержавный характер политической власти, относительно быстро шел процесс формирования буржуазного правопорядка. Царское правительство, пусть даже формально, но декларировало соблюдение заключенных договоров и соглашений, тогда как правительства Бухары, Коканда и Хивы не придавали им большого значения и не считали нужным документально оформлять экономические и политические отношения с Россией. В Средней Азии не существовало специализированных учреждений, занимавшихся вопросами внешней политики, не было налаженной дипломатической службы. Как правило, дипломатические задания получали высокопоставленные чиновники. Изредка эту роль выполняли купцы, сочетавшие дипломатические поручения с торговыми делами.

Другая особенность состояла в том, что, несмотря на неоднократные попытки Российской империи произвести обмен постоянными дипломатическими представительствами со среднеазиатскими государствами, ей это не удалось сделать. Только в 1886 г. в Бухаре было создано Российское политическое агентство. В изучаемый нами период связи между Россией и среднеазиатскими ханствами поддерживались лишь посольствами и миссиями, снаряжавшимися для разрешения возникавших проблем и требовавшими, как правило, довольно больших усилий и затрат времени, чем

с европейскими странами, где существовали дипломатические представительства.

За все время существования в России Коллегии иностранных дел и в первые десятилетия после создания Министерства иностранных дел эти учреждения не имели какой-либо структурной части, которая непосредственно отвечала бы за ход сношений со среднеазиатскими государствами. Внешнеполитические дела вела министерская канцелярия, которой в начале XIX в. управлял К. Родофиникин. Азиатские проблемы входили в компетенцию первой экспедиции этой канцелярии.

В 1819 г. был создан специальный орган, занимавшийся восточной политикой — Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Для изучения различных проблем, касающихся Средней Азии и Казахстана, был создан Азиатский комитет, в программе деятельности которого были объединены политические и торгово-экономические проблемы. Созывался он не регулярно, а по мере накопления дел. В 1826 — 1827 гг., к примеру, он собирался около 40 раз, что было связано с оживлением сношений со среднеазиатскими ханствами. В 1839 — 1846 гг. — один-два раза в год. В 1847 г. Азиатский комитет, по существу, прекратил свою деятельность, и в дальнейшем комитеты, занимавшиеся азиатскими проблемами, именовались "Особыми" и собирались в присутствии царя.

Прием посланцев из Средней Азии санкционировался царем. Для их содержания казна выделяла соответствующие средства. Приезжих, как правило, знакомили с достопримечательностями российской столицы, возили в научные учреждения Академии наук, Академию художеств, Пулковскую обсерваторию, музеи, промышленные предприятия и т. д. Почти непременно было посещение "императорских театров".

Традиционный характер имел обмен дарами. Из среднеазиатских ханств в большинстве случаев привозили шелковые ткани, лошадей (аргамаков) и изредка слонов. Русские посольства также везли подарки от царя и некоторых высокопоставленных сановников в ханства. При этом подчас учитывались пожелания среднеазиатских ханов и их до-

веренных лиц. Считалось, что ценность презентов прямо пропорциональна значению посольства и важности вопросов, которые поручено послам обсудить и разрешить. Обычно деловые беседы сочетались с аудиенцией у императора и ханов.

В ходе переговоров рассматривались такие вопросы, как расширение российско-азиатской торговли, учреждение купеческих компаний, создание системы охраны караванных путей, снабжение караванов от России специальными конвоями, создание системы наказаний за грабежи на караванных путях и возмещения убытков пострадавшим купцам, расширение транзитной торговли и распространение коммерческих операций на Кабул, Кашмир, Тибет и другие сопредельные государства. Одновременно с участием в переговорах российские посланники, например, должны были действовать согласно врученным им инструкциям от различных министерств и ведомств империи. В частности, собирать данные по этнографии и топографии среднеазиатских ханств, о состоянии управления, государственных учреждений, законах, судопроизводстве, военных порядках, государственных доходах и расходах, об особенностях путей в среднеазиатские страны и т.д. Особенно большое значение придавалось данным о Бухаре, являющейся связующим звеном торговых путей в Индию, Персию и Китай. Предлагалось выяснить особенности торговли и торговых пошлин на товары, пути сообщения в Индию и Персию, их безопасность и удобства, возможности получения у бухарского хана охранительных листов для русских купцов, желающих завязать торговлю с Кабулом, Кашмиром, Кандагаром, Тибетом, Индией и Персией. В обмен на согласие хана рекомендовалось пообещать, что бухарцам, желающим ехать в Европу, российское правительство гарантирует выдачу своих охранных листов.

Более четкий характер имели задачи меньшего масштаба, которые также переходили из инструкции в инструкцию для отправлявшихся в ханства миссий. Прежде всего, это требование освобождения русских подданных, оказавшихся в плену в Хиве или в Бухаре, а также достижение договоренности о допуске официальных агентов Российс-

кой империи в Бухару и Хиву. Причем борьба за выкуп и освобождение такого "живого товара", как рабочие руки, была главной официальной целью всех русских миссий, начиная с XVI — XVII вв. Об этом свидетельствуют "статейные списки" русских посольств в Среднюю Азию и реляции Флорио Беневени Петру I в 1721 г., приведенные нами в исследовании.

Освобождение пленных достигалось с огромным трудом и занимало, как правило, многие годы. Эта проблема влияла не только на взаимоотношения России со среднеазиатскими ханствами, но и на их форму и методы воздействия. Царские власти после неудачных попыток добиться освобождения пленных мирным, дипломатическим путем начинали планировать военное давление на ханства. В частности, арестовывали бухарских или хивинских купцов, применяли секвестирование их товаров в русских городах, не допускали среднеазиатских послов в Петербург, ограничивая их приемом в Оренбурге, Омске или Астрахани представителями Азиатского комитета МИД на местах.

Среди важных проблем, которые приходилось решать российским властям в Средней Азии, следует указать на распространение и укрепление политического влияния России в Средней Азии и Казахстане. Ее стимулировал в этом отношении внешнеполитический фактор. С юга все более настойчивое внимание проявляла к Средней Азии соперница России — Британская империя. Английские власти в Индии вели широкую внешнеполитическую разведку в Средней Азии. В 1812 г. группа подготовленных разведчиков во главе с Мир Иззетуллою посетила Восточный Туркестан, Афганистан, узбекские и таджикские княжества левобережья Амударьи, Кокандское и Бухарское ханства. Они собирали сведения об экономике и торговле, политическом устройстве и транспортных возможностях этих стран, снимали планы населенных пунктов и укреплений, устанавливали связи с правящими кругами, вели проанглийскую пропаганду.

Во второй половине 1838 г. Лондон начал осуществлять тщательно разработанный план утверждения своего господства в Афганистане. Весной 1839 г. британское войско заня-

ло Кандагар, а в сентябре того же года — Кабул, превратив тем самым Афганистан в опорный пункт дальнейшей английской экспансии, прежде всего в Среднюю Азию. Однако неустойчивая ситуация в Афганистане, где интенсивно нарастала массовая освободительная борьба против англичан, препятствовала активным наступательным действиям Великобритании. В основном активно действовала британская разведка, которой удалось склонить на свою сторону хивинского хана Аллакули, давшего свое согласие на установление дружественных отношений с Англией. В Бухаре ей повезло меньше. Эмир Насрулла, которому удалось консолидировать центральную власть и вести самостоятельную, независимую внешнюю политику, арестовал (а в 1842 г. казнил) британских офицеров Стоддарта и Конолли, посланных в Бухару с военно-политическими целями. Насрулла-хан придавал существенное значение поддержанию дружественных связей с Россией и через своего посла Кули Бей Муллу Мукимбека Мухаммада Сеидова (август 1840 г.) ходатайствовал о защите ханства от англичан, грозящих ему завоеванием и об оказании нажима на хивинские власти, чтобы добиться от них прекращения помех торговле.

В целях укрепления позиций России в Хивинском ханстве царское правительство в срочном порядке организовало военный поход на Хиву (ноябрь 1839 г.), закончившийся полным крахом. Аллакули-хан и его приближенные, несмотря на полный провал зимнего похода В. Перовского, сочли за благо не давать повода для новых военных экспедиций Российской империи, которые могли оказаться более удачными. К тому же разрыв торговых связей с Россией тяжело отражался на хивинской экономике. И ханские власти, через своего посла Атанияза Ходжу Реиса Муфтия (октябрь 1840 г.), заявили о прекращении враждебных действий против России и о желании восстановления добрососедских отношений. Ответное посольство в Хиву возглавил капитан генерального штаба П. Никифоров (май — октябрь 1841 г.), а завершал переговоры с Хивой подполковник Г. Данилевский (август — декабрь 1842 г.).

27 декабря 1842 г. хан Рахимкул, сменивший на престоле умершего Аллакули-хана, подписал "обязательный

акт", в котором провозглашалось, что он стремится "пробыть в постоянном мире и тесной дружбе с пресветлой и могущественной Российской империей". Девять пунктов "обязательного акта" предусматривали отказ Хивы от враждебных действий против России, от содействия или участия в "грабежах, разбоях и захватах" в казахских степях, либо на Каспийском море и возврат захваченного имущества. Правитель ханства обещал не держать в неволе русских подданных, отвечать за их личную и имущественную безопасность, не давать убежища "беглецам и мятежникам".

По существу, "обязательный акт", принятый Хивой в 1842 г., был первым и единственным полностью оформленным договором между Российской империей и среднеазиатскими государствами, в данном случае с Хивинским ханством, за все время их взаимоотношений. Русско-хивинские отношения после принятия этого акта серьезно улучшились. Почти на протяжении четверти века не возникало острых враждебных коллизий.

Взаимоотношения между Российской империей и Кокандским ханством, в которых обе стороны проявляли заинтересованность, вначале носили мирный дружественный характер, который постепенно — к 50-60-м гг. XIX в. — сменился враждебностью, так как именно это ханство стало первым объектом захватнических военных операций царизма.

Внимательное изучение всех изложенных здесь фактов межгосударственных отношений России и среднеазиатских государств — Бухарского, Хивинского и Кокандского — на протяжении XVIII — первой половины XIX в. позволяет сделать следующие выводы по основному вопросу нашего исследования, а именно о роли посольских связей в развитии этих отношений.

При всем своеобразии российского исторического пути развития и несхожести его со среднеазиатским Россия в XVIII — первой половине XIX в., имела больше общего с Востоком, чем с Западом. Тенденция к сближению России, Бухарского и Хивинского ханств, в условиях роста энергии и целеустремленности европейского капиталистического мира, была обусловлена взаимной поддержкой торговых

отношений, расширением зон торговли и ассортимента товаров, созданием взаимовыгодной системы льгот и поощрений.

Торговые связи были важной частью забот дипломатов этих стран, хорошо понимающих, что торговля даже неравноправная, подчас неэквивалентная, сопровождаемая порой насилиями на торговых путях, является важным фактором мирного развития и сосуществования народов. Через посредство послов осуществлялась царская и ханская торговля товарами, почти не попадающими в частном торговом обороте и являющимися монополией казны. Последнее находит подтверждение в посольских письмах. Так, в письме хивинского посла Достек-Бахадура от мая 1700 г. дано перечисление заповедных в Средней Азии товаров, запрещенных к вывозу из нее в Московское государство. Вот этот интересный перечень: луки, шелк-сырец, бадахшанские рубины и ляпис-лазури. Соответственно существовал русский список таких же товаров: золото и серебро, железо и олово, оружие, соколы, кречеты и чеглики. Для покупки таких товаров допускались только послы и купцы, имеющие на то особые царские грамоты. Одним из видов общего товарооборота этих стран был обмен подарками, установившийся при всякой встрече представителей России и среднеазиатских государств. Как правило, это были наиболее ценные, редкие и дорогостоящие предметы, о чем свидетельствуют оценочные документы привезенных даров и отправка ответных подарков в строгом соответствии с присланными.

Посольские связи способствовали изменению положения частной торговли, общих ее условий, размеров и содержания. Учитывая факт преобладания в среднеазиатском импорте дешевых тканей, доступных менее обеспеченному, но зато более широкому кругу потребителей, дипломаты содействовали процессу расширения общей коммерческой предприимчивости. Вместе с тем в начале XIX в. Россия, в которой начала быстрыми темпами развиваться промышленность, во ввозе с Востока стала по преимуществу ценить промышленное сырье.

Для этого изменившегося характера торговли российские дипломаты в переговорах со среднеазиатскими коллега-

ми ставили вопросы пересмотра устаревающих методов торговли. Они подчеркивали, что России в качестве контрагентов нужны "коммерческие конторы" и "торговые дома" европейского типа, а вместо доставки весьма разнородного "индивидуального" товара нужны импортеры-оптовики, строго выполняющие определенные заказы. Но Бухара и Хива в изучаемый нами период не дали своего согласия на открытие постоянно действующих коммерческих представительств России в ханствах. Видимо, нам не надо забывать, что существование междоусобиц между ханствами оставалось если не непреодолимой, то, по крайней мере, очень серьезной преградой для начала какой-либо социально-экономической модернизации.

Насколько мы можем судить на основании архивных документов и опубликованных источников, из среднеазиатских государств в Россию было отправлено в XVIII — первой половине XIX в. 52 посольства. Из них 30 из Хивы, 14 из Бухары и 8 посольств из Коканда.

За это же время Российская империя обменивалась с ханствами 34 посольствами. Из них 5 посетило сразу оба ханства — Бухарское и Хивинское.

В общей сложности в изучаемый период действовало 86 посольств с обеих сторон. Многие из них практически оказались безрезультатными. Тем не менее, как свидетельствуют документы, они оставили обширный материал, касающийся намерений России и среднеазиатских ханств наладить экономические и политические отношения между собой и своими народами. Почти на всем протяжении XVIII — первой половины XIX в. российские власти не проявляли серьезных агрессивных намерений против среднеазиатских ханств. Они ограничивались преимущественно рассуждениями о том, что в Бухаре, Хиве и Коканде должно преобладать влияние России. Стремление расширить границы своего влияния наряду с интересами развивавшейся российской промышленности и торговли лежало в основе политики Петербурга в Бухаре, Хиве и Коканде и дипломатических отношений с ханствами Средней Азии.

Вместе с тем высокопоставленные круги Российской империи из военного и других ведомств постепенно гото-

вили почву для расширения военного давления на среднеазиатские ханства, дополняя ими дипломатическое воздействие. Многочисленные государственные и общественные деятели предлагали проекты широкой военной экспансии в Азии. Некоторые из них делали основной упор на вопрос о походе на Хивинское и Кокандское ханство, конфликтующих с Россией из-за казахских территорий, другие разрабатывали всевозможные наступательные планы и проекты завоевания, третьи запугивали общество активизацией действий британских конкурентов в Средней Азии. Все это сопровождалось широкой кампанией русской прессы за необходимость включения Средней Азии в состав Российской империи, осуществление которого было лишь отсрочено до подходящего момента, наступившего во второй половине XIX в.

ВВЕДЕНИЕ

1. Каримов И. А. Основные направления дальнейшего углубления демократических преобразований и формирования основ гражданского общества в Узбекистане. Доклад на IX сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан второго созыва, 29 августа 2002 г. // Собр. соч. Т. II. Ташкент, 2003. С. 13.

2. Перевод труда Е. К. Мейендорфа на русский язык был осуществлен в 1955 г. виднейшим знатоком историографии Средней Азии востоковедом Е. К. Бетгером. Этот перевод вышел в свет спустя 20 лет, в 1975 г. в Москве под редакцией Н. А. Халфина. См.: Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.

3. Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

4. "Журнал Министерства внутренних дел". СПб., 1844. Ч. 8, № 10, С. 3 — 60.

5. Мушкетов И. В. Туркестан. Т. I. Ч. 1. СПб., 1886, с. 99 — 100; Залесов Н. Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 г. // "Военный сборник", 1866, № 5. С. 54.

6. Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

7. Рычков П. И. История Оренбургская (1730 — 1750). Издание Оренбургского статистического комитета. Оренбург, 1896.

8. Попов А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. IX. СПб., 1853; Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений со Средней Азией до начала XIX в. // Альманах "Средняя Азия". Ташкент, 1895. С. 1 — 57.; Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915; Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877; Он же. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII — XVIII столетиях. СПб., 1884; Небольсин П. И. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). // Записки Императорского Русско-

го географического общества. Т. X. 1856; Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр хана (1748 — 1765). Соч. Т. 1, Уфа, 1853.

9. Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 153.

10. Веселовский Н. И. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII — XVIII столетиях. СПб., 1884. С. 2.

11. Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношении. СПб., 1900. С. 59.

12. Григорьев В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии. СПб., 1874. С. 7.

13. Попов А. Н. Указ. соч. С. 239.

14. Чулошников А. П. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI — XVII вв. // МИУТТ СССР. Ч.1. Л., 1932; Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1952; Юлдашев М. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI — XVII вв. Ташкент, 1964; Зияев Х. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI — XIX вв.) Ташкент, 1964; Он же. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI — XIX вв. Ташкент, 1983; Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965; Он же. Россия и ханства Средней Азии. М., 1974; Байкова Н. Б. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях. Ташкент, 1964.

15. Байкова Н. Б. Указ. соч. С. 10.

16. Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX вв. М., 1960; Рожкова М. Экономические связи России со Средней Азией. М., 1963; Михалева Г. Торговые посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (XVIII — первая половина XIX вв.) Ташкент, 1982; Она же. Узбекистан в XVIII — первой половине XIX в. Ремесло, торговля и пошлины. Ташкент, 1991.

17. Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. (Перевод, предисловие, примечания проф. А. А. Семенова). Ташкент, 1956; Мир-Мухаммад Амин-Бухари. Убайдулла-намэ. (Перевод, предисловие, примечания проф. А. А. Семенова). Ташкент, 1957; Абдурахман-и Тали. История Абулфейз-хана. (Перевод, предисловие, примечания проф. А. А. Семенова). Ташкент, 1959.

18. Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI — XVIII вв. (Письменные памятники). Ташкент, 1985; История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и ученых XVI — первой половины XIX вв. /Составитель Б. В. Лунин. Ташкент, 1988.

19. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI — XVII вв. //Труды Историко-археографического института и Института востоковедения АН СССР. Вып. 3. М. — Л. 1932.

20. Материалы по истории казахских ханств XV — XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С.К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969.

21. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. /Отв. редактор В. Ромодин. М., 1973.

22. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — XVIII вв. Документы и материалы. Кн.1. М., 1989.

Глава 1.

Истоки формирования дипломатических отношений Средней Азии и России

1. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.
2. Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 5 — 6.
3. Веселовский Н. Н. Татарское влияние на русский и посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911. В указ. соч. С. В. Жуковского, с. 6.
4. Бродель Ф. Структуры повседневности. М., 1986. С. 440.
5. Трепалов В. В. Восточные элементы российской государственности //Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. М., 1993, с. 45.
6. Там же. С. 46 — 47.
7. Бродель Ф. Структуры повседневности. М., 1986. С.440.
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 52.
9. Бродель Ф. Игры обмена. М., 1988. С. 162.
10. Еремеев Д. Ф., Мейер М. С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992. С. 150.

11. Путешествия русских послов XVI — XVII вв. Статейные списки/ Отв. редактор Д. С. Лихачев. М., 1954. С. 391.
12. Там же. С. 100 — 155.
13. Бродель Ф. Структуры повседневности. М., 1986. С. 111 — 112.
14. Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 638.
15. Бродель Ф. Указ. соч. С. 432 — 433.
16. Еремеев Д. Е., Мейер М. С. Указ. соч. С. 115.
17. Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1952.
18. Еремеев Д. Е. Мейер М. С. Указ. соч. С. 151 — 152.
19. Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 468.
20. Там же.
21. Еремеев Д. Е., Мейер М. С. Указ. соч., с. 134 — 137.
22. Садиков Н. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Т. 22. М., 1947. С. 134.
23. ЦГАДА. Крымская посольская книга. № 11, л. 178 — 275; № 13, л. 242 — 286; № 14, л. 1 — 22; л. 171 — 191.
24. Путешествия русских послов, С. 374.
25. Там же. С. 63 — 99.
26. История Узбекистана. Т. III. Ташкент, 1993. С. 78 — 79.
27. Путешествия русских послов..., с. 374.
28. Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 252.
29. Там же. С. 455.
30. Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI — XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932. С. 61 — 88.
31. Там же. С. 67.
32. Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 456.
33. Там же. С. 474 — 475.
34. Бартольд В. В. Соч. Т. IX. М., 1977. С. 295.
35. Магидович К. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. Т. II, М., 1983. С. 245 — 305.
36. Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI — XIX вв. Ташкент, 1983. С. 14 — 25.
37. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX. СПб., 1834. С. 374.
38. Зияев Х. З. Указ. соч. С. 23 — 24.

39. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Соч. Т. IX. М., 1977. С. 381.
40. "Книга Большому Чертежу". М. — Л., 1950.
41. Лурье С. В. Российская империя как этнокультурный феномен и ее геополитические доминанты //Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. I. М., 1993. С. 219.
42. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Соч. Т. III. СПб., 1863 — 1887. С. 218 — 219.
43. Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч. Т. III. М., 1988. С. 241 — 343.
44. Там же. С. 322 — 323.
45. Магидович К. П., Магидович В. И. Указ. соч. Т. III. С. 144.
46. Бродель Ф. Указ. соч. С. 474.
47. Бартольд В. В. Соч. Т. IX. М., 1977. С. 388.
48. Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. Соч. Т. XII. М., 1962. С. 160.
49. Соколов А. П. Русская морская библиотека //Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Т. X. СПб., 1852. С. 553.
50. Россия и Туркмения в XIX в./ Под редакцией Г. И. Карпова, А. Г. Соловьева, Д. Ф. Масловца. Ашхабад, 1946. С. 9.
51. Вопросы географии петровского времени. Л., 1975.
52. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1. Л., 1932. С. 255 — 257.
53. Там же. С. 258.
54. Там же. С. 256 — 267.
55. Княжецкая Е. А. Судьба одной карты. М., 1964, с. 68.
56. Берг Л. С. Первые русские карты Каспийского моря.//Известия АН СССР. Серия географическая и геофизическая. М., 1940. № 2. С. 160 — 165, 171.
57. Материалы по истории. С.. 269 — 270.
58. Там же. С. 269.
59. Там же. С. 272.
60. Московские ведомости. Апрель 1703.
61. Миллер Г. Ф. Известия о песочном золоте. СПб., 1760. С. 7, 32 — 33, 126 — 150.
62. Там же. С.. 9.

63. Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг, 1915. С. 47.
64. Международные отношения в Центральной Азии. XVII — XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1. М., 1989. С. 231 — 232.
65. Там же. С. 245 — 246.
66. Бартольд В. В. Соч. Т. IX. М., 1977. С. 397.
67. Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 2. СПб., 1885. С. 182 — 209.
68. Княжецкая Е. А. Судьба одной карты. М., 1964. С. 29.
69. Россия и Туркмения в XIX в. Доклад полковника генштаба Белинского военному министру об экономическом и торговом развитии в Средней Азии. Ашхабад, 1946. С. 7.
70. Бартольд В. В. Соч. Т. IX. М., 1977. С. 396.
71. Там же. С. 394.
72. Там же. С. 58.
73. Княжецкая Е. А. Указ. соч. С. 36 — 37.
74. Жуковский С. В. Указ. соч. С. 41 — 42.
75. Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Соч. Т. I, ч. 1. СПб., 1889. С. 7.
76. Путевой журнал Ивана Унковского за 1722 — 1724 гг. (под ред. Н. И. Веселовского). //Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. X. СПб., 1887.
77. Бартольд В. В. Указ. соч. С. 398.
78. Магидович К. П., Магидович В. И. Указ. соч. Т. III. С. 139.
79. Бодкарский М. С. Очерки по истории русского землевладения. Т. I. М., 1947. С. 105 — 106.
80. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. С. 17.
81. Бушев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. М., 1955. С. 10.
82. Бартольд В. В. Указ. соч.. С. 404 — 407.
83. Там же. С. 406.
84. Письмо К. В. Нессельроде от 27 сентября 1819 г. А. П. Ермолову//АВПР. СПб. Гл. архив, П. — 18, оп. 62, 1819 — I, л. 9 — 10.

Глава 2.

Общеполитическая и социально-экономическая ситуация в России и среднеазиатских ханствах

1. Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947. С. 431, 436, 460.

2. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 3. М., 1967. С. 196, 422.
3. Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI — XIX вв. Ташкент. 1983. С. 13.
4. Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX вв. М., 1960. С. 219.
5. Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947. С. 77.
6. АВПР. Ф. "Сношения России с Бухарой", 1773, оп. 109/11, д. 6, л. 2.
7. История СССР XIX — XX вв. М., 1981. С. 20.
8. Там же. С. 21.
9. Зияев Х. З. Указ. соч.. С. 4.
10. Там же. С. 118.
11. Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI — XVII вв. Л., 1932. С. 400 — 417.
12. Арапов Д. Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М., 1981. С. 15.
13. Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI — XVIII вв. Ташкент, 1964. С. 45 — 51.
14. Чулошников А. Указ. соч. С. 85.
15. Курц Б. Г. Состояние России в 1650 — 1655 гг. по донесениям Родеса. Чтения в Московском обществе истории и древности России. Кн. 2. М., 1915. С. 227.
16. Зияев Х. З. К истории экономических связей Узбекистана с Россией через Сибирь //Известия АН УзССР. СОН. 1957, № 3. С. 11.
17. Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI — XVIII вв. Алма-Ата, 1971. С. 73.
18. Михалева Г. А. Сеитовский посад Оренбурга и его роль в развитии русско-среднеазиатской торговли. //Общественные науки в Узбекистане. 1980, № 12. С. 39 — 42.
19. Байкова Н. Б. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях. Ташкент, 1964. С. 179.
20. Михалева Г. А. Узбекистан в XVIII — первой половине XIX в. Ремесло, торговля и пошлины. Ташкент, 1991. С. 85.
21. Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960. С. 288 — 289.

22. Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI — XIX вв. Ташкент, 1983. С. 89.
23. Аполлова Н. Г. Указ. соч. С. 297.
24. Волков М. Я. Таможенная реформа 1753 — 1757 гг. // Историографические записки, № 71. М., 1962. С. 154.
25. Михалева Г. А. Указ. соч., С. 51.
26. Аполлова Н. Г. Указ. соч. С. 313.
27. Михалева Г. А. Указ. соч. С. 53.
28. Бунаков Е. В. К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. М. — Л., 1941, № 2. С. 8.
29. АВПР. Фонд "Сношения России с Бухарой". 1752, оп. 109/1, д. 1, л. 106.
30. Там же, л. 2.
31. Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. М., 1974. С. 17, 25.
32. Протопопов А. С., Козьменко В. М., Елманова Н. С. История международных отношений и внешней политики России. 1648 — 2000. М., 2003. С. 70 — 72.
33. Там же. С. 75.
34. История России. Россия в мировой цивилизации. М., 2001. С. 148 — 149.
35. Протопопов А. С., Козьменко В. М., Елманова Н. С. Указ. соч. С. 62.
36. Там же. С. 88 — 89, 92.
37. Батраков В. С. К вопросу о торговых связях казахов со Средней Азией и Россией в XVIII в. // Материалы по истории Средней Азии. Ташкент, 1966. С. 14.
38. Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент, 1976. С. 37.
39. Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI — XVII вв. Ташкент, 1964, с. 12 — 13.
40. Мукминова Р. Г. Указ. соч. С. 45 — 70.
41. Якубовский А. Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X — XV вв. МИУТТ. Л., 1932. С. 5.
42. Мукминова Р. Г. Указ. соч. С. 77.
43. Небольсин П. Н. Очерки торговли России с Средней Азией. СПб., 1855. С. 310.

44. Иванов П. П. К истории развития горного промысла Средней Азии. М. — Л., 1932. С. 39.
45. История Узбекской ССР (с древнейших времен до середины XIX в.) Т. I. Ташкент, 1967. С. 623.
46. Батраков В. С. Указ. соч. С. 20.
47. Юхт А. И. Русско-индийская торговля в XVII — XVIII вв. и участие в ней индийского купечества //История СССР. 1978, № 6. С. 56.
48. Арапов Д. Ю. Указ. соч.. С. 17 — 18.
49. Небольсин П. И. Указ. соч. С. 1.
50. Чехович О. Д. К истории Узбекистана в XVIII в. //Труды Института востоковедения. Вып. III, Ташкент, 1954. С. 3.
51. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч. Т. 2, ч. 1. М. С. 272.
52. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 71.
53. Чехович О. Д. Указ. соч., с. 44, 57; Она же. К проблеме земельной собственности в феодальной Средней Азии. //Общественные науки в Узбекистане. 1976, № 11. С. 36.
54. Чехович О. Д. К истории Узбекистана в XVIII в. //Труды Института востоковедения. Вып. III. Ташкент, 1954. С. 46.
55. Мир Мухаммед Амин Бухари. Убайдулла-намэ (Перевод, предисловие, примечания проф. А. А. Семенова). Ташкент, 1957. С. 203.
56. Чехович О. Д. Указ. соч.. С. 50.
57. Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа. ЗИРГО. Т.IV. СПб., 1874. С. 306.
58. Чехович О. Д. Указ. соч. С. 51, 53.
59. История Узбекской ССР. Т. I. Ташкент, 1967. С. 626.
60. Михалева Г. А. О роли Оренбурга в развитии торговых связей России со среднеазиатскими ханствами (вторая половина XVIII — начало XIX в.) //ОНУ, 1977, № 8. С. 41.
61. Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958. С. 134.
62. Там же. С. 134.
63. Там же. С. 135, 136.
64. Иванов П. П. Указ. соч. С. 136.
65. Там же. С. 138.

66. Там же. С. 140.
67. Там же. С. 143, 144.
68. История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968. С. 109.
69. Там же.
70. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865. С. 170.
71. Рукавкин Д. Московский любопытный месящеслов на 1776 год. С. 210, 380. См. также Михалева Г.А. Указ. соч., с.30.
72. Рычков П. И. История Оренбургская (1730 — 1750). Издание Оренбургского статистического комитета. Оренбург, 1896. С. 59.
73. Михалева Г. А. Указ. соч.. С. 31.
74. Там же. С. 44, 45.
75. Там же. С. 47, 48.
76. Иванов П. П. Указ. соч. С. 98.
77. Там же. С. 100.
78. Там же. С. 101, 150.
79. Там же. С. 157.
80. Там же. С. 158.
81. Там же. С. 160 — 161.
82. Там же. С. 162.
83. Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства //Записки ИРГО. Кн.V. СПб., 1851. С. 62 — 159.
84. Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870. С. 16.
85. Иванов П. П. Указ. соч. С. 164, 165.
86. Там же. С. 169.
87. Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (Первая половина XIX в.). М., 1974. С. 281, 282.
88. Там же. С. 285.
89. Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии. К.Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. С. 616.
90. Казахско-русские отношения в XVIII — XIX вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964. С. 366.
91. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 357.
92. Иванов П. П. Указ. соч. С. 185.
93. Там же. С. 186.
94. Там же. С. 195.
95. Соколов Ю. А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. С. 32.
96. Иванов П. П. Указ. соч. С. 200.

97. Там же. С. 210.
98. Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 189.
99. Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства. Ташкент, 1973. С. 59.
100. Там же 60.
101. Там же.
102. Там же. С. 60 — 61.

Глава 3.

Развитие посольских связей между Россией и Бухарским ханством

1. Остроумов Н. П. Бухарские и хивинские посольства в России //Туркестанский сборник. Т. 436. 1907. С. 67.
2. ЦГАДА, ф. 109, 1718 — 1. Сношения России с Бухарой, л. 20.
3. Сборник Хилкова. СПб., 1879. С. 462 — 463.
4. Остроумов Н. П. Указ. соч. С. 68.
5. ЦГАДА, ф. 109, 1718 — 1. Сношения России с Бухарой, л. 28 — 28 об.
6. Григорьев В. В. Русская политика в отношении Средней Азии. СПб., 1874, с. 7.
7. ЦГАДА, ф. 109, 1718 — 1. Сношения России с Бухарой, л. 23 — 24.
8. Топчи-баши являлся комендантом цитадели столицы Бухарского ханства.
9. ЦГАДА, ф. 109, 1718 — 1. Сношения России с Бухарой, л. 26.
10. Там же, л. 101.
11. К примеру, такие привилегии были предоставлены в XVII в. иранским купцам, приезжавшим в Россию. См. Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств. М., 1976. С. 438.
12. ЦГАДА, ф. 109, 1718 — 1. Сношения России с Бухарой, л. 102 об.
13. Там же, л. 51.
14. Там же, л. 55.
15. Там же, л. 40, 41, 41 об.
16. История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1947, с. 555.

17. ЦГАДА, ф. 109, 1718 — 1. Сношения России с Бухарой, л. 42.
18. Там же, л. 39 об.
19. Там же, л. 84 об.
20. Там же, л. 67.
21. История дипломатии. Т. I. М., 1941, с. 241 — 245.
22. ЦГАДА, ф. 109, 1718 — 1. Сношения России с Бухарой, л. 39, л. 86.
23. Там же, л. 108 об.
24. Там же, л. 14.
25. Там же, л. 2.
26. Попов А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом //Записки ИРГО. Кн. IX. 1853, с. 272.
27. ЦГАДА, ф. 109, 1718 — 2. Сношения России с Бухарой, л. 9 — 9 об.
28. Там же, л. 14 — 17 об., 34.
29. Там же, л. 4 об.
30. Там же, л. 14 — 17 об.
31. История дипломатии. Т. I. М., 1941, с. 273.
32. Там же. С. 277.
33. Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715 — 1718 гг. М., 1978. С. 24 — 28.
34. ЦГАДА, ф. 109, 1718 — 2. Сношения России с Бухарой, л. 35.
35. Попов А. Н. Указ. соч.. С. 338 — 424.
36. Там же. С. 341.
37. Там же. С. 342 — 343.
38. Бушев П. П. Указ. соч. С. 24 — 28.
39. Реляции Ф. Беневени //Попов А. Н. Указ. соч. С. 348.
40. Там же. С. 348.
41. Бушев П. П. Указ. соч. С. 53.
42. Реляции Флорио Беневени //Попов А. Н. Указ. соч. С. 342, 346.
43. Там же. С. 278.
44. Ихтимат-Девлят — канцлер, или первый министр шаха.
45. Реляции Флорио Беневени //Попов А. Н. Указ. соч. С. 361.
46. Там же. С. 364.
47. Там же. С. 364 — 365.
48. Там же.
49. Бушев П. П. Указ. соч. С. 156.
50. Реляции Флорио Беневени. С. 365.
51. Там же. С. 366.

52. Там же. С. 367.
53. Там же. С. 369.
54. Попов А. Н. Указ. соч., С. 291.
55. Реляции Флорио Беневени. С. 370.
56. История Узбекской ССР с древнейших времен до середины XIX в. Ташкент, 1967. С. 562.
57. Тали А. История Абулфейз-хана. Ташкент, 1959.
58. Там же. С. 39.
59. Там же. С. 44.
60. История Узбекской ССР. Т. I. С. 370.
61. Реляции Флорио Беневени. С. 370, 374.
62. Попов А. Н. Указ. соч. С. 295 — 296.
63. Реляции Флорио Беневени. С. 373.
64. Тали А. История Абулфейз-хана. Ташкент, 1959. С. 51, 70, 86.
65. Реляции Флорио Беневени. С. 372 — 373.
66. Там же. С. 373.
67. Там же. С. 384, 372.
68. Там же. С. 373, 375.
69. Там же. С. 374, 395.
70. Там же. С. 383.
71. Тали А. История Абулфейз-хана. Ташкент, 1959. С. 73.
72. Там же. С. 76.
73. Реляции Флорио Беневени. С. 383.
74. Там же. С. 390.
75. Тали А. Указ. соч. С. 95.
76. Там же. С. 76.
77. Реляции Флорио Беневени. С. 394.
78. Тали А. Указ. соч. С. 94.
79. Реляции Флорио Беневени. С. 394.
80. Тали А. Указ. соч. С. 66.
81. Реляции Флорио Беневени. С. 371.
82. Там же. С. 373, 384.
83. Там же. С. 382.
84. Там же. С. 381, 382.
85. Там же. С. 375.
86. Там же. С. 379.
87. Там же. С. 380, 381.
88. Очерки по истории Средней Азии. М., 1956. С. 76.
89. Реляции Флорио Беневени. С. 376.

90. Там же. С. 388.
91. Там же. С. 375, 376.
92. Там же. С. 376, 377, 380.
93. Княжецкая Е. А. Судьба одной карты. М., 1964. С. 32.
94. Там же. С. 29, 30.
95. Реляции Флорио Беневени. С. 386, 378 — 379.
96. Река Кокча — одна из главных водных артерий Бадахшана, золотonosная на всем протяжении. См.: Семенов А. А. Примечания к кн. "Мукимханская история", Ташкент, 1956. С. 159.
97. Реляции Флорио Беневени. С. 377 — 383, 386, 378.
98. Там же. С. 388, 389.
99. Попов А. Н. Указ. соч. С. 304.
100. Похлебкин В. В. Национальные кухни народов СССР. М., 1979. С. 199.
101. Реляции Флорио Беневени. С. 378.
102. Попов А. Н. Указ. соч.. С. 298.
103. Реляции Флорио Беневени. С. 390.
104. Там же. С. 380.
105. Там же. С. 391 — 395.
106. Абдураимов М. "Тарихи-Абулфейз-хан" Абдурахмана Даулата и реляции Флорио Беневени как источники по истории Бухарского ханства // Известия АН УзССР, СОН. 1956, № 6: Он же. "Тарихи-Абулфейз-хан" Абдурахмана Даулата как источник о политическом и экономическом упадке бухарского ханства в первой половине XVIII в. // Известия АН УзССР, СОН. 1957, № 3.
107. Так, в зашифрованной реляции от марта 1722 г. он писал Петру I, что не может дать достоверных сведений о политике на реке Амударье, так как не имеет для этого инженера.
108. Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг, 1915. С. 64.
109. Реляции Ф. Беневени. С. 366.
110. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 615.
111. Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. Соч. Т. XII. М., 1962. С. 188 — 196.
112. Петров Г. Развитие русско-иранских отношений в XVIII в. // Советское востоковедение. Т IV. М. — Л., 1949. С. 327 — 331.
113. Тарле Е. В. Указ. соч. С. 188.

114. Пулатов Ю. Русско-среднеазиатские отношения конца XVII — первой четверти XVIII в. Ташкент. 1968. С. 26.
115. Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963.
116. Тарле Е. В. Указ. соч. С. 189.
117. Бартольд В. В. Указ. соч. С. 762.
118. Могулов. Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в Великую Татарию экспедиции под именем посольства. СПб., 1777. С. 26.
119. Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI — XVIII вв. Алма-Ата, 1971. С. 73.
120. Матвиевский П. Е. О роли Оренбурга в русско-индийской торговле в XVIII в. // История СССР. М., 1969, № 3.
121. АВПР, ф. Сношения России с Бухарой. 1754, оп. 109/1, д. 1, л. 2.
122. ГАОО. Оренбургская губернская канцелярия, ф. 3, оп. 1, д. 67, л. 57.
123. Там же, л. 60.
124. АВПР, ф. Сношения России с Бухарой. 1762, оп. 109/1, д. 2, л. 4.
125. Там же, л. 98.
126. Яковлев. Мулла Ирназар Максютлов, посланник бухарский // Сибирский вестник. Ч. I. 1824. С. 7 — 9.
127. АВПР, ф. Сношения России с Бухарой. 1774 — 1777, оп. 109/11, д. 1, л. 23.
128. Там же, л. 19.
129. Там же, л. 36.
130. Там же, л. 50.
131. Там же, л. 47 — 57.
132. Там же, л. 21 — 23.
133. Там же, л. 54, 79.
134. Там же, л. 40 об.
135. Там же, л. 41.
136. Там же, д. 2, л. 31; д. 3, л. 81 — 95.
137. Там же, д. 2, л. 32.
138. Жуковский С. В. Указ. соч. С. 88.
139. АВПР, ф. Сношения России с Бухарой. 1774 — 1777, оп. 109/11, д. 2, л. 23 — 24.
140. Там же, д. 1, л. 40.

141. Там же, л. 39 — 40 об.; д. 2, л. 1 — 4 об.; д. 1, л. 42 — 51.
142. Там же, д. 4, л. 57 — 58; д. 2, л. 38.
143. Там же, л. 36.
144. Там же, л. 42 об., 43.
145. Там же, д. 5, л. 1; д. 3, л. 132 — 133.
146. Там же, д. 4, л. 132.
147. История Бухары с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976. С. 151.
148. Жуковский С. В. Указ. соч. С. 88 — 89; Яковлев. Указ соч., с. 7.
149. АВПР, ф. Сношения России с Бухарой. 1774 — 1777, оп. 109/11, д. 2, л. 31.
150. Там же, д. 3, л. 132.
151. Там же, д. 1, л. 1, 2 — 3.
152. Там же, л. 4.
153. Там же, л. 13.
154. Там же, д. 2, л. 1, 10.
155. Там же, д. 2, л. 3 — 4, 5 — 6.
156. Там же, л. 7.
157. Там же, л. 18.
158. Там же, л. 19, 28.
159. Там же, л. 16.
160. Там же, л. 29 — 30.
161. Зияев Х. XVIII асрда Урта Осиё ва Урал буйлари. Тошкент, 1973.
162. Жуковский С. В. Указ. соч.. С. 88 — 89.
163. АВПР, ф. Сношения России с Бухарой. 1781, оп. 109/11, 10, л. 20.
164. Там же, 1779 — 1780, оп. 109/11, д. 1, л. 14 — 16.
165. Матвиевский П. Е. Указ. соч., с. 109.
166. АВПР, ф. Сношения России с Бухарой. 1790, оп. 109/11, д. 1, л. 1.
167. Там же, д. 2, л. 1, 4.
168. Там же, л. 5 — 5 об.
169. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч. Т. 2. Ч. I. М., 1969. С. 281.
170. Сайкс П. История Персии. М., 1939. С. 4.
171. АВПР, ф. Сношения России с Бухарой. Оп. 109/11, д. 2, л. 5 об. — 6.
172. Там же, л. 10.

173. В Бухаре термином "курчи" обозначались военные, которые занимались охраной пороха, патронов и прочих принадлежностей огневой стрельбы.

174. АВПР, ф. Сношения России с Бухарой. Оп. 109/11, д. 2, л. 17 об. — 18.

175. Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. М., 1974. С. 79.

176. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 8, оп. 7, 1802 — 4, л. 3.

177. Там же, л. 139 — 144.

178. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 81.

179. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 8, 1803 — 3, л. 191 — 194.

180. Там же, л. 287 — 290.

181. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 83.

182. Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 96.

183. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 7, оп. 6. 1802 — 2, л. 380.

184. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 87.

185. Там же. С. 88.

186. Там же. С. 91.

187. АВПР, ф. Сношения России с Бухарой. 1808 г., оп. 1091, л. 1 — 6.

188. Там же, л. 2 — 3.

189. Исторический вестник, 1884, июль. С. 154 — 155.

190. "Министерство финансов. 1802 — 1902." Часть I. СПб., 1902. С. 135.

191. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 99.

192. Там же.

193. Семенов А. А. К истории дипломатических сношений между Россией и Бухарой в начале XIX в. // Известия АН УзССР. Ташкент, 1951, № 1.

194. Там же. С. 88 — 89.

195. Там же.

196. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 102.

197. АВПР. Азиатский департамент, оп. 729, 1782 — 1805, д. 211, л. 46 — 91.

198. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 156 — 160.

199. Там же. С. 156 — 157, 158.

200. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 8, оп. 7. 1818 — 1, л. 373 — 376.

201. Там же.

202. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 7, оп.6, 1820 — 1, папка 2, л. 2.
203. Там же, л. 9 — 12.
204. Халфин Н.А. Указ. соч.. С. 161.
205. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 7, оп. 6, 1820 — 1, папка 13, л. 23, 34, 11 — 15.
206. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 35 — 43.
207. Там же. С. 168 — 169.
208. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 1, оп. 781, л. 490, л. 158 — 159: Журнал Азиатского комитета от 15 января 1826 г.
209. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 203.
210. Там же.
211. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 1, оп. 781, л. 491, л. 202 — 203. Журнал Азиатского комитета от 12 октября 1830 г.
212. Там же, 1 — 8, 1830 — 1, л. 352 — 375.
213. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 216.
214. Там же.
215. АВПР, СПб. Главный архив, 11 — 3, оп. 34, 1833 — 6, л. 1 — 2.
216. Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой. С.109.
217. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 6, 1836 — 1, л. 70.
218. Там же, л. 207 — 209.
219. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 259.
220. Там же.
221. Посланник Российской империи в Тегеране.
222. АВПР, СПб. главный архив, 1 — 6, 1837 — 1, л. 14 — 16.
223. Халфин Н.А. Указ. соч. С. 261.
224. Жуковский С. В. Указ. соч. С. 121 — 122.
225. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 6, 1840 — 2, л. 21.
226. Там же, л. 3.
227. Халфин Н.А. Указ. соч. С.280.
228. Там же. С. 281.
229. Там же. С. 296.
230. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 5, 1842 — 2, папка 1, л. 37 — 60. Инструкция Бутеневу, утвержденная царем 6 марта 1841 г.
231. Там же, л. 221 — 231.

232. Там же, 1 — 5, 1840 — 3, л. 252 — 253. Н. В. Ханыков — Г.Ф. Генсу от 14/26 апреля 1842 г. на пути из Бухары в Оренбург; Халфин Н. А. Указ. соч. С. 304.

233. Там же, л. 15 — 16. Нессельроде — Обручеву от 7 августа 1842 г.; Халфин Н. А. Указ. соч. С.307.

234. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 6, 1848 — 1, л. 42 — 43.

235. Там же, л. 87 — 89.

236. Там же.

237. Там же, л. 96 — 102.

238. Мир Ахмад Мирза — впоследствии известный ученый Ахмад Дониш.

239. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 370.

240. Игнатьев Н. П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. СПб., 1897. С. 213.

241. АВПР, СПб., Главный архив, 1 — 6, 1858, л. 2, 109.

242. Там же, л. 101 — 104.

Глава 4.

Дипломатические связи России и Хивинского ханства

1. АВПР, СПб. Главный архив, 11 — 9, оп. 46, 1805 — 2, л. 1 — 2.

2. "Журнал Министерства народного просвещения". СПб., 1884, № 7.

3. Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870. С. 90.

4. Жуковский С. В. Указ. соч. С. 43.

5. Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. С. 126.

6. Там же. С. 161 — 163.

7. Жуковский С. В. Указ. соч. С. 66.

8. Там же. С. 68 — 69.

9. Там же.

10. Наши соседи в Средней Азии. Хива и Туркмения. СПб., 1873. С.69.

11. Веселовский Н. И. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII — XVIII столетиях. СПб., 1884. С. 9 — 15 //

"Журнал Министерства народного просвещения" 1884, № 7. С. 30, 31.

12. Там же. С. 9 — 15.

13. История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и ученых XVI — первой половины XIX в. /Составитель Б. В. Лунин. Ташкент, 1988. С. 100.

14. Там же.

15. Жуковский С. В. Указ. соч. С. 80 — 81.

16. Веселовский Н. И. Указ. соч. С. 20, 37.

17. Рычков П. И. История Оренбургская. Оренбург, 1759. С. 322.

18. Жуковский С. В. Указ. соч. С. 84.

19. История Узбекистана в источниках./Сост. Б. В. Лунин. С. 109.

20. Там же. С. 112 — 113.

21. Там же. С. 115.

22. Жуковский С. В. Указ. соч. С.86.

23. Там же. С. 87, 91.

24. Там же. С. 92.

25. Григорьев В. В. Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793 — 1794 гг.//Вестник ИРГО, 1858. Ч. 22. С. 91, 90.

26. Жуковский С. В. Указ. соч. С. 95.

27. "Министерство финансов 1802 — 1902 ". Часть I. СПб., 1902. С.148.

28. Там же. С. 148 — 149.

29. Там же. С. 152.

30. Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. М., 1974. С. 37.

31. Там же. С. 45.

32. Там же. С. 105 — 106, 107.

33. Там же. С. 109.

34. "Русский архив". Т. 3, 1886. С. 488.

35. Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. М., 1822. С. 133 — 134.

36. Русско-туркменские отношения в XVIII — XIX вв.// Сборник архивных документов. Ашхабад, 1963. С. 210 — 211.

37. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 13, 1817 — 3, л. 97 — 100.

38. Н. Н. Муравьева сопровождали хивинские посланцы Юз Баши, Иш-Назар и Якуб Бай при небольшом торговом караване. См.: Жуковский С. В. Указ. соч. С. 100.

39. Халфин Н. А. Указ. соч. С.100.

40. Жуковский С. В. Указ. соч. С. 101.
41. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 144.
42. Там же. С. 147 — 148.
43. АВПР, СПб. Главный архив, 11 — 25, 1822 — 1, л. 1 — 6.
44. Там же, 11 — 3, оп. 34, 1823 — 3, л. 206 — 216.
45. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 200.
46. Там же. С. 211 — 212.
47. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края, составленный А. Г. Серебренниковым. Т. I. Ташкент, 1908. С. 24 — 28.
48. Там же. С. 28 — 29.
49. Залесов Н. Поход в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военный сборник. Кн. II. СПб., 1861. С. 45.
50. Жуковский С. В. Указ. соч.. С. 112.
51. Сборник материалов для истории завоевания. С. 148 — 150.
52. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 277 — 278.
53. Залесов Н. Указ. соч. С. 46.
54. Жуковский С. В. Указ. соч. С. 120 — 121.
55. Халфин Н. А. Указ. соч.. С. 289.
56. Там же.
57. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края, 1841 г. Т. III. Ташкент, 1912. С. 1 — 24.
58. Там же. С. 10 — 24, 25 — 26.
59. Там же. С. 130.
60. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. IV. Ташкент, 1914. С. 3.
61. Там же. С. 20 — 21.
62. Там же. С. 40 — 42.
63. Там же. С. 50 — 51.
64. Там же. С. 106 — 107.
65. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 323.
66. Жуковский С. В. Указ. соч. С. 139 — 140.
67. Залесов Н. Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 г. // "Военный сборник", 1866, № 5. С. 54.
68. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 326.
69. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 6, 1846 — 2, л. 108 — 109.
70. Там же, л. 106 — 109.
71. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 356, 358.

72. АВПР. СПб. Главный архив, 1 — 6, 1857 — 1, л. 89, 150.

73. Игнатъев Н. П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. СПб., 1897, с. 211, 213 — 214, 249, 274.

Глава 5.

Межгосударственные контакты России с Ташкентом и Кокандом в последней четверти XVIII — первой половине XIX в.

1. Соколов Ю. А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. С. 29.

2. Там же. С. 30.

3. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // Вестник ИРГО. Отд. VI. Кн. 1. СПб., 1851. С. 1 — 56.

4. Соколов Ю. А. Указ. соч. С. 64.

5. Там же. С. 65.

6. АВПР. ф. Ташкентские дела. 1797 — 1798, оп. 111/1, д. 2, л. 1.

7. Там же, л. 2.

8. Там же. /Перевод письма Юнуса-Ходжи Павлу I от 2 июня 1797 г.

9. АВПР, Ташкентские дела, д. 6, л. 1 — 2 /Перевод письма Мулладжана Махсума от 29 ноября 1797 г.

10. Там же, д. 3, л. 18.

11. Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии — первая половина XIX в. М., 1974. С. 50.

12. АВПР, ф. Ташкентские дела. 1797 — 1798, оп. 111/1, д. 2, л. 9 — 14.

13. Там же, д. 3, л. 10 — 15.

14. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // Вестник ИРГО. Отд. VI. Кн. I. СПб., 1851, с. 26 — 36.

15. Там же.

16. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 51.

17. Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с середины XVIII столетия по 1858 г. СПб., 1876. С. 16, 28, 35.

18. Там же.

19. Михалева Г. А. Узбекистан в XVIII — первой половине XIX в. Ремесло, торговля и пошлины. /Под редакцией академика Г. Пугаченковой. Ташкент, 1991. С. 31.

20. Назаров Филипп. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968, с. 46 — 51, 62, 75.
21. Там же.
22. Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI — XIX вв. Ташкент, 1983. С. 101 — 102.
23. АВПР, СПб. Главный архив, 11 — 3, оп. 34, 1811 — 2, л. 6.
24. Зияев Х.З. Указ. соч. С. 102.
25. Назаров Филипп. Указ. соч. С. 38 — 39, 59.
26. АВПР, СПб., Главный архив, 11 — 27, оп. 72, 1827 — 2, л. 1 — 2.
27. Записки о Кокандском ханстве, хорунжего Потанина (1830 г.) // "Вестник Русского географического общества за 1856 г.", кн. VI. СПб., 1857. С. 256.
28. Халфин Н. А. Указ. соч. С. 235.
29. Там же. С. 334 — 335.
30. Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства (Феодалное хозяйство Худояр-хана). Ташкент, 1973. С. 30.
31. Там же. С. 30.
32. Там же. С. 31.
33. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 6, 1844 — 1, л. 6 — 9.
34. Набиев Р. Н. Указ. соч. С. 33.
35. Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 163.
36. Набиев Р. Указ. соч. С. 39.
37. Там же. С. 40.
38. Там же.
39. Там же. С. 41.
40. Там же. С. 44.
41. АВПР, СПб. Главный архив, 1 — 6, 1847 — 1, л. 12 — 14. Ханская грамота (октябрь 1847 г.).
42. Там же.
43. Там же.
44. Набиев Р. Н. Указ. соч., с.50.
45. Там же.
46. Там же. С. 51.
47. Там же. С. 51 — 52.
48. Там же. С. 57.
49. ЦГА РУз., ф. И — 715, оп.1, д. 27, л. 180 — 181.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Средняя Азия и Россия: уроки истории	3
Введение	7
<i>Глава 1.</i> Истоки формирования дипломатических отношений Средней Азии и России	20
<i>Глава 2.</i> Общеполитическая и социально-экономическая ситуация в России и среднеазиатских ханствах в XVIII — первой половине XIX в.	69
<i>Глава 3.</i> Развитие посольских связей между Россией и Бухарским ханством	123
<i>Глава 4.</i> Дипломатические связи России и Хивинского ханства	219
<i>Глава 5.</i> Межгосударственные контакты России с Ташкентом и Кокандом в последней четверти XVIII — первой половине XIX в.	262
Заключение	295
Примечания	311

ГУЛОМОВ ХОНДАМИРМИРЗА ГАФУРОВИЧ

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ С РОССИЕЙ
В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века**

Редакторы *А. Вильчинская, Б. Голендер*

Техн. редактор *Т. Смирнова*

Компьютерная верстка *Л. Абкеримова*

Подписано в печать 20.06.2005. Формат 60х90^{1/16}. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. п.л. 21,0. Уч.-изд. л. 23,0. Тираж 1000.

Дог. № М-71. Заказ № 265.

Издательство «Фан» АН РУз.

700047, Ташкент, ул. академика Я. Гулямова, 70.

Типография ЧФ «НИСИМ».

Ташкент, проспект Ш.Рашидова, 71 а.